Г. В. Плехановъ

Годъ на Родинѣ

Полное собраніе статей и рѣчей 1917 — 1918 г.
въ двухъ томахъ

II. 87.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

J. POVOLOZKY & Cie, EDITEURS,
13, rue Bonaparte, Paris (VIe)

„Дом Плеханова"
РБ 2316

П 3
Г-59-1

Г. В. Плехановъ

Годъ на Родинѣ

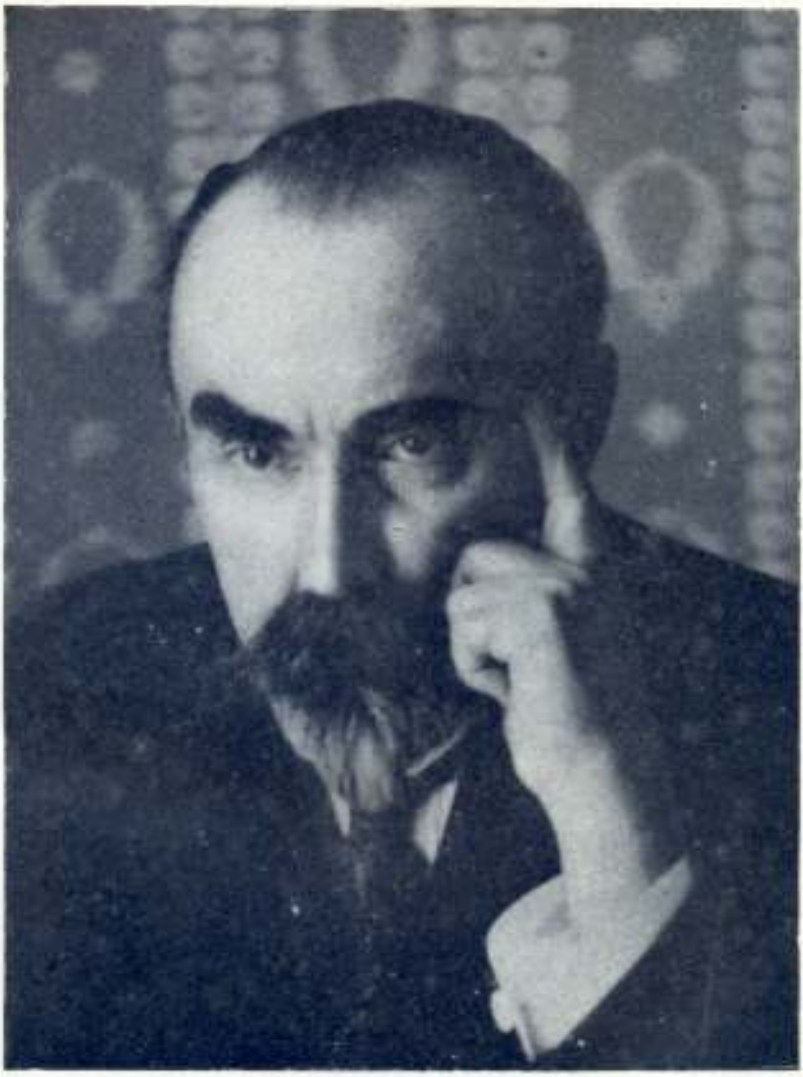
Полное собраніе статей и рѣчей 1917 — 1918 г.
въ двухъ томахъ

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

J. POVOLOZKY & Cie, EDITEURS,
13, rue Bonaparte, Paris (VIe)

IMP. « UNION », 46, Bd St-Jacques, Paris

Copyright by Mme R. Plekhanov, Paris, 1921
Tous droits réservés.



ОНЪ УМЕРЪ-ОНЪ ЖИВЕТ!
БЮРО УПОЛНОМОЧЕННЫХЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВ
ГОРОДА МОСКВЫ

Г. В. Плехановъ

1857 — 1918

(Біографическій очеркъ)

На извѣстной картинѣ А. Наумова, « Бѣлинскій передъ смертью », изображенъ тотъ моментъ въ жизни геніальнаго критика, когда къ нему, прикованному тяжкой болѣзнью къ постели, явился жандармъ съ приглашеніемъ въ Третье Отдѣленіе « для объясненій ». Несмотря на художественныя недостатки этой картины, она глубоко потрясала зрителей трагической правдой своего содержанія.

Не знаемъ, найдется ли когда нибудь художникъ, который изобразитъ драматическій эпизодъ, совершившійся передъ смертью другого великаго, и чрезвычайно родственнаго Бѣлинскому, русскаго писателя, — Георгія Валентиновича Плеханова, — но если бы такой художникъ нашелся, если бы онъ избралъ сюжетомъ своей картины тотъ грубый обыскъ, который былъ произведенъ у Плеханова группой большевиковъ, состоящей изъ рабочихъ, красно-гвардейцевъ и матросовъ, то его картина, даже при художественныхъ недостаткахъ, ударила бы по сердцамъ зрителей еще сильнѣе, чѣмъ картина Наумова, ибо трагизмъ ея содержанія былъ бы еще болѣе глубокъ и сложенъ.

Жандармъ, потревожившій смертельно-больного Бѣлинскаго, былъ вѣстникомъ того міра, съ которымъ Бѣлинскій велъ упорную, безпощадную войну. И если жестока здѣсь коллизія, — она все же проста и естественна. А къ Плеханову съ обыскомъ и угрозами явились люди, на служеніе которымъ онъ отдалъ всю свою жизнь и побѣды которыхъ, по его собственнымъ словамъ, «ждалъ такъ, какъ вѣрующіе евреи ждутъ Мессію ».

Г. В. Плехановъ прекрасно выразилъ свое отношеніе къ такимъ отсталымъ элементамъ народной массы въ репликѣ на грубое письмо одного матроса, по имени Кокотько. — « Много, писалъ Плехановъ, — такихъ *слѣпыхъ* на Руси, и много вреда успѣютъ они принести ей, — т. е., русскому народу, т. е., значитъ,

самимъ себѣ, — прежде нежели прозрѣютъ и откажутся итти на поводу у нынѣшнихъ своихъ *кривыхъ* вожаковъ. Но направленныя противъ моей личности злыя выходки этихъ темныхъ людей никогда не обижали меня, да и не могли обидѣть ». Плехановъ напоминалъ затѣмъ о той старушкѣ, которая принесла свою вязанку дровъ, чтобы увеличить ею костеръ, на которомъ предстояло сгорѣть Яну Гусу, и продолжалъ: «Великій чехъ не вознегодовалъ на нее, а только воскликнулъ съ улыбкой состраданія : « святая простота! » Онъ понялъ, что старая женщина, можетъ быть, на послѣдніе гроши купившая вязанку, въ темнотѣ своей сдѣлала *злое дѣло*, повинуясь *хорошему побужденію* : желанію ослабить власть грѣха. Мы всѣ должны слѣдовать его примѣру, сталкиваясь съ людьми въ родѣ Кокотько. Мы должны помнить, что многіе изъ нихъ поступаютъ *дурно*, всѣмъ сердцемъ желая поступить *хорошо*. Не поставимъ имъ въ вину, что они остались темными въ окружавшей ихъ темнотѣ, и когда мы услышимъ, что « они рекутъ всякъ золъ глаголъ », подозрѣвая насъ въ томъ, чего мы никогда не дѣлали, останемся спокойны : вспомнимъ, что въ ихъ *простотѣ* нерѣдко есть *святая простота* [1]).

Но уча этому благородному спокойствію и этой высшей справедливости въ столкновеніяхъ съ народною темнотою, — тому благородству и справедливости, недостатокъ которыхъ такъ остро чувствовался русской общественностью послѣдніе годы и чувствуется до сихъ поръ, — Г. В. Плехановъ училъ въ то же время рѣшительной и непреклонной борьбѣ съ « кривыми вожаками » народной массы и съ ея собственными иллюзіями. Друзья народа не были бы его друзьями, если бы, льстиво прислужничая, боялись говорить ему правду, боялись критиковать его ошибки и вступать въ смертельную борьбу съ тѣми, кто вводитъ его въ заблужденіе. — « Мы должны говорить пролетаріату правду, всю правду и только правду, — писалъ Плехановъ. Мы должны имѣть мужество указывать ему на его и на наши собственныя ошибки ». « Нужно умѣть критиковать иллюзіи народной массы и нужно имѣть гражданское мужество не оставлять свѣтильника критики подъ спудомъ. Вотъ, въ чемъ первая обязанность вождя » [2]).

Эту первую обязанность вождя Г. В. Плехановъ свято выполнялъ въ теченіе всей своей жизни. Еще въ молодости своей, въ 1884 году, въ предисловіи къ « Нашимъ разногласіямъ », какъ бы предчувствуя всѣ тѣ кривотолки, съ которыми ему впослѣдствіи такъ много пришлось имѣть дѣла, онъ писалъ : « Если искренность наша будетъ заподозрѣна, если въ насъ увидятъ враговъ, а не друзей, — мы утѣшимся сознаніемъ правоты своего дѣла. Убѣжденные марксисты, мы останемся вѣрны девизу нашего учителя и

[1]) «Единство», № 45 отъ 21 мая 1917 г.

[2]) Г. В. Плехановъ. « Дневникъ соціалъ-демократа », № 4, 1905 года и « Записки публициста », изд. Н. Глаголева, стр. 68.

пойдемъ своею дорогой, предоставивъ людямъ говорить, что имъ вздумается». Этому девизу Плехановъ оставался вѣренъ всегда и при всѣческихъ обстоятельствахъ. Никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ не терялъ онъ гражданскаго мужества, никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ не оставлялъ подъ спудомъ яркаго свѣтильника своей критики. Твердо и неуклонно шелъ онъ впередъ своею прямою дорогой, не пригибаясь ни для кого и ни для чего, являя рѣдкій примѣръ поистинѣ исключительной вѣрности какъ самому себѣ, такъ и своему дѣлу.

Но отстаивая съ изумительною стойкостью и послѣдовательностью основы своего міровоззрѣнія, находя хорошими слова святого Бернара: «у меня есть евангеліе, и если бы ангелъ спустился съ неба и сталъ противорѣчить ему — анаѳема самому ангелу!» — Г. В. Плехановъ былъ въ то же время какъ нельзя болѣе далекъ отъ умственной неподвижности, свойственной сектантамъ. Въ своихъ сочиненіяхъ онъ неоднократно разсказывалъ о томъ восторгѣ, въ который привели его, при ознакомленіи съ марксизмомъ, слѣдующія слова Фр. Энгельса: «Еще очень несовершенна та общественная философія, которая выдаетъ два-три положенія за свой конечный результатъ... Намъ не такъ нужны голые результаты, какъ изученіе. Результаты безъ развитія, которое ведетъ къ нимъ, — ничто... А результаты, которые фиксируются, какъ неизмѣнные, и не кладутся въ основу дальнѣйшаго развитія хуже, чѣмъ безполезны». Этихъ замѣчательныхъ строкъ, по словамъ Г. В. Плеханова, онъ никогда не забывалъ потомъ въ своей литературной дѣятельности.

И это вѣрно. Г. В. Плехановъ никогда не былъ, выражаясь словами Достоевскаго, человѣкомъ съ короткими мыслями; онъ никогда не успокаивался на уже добытыхъ результатахъ своего изслѣдованія, никогда не превращался въ сухого начетчика, мертвыми губами повторяющаго слова заученнаго имъ наизусть ученія, но всегда горѣлъ жаждой новаго знанія, всегда готовъ былъ откликнуться на новые запросы жизни, изслѣдовать ее въ неустанномъ ея развитіи и итти съ нею въ ногу, чего бы это ни стоило. Послѣдовательный революціонеръ, презиравшій духовную косность, подъ какой бы маской она ни скрывалась, онъ былъ послѣдовательнымъ и свободнымъ мыслителемъ, чуждымъ умственной шаткости и умственной закостенѣлости, далекимъ отъ погони за модными теоріями, но близкимъ духу того великаго ученія, которое, какъ мы видѣли, не выдаетъ двухъ—трехъ положеній за свой конечный результатъ и требуетъ постояннаго изученія вѣчно текущей, мѣняющейся жизни.

Природа щедро надѣлила Плеханова способностями, необходимыми для такого свободнаго мыслителя-борца; онъ былъ рожденъ философомъ и трибуномъ одновременно. Исключительная способность и любовь къ философскому созерцанію совмѣщались

у него съ неукротимой энергіей полководца; ясный, сильный и гибкій умъ — съ горячимъ, отзывчивымъ сердцемъ; разительное трудолюбіе — съ феноменальною памятью и неистощимымъ остроуміемъ; трезвая разсчетливость математика — съ тонкимъ чутьемъ художника и рѣдкимъ даромъ устнаго и писаннаго слова. Натура цѣльная, жизнерадостная, утонченная всестороннимъ, энциклопедическимъ образованіемъ, обладавшая огромною способностью къ самосовершенствованію, — онъ цѣликомъ, безъ остатка, отдалъ свои богатыя силы на служеніе тому дѣлу, которое Лассаль такъ удачно назвалъ дѣломъ сближенія науки съ идеей четвертаго сословія.

Теперь, когда смерть такъ преждевременно и обидно унесла его въ могилу, необходимо было бы подвести итоги исполненной имъ работы. Но нелегко было бы подвести эти итоги. Дѣятельность Г. В. Плеханова была крайне разнообразна, оставленное имъ литературное наслѣдство чрезвычайно велико. Нѣтъ почти ни одной отрасли философіи, искусства, литературы, исторіи, политической экономіи, текущей политики и т. д., — которыхъ не коснулся бы онъ въ своихъ сочиненіяхъ и въ изученіе которыхъ не внесъ бы много яркаго, оригинальнаго и новаго свѣта. Необходима была бы, поэтому, обширная работа для того, чтобы оцѣнить по заслугамъ все сдѣланное Плехановымъ въ области науки и общественной жизни. Въ краткомъ очеркѣ, предлагаемомъ вниманію читателя, мы отнюдь не задаемся такою задачей. Мы хотимъ лишь намѣтить основныя вѣхи жизни и дѣятельности Плеханова и сдѣлать болѣе близкимъ читателю образъ этого замѣчательнаго человѣка, который былъ силенъ сознаніемъ правоты своего дѣла и который на всѣ сомнѣнія въ торжествѣ этого дѣла со спокойной и неизмѣнной увѣренностью отвѣчалъ: «Пусть будетъ, что будетъ, а будетъ все-таки и на нашей улицѣ праздникъ!»

Ставя себѣ эту задачу, мы далеки отъ того, чтобы расточать похвалы надъ гробомъ умершаго. Покойный Г. В. Плехановъ былъ выше похвалъ. Для него, какъ и для всякаго подлинно великаго общественнаго и научнаго дѣятеля, высшей похвалой служитъ совершенное имъ дѣло.

Мы пополнимъ настоящій очеркъ нѣкоторыми чертами, неизвѣстными читающей публикѣ и почерпнутыми нами изъ неизданныхъ еще воспоминаній Розаліи Марковны Плехановой.

1.

Г. В. Плехановъ родился 25 ноября 1857 года въ имѣніи своего отца, деревнѣ Гудаловкѣ, Липецкаго уѣзда, Тамбовской губерніи.

Отецъ Плеханова, Валентинъ Петровичъ, былъ мелко-помѣстнымъ дворяниномъ (въ его имѣніи было около 200 десятинъ).

Принимая участіе въ польской кампаніи 1863 года, онъ былъ взятъ въ плѣнъ и вышелъ затѣмъ въ отставку въ чинѣ капитана. Это былъ человѣкъ сильнаго, рѣшительнаго и открытаго характера. Наклонности свѣтскаго человѣка онъ совмѣщалъ съ необычайнымъ трудолюбіемъ и широкой образованностью. Принадлежа по воспитанію и взглядамъ къ крѣпостнической средѣ, онъ тѣмъ не менѣе, очень хорошо обращался съ крестьянами; его дворовые считались лучшими въ округѣ. По отношенію къ властямъ онъ, наоборотъ, нерѣдко былъ высокомѣренъ, подчеркивалъ свою независимость и любилъ говорить : «Большая корона царя составлена изъ нашихъ маленькихъ коронъ». Онъ былъ дважды женатъ. Отъ первой жены, — Позднякової, тайкомъ увезенной имъ изъ богатой помѣщичьей семьи, онъ имѣлъ четырехъ сыновей и четырехъ дочерей. Вторая его супруга — Марія Федоровна Бѣлинская —была изъ бѣдной дворянско-чиновничьей семьи, находившейся въ родствѣ съ знаменитымъ критикомъ. Она получила воспитаніе въ институтѣ и въ совершенствѣ владѣла нѣсколькими иностранными языками. Она вышла замужъ за Валентина Петровича, такъ какъ, несмотря на разницу въ лѣтахъ, горячо любила его. И для дѣтей его она стала второю матерью. Дѣти, со своей стороны, крѣпко привязались къ этой тихой, ласковой, религіозной женщинѣ.

Георгій Валентиновичъ Плехановъ былъ старшимъ изъ двухъ ея сыновей (у нея было, кромѣ того, еще три дочери). Отзывчивость матери и ея любовь къ красотѣ наложили на характеръ его столь же сильный отпечатокъ, какъ и мужественная твердость его отца.

Дѣтство Г. В. Плеханова протекло въ деревнѣ. Здѣсь онъ прошелъ черезъ суровую школу своего отца, который стремился развить въ дѣтяхъ любовь къ труду, смѣлость и независимость. Онъ требовалъ отъ дѣтей, чтобы они, по возможности, все дѣлали для себя сами, не прибѣгая къ помощи прислуги, и когда видѣлъ ихъ праздными, то строго говорилъ: «Чего сидите безъ дѣла?»

Однажды отецъ посадилъ маленькаго Жоржа на горячую лошадь и, крикнувъ ему «держись!» — отскочилъ въ сторону. Перепуганная Марія Федоровна, вся въ слезахъ, начала молиться Богу о спасеніи сына. Жоржъ съ честью вынесъ на этотъ разъ испытаніе. Былъ другой случай, когда лошадь сбросила его.

Жоржъ очень любилъ участвовать въ играхъ крестьянскихъ дѣтей и часто, не спросясь, убѣгалъ за околицу. Маленькій сынъ кучера былъ его лучшимъ другомъ.

Особенное вліяніе, въ эту пору жизни, оказалъ на Г. В. Плеханова его братъ, Николай. Послѣдній, братъ Жоржа по отцу, былъ старше его на шесть лѣтъ, учился уже въ гимназіи и пріѣзжалъ домой, въ Гудаловку, только по праздникамъ и на каникулы.

Красивый, со смуглымъ лицомъ (въ семьѣ прозвали его зуа-

вомъ), сильный, коренастый, Николай отличался находчивостью и смѣлостью. Въ игры съ маленькимъ Жоржемъ онъ вносилъ особую страстность и любовь къ приключеніямъ. Жоржъ съ восхищеніемъ смотрѣлъ на своего безстрашнаго брата, преклонялся передъ его самообладаніемъ и вѣрой въ собственныя силы. Два раза Николай спасъ ему жизнь: разъ онъ вытащилъ тонувшаго маленькаго брата за волосы изъ рѣчки; въ другой разъ онъ защитилъ Жоржа отъ набросившагося на него разъяреннаго быка... Въ зрѣлые годы, въ эмиграціи, Г. В. Плехановъ нерѣдко вспоминалъ съ любовью о своемъ многообѣщавшемъ братѣ, котораго заѣла провинція и военная служба.

Въ домѣ Плехановыхъ имѣлась довольно большая библіотека, состоявшая преимущественно изъ книгъ по военнымъ вопросамъ. Жоржъ съ жадностью глоталъ эти книги и съ упоеніемъ мечталъ о томъ, чтобы стать полководцемъ. Когда пришла пора поступить въ школу, и отецъ захотѣлъ пустить его « по гражданской части », онъ заявилъ, что не желаетъ быть « штафирко! ». Отецъ, относившійся къ Жоржу съ особенною любовью, уступилъ. Жоржу не было десяти лѣтъ, когда онъ, подготовленный къ гимназіи матерью, превосходно выдержалъ экзамены и лѣтомъ 1866 года былъ принятъ во второй классъ Воронежской закрытой военной гимназіи.

Здѣсь, при первомъ своемъ появленіи, онъ долженъ былъ сдать новый экзаменъ — своимъ будущимъ товарищамъ, которые, согласно существовавшему обычаю, рѣшили испытать « новичка » и съ этой цѣлью постановили, что онъ долженъ драться съ однимъ изъ нихъ.

Предупрежденный своимъ ментором, братомъ Николаемъ, что если онъ откажется, струситъ или дастъ маху, то ему не будетъ покоя отъ товарищей, Жоржъ рѣшилъ не сдаваться. Нападеніе было рѣшительное, но и защита была геройская. Въ результатѣ пострадали уши противника, долговязаго, длиннаго школьника, который былъ старше « новичка» года на два. Среди судей крики одобренія. Репутація « новичка » установилась и онъ былъ избавленъ навсегда отъ колотушекъ и обидъ со стороны товарищей.

Георгій Валентиновичъ любилъ въ близкомъ кругу вспоминать о первыхъ годахъ, проведенныхъ въ Воронежской гимназіи, и о шалостяхъ и проказахъ школьной жизни. Разсказывая, онъ всегда возмущался жестокостью, которую вкладывали юнцы въ преслѣдованіе непосредственнаго начальства — надзирателей, регистраторовъ и др. Чѣмъ слабѣе были эти послѣдніе, тѣмъ сильнѣе пришлось имъ страдать отъ школьниковъ. Лишь старый фельдфебель импонировалъ имъ своей военной выправкой и строгостью, соединенной съ большой добротой. Онъ любилъ поучать будущихъ военныхъ : « Служба не что-нибудь и не какъ-нибудь. Чинъ чина почитать долженъ, а главное не разговаривать! » Г. В. Плехановъ, шутя, приводилъ рѣчь своего стараго над-

зрителя, когда затрагивался при немъ вопросъ о нашей неспособности къ дисциплинѣ или о резонерствѣ, которое онъ считалъ самымъ крупнымъ грѣхомъ нашей революціонной молодежи.

Изъ воронежскихъ педагоговъ, оказавшихъ большое вліяніе на духовное развитіе Георгія Валентиновича, первое мѣсто занимаетъ знаменитый въ свое время Бунаковъ, преподаватель словесности. Онъ рано подмѣтилъ литературное дарованіе гимназиста и всячески способствовалъ развитію его совѣтами, поощреніями, указаніемъ книгъ для чтенія.

Въ старшихъ классахъ Плехановымъ заинтересовался также учитель закона Божія. Г. В. Плехановъ съ большимъ прилежаніемъ изучалъ ветхій и новый завѣтъ, слѣдилъ внимательно за уроками, но критическій умъ мѣшалъ юношѣ принимать все на вѣру и онъ любилъ на урокахъ закона Божьяго задавать батюшкѣ вопросы. Первое время самъ батюшка увлекся и допустилъ даже диспутъ между собою и любознательнымъ ученикомъ. Уроки закона Божія, лѣниво посѣщавшіеся раньше, сразу пріобрѣли большой интересъ въ глазахъ учениковъ. Но, увы! батюшка спохватился и послѣ 4—5 уроковъ заявилъ Плеханову: «Нѣтъ, молодой человѣкъ, оставимъ эти диспуты, иначе уроки закона Божія превратятся у насъ въ уроки о безбожіи».

Плехановъ въ эту пору его жизни имѣлъ большое вліяніе на своихъ товарищей по гимназіи. Страстная любовь къ знанію, рано пробудившійся интересъ къ общественнымъ вопросамъ, демократическія чувства заражали окружавшихъ его сверстниковъ [1]).

2.

По окончаніи военной гимназіи Плехановъ отправился въ Петербургъ и поступилъ тамъ въ Константиновское юнкерское училище.

На первыхъ порахъ жизни Георгія Валентиновича въ столицѣ руководителемъ его былъ старшій его братъ Митрофанъ, закончившій свое образованіе въ академіи генеральнаго штаба.

Митрофанъ, — блестяще образованный офицеръ, пессимистъ, скептикъ, увлекавшійся Печоринымъ и самъ походившій на «героя нашего времени» многими чертами своего характера, — съ неодобрѣніемъ смотрѣлъ на демократическія симпатіи своего младшаго

[1]) Къ этому періоду жизни Г. В. Плеханова относятся два письма, полученныя Г. В. въ апрѣлѣ 1917 г. отъ двухъ его бывшихъ товарищей по воронежской военной гимназіи. Авторы этихъ писемъ, привѣтствуя возвращеніе Плеханова на родину, вспоминаютъ съ благодарностью о томъ умственномъ и нравственномъ вліяніи, которое онъ оказывалъ на нихъ въ стѣнахъ гимназіи, 45 лѣтъ тому назадъ.

брата. Онъ рѣшилъ заняться младшимъ братомъ, научить его одѣваться и думать, какъ подобаетъ свѣтскому человѣку. Вскорѣ по пріѣздѣ Жоржа въ Петербургъ, Митрофанъ повелъ его на званый обѣдъ къ дальнему родственнику, богатому, заслуженному генералу. Сначала все шло хорошо. Молодой юнкеръ произвелъ пріятное впечатлѣніе на стараго генерала и его супругу внѣшностью и манерами. Было много гостей. Зашелъ разговоръ о Дарвинѣ, который былъ тогда въ модѣ. Генералъ авторитетно заявилъ: « Ну, что Дарвинъ? Дарвинъ — мальчишка! » Это восклицаніе возмутило увлекавшагося Дарвинымъ Жоржа и онъ, не выдержавъ, сказалъ: « Помилуйте, Ваше Превосходительство, Дарвинъ старше Васъ! » Наступило неловкое молчаніе. Молодившійся генералъ покраснѣлъ, а опытная хозяйка поспѣшила перевести разговоръ на другую тему.

Спустя короткое время Митрофанъ окончательно убѣдился, что свѣтскаго офицера онъ изъ Жоржа не сдѣлаетъ. Юнкеръ Плехановъ все больше и больше проникался демократическими и даже революціонными взглядами и старался обратить въ свою вѣру брата Митрофана и его пріятелей. Среди друзей Митрофана былъ молодой, талантливый офицеръ Сахаровъ, впослѣдствіи саратовскій губернаторъ, погибшій отъ руки революціонера. На пламенный призывъ юнкера служить народу, онъ отвѣчалъ: « Когда вы будете у власти, когда сила будетъ на вашей сторонѣ, мы перейдемъ къ вамъ ».

Но несмотря на разность лѣтъ, темпераментовъ и взглядовъ Митрофанъ и Жоржъ нѣжно любили другъ друга.

Блестяще окончивъ военную академію, имѣя въ перспективѣ высокую военную карьеру, Митрофанъ покончилъ самоубійствомъ въ Кіевѣ, въ саду Св. Владиміра по пути домой въ любимую Гудаловку. До сихъ поръ неизвѣстно, что привело его къ этому роковому концу... Г. В. до послѣднихъ дней жизни съ глубокой любовью вспоминалъ о немъ.

Въ Константиновскомъ училищѣ Плехановъ ознакомился съ передовой публицистикой того времени: у воспитанниковъ училища имѣлись сочиненія Герцена и различныя революціонныя изданія. Всѣ они знали Писарева и увлекались имъ. Любимымъ ихъ поэтомъ былъ Н. А. Некрасовъ. Какія чувства возбуждалъ въ нихъ « поэтъ народнаго горя », объ этомъ Плехановъ разсказалъ однажды въ статьѣ, посвященной памяти Некрасова. Разсказъ относится ко времени пребыванія Плеханова въ послѣднемъ классѣ юнкерскаго училища. — « Мы сидѣли, писалъ Плехановъ — послѣ обѣда группой въ нѣсколько человѣкъ и читали Некрасова. Едва мы кончили « Желѣзную дорогу », раздался сигналъ, звавшій насъ на фронтовое ученіе. Мы спрятали книгу и пошли въ цейхгаузъ за ружьями, находясь подъ сильнѣйшимъ впечатлѣніемъ всего, только-что прочитаннаго нами. Когда мы начали строиться,

мой пріятель С. подошелъ ко мнѣ и, сжимая въ рукѣ ружейный стволъ, прошепталъ: « Эхъ, взялъ бы я это ружье и пошелъ бы сражаться за русскій народъ! » Эти слова — прибавляетъ Плехановъ — глубоко врѣзались въ мою память »; врѣзались, конечно, потому, что вполнѣ соотвѣтствовали его собственному душевному состоянію.

О томъ, какъ глубоко и искренно было это настроеніе Плеханова, показываетъ слѣдующій эпизодъ, разсказанный Л. Г. Дейчемъ. — « Чтобы поправить матеріальное положеніе семьи, мать Георгія Валентиновича рѣшила (по смерти мужа) продать часть имѣнія. Землю эту хотѣли купить крестьяне села Гудаловки, въ которомъ родился Плехановъ, но они за нее давали меньшую цѣну, чѣмъ предлагалъ какой-то купецъ. Добрѣйшая Марія Федоровна, при всей ея жалости къ крестьянамъ, проявлявшейся еще при господствѣ крѣпостного права, подъ вліяніемъ нужды склонилась на сторону купца. Но пріѣхавшій въ это время на каникулы юнкеръ Жоржъ, узнавъ о намѣреніи матери, рѣшительнымъ тономъ заявилъ ей, что этому не бывать: онъ грозилъ сжечь хлѣбъ у купца и потомъ сбѣявить объ этомъ, чтобы его осудили. Зная рѣшительность характера своего любимца, мать, конечно, продала участокъ земли крестьянамъ. Случай этотъ сталъ извѣстенъ населенію Гудаловки, и за молодымъ Плехановымъ навсегда упрочилась репутація защитника интересовъ крестьянъ » [1]).

По окончаніи юнкерскаго училища Георгій Валентиновичъ выхлопоталъ себѣ разрѣшеніе объ освобожденіи отъ службы въ качествѣ офицера (мечта о томъ, чтобы стать полководцемъ, давно уже была имъ отброшена) и въ 1874 году, не имѣя еще 17-ти лѣтъ отъ роду, поступилъ въ Петербургскій Горный Институтъ, блестяще выдержавъ экзаменъ по физикѣ и математикѣ. На экзаменахъ онъ познакомился, а потомъ и сдружился съ Всеволодомъ Гаршинымъ, однимъ изъ самыхъ тонкихъ художниковъ русскаго слова.

Въ Горномъ Институтѣ у Плеханова завязались знакомства съ народниками-революціонерами. Одинъ изъ нихъ, О. В. Аптекманъ, такъ разсказываетъ въ своихъ «Запискахъ семидесятника» о своей первой встрѣчѣ съ Г. В.: « Познакомился я съ нимъ въ первый разъ въ 1875 году, въ Петербургѣ. Какъ-то встрѣчаю на улицѣ гимназическаго его товарища, Успенскаго. Зоветъ къ себѣ, съ нимъ-де сейчасъ живетъ интересный юноша, студентъ Горнаго Института. Зашелъ. Дѣйствительно, интересный юноша. Типичный по внѣшности студентъ. Средняго роста, стройный, неправильныя черты лица, небольшая темно-русая лопаткой бородка, каштановаго цвѣта волосы, мягкими прядями падающіе назадъ, бѣлый точеный лобъ, каріе, слегка миндалевидные глаза. Лицо пріятное,

[1]) Л. Дейчъ. « Молодость Г. В. Плеханова », « Былое », № 13, кн. 7, іюль 1918 года.

оригинальное. Особенно — живые, острые, насмѣшливые глаза. Разговорились. Какъ водится, подняли споръ. И опять прекрасное впечатлѣніе. Что-то свое, горячее, вызывающее. Чуется талантъ, способность къ самостоятельному творчеству. Чувствуется темпераментъ. Славный юноша. Повидимому, работаетъ много по своей спеціальности: комната вся уставлена химическими препаратами, банками, ретортами и проч. химическими принадлежностями. На полкахъ и на столѣ — книги. Много книгъ. Очевидно читаетъ много».

И дѣйствительно, Плехановъ, который всегда отличался трудолюбіемъ, работалъ въ это время съ особеннымъ усердіемъ. Его пылкой душѣ, его любознательному уму открывался новый міръ. Онъ жадно глоталъ книги, жадно всматривался въ своихъ новыхъ знакомыхъ, вслушивался въ ихъ рѣчи. Между новыми знакомыми особенно заинтересовалъ его рабочій Митрофановъ, довольно извѣстный въ то время въ революціонной средѣ. — «Я познакомился съ нимъ, разсказываетъ Плехановъ въ своей брошюрѣ «Русскій рабочій въ революціонномъ движеніи» — у студентовъ медицинской академіи братьевъ Х, въ концѣ 1875 года. Митрофановъ былъ уже тогда «нелегальнымъ» и жилъ у братьевъ Х, скрываясь отъ полиціи. Какъ и всѣ студенты-революціонеры того времени, я, конечно, былъ большимъ народолюбомъ и собирался «итти въ народъ», понятіе о которомъ было у меня, однако, — опять-таки какъ и у всѣхъ насъ, студентовъ-революціонеровъ того времени, — очень смутнымъ и неопредѣленнымъ. Любя «народъ», я зналъ его очень мало, а лучше сказать не зналъ совсѣмъ, хотя и выросъ въ деревнѣ. Когда я въ первый разъ встрѣтился съ Митрофановымъ и узналъ, что онъ рабочій, т. е., одинъ изъ представителей «народа», въ моей душѣ шевельнулось смѣшанное чувство жалости и какой-то неловкости, точно будто я въ чемъ нибудь передъ нимъ провинился. Мнѣ очень хотѣлось заговорить съ нимъ, но въ то же время я рѣшительно не зналъ, какъ и въ какихъ выраженіяхъ стану съ нимъ разговаривать. Мнѣ казалось, что языкъ нашего брата студента будетъ совершенно непонятенъ этому «сыну народа», и что въ разговорѣ съ нимъ я долженъ держаться того нелѣпаго, переряженнаго слога, которымъ были написаны многія изъ нашихъ революціонныхъ брошюръ. Къ счастью, Митрофановъ вывелъ меня изъ затрудненія. Онъ заговорилъ первый, и, не помню уже какъ, разговоръ перешелъ на революціонную литературу. Я увидѣлъ, что мой собесѣдникъ читалъ не одни только ряженныя брошюры. Ему знакомы были сочиненія Чернышевскаго, Бакунина, Лаврова, и онъ умѣлъ отнестись къ нимъ критически... Удивленію моему не было границъ. Личность Митрофанова рѣшительно не входила въ узкія рамки моего сентиментальнаго представленія о «народѣ». Зато, тѣмъ болѣе заинтересовала она меня. Я сталъ часто встрѣчаться съ Митрофановымъ

и жадно разспрашивалъ его объ его революціонной дѣятельности въ народной средѣ,... засыпалъ его вопросами о томъ, что представляютъ собою петербургскіе рабочіе. Митрофановъ относился къ нимъ отрицательно. Изъ его словъ выходило, что настоящій народъ — это крестьянство, городскіе же рабочіе въ значительной степени развращены и проникнуты буржуазнымъ духомъ, вслѣдствіе чего революціонеры должны итти въ деревню. Подобные отзывы, вполнѣ соотвѣтствовавшіе нашимъ собственнымъ представленіямъ о народѣ, не могли возбудить во мнѣ склонности къ ближайшему знакомству съ петербургской рабочей средой, и втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ Митрофановъ оставался единственнымъ лично извѣстнымъ мнѣ рабочимъ ».

Въ началѣ 1876 года Плеханову представился случай ближе познакомиться съ петербургскими рабочими. Революціонеры попросили его согласія устроить рабочую сходку въ его комнатѣ. Плехановъ охотно согласился. Сходка произвела на него огромное впечатлѣніе : « Митрофанова я считалъ исключеніемъ, разсказываетъ Плехановъ въ томъ же произведеніи, — теперь я узналъ, что подобныхъ ему исключеній много. Дѣло сближенія съ народомъ, прежде пугавшее меня своими трудностями, показалось мнѣ теперь простымъ и легкимъ. Не откладывая его въ долгій ящикъ, я рѣшилъ немедленно же и какъ можно ближе сойтись съ моими новыми знакомыми. Поддержать разъ завязавшіяся сношенія съ ними было тѣмъ легче, что нѣкоторые изъ нихъ дали мнѣ свои адреса и звали къ себѣ въ гости... Я посѣтилъ почти всѣхъ рабочихъ, бывшихъ на сходкѣ въ моей комнатѣ, а затѣмъ уже пріобрѣлъ между ними много новыхъ знакомыхъ. Видя, какъ заинтересовало меня « рабочее дѣло », бунтари приняли меня въ свой кружокъ, такъ что « занятія съ рабочими » стали съ тѣхъ поръ моей революціонной обязанностью ».

3.

Сблизившись съ « бунтарями », Г. В. Плехановъ ревностно принялся, по любимому выраженію Бакунина, за святое дѣло бунта. Въ короткое время, онъ занялъ выдающееся положеніе среди петербургскихъ революціонеровъ.

Среди рабочихъ, съ которыми занимался Плехановъ, возникла мысль объ устройствѣ открытой уличной демонстраціи. « Они увѣряли насъ, разсказываетъ Плехановъ, — что если хорошо взяться за дѣло и выбрать для демонстраціи праздничный день, то на нее соберется до 2.000 рабочихъ. Мы сомнѣвались въ этомъ, но бунтарская жилка заговорила въ каждомъ изъ насъ, и мы сдались. Такъ произошла извѣстная Казанская демонстрація 6 (18) декабря 1876 года ».

Напомнимъ событія этого знаменательнаго дня. Предполагалось устроить чисто рабочую демонстрацію, но къ Казанскому Собору въ назначенное время пришла, главнымъ образомъ, учащаяся молодежь. Рабочихъ было сравнительно мало, около 200—300 человѣкъ. Когда толпа приняла внушительные размѣры, изъ нея выступилъ Г. В. Плехановъ и произнесъ революціонную рѣчь. Затѣмъ, при возгласахъ : « Да здравствуетъ Земля и Воля! » — было развернуто красное знамя. Полиція пыталась протискаться къ оратору, но участники демонстраціи оттѣснили ее, сомкнувшись тѣснымъ кольцомъ вокругъ Плеханова. Когда толпа стала расходиться, полиція набросилась на нее, но была смята и обращена въ бѣгство. Участники демонстраціи, вопреки настояніямъ Плеханова и другихъ организаторовъ, начали преслѣдовать убѣгавшихъ полицейскихъ. Получивъ подкрѣпленіе, эти послѣдніе перешли въ наступленіе и произвели много арестовъ. Но устроителей демонстраціи захватить полиціи не удалось : почти всѣ они, сумѣли скрыться. Плеханова спасъ (если не ошибаюсь) рабочій Митрофановъ, который быстро надѣвъ на него свой картузъ, сдѣлалъ его неузнаваемымъ.

Казанская демонстрація вызвала въ свое время множество противорѣчивыхъ оцѣнокъ. Въ настоящее время она единодушно признается крупнымъ историческимъ моментомъ, первымъ открытымъ выступленіемъ на улицу русской революціонной партіи.

Крупнымъ событіемъ явилась эта демонстрація и въ личной жизни ея героя — девятнадцати-лѣтняго юноши — Плеханова. Она впервые заставила его обратить вниманіе на ошибочность нѣкоторыхъ пріемовъ революціонной дѣятельности бунтарей. — « Казанская демонстрація, говоритъ Плехановъ въ « Русскомъ рабочемъ », — была первой попыткой практическаго примѣненія нашихъ понятій объ агитаціи. Понятія эти были въ то время еще слишкомъ отвлеченны, и уже по одному этому не могло быть удачнымъ ихъ практическое примѣненіе. Казанская демонстрація наглядно показала, что мы всегда будемъ оставаться одни, если въ своей революціонной дѣятельности будемъ руководствоваться лишь своимъ отвлеченнымъ пристрастіемъ къ « агитаціи », а не существующимъ настроеніемъ и данными насущными нуждами той среды, въ которой собираемся агитировать. Мы не забыли этого урока »...

4.

Полиція усиленно разыскивала оратора Казанской демонстраціи. Чтобы замести свои слѣды, Плехановъ выѣхалъ на короткое время заграницу. По возвращеніи на родину, онъ снова принялся за работу въ рядахъ бунтарей, которые устраивали въ это время свои « поселенія въ народѣ ». Въ концѣ іюля 1877 года

XVII

Плехановъ направился въ одно изъ такихъ поселеній — въ Саратовъ. Здѣсь онъ съ успѣхомъ пропагандировалъ въ кружкахъ рабочихъ и молодежи : « Рабочіе — говоритъ О. В. Аптекманъ въ « Запискахъ семидесятника » — были отъ него въ восхищеніи, высоко цѣнили его, гордились имъ ».

Но въ Саратовѣ Плехановъ пробылъ недолго. Ему хотѣлось поселиться въ деревнѣ въ качествѣ народнаго учителя, чтобы имѣть возможность сблизиться съ крестьянами и агитировать среди нихъ. О своемъ намѣреніи онъ заявилъ саратовскому кружку. Кружокъ снабдилъ его гимназическимъ аттестатомъ нѣкоего Ал. Михайлова изъ Курска. Съ этимъ документомъ въ рукахъ, Плехановъ отправился въ училищный совѣтъ города Аткарска. Но здѣсь онъ столкнулся съ членомъ совѣта, священникомъ, хорошо знавшимъ семью Михайловыхъ. — «Батюшка удивился, какъ онъ выросъ и возмужалъ, « молодцомъ сталъ », онъ, батюшка, его « мальчикомъ » де помнитъ и сталъ его разспрашивать съ живымъ интересомъ о родителяхъ, общимъ знакомыхъ и разныхъ прочихъ курскихъ дѣлахъ. Посыпались живые вопросы о томъ, какъ, молъ, поживаетъ Марія Петровна, Олимпіада Ивановна и проч. Нашъ « Ораторъ » (такъ звали Плеханова въ революціонной средѣ того времени), не сморгнувъ глазомъ, давалъ экспансивному батюшкѣ всѣ нужныя свѣдѣнія» [1]). Удовлетворивъ свое любопытство и оставшись очень доволенъ воображаемымъ Михайловымъ, батюшка принялся усердно хлопотать о разрѣшеніи ему занять мѣсто народнаго учителя. Но хлопоты эти почему-то не увѣнчались успѣхомъ, и Плехановъ вернулся изъ Аткарска въ Саратовъ, не солоно хлебавши.

Здѣсь Плеханову пришлось вновь столкнуться съ полицейскимъ преслѣдованіемъ. По распространенному въ то время обычаю, многіе члены саратовскаго кружка жили на общей квартирѣ, въ « коммунѣ ». Переполненная молодыми людьми, « коммуна » эта привлекла къ себѣ сначала любопытное, а затѣмъ и непріязненное вниманіе обывателей. Полиція установила за нею слѣжку и въ концѣ 1877 года арестовала всѣхъ постоянныхъ ея жильцовъ, а послѣ ареста устроила въ домѣ засаду. Когда Плехановъ явился, онъ былъ арестованъ и въ сопровожденіи двухъ городовыхъ отправленъ въ участокъ. — « Въ карманѣ у Плеханова было два паспорта, одинъ — его, а другой — запасной. По пути Плехановъ незамѣтно выронилъ запасной паспортъ, но, какъ на зло, проходившій мимо него господинъ замѣтилъ упавшую на землю бумажку, поднялъ ее и любезно передалъ ее Плеханову со словами : « Господинъ, это вы изволили уронить? » Въ участкѣ Плехановъ пробылъ почти весь день, при чемъ воспользовался подходящимъ моментомъ, чтобы окончательно отдѣлаться отъ лишняго паспорта. Помощникъ пристава, соскучавшись держать Плеханова въ участ-

[1]) О. В. Аптекманъ. « Земля и Воля 70-хъ годовъ». Изд. А. Суратъ, стр. 112.

кѣ (день былъ воскресный и приставъ, должно быть, загулялъ), отправился съ Плехановымъ на его квартиру, осмотрѣлъ ее бѣгло и взялъ съ него подписку явиться въ участокъ на слѣдующій день. Отдѣлавшись такъ счастливо отъ ареста, Плехановъ принялъ всѣ мѣры, чтобы, такъ сказать, локализовать погромъ: онъ предупредилъ всѣхъ товарищей, какъ городскихъ, такъ и деревенскихъ о постигшемъ насъ несчастіи. И никакихъ больше жертвъ не послѣдовало» [1]).

Изъ Саратова Г. В. Плехановъ поѣхалъ въ Петербургъ. Его уже давно звали сюда, чувствовалась въ немъ необходимость. За время его отсутствія, дѣятельность бунтарей въ средѣ петербургскаго пролетаріата ослабла, ихъ «рабочая группа» пришла въ упадокъ. Но Плехановъ, вернувшись въ Петербургъ, быстро возстановилъ эту группу и придалъ ея дѣятельности, какъ въ практическомъ, такъ и въ теоретическомъ отношеніяхъ такую широту и глубину, какой она никогда не достигала до того времени.

Въ январѣ 1878 года на Васильевскомъ Патронномъ заводѣ взрывомъ пороха было убито шестеро рабочихъ и много ранено. Взрывъ произошелъ по непростительной винѣ заводскаго начальства и вызвалъ волненія среди рабочихъ. На похороны пришла многочисленная толпа. Одинъ изъ рабочихъ началъ произносить рѣчь, но онъ былъ немедленно арестованъ околодочнымъ надзирателемъ, присутствовавшимъ на кладбищѣ съ отрядомъ городовыхъ. Однако тутъ произошло нѣчто неожиданное. Съ негодующими криками, толпа, во главѣ съ Г. В. Плехановымъ, бросилась на полицейскихъ, вырвала арестованнаго изъ ихъ рукъ, а затѣмъ обступила ихъ тѣснымъ кольцомъ и не выпускала ихъ, пока освобожденный рабочій не былъ увезенъ на извозчикѣ за предѣлы досягаемости.

Слухи объ этомъ происшествіи распространились между петербургскими рабочими и много способствовали усиленію броженія между ними. Когда въ мартѣ 1878 года на Новой Бумагопрядильнѣ возникла стачка, за которою въ концѣ того же и въ началѣ слѣдующаго года послѣдовалъ рядъ новыхъ стачекъ, бунтарямъ уже не трудно было сблизиться съ рабочими и даже, отчасти, взять въ свои руки руководство движеніемъ. Рабочіе считали ихъ своими людьми и говорили про нихъ: «наши орлы!» Первымъ между этими орлами былъ Г. В. Плехановъ.

Въ связи съ первой стачкой на Новой Бумагопрядильнѣ Плехановъ былъ снова арестованъ вмѣстѣ съ землевольцемъ Тютчевымъ. Объ этомъ арестѣ имѣется любопытный разсказъ Н. Васильева, который тоже былъ арестованъ въ то время, хотя не имѣлъ непосредственнаго отношенія къ стачкѣ. — «Какъ только какой то городовой доставилъ ихъ (т. е., Плеханова и Тютчева. *Ю. А.*) въ

---

[1]) О. В. Аптекманъ. Тамъ же, стр. 119.

участокъ, — разсказываетъ Н. Васильевъ, — они стали громко и энергично требовать, чтобы былъ составленъ протоколъ объ ихъ арестѣ.

— « Это, право же, возмутительно. Идемъ спокойно по улицѣ и вотъ, извольте посмотрѣть, попадаемъ въ участокъ. Господинъ квартальный надзиратель, распорядитесь пожалуйста, чтобы мнѣ (это говорилъ Г. В. Плехановъ. *Ю. А.*) дали стаканъ снѣжей воды!

« Какой то полицейскій испуганно убѣгаетъ и возвращается съ графиномъ воды. Нѣсколько стакановъ проглатывается и снова льется потокъ протестовъ и возмущенія:

— « Я самымъ энергичнымъ образомъ протестую противъ моего совершенно произвольнаго ареста. Я еще разъ прошу составить протоколъ!

« Это энергичное выступленіе очевидно импонируетъ полиціи. Околодочный старается успокоить и извиняется : « Вѣдь мнѣ что : мнѣ приказано! Я исполняю только то, что начальство прикажетъ... дѣло-съ выяснится... »

Среди арестованныхъ находился какой-то мѣщанинъ изъ Пскова, который разсказывалъ, что полицейскіе обѣщались выпустить его на свободу, если онъ покажетъ на другихъ, находившихся въ участкѣ лицъ, что они раздавали рабочимъ летучіе листки.

Ночью арестованныхъ отвезли для допроса къ полицмейстеру. « Когда очередь дошла до Георгія Плеханова, онъ попросилъ вызвать и псковскаго мѣщанина : — « Вы можете сами, господинъ полицмейстеръ, убѣдиться, какія штуки продѣлываетъ полиція, чтобы придать видъ основательности совершенно произвольнымъ арестамъ. Къ лжесвидѣтельству, вѣдь, подговаривала полиція! Ну, что вы, Ваше Высокопревосходительство, скажете на это? » [1].

Полицмейстеръ допросилъ мѣщанина, нашелъ, что дѣло не въ порядкѣ и остался видимо недоволенъ своими подчиненными. Георгій Валентиновичъ показалъ свой паспортъ, — на имя какого-то потомственнаго почетнаго гражданина, — и былъ выпущенъ на свободу.

Дѣятельность Плеханова не ограничивалась въ это время средою рабочихъ и учащейся молодежи. — « Лѣтомъ 1878 года, разсказываетъ Плехановъ, — волновались донскіе казаки по случаю введенія у нихъ земства, которое было огромнымъ шагомъ назадъ сравнительно съ ихъ почти первобытнымъ самоуправленіемъ. Вѣрные своей « бунтарской » программѣ, землевольцы постѣшили отправиться на Донъ и завязать сношенія съ недовольными. Я былъ однимъ изъ первыхъ попавшихъ туда членовъ «Земли и Воли». Ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ и убѣдившись, что оно благопріятно для агитаціи, я написалъ объ этомъ

[1] Н. Васильевъ. « Въ 70-ые годы ». « Міръ Божій », іюль 1906 г.

въ Петербургъ, откуда немедленно двинулся ко мнѣ на помощь Александръ Михайловъ. Но, такъ какъ я спѣшилъ отпечатать «Воззваніе къ славному Войску Донскому», составленное нами, «интеллигентами», при участіи «спропагандированныхъ» нами казаковъ, то я выѣхалъ въ Петербургъ, — гдѣ у насъ была тогда тайная типографія, — не дождавшись пріѣзда Михайлова въ Ростовъ-на-Дону. Это было уже осенью и всего нѣсколько дней спустя послѣ большого «провала», погубившаго Ольгу Натансонъ, Адріана Михайлова и многихъ другихъ надежныхъ и опытныхъ товарищей. Я ничего не зналъ объ этомъ несчастіи и самъ избѣжалъ ареста лишь благодаря простой случайности, помѣшавшей мнѣ пойти тотчасъ по пріѣздѣ въ Петербургъ на нашу бывшую «конспиративную» квартиру, гдѣ расположилась полицейская засада. Послѣдствія «провала» были такъ тяжелы для нашей организаціи, что приходилось на время отказаться отъ всякой мысли объ участіи ея членовъ въ агитаціи между казаками: надо *было прежде всего возстановить* «центръ», разрушенный опустошительнымъ полицейскимъ набѣгомъ. Я немедленно вызвалъ телеграммой Ал. Михайлова изъ Ростова, и когда онъ, нѣсколько дней спустя, вернулся въ Петербургъ, я въ первый разъ услышалъ отъ него то мнѣніе, что намъ нельзя ставить себѣ задачу широкой агитаціи въ народѣ, такъ какъ наши силы для этого слишкомъ малы, а надо просто «наказывать» правительство за его свирѣпыя преслѣдованія; прежде онъ былъ самымъ убѣжденнымъ сторонникомъ «агитаціи на почвѣ непосредственныхъ народныхъ требованій» и самымъ рѣшительнымъ противникомъ «террора», который назывался у насъ тогда «дезорганизаціей правительства» и о которомъ начали поговаривать уже лѣтомъ 1877 года. Я не согласился съ Ал. Михайловымъ...» [1]).

5.

Въ началѣ весны 1879 года Г. В. Плехановъ вошелъ въ редакцію «Земли и Воли». Впрочемъ, на литературное поприще онъ вступилъ еще ранѣе этого. Уже весной 1878 года имъ *написана* была программа землевольческой партіи, а въ концѣ 1878 года въ «Землѣ и Волѣ» появились двѣ его корреспонденціи (о движеніи среди донскихъ казаковъ и о движеніи среди рабочихъ на Новой Бумагопрядильнѣ). Въ январѣ и февралѣ 1879 года были напечатаны въ томъ же изданіи двѣ его статьи подъ общимъ названіемъ: «Законъ экономическаго развитія общества и задачи соціализма въ Россіи».

Въ этихъ первыхъ своихъ произведеніяхъ Г. В. Плехановъ

[1]) Г. В. Плехановъ. Предисловіе къ книгѣ А. Тунъ «Исторія револ. движеній въ Россіи». Женева, 1903 г., стр. XXX—XXXI.

сразу выступаетъ передъ нами, какъ исключительно яркая писательская индивидуальность. Блестящій, мужественный стиль, желѣзная логика, самостоятельность сужденія — сразу обнаруживаютъ въ авторѣ мощный оригинальный талантъ.

Въ первой изъ этихъ статей Г. В. Плехановъ обосновываетъ народническій взглядъ на русскую соціальную проблему. Содержаніе ея, вкратцѣ, таково.

— « Было время, пишетъ Плехановъ, — когда творить соціальные перевороты считалось дѣломъ сравнительно очень нетруднымъ. Стоило устроить заговоръ, захватить въ свои руки власть и затѣмъ обрушиться на головы своихъ подданныхъ рядомъ благодѣтельныхъ декретовъ. Человѣчество считали способнымъ « познать по приказанію начальства » и провести въ жизнь любую истину. Такое воззрѣніе свойственно было, впрочемъ, не однимъ революціонерамъ. Оно вытекало изъ общаго взгляда на соціальныя явленія, по которому всѣ они обусловливаются волею одного или нѣсколькихъ лицъ, держащихъ « кормило правленія ».

« Когда убѣдились, что исторія создается взаимодѣйствіемъ народа и правительства, при чемъ за народомъ остается гораздо большая доля вліянія, — большинство революціонеровъ перестало мечтать о захватѣ власти. Они поняли, что перевороты бываютъ гораздо болѣе прочными, когда они идутъ снизу.

« Поскольку эти взгляды обусловливали собою измѣненіе старой формулы революціонеровъ « все для народа » въ томъ смыслѣ, что все должно быть сдѣлано посредствомъ народа, — они были шагомъ впередъ въ воззрѣніяхъ соціалистовъ, но и они не отводили надлежащаго мѣста законамъ общественнаго развитія...

« Родбертусъ, Энгельсъ, Карлъ Марксъ, Дюрингъ образуютъ блестящую плеяду представителей позитивнаго періода въ развитіи соціализма. У автора « Капитала » соціализмъ является самъ собою изъ хода экономическаго развитія западно-европейскихъ обществъ. Марксъ указываетъ намъ, какъ сама жизнь намѣчаетъ необходимыя реформы общественной кооперації страны, какъ самая форма производства предрасполагаетъ умы массъ къ принятію соціалистическихъ ученій... Онъ показываетъ намъ, когда, въ какихъ формахъ и въ какихъ предѣлахъ соціалистическая пропаганда можетъ считаться производительною тратою силъ. « Когда какое-нибудь общество напало на слѣдъ естественнаго закона своего развитія, — говоритъ онъ, — оно не въ состояніи ни перескочить черезъ естественныя фазы своего развитія, ни отмѣнить ихъ при помощи декрета; но оно можетъ облегчить и сократить мученія родовъ ». Вліянію пропаганды онъ указываетъ, такимъ образомъ, предѣлы въ экономической исторіи общества.

« Посмотримъ же, къ чему обязываетъ насъ ученіе Маркса... Общество не можетъ перескочить черезъ естественныя фазы « своего развитія, *когда оно напало на слѣдъ естественнаго закона своего*

развитія », говоритъ Марксъ. Значитъ, покуда общество не нападало еще на слѣдъ этого закона, обусловливаемая этимъ послѣднимъ смѣна экономическихъ фазисовъ для него не обязательна.

« Естественно возникаетъ вопросъ : когда же западно-европейскія общества,—служившія объектомъ наблюденія для Маркса, — напали на этотъ роковой слѣдъ? Намъ кажется, что это случилось именно тогда, когда пала западно-европейская община.

«Поэтому, пока за земельную общину держится большинство нашего крестьянства, мы не можемъ считать наше отечество ступившимъ на путь того закона, по которому капиталистическая продукція была бы необходимою станціею на пути его прогресса. Тенденція этого закона будетъ заключаться, напротивъ, въ пониженіи уровня соціальныхъ чувствъ нашего народа, между тѣмъ какъ на Западѣ онъ былъ когда-то явленіемъ дѣйствительно прогрессивнымъ ».

Но противъ общиннаго быта работаетъ государственная власть. « Значитъ, главныя усилія... должны быть направлены на устраненіе развращающаго вліянія современнаго государства. А оно можетъ быть устранено только окончательнымъ разрушеніемъ государства и предоставленіемъ нашему освобожденному крестьянству возможности устраиваться « на всей своей волѣ ».

Тѣмъ не менѣе, непосредственной задачей предстоящаго переворота не будетъ установленіе коллективизма. « По нашему мнѣнію, — пишетъ Плехановъ, — еще не настало время пропаганды коллективнаго труда. А не настало оно потому, что при томъ первобытномъ способѣ земледѣлія, какой практикуется нашимъ крестьянствомъ, коллективный трудъ немного измѣнилъ бы условія успѣшности труда... Пропаганда коллективнаго труда станетъ на очереди при замѣнѣ экстенсивной культуры земли интенсивною и первобытныхъ сохъ — орудіями, по самой природѣ своей требующими кооперація всѣхъ или нѣсколькихъ членовъ общинъ.

« Короче сказать, одно изъ требованій западно-европейскаго соціализма, коллективизмъ владѣнія, составляетъ у насъ существующій фактъ; другое, коллективизмъ труда, не имѣетъ подъ собою почвы въ техникѣ русскаго земледѣлія.

« Такимъ образомъ, мы a priori пришли къ тѣмъ же практическимъ задачамъ, которыя ставили себѣ титаны народно-революціонной обороны : Болотниковъ, Булавинъ, Разинъ, Пугачевъ и другіе. Мы пришли къ « Землѣ и Волѣ ».

Такова была — въ основныхъ чертахъ — народническая концепція Г. В. Плеханова. Легко видѣть, что въ существенныхъ пунктахъ она совпадала съ концепціей М. А. Бакунина : тутъ было и отрицаніе « политики », и русская община, и « титаны народно-революціонной обороны » : Разинъ, Пугачевъ и другіе. Но есть и разница. Она состоитъ, главнымъ образомъ, въ поразительной ясности постановки вопросовъ и глубокой продуманности, строй-

ности всей системы Г. В. Плеханова. Далѣе. Признавая заслуги Маркса, Бакунинъ не заострялъ вопроса о задачахъ соціализма въ Россіи такъ, какъ это сдѣлалъ молодой бакунистъ Плехановъ : *къ чему обязываетъ русскихъ соціалистовъ ученіе Маркса?*

То « великое уваженіе » къ Марксу, которое, по собственнымъ словамъ Плеханова, онъ впервые вынесъ изъ сочиненій Бакунина, было явно сильнѣе у ученика, чѣмъ у учителя, хотя и ученикъ былъ въ то время еще очень далекъ отъ марксизма : сопоставленіе именъ Дюринга и Маркса, да и вся вообще концепція Плеханова доказываетъ это. Какъ на характерную особенность этой концепціи слѣдуетъ указать еще на то, что въ ней было твердо установлено положеніе : « коллективизмъ труда не имѣетъ подъ собою почвы въ техникѣ земледѣлія ». Хотя это положеніе выступало въ соединеніи съ вѣрою въ будущее развитіе общины въ сторону коллективизма при улучшеніи техники земледѣлія, все же нельзя не признать его чрезвычайно знаменательнымъ : оно показываетъ, что Г. В. Плехановъ уже въ то время довольно трезво глядѣлъ на ближайшія задачи русской революціи и не предавался иллюзіи немедленнаго осуществленія соціализма въ Россіи.

Исходные пункты духовнаго развитія Г. В. Плеханова видны изъ разбираемой нами теоретической его статьи. Относясь отрицательно къ захвату власти и соціальному экспериментированію посредствомъ декретовъ, Плехановъ ставилъ передъ собою задачу доказать, какимъ образомъ новый благодѣтельный для народа общественный идеалъ, *выростая изъ непосредственныхъ народныхъ потребностей*, могъ бы быть осуществленъ *посредствомъ самаго народа?* Это была та великая задача, надъ разрѣшеніемъ которой бился геніальный русскій мыслитель — В. Г. Бѣлинскій, опредѣлявшій ее на гегельянскомъ языкѣ, какъ задачу *развить идею отрицанія*, т. е., привести доказательство неизбѣжности *внутренняго развитія* русскихъ общественныхъ отношеній въ сторону новыхъ соціальныхъ формъ. На разрѣшеніе этой проблемы Г. В. Плехановъ не разъ указывалъ впослѣдствіи, какъ на главную задачу своей дѣятельности и, характерно, что уже въ своей первой научной работѣ онъ ищетъ ключа къ ея разгадкѣ въ ученіи Карла Маркса. Вся послѣдующая работа Г. В. Плеханова была посвящена разработкѣ тѣхъ же мыслей и заданій, которыя волновали его въ юности, и онъ былъ глубоко правъ, когда говорилъ въ свои зрѣлые годы : « Мое нынѣшнее міросозерцаніе представляетъ собой не болѣе, какъ логическое развитіе основной мысли, увлекавшей меня уже тогда, когда я работалъ въ органахъ революціоннаго народничества » [1]).

На пути развитія этой мысли, передъ Г. В. Плехановымъ стали два основныхъ вопроса : во-первыхъ, какъ относится поли-

[1]) Г. В. Плехановъ. Предисловіе къ тому собранію его сочиненій, Женева, 1905 г., стр. IX.

тика къ экономикѣ, и, во-вторыхъ, напала-ли Россія на слѣдъ естественнаго закона своего развитія? Оба эти вопроса были отчетливо поставлены въ первой статьѣ Плеханова о « Законѣ экономическаго развитія ». Въ дальнѣйшемъ мы увидимъ, какъ онъ разрѣшилъ ихъ.

Во второй статьѣ о « Законѣ экономическаго развитія » Г. В. Плехановъ подводилъ итоги своего бунтарскаго опыта. Мы видѣли, что опытъ этотъ былъ весьма значителенъ, а, главное, пріобрѣтенъ въ дѣятельности среди подлиннаго народа, къ общенію съ различными слоями котораго — съ рабочими, крестьянами, казаками — Плехановъ упорно стремился, отдавая работѣ среди интеллигенціи гораздо менѣе времени и вниманія. Мы видѣли, далѣе, какъ опытъ съ Казанской демонстраціей уяснилъ Плеханову ошибочность его первоначальнаго отвлеченнаго понятія объ агитаціи и привелъ его къ заключенію о необходимости руководствоваться « существующимъ настроеніемъ и данными насущными нуждами той среды, въ которой собираемся агитировать ». Эту мысль Плехановъ и развиваетъ во второй своей статьѣ о « Законѣ экономическаго развитія ».

— « Конкретный умъ рабочаго — пишетъ онъ — плохо поддается на отвлеченныя логическія соображенія; для него гораздо понятнѣе пропаганда фактами, тѣмъ болѣе, что эта пропаганда фактами, по необходимости, должна стать на почву обыденныхъ и осязательныхъ для него интересовъ. » Настаивая на этой « пропагандѣ фактами », Г. В. Плехановъ очень ѣдко высмѣиваетъ тѣхъ соціалистовъ, которые шли къ рабочимъ съ непонятными для нихъ « лекціями о каменномъ періодѣ и о планетахъ небесныхъ », и указываетъ, кромѣ того, на ложность того общаго понятія о роли рабочихъ въ революціонномъ движеніи, которое было распространено въ ту пору между народниками и которое, какъ мы знаемъ, было свойственно самому Плеханову во время его перваго знакомства съ рабочимъ Митрофановымъ. Г. В. Плехановъ призываетъ народниковъ пересмотрѣть ихъ взглядъ на « развращенныхъ рабочихъ ». « Вопросъ о городскомъ рабочемъ — пишетъ онъ — принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые, можно сказать, самою жизнью самостоятельно выдвигаются впередъ, на подобающее имъ мѣсто, вопреки апріорнымъ теоретическимъ рѣшеніямъ революціонныхъ дѣятелей ». Мы не станемъ слѣдить за тѣми доводами, которые приводилъ Плехановъ въ защиту этой своей мысли, — эти доводы, были еще всецѣло пропитаны духомъ народничества, — но считаемъ необходимымъ обратить вниманіе на ту чуткость къ запросамъ жизни, на ту свободу отъ догматизма, отъ « апріорныхъ рѣшеній революціонныхъ дѣятелей », съ которымъ Г. В. Плехановъ уже въ то отдаленное время приступалъ къ рѣшенію общественныхъ вопросовъ.

XXV

6.

Какъ мы уже знаемъ, осенью 1878 г. Ал. Михайловъ впервые высказалъ Плеханову ту мысль, что партія «Земля и Воля» должна временно отказаться отъ широкой агитаціи въ народѣ и сосредоточить свои силы на террорѣ. Къ серединѣ 1879 года эта мысль получила значительное распространеніе въ кругу землевольцевъ. Агитація среди крестьянъ оказалась дѣломъ настолько труднымъ, а, главное, медленнымъ, что многіе народники стали говорить о ней въ такихъ выраженіяхъ: «работать въ крестьянствѣ значитъ биться какъ рыба объ ледъ» или заниматься «наполненіемъ бездонныхъ бочекъ Данаидъ». Это вело къ тому, что они — по словамъ М. Н. Оловенниковой-Ошаниной — «начинали все меньше и меньше вѣрить въ способность народа добиться чего-нибудь собственными силами и все больше и больше придавали значенія иниціативѣ революціонеровъ» («Былое», іюнь 1907 г.). Но, переставая вѣрить въ способность народа «добиться чего-нибудь» собственными силами и проникаясь убѣжденіемъ въ необходимости и возможности «добиться всего» силами иниціативнаго революціоннаго меньшинства, — эта часть землевольцевъ, естественно, приближалась къ мысли о захватѣ государственной власти въ свои руки для того, чтобы, пользуясь этой властью, осуществить сверху свой общественный идеалъ.

Раньше другихъ къ этой идеѣ пришелъ П. Н. Ткачевъ. Въ своихъ статьяхъ онъ утверждалъ, что народная масса «всегда будетъ противницей идеи самопомощи», и призывалъ революціонеровъ къ захвату власти. При этомъ онъ вполнѣ раздѣлялъ вѣру Бакунина въ «коллективнаго Стеньку Разина» и въ то, что народъ русскій «гораздо ближе къ соціализму, чѣмъ народы Запада». Въ ученіе Бакунина онъ вносилъ лишь тотъ коррективъ, что отказывался отъ построенія своей тактики на основѣ самодѣятельности народа и не относился абсолютно враждебно къ «политикѣ», которую представлялъ себѣ въ видѣ диктатуры революціоннаго меньшинства. Но тѣмъ самымъ Ткачевъ и его послѣдователи вытравливали изъ народничества его живую душу: вѣру въ народъ, завѣтъ борьбы для народа *посредствомъ* народа.

Какъ правовѣрный народникъ, какъ пламенный бунтарь, Г. В. Плехановъ не могъ помириться съ этимъ. Не могъ тѣмъ болѣе, что превосходно понималъ всю теоретическую несостоятельность и практическую гибельность идеи захвата власти революціоннымъ меньшинствомъ и уже въ статьѣ о «Законѣ экономическаго развитія» ѣдко высмѣивалъ эту нелѣпую идею введенія соціализма «по приказанію начальства».

Поэтому, когда въ концѣ 1879 года на землевольческомъ съѣздѣ въ Воронежѣ былъ поднятъ вопросъ объ усиленіи, такъ

называемой, «дезорганизаторской» дѣятельности, Г. В. Плехановъ рѣшительно выступилъ противъ этого предложенія. Не потому, что онъ былъ принципіальнымъ противникомъ террора, а потому, что террористическая дѣятельность начинала отвлекать землевольцевъ отъ работы въ народѣ. «Дезорганизаторская» дѣятельность — говорилъ Плехановъ — дезорганизуетъ не правительство, а насъ самихъ. Даже полная удача самаго главнаго «дезорганизаторскаго» плана приведетъ не къ перемѣнѣ политической системы, а къ вставкѣ трехъ палочекъ вмѣсто двухъ при имени «Александръ». Стремиться къ этому, забывая о классовой борьбѣ, забывая о правилѣ: «освобожденіе народа должно быть дѣломъ самого народа» — равносильно измѣнѣ народному дѣлу.

Большинство съѣзда, хотя и состояло изъ сторонниковъ старой тактики, все же не сочувствовало такой рѣзкой постановкѣ вопроса. Оно искало компромисса, но Г. В. Плехановъ оставался непреклоннымъ и заявилъ, что резолюціи въ родѣ той, которая обѣщала затрачивать на дѣло «дезорганизаціи» не болѣе одной трети партійныхъ средствъ, ни къ чему не приведутъ, ибо неумолимой логикой фактовъ землевольцы вынуждены будутъ посвятить террору всѣ свои силы и всѣ свои средства. Не встрѣтивъ поддержки, Г. В. Плехановъ покинулъ съѣздъ. На слѣдующій день онъ прислалъ его участникамъ свой письменный протестъ и заявленіе о выходѣ изъ общества. Но это не измѣнило рѣшеній съѣзда [1]).

— «Я уѣхалъ изъ Воронежа въ Кіевъ, — пишетъ Г. В. Плехановъ въ своихъ воспоминаніяхъ, напечатанныхъ въ «Искрѣ» (№ 54 отъ 1 декабря 1903 г.), — увозя съ собой безотрадное убѣжденіе въ томъ, что *народничество*, казавшееся мнѣ тогда единственнымъ возможнымъ въ Россіи видомъ *соціализма*, погибаетъ, главнымъ образомъ, благодаря нелогичности самихъ *народниковъ*; я сознавалъ, что одинъ въ полѣ не воинъ, и съ тоской спрашивалъ себя: что же мнѣ остается дѣлать? Но въ Кіевѣ я скоро узналъ, что въ Петербургъ пріѣхали изъ заграницы В. И. Засуличъ, Л. Дейчъ и Я. Стефановичъ... и что они... отстаиваютъ старый *агитаціонный* способъ дѣйствій. Я поспѣшилъ въ Петербургъ и здѣсь, къ удовольствію своему, убѣдился, что названные товарищи согласны со мною почти во всѣхъ вопросахъ революціонной теоріи и практики. Съ неменьшимъ удовольствіемъ увидѣлъ я также, что... «землевольцы», обнаружившіе такую странную непослѣдовательность на съѣздѣ, замѣтили свою ошибку и старались поправить ее,

---

[1]) Отмѣтимъ еще одинъ случай, когда Г. В. Плехановъ разошелся съ большинствомъ землевольцевъ. Поводомъ послужило на этотъ разъ знаменитое чигиринское дѣло, созданное посредствомъ обращенія къ крестьянамъ съ подложною царскою грамотой. Г. В. Плехановъ рѣзко возсталъ тогда противъ этой мистификаціи. Впослѣдствіи онъ всегда столь же рѣшительно и энергично боролся со всякими попытками дѣйствовать сомнительными пріемами, по правилу: «цѣль оправдываетъ средство».

насколько это было въ ихъ силахъ ». Въ результатѣ, общество « Земля и Воля » раскололось на двѣ новыхъ организаціи : « Черный Передѣлъ », во главѣ котораго сталъ Г. В. Плехановъ, и « Народную Волю ».

Обстоятельства крайне не благопріятствовали черноперед'ѣльцамъ, и ихъ организація не получила широкаго развитія. Имъ удалось поставить нелегальную типографію въ Петербургѣ, но вслѣдствіе предательства одного изъ наборщиковъ она была арестована 22 января 1880 г., при чемъ полиція захватила часть отпечатаннаго уже перваго номера газеты «Черный Передѣлъ». Пришлось переиздать этотъ номеръ заграницей. Тамъ же заграницей, были отпечатаны №№ 2 и 4; № 3 вышелъ въ Россіи. Кромѣ « Чернаго Передѣла » новая организація издала еще два номера газеты для рабочихъ « Зерно » и нѣсколько прокламацій.

На статьяхъ, напечатанныхъ Г. В. Плехановымъ въ этихъ изданіяхъ, мы останавливаться не станемъ : онѣ написаны очень ярко, но не вносятъ ничего существенно новаго въ уже знакомую намъ народническую концепцію Г. В. Плеханова.

Сравнивая народничество съ народовольчествомъ Плехановъ писалъ впослѣдствіи, что хотя и то и другое направленія давали утопическія рѣшенія русскихъ общественныхъ вопросовъ, но эти рѣшенія « неодинаково далеко отстояли отъ истиннаго. Народническое рѣшеніе было все-таки значительно ближе къ нему, чѣмъ то, которое сначала предлагалось П. Н. Ткачевымъ и, вообще, редакціей « Набата », а потомъ « партіей Народной Воли ». « Народовольцы » были народниками, извѣрившимися въ « народъ ». Въ этомъ — вся тайна ихъ психологіи... Народники имѣли передъ народовольцами то неоспоримое преимущество, что никогда не забывали правила : освобожденіе народа должно быть дѣломъ самого народа » [1]).

« О « черноперед'ѣльцахъ » принято говорить, — писалъ Г. В. Плехановъ въ той же статьѣ, — что ихъ направленіе было *мертворожденнымъ*. Но изъ него развилась русская соціалъ-демократія, давшая чрезвычайно вѣскія доказательства своей жизненности... Если «черноперед'ѣльческая» организація умерла, то умерла родами, произведя на свѣтъ такое направленіе, котораго самый заклятый врагъ его не рѣшился бы назвать мертворожденнымъ. *Подобная* смерть стоитъ продолжительной и, какъ говорятъ французы, хорошо наполненной жизни ».

7.

Описываемый періодъ въ жизни Плеханова былъ полонъ кипучей дѣятельности, тревогъ и лишеній. Георгій Валентиновичъ былъ « нелегальный ». Онъ проживалъ въ Петербургѣ по чужимъ и

[1]) Г. В. Плехановъ, « Неудачная исторія « партіи Народной Воли », « Современный Міръ ». 1912 г., № 5, стр. 162—163.

часто сфабрикованнымъ паспортамъ, и, такъ какъ полиція упорно разыскивала его, то ему приходилось то и дѣло мѣнять жилище. Онъ велъ, какъ говорилъ онъ самъ, жизнь бродяги. Департаментъ полиціи (знаменитое III-е отдѣленіе), плохо разбиравшійся въ различныхъ теченіяхъ въ средѣ организаціи «Земля и Воля», приписывалъ въ это время чуть ли не все, что дѣлали революціонеры (до террористическихъ актовъ включительно) либо самому Плеханову, либо его вліянію. Если бы онъ былъ арестованъ, то ему грозила бы гибель въ казематахъ Шлиссельбурга или на висѣлицѣ.

Плехановъ въ этотъ періодъ своей дѣятельности стоялъ за частичный, въ особенности, фабричный и аграрный терроръ, находя его большимъ вспомогательнымъ средствомъ для агитаціи среди народныхъ массъ. Онъ одобрялъ также рѣшеніе, принятое революціонерами въ царствованіе Александра II, не отдавать себя въ руки полиціи безъ вооруженнаго сопротивленія и самъ тщательно готовился къ этому путемъ разныхъ вооруженныхъ упражненій. Но у Плеханова, какъ говорили друзья его, была «звѣзда». Нѣсколько разъ онъ попадался въ руки полиціи, но каждый разъ, благодаря своей поразительной находчивости, онъ уходилъ изъ рукъ преслѣдователей. О засадахъ, устраиваемыхъ полиціей для поимки его, предупреждалъ его Клѣточниковъ. Разъ, спасъ Георгія Валентиновича Александръ Квятковскій, который, рискуя собственной свободой и жизнью, больше часа прождалъ его на углу Фонарнаго переулка, въ одномъ изъ домовъ котораго ждала его полиція.

Въ это время Плехановъ былъ уже семейнымъ человѣкомъ.

На одной студенческой вечеринкѣ, въ 1877 г., Георгій Валентиновичъ познакомился съ курсисткой медичкой Розаліей Марковной Боградъ. Она была въ то время членомъ одного лавристскаго кружка и живо интересовалась вопросами, волновавшими революціонные круги. На Георгія Валентиновича она съ перваго же знакомства произвела сильное впечатлѣніе. Они стали встрѣчаться, много спорили, такъ какъ расходились во взглядахъ, и въ этихъ долгихъ и горячихъ спорахъ ихъ взаимная симпатія крѣпла. Обстоятельства способствовали дальнѣйшему сближенію ихъ.

Когда разразилась русско-турецкая война (1878 г.), Розалія Марковна начала хлопотать объ отправкѣ ее въ качествѣ сестры милосердія на театръ военныхъ дѣйствій, но, вслѣдствіе канцелярской волокиты, назначеніе пришло поздно, когда армія наша уже отступала. Розалія Марковна, вмѣсто театра военныхъ дѣйствій, была отправлена въ качествѣ помощника врача въ Румынію, въ городъ Бузео, гдѣ она пробыла при 147 госпиталѣ лѣто и осень 1878 г. Здѣсь, присматриваясь къ порядкамъ и людямъ, она изъ мирной лавристки превратилась въ горячую революціонерку.

Возвращаясь въ Петербургъ, она помышляла о томъ, чтобы оставить медицину и отдать свои силы пропагандѣ среди рабочихъ. Скоро при ближайшемъ ея участіи образовался кружокъ, рѣшившій обратиться къ организаціи « Земля и Воля » за руководствомъ и совѣтомъ.

« Земля и Воля » отнеслась сочувственно къ задачамъ юнаго кружка и делегировала въ него, въ качествѣ руководителей, двухъ своихъ членовъ : Георгія Валентиновича и Александра Михайлова. На общей работѣ Георгій Валентиновичъ тѣснѣе сблизился съ Розаліей Марковной. Они вмѣстѣ изучали I-й томъ « Капитала » Маркса, читали книгу Ф. Энгельса « Исторія рабочаго движенія въ Германіи ».

Въ январѣ 1879 г. Плехановъ женился на Розаліи Марковнѣ и съ тѣхъ поръ, до конца жизни Георгія Валентиновича, они не разлучались.

Вскорѣ послѣ женитьбы, весной 1879 г., Плехановъ и его жена, по настоянію друзей и членовъ организаціи « Земля и Воля », покинули Петербургъ, въ виду готовившагося покушенія Соловьева на жизнь Александра II. Революціонеры ожидали массовыхъ обысковъ и арестовъ.

Съ этой поры начинается нелегальная жизнь Плехановыхъ. Послѣ короткаго пребыванія въ Ростовѣ на-Дону, гдѣ у Г. В. были дѣла по порученію организаціи « Земля и Воля », Р. М. вернулась на короткое время въ Петербургъ для сдачи письменныхъ работъ въ медицинской школѣ, а изъ Петербурга отправилась въ Кіевъ. Туда же пріѣхалъ и Г. В. Плехановъ послѣ Воронежскаго съѣзда.

Разсказывая Розаліи Марковнѣ о своихъ переживаніяхъ во время этого съѣзда, Георгій Валентиновичъ съ горечью говорилъ о товарищахъ, раздѣлявшихъ его позицію вполнѣ или отчасти, но не имѣвшихъ достаточно рѣшительности, чтобы поддержать его. Онъ разсказалъ также, какъ мило и чутко отнеслась къ нему В. Н. Фигнеръ. Понявъ всю нравственную тяжесть положенія Георгія Валентиновича послѣ разрыва, она успокаивала его, утѣшала, проводила его на вокзалъ. За эту душевную чуткость онъ былъ безконечно признателенъ В. Н.

Въ сентябрѣ 1879 года Георгій Валентиновичъ отправился въ Петербургъ для свиданія съ Л. Г. Дейчемъ и В. И. Засулич. Благодаря прекрасно сфабрикованному паспорту, который предварительно былъ представленъ въ одинъ изъ петербургскихъ участковъ для легализаціи, Плехановы устроились въ центрѣ города, въ Графскомъ переулкѣ, какъ дворяне Сѣмашко, помѣщики Тамбовской губерніи. Тутъ, въ тихой, уютной квартирѣ Георгій Валентиновичъ отдохнулъ на время отъ треволненій и скитаній и могъ заняться составленіемъ перваго номера газеты « Черный Передѣлъ ». Здѣсь же онъ написалъ статью, которая была помѣще-

на въ « Русскомъ Богатствѣ ». Рабочая духовная энергія, въ этотъ періодъ его нелегальной жизни, была неисчерпаема. Онъ вставалъ рано, ложился очень поздно, читалъ, дѣлалъ записи, писалъ, поправлялъ статьи. Только поздно вечеромъ онъ покидалъ письменный столъ, чтобы отнести рукописи въ тайную типографію.

Относительно тихій и спокойный періодъ жизни для Плехановыхъ длился не долго. Въ декабрѣ 1879 г. явились признаки слѣжки за ихъ квартирой. Не совсѣмъ благополучно обстояло дѣло и съ редакціей и типографіей « Чернаго Передѣла ».

Георгій Валентиновичъ долго не уступалъ настояніямъ друзей и мольбамъ Р. М. уѣхать заграницу. Ему не хотѣлось оставить дѣло, жену, и родившуюся въ декабрѣ дочку. Но кончилось тѣмъ, что онъ уступилъ.

За нѣсколько дней до отъѣзда Плеханова заграницу, перевезли еще не совсѣмъ оправившуюся послѣ родовъ Розалію Марковну въ гостепріимную семью писателя-народника Златовратскаго, а ребенка, двухнедѣльную Вѣрочку, въ квартиру Т. В. Поллякъ, принявшую на себя заботы о дѣвочкѣ.

Георгій Валентиновичъ сильно страдалъ и волновался отъ предстоявшей разлуки съ семьей. Но ѣхать надо было, надъ его головой, какъ и надъ головами его товарищей, нависли грозныя тучи.

Въ январѣ 1880 года одновременно, но разными путями, выѣхали за-границу Дейчъ, Засуличъ, Стефановичъ и Плехановъ. « Оставаться имъ дольше въ Россіи — говоритъ О. В. Аптекманъ — нельзя было, это значило самимъ имъ добровольно отдаться въ руки правительства. Дѣло вотъ въ чемъ. Послѣ 19 ноября 1879 г, т. е., послѣ взрыва подъ Москвою, сталъ упорно циркулировать слухъ въ Петербургѣ, что полиція намѣрена провѣрить всѣ паспорта, по которымъ прописаны и живутъ въ столицѣ ея граждане. Сначала этому слуху не придавали значенія. Но въ январѣ 1880 г. мы убѣдились, что слухъ этотъ былъ совершенно основателенъ : сталъ фактомъ. Встревожились всѣ революціонныя организаціи, въ томъ числѣ, само собою, и чернопередѣльческая... Созвали совѣтъ и на совѣтѣ рѣшили, чтобы наиболѣе скомпрометированныя лица немедленно выѣхали заграницу ».

Съ этой поры начинается долгая, 37-лѣтняя жизнь Г. В. Плеханова въ изгнаніи, жизнь, полная — въ особенности въ первую половину этого длиннаго періода — матеріальныхъ лишеній и правительственныхъ преслѣдованій.

Матеріальныя лишенія начались съ перваго же дня послѣ выѣзда Г. В. Плеханова изъ Россіи. Вмѣстѣ съ Розаліей Марковной пришлось ему бороться съ нуждой. — Въ маѣ 1880 г. Р. М., преслѣдуемая полиціей, покинула Петербургъ, оставивъ ребенка на попеченіи Т. В. Поллякъ и пріѣхала въ Женеву гдѣ жилъ Г. В.

Было условлено, что спустя нѣкоторое время послѣдуетъ за ней и Т. В. съ ребенкомъ. Но дѣвочка захворала и умерла.

Это было тяжелымъ ударомъ для Плехановыхъ. Т. В. Полякъ пріѣхала заграницу одна. Это была въ высокой степени отзывчивая, безконечно преданная Плехановымъ женщина, которая усердно помогала имъ въ той тяжелой борьбѣ за существованіе, которую имъ пришлось тогда вести. Она была больна туберкулезомъ и умерла, два года спустя, на рукахъ Розаліи Марковны, оставивъ по себѣ въ семьѣ Плехановыхъ благоговѣйную память.

Проживъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Женевѣ и затѣмъ Кларанѣ, Плехановы отправились въ Парижъ, надѣясь, что здѣсь имъ легче будетъ найти себѣ какой нибудь заработокъ, а, главнымъ образомъ, чтобы пожить жизнью города-свѣточа. Послѣ долгихъ безрезультатныхъ поисковъ имъ «удалось» черезъ одного поляка достать работу: надписываніе конвертовъ для аптеки, за грошевую, конечно, оплату. Средствъ у Плехановыхъ въ это время не было никакихъ, они располагали лишь небольшимъ кредитомъ въ молочной лавкѣ, гдѣ могли получать только сыръ и яйца. Денегъ на покупку денатурированнаго спирта для спиртовки у нихъ не было, приходилось глотать яйца въ сыромъ видѣ. Когда, наконецъ, работа была закончена, Г. В. Плехановъ, раннимъ утромъ, торжественно направился къ своему «работодателю» поляку, неся въ рукахъ конверты и радостно предвкушая тотъ праздникъ, который долженъ былъ наступить въ ихъ домѣ послѣ полученія денегъ. Но полякъ еще спалъ, когда Плехановъ явился къ нему, и, будучи разбуженъ, оказалъ Г. В. весьма грубый пріемъ. Плехановъ вспыхнулъ, швырнулъ ему конверты въ лицо и выбѣжалъ вонъ.

Положеніе Плехановыхъ въ это время было, поистинѣ, ужасное. Неудачи преслѣдовали ихъ во всѣхъ начинаніяхъ. Плехановъ началъ, напримѣръ, составлять біографію Мишлэ, но издатель, заказавшій эту біографію, вдругъ куда то исчезъ. Точно такъ же ничего не вышло изъ перевода романа по заказу одного литературнаго предпринимателя. Но молодость и интересъ къ новой жизни брали верхъ надъ лишеніями. Г. В. и Р. М. Плехановы и даже больная Т. В. Полякъ посѣщали собранія парижскихъ рабочихъ, подъ вліяніемъ возвращенія коммунаровъ проснувшихся отъ десятилѣтняго сна, въ который вогнали ихъ кровопусканіе майскихъ дней и репрессіи правительства Тьера. Георгій Валентиновичъ принималъ дѣятельное участіе во встрѣчѣ коммунаровъ, знакомился съ ними, участвовалъ въ соціалистическихъ бесѣдахъ и кружкахъ.

Между тѣмъ, матеріальныя дѣла Плехановыхъ все ухудшались. Отъ квартиры, которую они занимали втроемъ съ Т. В. Поляк, имъ было отказано, и они были вынуждены уѣхать въ деревню Molliére, въ полутора часахъ ѣзды отъ Парижа. Хозяинъ, заставившій семью Плехановыхъ очистить квартиру, не подозрѣвалъ, что

этимъ онъ спасъ жизнь Георгію Валентиновичу. Французскіе крестьяне оказались крайне милы къ иностранцамъ. Имъ открыли кредитъ на все и, хотя деньги въ семьѣ по прежнему почти не водились, но можно было прожить, не голодая, до тѣхъ поръ, пока Плеханову, благодаря рекомендаціи П. А. Лаврова, въ 1881 г. удалось пристроить свою очень расхваленную Н. К. Михайловскимъ статью: «Экономическая теорія Родбертуса Ягецова». Н. К. Михайловскій прислалъ немного денегъ впередъ до напечатанія статьи и просилъ Георгія Валентиновича еще писать. Дѣла Плехановыхъ улучшились. Розалія Марковна съ четырехмѣсячной малюткой, родившейся въ Mollière, и больной подругой смогли переѣхать въ Швейцарію. Впрочемъ, денегъ было въ обрѣзъ, и поѣхать онѣ смогли только благодаря счастливому случаю: удалось купить въ августѣ мѣсяцъ за крайне дешевую цѣну два обратныхъ билета d'un train de plaisir, который назывался тогда путешествующей публикой train de martyr, такъ душно, тѣсно и скверно было въ нихъ ѣхать. Но впереди улыбалась Швейцарія!

Георгій Валентиновичъ остался въ Mollière, какъ говорилъ онъ, въ качествѣ «заложника», пока не получатся остальныя деньги изъ конторы «Отечест. Записокъ» и явится возможность уплатить лавочницѣ, мяснику и др. кредиторамъ. На этотъ разъ деньги изъ Петербурга заставили себя ждать. Плехановъ пріѣхалъ къ семьѣ, въ Кларанъ, только поздней осенью.

8.

Среди всѣхъ этихъ волненій и заботъ о кускѣ хлѣба Г. В. Плехановъ съ поразительною энергіей работалъ надъ своимъ самообразованіемъ. Но, чѣмъ болѣе углублялся онъ въ книги, чѣмъ основательнѣе знакомился съ исторіей и теоріей соціализма, тѣмъ яснѣе замѣчалъ онъ несостоятельность своего народническаго міросозерцанія и тѣмъ глубже проникался соціалъ-демократическими идеями. А такъ какъ эти идеи были совершенно несовмѣстимы съ пренебрежительнымъ отношеніемъ къ «политикѣ», то Г. В. Плехановъ, естественно, все болѣе и болѣе склонялся къ сближенію съ народовольцами, хотя и въ письмахъ своихъ къ друзьямъ, и на собраніяхъ русской колоніи въ Парижѣ высказывалъ тотъ взглядъ, что на 1 марта 1881 года необходимо смотрѣть, какъ на начало конца партіи Народной Воли. Побужденія чисто нравственнаго характера тоже толкали Плеханова къ сближенію съ народовольцами: «Мы сочли себя нравственно обязанными — объяснялъ впослѣдствіи Г. В. Плехановъ — поддержать нашихъ бывшихъ товарищей, которыхъ мы привыкли цѣнить на общемъ дѣлѣ, которые были на голову разбиты ненавистнымъ намъ врагомъ и съ которыми мы уже съ 1881 года не переставали поддерживать

дружескія сношенія, помогая имъ всѣмъ, чѣмъ только мы могли тогда помочь». («Искра», № 54.). Поэтому, когда у Исполнительнаго комитета Народной Воли возникла мысль издавать за-границей научно-революціонный журналъ — « Вѣстникъ Народной Воли », то Г. В. Плехановъ принялъ предложеніе вступить въ составъ редакціи. Но дѣло затягивалось по разнымъ причинамъ, и только къ лѣту 1883 года Плехановъ, вмѣстѣ съ П. Л. Лавровымъ и Л. Тихомировымъ, приступилъ къ составленію первой книжки журнала. При этомъ Г. В. Плехановъ не скрывалъ своихъ соціалъ-демократическихъ взглядовъ и поставилъ вопросъ ребромъ о предоставленіи ему права свободно высказывать въ журналѣ эти взгляды. Тихомировъ, который относился къ соціалъ-демократіи крайне отрицательно, согласился все же предоставить Плеханову эту свободу и даже заявилъ, что журналъ объявитъ себя со временемъ соціалъ-демократическимъ, однако, указывалъ на предубѣжденіе революціонеровъ противъ соціалъ-демократіи и просилъ Плеханова придерживаться тактики постепеннаго подготовленія читателей къ усвоенію соціалъ-демократическихъ взглядовъ. Какови бы ни были побужденія Тихомірова, — говоритъ Г. В. Плехановъ, — « договоръ былъ заключенъ, и въ результатѣ его явилась моя замѣтка о книгѣ Аристова « Афанасій Прокофьевичъ Щаповъ », написанная именно согласно съ планомъ постепеннаго подготовленія русскаго революціоннаго читателя къ воспріятію соціалъ-демократическихъ идей. Сравнивая Щапова съ Чернышевскимъ, я говорилъ въ ней, что первый относится ко второму « какъ современный демократъ относится къ *соціалъ-демократу* » (курсивъ въ подлинникѣ), и что, конечно, « наши симпатіи лежатъ на сторонѣ послѣдняго ». Далѣе, я напоминалъ слова Маркса о томъ, что соціальная революція 19 вѣка можетъ черпать свою поэзію не въ прошломъ, а только въ будущемъ, и что она не можетъ начаться до тѣхъ поръ, пока не уничтожатся всѣ суевѣрія прошлаго : это направлялось противъ народнической идеализаціи «устоевъ »... Я называлъ Чернышевскаго родоначальникомъ русской соціалъ-демократіи, а въ заключеніе говорилъ нашимъ революціонерамъ, что старыя формы народной жизни и народнаго міросозерцанія слишкомъ тѣсны для того, чтобы воплотить въ себя практику и теорію новаго движенія : « Укрѣпившись въ этомъ сознаніи, наша соціально-революціонная партія начнетъ третій, непредвидѣнный Щаповымъ періодъ « земскаго строенія », равно далекій, какъ отъ земско-вѣчевого, такъ и единодержавно-бюрократическаго « опыта » — именно, *періодъ соціально-демократическій* ». — Это было, кажется, ясно, пожалуй, даже слишкомъ ясно для перваго раза; но мнѣ хотѣлось высказаться еще яснѣе, и я написалъ для первой же книжки « *Вѣстника Народной Воли* » статью « Соціализмъ и политическая борьба », въ которой пошелъ еще дальше и критиковалъ самое « партію Народной Воли ».

Моя критика отличалась значительной рѣзкостью; такъ я утверждалъ, что названная партія *была самой революціонной, но за то и самой безпринципной изо всѣхъ существовавшихъ у насъ революціонныхъ партій*. Г. Тихомировъ морщился и усиленно зѣвалъ, уговаривая меня быть помягче, но соглашался на помѣщеніе въ первой же книжкѣ «Вѣстника Народной Воли» и статьи, и рецензіи». Однако, въ ближайшемъ же времени онъ измѣнилъ свое рѣшеніе, и тогда — продолжаетъ Плехановъ — «я вышелъ изъ редакціи «Вѣстника Народной Воли». Мы (т. е., П. Б. Аксельродъ, Л. Г. Дейчъ, В. И. Засуличъ, В. Н. Игнатовъ и, разумѣется, Г. В. Плехановъ. *Ю. А.*) выступили, какъ группа, назвавшаяся группой «Освобожденіе Труда», и моя статья «Соціализмъ и политическая борьба» явилась въ видѣ отдѣльной брошюры послѣ того, какъ я дополнилъ ее и *значительно смягчилъ заключавшуюся въ ней критику «партіи Народной Воли»* («Искра», № 54).

Предпринимая эти смягченія, Г. В. Плехановъ руководствовался все той же тактикой постепенной подготовки русскаго революціоннаго читателя къ усвоенію соціалъ-демократическихъ идей. Но тактика эта не дала положительныхъ результатовъ: брошюра Плеханова была принята народовольческими кругами до послѣдней степени враждебно. Тогда Г. В. Плехановъ выступилъ со своей знаменитой книгой «Наши разногласія» (она появилась въ 1885 г.) и въ этой книгѣ съ несравненно большею откровенностью развернулъ новую систему своихъ взглядовъ, подвергнувъ старыя революціонныя теоріи безпощадно смѣлой критикѣ...

Между тѣмъ, матеріальное положеніе Г. В. Плеханова продолжало оставаться до крайности стѣсненнымъ.

Розалія Марковна выбивалась тогда изъ силъ, готовясь къ экзаменамъ на полученіе степени доктора медицины и занимаясь въ то же время практикой для прокормленія своей семьи. Мужественной энергіи этой женщины, которая была вѣрнымъ товарищемъ своего мужа въ борьбѣ съ невзгодами, мы обязаны сохраненіемъ жизни Георгія Валентиновича, уже съ начала восьмидесятыхъ годовъ страдавшаго туберкулезомъ, и только благодаря неусыпной бдительности и любовной заботливости Розаліи Марковны сохранившаго силы и работоспособность.

9.

Въ объявленіи «Группы Освобожденія Труда» объ изданіи ею «Библіотеки современнаго соціализма», первымъ выпускомъ которой шла брошюра «Соціализмъ и политическая борьба», Г. В. Плехановъ писалъ по поводу слуховъ о состоявшемся будтобы соединеніи старой группы «Чернаго Передѣла» съ «Народной Волей»: «Какъ читатель можетъ увидѣть изъ брошюры «Соціа-

лизмъ и политическая борьба », это сліяніе затрудняется нашимъ разногласіемъ съ « Народной Волей » по вопросу о такъ называемомъ « захватѣ власти», а также нѣкоторыхъ практическихъ пріемовъ тактики революціонной дѣятельности, вытекающей изъ этого пункта программы ».

Основное программное разногласіе « Группы Освобожденія Труда » съ « Народной Волей » ясно очерчено въ этихъ словахъ. Однако разногласія обѣихъ организацій далеко не ограничивались этими пунктами, они шли рѣшительно по всей линіи ихъ теоріи и практики. Но въ краткомъ очеркѣ нѣтъ возможности подробно остановиться на этихъ разногласіяхъ. Ограничимся, поэтому, сжатымъ изложеніемъ основныхъ идей Г. В. Плеханова, какъ онѣ выразились въ брошюрѣ «Соціализмъ и политическая борьба » и « Наши разногласія ».

Г. В. Плехановъ взялъ быка за рога, объявивъ, что, такъ называемый, « русскій соціализмъ » « до сихъ поръ еще носитъ длинную бакунистскую косу за своей спиною » и во всѣхъ своихъ разновидностяхъ, — въ видѣ ли чистаго бакунизма, народничества тожъ, или въ видѣ бланкизма, проповѣдовавшагося Ткачевымъ и народовольцами, — представляетъ собою одинъ изъ видовъ утопическаго соціализма, т. е., такого соціализма, который не основываетъ своихъ выводовъ на данныхъ точнаго изученія дѣйствительности, а замѣняетъ это изученіе декретированіемъ произвольно придуманныхъ системъ. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда Бакунину, Ткачеву и ихъ послѣдователямъ представлялась необходимость объяснить, на чемъ основуютъ они свою вѣру въ близость Россіи къ соціализму, они не умѣли отвѣтить ничего другого, какъ сослаться на крестьянскую общину и на « коллективнаго Стеньку Разина ». Но движенія темныхъ народныхъ массъ, руководившіяся Разинымъ и Пугачевымъ, не даютъ никакой гарантіи исполненія этой полу-мистической вѣры, точно такъ же, какъ не даетъ ея и ссылка на общину. Уже въ статьѣ о « Законѣ экономическаго развитія » Г. В. Плехановъ пришелъ къ тому выводу, что « коллективизмъ труда не имѣетъ подъ собою почвы въ техникѣ русскаго земледѣлія », но онъ еще вѣрилъ тогда, что съ улучшеніемъ этой техники и устраненіемъ вреднаго вліянія государства, община « самопроизвольно » станетъ развиваться въ сторону коллективизма. Теперь онъ подвергъ анализу эту свою вѣру и убѣдился въ томъ, что улучшеніе техники земледѣлія, расширеніе крестьянской запашки и ослабленіе правительственнаго гнета не только не уменьшитъ, а, вѣроятно, еще болѣе усилитъ ту тенденцію къ разложенію общины, которая явственно замѣчается уже теперь. — « Если бы у насъ дѣйствительно установилось народоправленіе, — писалъ Г. В. Плехановъ, — то самодержавный народъ на вопросъ, — нужна ли ему земля, и слѣдовало ли отобрать ее у помѣщиковъ, — отвѣтилъ бы : да, нужна и отобрать ее слѣдовало. На вопросъ же,

нужно ли ему « начало соціалистической организаціи »,— сначала отвѣтилъ бы, что онъ не понимаетъ, о чемъ его спрашиваютъ, а затѣмъ, съ большимъ трудомъ поняви въ чемъ дѣло, отвѣтилъ бы — нѣтъ, мнѣ этого не нужно. А такъ какъ экспропріація крупныхъ землевладѣльцевъ вовсе не равносильна « началу соціалистической организаціи », то въ результатѣ захвата власти революціонерами не было бы никакого соціализма ». — Если же правительство, образованное этими захватившими власть революціонерами, станетъ, тѣмъ не менѣе, настаивать на построеніи вышеназванной организаціи, то — по словамъ Г. В. Плеханова — « рѣшить эту трудную задачу оно должно будетъ или въ духѣ современнаго соціализма, чему помѣшаютъ, какъ его собственная непрактичность, такъ и современная степень развитія національнаго труда и привычки самихъ трудящихся; или же оно должно будетъ искать спасенія въ идеалахъ « патріархальнаго и авторитетнаго коммунизма », внося въ эти идеалы лишь то видоизмѣненіе, что вмѣсто перувіанскихъ « сыновъ солнца » и ихъ чиновниковъ національнымъ производствомъ будетъ завѣдывать соціалистическая каста. Но русскій народъ и теперь уже слишкомъ развитъ, чтобы можно было льстить себя надеждою на счастливый исходъ опытовъ надъ нимъ ».

Итакъ, съ какой бы стороны Г. В. Плехановъ ни подходилъ къ вопросу, — а онъ проанализировалъ его съ геніальной разносторонностью, — онъ неизмѣнно приходилъ къ тому заключенію, что, въ конечномъ итогѣ, для Россіи неизбѣженъ путь капиталистическаго развитія. — « Ни голословныя отрицанія уже существующаго факта, — писалъ онъ, — ни скорбные возгласы по поводу распаденія старыхъ « кѣковыхъ » формъ народнаго общежитія, — ничто не остановитъ страны, « ступившей на слѣдъ естественнаго закона своего развитія ». Но это развитіе можетъ быть болѣе или менѣе медленнымъ, « роды » окажутся болѣе или менѣе мучительными — въ зависимости отъ комбинаціи всѣхъ общественныхъ и международныхъ отношеній данной страны... Для капитализма труденъ только первый шагъ и его непрерывное движеніе отъ « Запада » къ Востоку совершается съ постоянно возростающимъ ускореніемъ ». Ступивъ на путь капиталистическаго развитія, Россія не будетъ копировать Запада — она пойдетъ по пути капитализма инымъ, ускореннымъ, темпомъ и сложитъ свои общественно-политическія отношенія сообразно своимъ, отличнымъ отъ Запада, историческимъ условіямъ.

Но развитіе капитализма въ Россіи означаетъ ростъ той силы, которая, по самой природѣ своей, враждебна всяческой эксплоатаціи человѣка человѣкомъ — ростъ пролетаріата. Его появленіе на русской исторической сценѣ разрѣшаетъ не только общій вопросъ В. Г. Бѣлинскаго о развитіи идеи отрицанія на русской почвѣ, но и частный вопросъ объ отношеніи политики къ экономикѣ.

« Всякая классовая борьба есть борьба политическая » — училъ Марксъ. Сплоченный и осознавшій себя какъ классъ пролетаріатъ не сможетъ остаться внѣ политической жизни страны. Въ борьбѣ съ абсолютизмомъ ему будетъ принадлежать первенствующая, руководящая роль. Но онъ не долженъ пренебрегать другими, враждебными абсолютизму, силами : онъ долженъ поддерживать всякое революціонное и оппозиціонное движеніе мелкой и крупной буржуазіи, направленное противъ стараго порядка. А такъ какъ моментъ паденія абсолютизма не можетъ совпасть съ моментомъ соціалистическаго переустройства, и будущая русская революція будетъ носить, по существу своему, буржуазный характеръ, то было бы безумiемъ, если бы партія пролетаріата задумала захватить власть въ свои руки: ее ждало бы жестокое пораженіе. Задача завоеванія власти станетъ передъ пролетаріатомъ только тогда, когда будутъ готовы для этого всѣ матеріальныя и моральныя условія,—когда пролетаріатъ будетъ имѣть за собою *большинство* населенія страны. Забѣгать впередъ этого естественнаго хода развитія, совершать соціалистическій переворотъ *за* народъ, или больше того, *вопреки* народу — значитъ губить свое собственное дѣло, измѣнять всему его духу и смыслу. Сообразно съ этимъ, Г. В. Плехановъ писалъ въ предисловіи къ первому марксистскому своему произведенію — « Соціализмъ и политическая борьба » : « Стремленіе работать въ народѣ и для народа, увѣренность въ томъ, что « освобожденіе рабочаго класса должно быть дѣломъ самаго рабочаго класса » — эта практическая тенденція нашего народничества дорога мнѣ по прежнему ». И въ этихъ словахъ онъ связалъ въ единое цѣлое всю цѣпь своего духовнаго развитія отъ народничества къ марксизму.

Останавливаться на другихъ произведеніяхъ Г. В. Плеханова, написанныхъ въ 80-ые годы, мы не станемъ. Самая главная изъ нихъ — разборъ сочиненій Н. Г. Чернышевскаго. Разборъ этотъ былъ произведенъ настолько тщательно, что Плеханову удалось замѣтить такія ошибки въ сложныхъ экономическихъ вычисленіяхъ Чернышевскаго, о которыхъ никто не подозрѣвалъ до этого и на которыя самъ Чернышевскій обратилъ вниманіе лишь во время своего пребыванія въ Сибири, какъ это явствуетъ изъ опубликованныхъ впослѣдствіи его бумагъ.

Въ концѣ 80-хъ годовъ въ Германіи, Франціи и Швейцаріи усилилась, какъ извѣстно, анархическая пропаганда. Имѣя позади себя свой бунтарскій опытъ, Г. В. Плехановъ былъ теперь непримиримымъ противникомъ анархизма (см., написанную имъ въ это время брошюру « Анархизмъ и Соціализмъ »). Тѣмъ не менѣе, въ 1888 г. швейцарское правительство предложило ему покинуть Швейцарію въ 24 часа. Плехановъ жилъ тогда въ Кларанѣ, былъ тяжело боленъ и находился въ крайней нуждѣ. Кое-какъ удалось выхлопотать ему отсрочку высылки. Затѣмъ онъ переѣхалъ въ

Мариэ, французскую деревню на границѣ съ Швейцаріей; здѣсь его время отъ времени могла навѣщать Розалія Марковна, оставшаяся съ дѣтьми въ Женевѣ, гдѣ у нея была медицинская практика. Но французскія власти тоже не оставили Плеханова въ покоѣ и въ 1894 году онъ былъ принужденъ, — въ связи все съ тѣмъ же анархическимъ движеніемъ, — покинуть предѣлы Франціи. Онъ направился въ Лондонъ, гдѣ въ теченіи шести недѣль продиктовалъ В. И. Засуличъ и Потресову свой извѣстный отвѣтъ Н. К. Михайловскому, книгу — « Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію ». Одна крупная лондонская фирма сдѣлала ему чрезвычайно выгодныя предложенія, но Георгій Валентиновичъ отклонилъ его — онъ былъ очень далекъ отъ того, чтобы « пойти на службу къ капиталу ». Между тѣмъ, Розалія Марковна усиленно хлопотала о томъ, чтобы женевскія власти отмѣнили постановленіе о высылкѣ Г. В. Плеханова. Демократическій депутатъ А. Патрю и вождь женевской соціалистической партіи Эритье оказали ей въ этомъ дѣлѣ энергичную поддержку. Въ результатѣ ихъ усилій, Женевскій Государственный Совѣтъ отмѣнилъ, наконецъ, свое постановленіе и въ 1895 году Георгій Валентиновичъ вернулся въ Женеву, гдѣ и прожилъ большую часть слѣдующаго періода своей жизни, до возвращенія въ Россію въ 1917 году.

10.

Жизнь Г. В. Плеханова этого времени настолько тѣсно переплетается съ исторіей рабочаго движенія и всего русскаго общественнаго развитія вообще, что писать о ней значитъ писать исторію Россіи (а отчасти также и Запада) послѣднихъ десятилѣтій. Въ настоящемъ краткомъ очеркѣ мы не можемъ, разумѣется, ставить себѣ подобной задачи и должны ограничиться лишь нѣсколькими сжатыми замѣчаніями.

По мѣрѣ изживанія русскимъ рабочимъ движеніемъ періода кружковщины, въ движеніи этомъ народился (въ 90-хъ годахъ), такъ называемый, экономизмъ — направленіе, сходное съ народничествомъ въ томъ отношеніи, что оно стремилось развить агитацію исключительно на почвѣ непосредственныхъ народныхъ нуждъ, независимо отъ « политики », но отличное отъ народничества въ томъ отношеніи, что оно было проникнуто не анархическимъ, а оппортунистическимъ духомъ. Г. В. Плехановъ энергично выступилъ какъ противъ этого направленія, такъ и противъ другихъ оппортунистическихъ теченій въ соціализмѣ, во главѣ которыхъ на Западѣ стоялъ Э. Бернштейнъ, а въ Россіи « легальные » марксисты — Булгаковъ, Струве и др. Въ концѣ 90-хъ годовъ въ русскомъ соціализмѣ — сперва неясно, а затѣмъ все рѣзче и рѣзче — стало обнаруживаться новое направленіе, сходное съ народоволь-

ческимъ въ своемъ стремленіи къ захвату власти, но отличное отъ него отсутствіемъ благородства, нечаевскими пріемами дѣятельности, демагогіей. Во главѣ этого направленія сталъ Ленинъ.

Ленинъ не сразу обнаружилъ эти свои тенденціи, и на второмъ съѣздѣ соціалъ-демократической партіи, на которомъ произошелъ расколъ между «большинствомъ» и «меньшинствомъ», споръ шелъ не столько изъ-за принциповъ, сколько изъ-за методовъ организаціоннаго строительства партіи. Г. В. Плехановъ, какъ въ то время, такъ и впослѣдствіи, придерживался на этотъ счетъ взглядовъ, не совпадавшихъ ни съ взглядами большинства, ни съ взглядами меньшинства: онъ не одобрялъ ни большевистскаго стремленія къ крайней заговорщицкой централизаціи, создавшей такое положеніе въ организаціи, что «въ концѣ концовъ въ ней все вертится вокругъ одного человѣка, который ex providentia соединяетъ въ себѣ всѣ власти», — ни меньшевистскаго стремленія къ крайней децентрализаціи, доводившаго организацію «до того децентрализованнаго состоянія, которое свойственно туманнымъ массамъ». («Дневникъ соціалъ-демократа», № 2, стр. 48—49). Поэтому Г. В. занялъ на съѣздѣ нейтральную позицію, приглашая обѣ враждующія части пересмотрѣть свои организаціонные взгляды. Но, когда вскорѣ послѣ съѣзда Ленинъ заговорилъ о «диктатурѣ пролетаріата и крестьянства», Г. В. Плехановъ въ рядѣ яркихъ статей далъ ему рѣшительный и суровый отпоръ. Интересно отмѣтить, что уже тогда Г. В. предсказалъ печальное будущее большевизма.

Позиція, занятая Г. В. Плехановымъ во время революціоннаго движенія 1905-7 годовъ, — его протесты противъ форсированія забастовочнаго движенія, его предостереженія отъ увлеченія игрой въ вооруженное востаніе, его совѣтъ принять участіе въ выборахъ въ Государственную Думу, его выступленія въ защиту избирательныхъ соглашеній съ кадетами, его отказъ представлять передъ Интернаціоналомъ россійскую соціалъ-демократическую партію до тѣхъ поръ, пока не будутъ рѣшительно осуждены, такъ называемыя, «экспропріаціи», — все это хорошо извѣстно широкой читающей публикѣ. Менѣе извѣстны ей причины, побудившія Георгія Валентиновича выступить противъ, такъ называемаго, ликвидаторства, т. е., того теченія среди меньшевиковъ, которое стремилось ликвидировать подпольную партійную организацію. Въ объясненіе этихъ причинъ приведемъ слѣдующія слова Плеханова. «Довольно многіе ленинцы — писалъ онъ — въ своей «конспиративной» практикѣ держались того мнѣнія, что разъ дѣло касается ихъ фракціонныхъ выгодъ, то имъ «стыдно чего-нибудь стыдиться», какъ княжнѣ Халдиной у Фонъ-Визина. Этимъ практическимъ «разумомъ» княгини Халдиной въ значительной степени объясняется бѣгство меньшевиковъ изъ революціоннаго подполья. Нечего и говорить о томъ,

что бѣгство это никакой чести меньшевикамъ не приноситъ, не смотря на обнаруживаемое бѣглецами благородное негодованіе. Понятно и то, что удаленіе изъ подполья негодующихъ гамлетовъ меньшевистской фракціи могло только увеличить значеніе большевизма въ нашей партіи. Такимъ образомъ, выходило, что какъ безцеремонныя княгини Халдины, такъ и полные благороднаго негодованія гамлеты одинаково работали на пользу Ленина. Но польза Ленина не есть польза партіи. «Практическій разумъ» княгини Халдиной принесъ и, можетъ быть, принесетъ еще страшно много вреда нашей партійной организаціи. Наблюдая дѣятельность нашихъ Халдиныхъ, я вспоминалъ Энгельса, не разъ говорившаго мнѣ, что первымъ условіемъ успѣха нашего соціалъ-демократическаго движенія является безусловное отрицаніе всякой «нечаевщины» («Дневникъ соціалъ-демократа», № 10, февраль 1910 г., стр. 37.).

Когда разразился міровой кризисъ 1914 года, Г. В. Плехановъ, безъ всякаго колебанія, сталъ на сторону союзныхъ странъ противъ Германіи. Въ простыхъ словахъ онъ объяснилъ впослѣдствіи въ Совѣтѣ Рабочихъ Депутатовъ свою позицію въ данномъ вопросѣ: «По своему происхожденію — говорилъ онъ — я могъ принадлежать къ числу угнетателей... Я перешелъ въ лагерь угнетенныхъ, потому что любилъ страдающую русскую массу, потому что любилъ русскаго крестьянина и русскаго рабочаго. И когда я признаюсь въ этой любви, развѣ кто-нибудь обвинитъ меня въ преступленіи?.. Но когда я увидѣлъ съ полной ясностью, что къ числу Романовыхъ, къ числу ихъ приспѣшниковъ, къ числу всѣхъ тѣхъ, которые стояли жадной толпою у трона, къ числу угнетателей русскаго народа спѣшатъ присоединиться Гогенцоллерны, спѣшатъ присоединиться нѣмцы, то я сказалъ: наша обязанность защищать весь русскій народъ отъ нѣмцевъ, защищать его отъ Гогенцоллерновъ. Я никогда не видѣлъ, почему эксплоататоръ, говорящій по-нѣмецки, долженъ пользоваться какимъ-нибудь снисхожденіемъ съ нашей стороны сравнительно съ эксплоататоромъ говорящимъ по-русски. Это не имѣетъ никакого смысла. Мы желаемъ Россіи освобожденія отъ всякой эксплоатаціи, откуда бы она ни шла. Да здравствуетъ Россія вольная, независимая, избавленная отъ эксплоатаціи, какъ со стороны внутренняго врага, такъ и врага внѣшняго!»

Но, призывая къ борьбѣ съ эксплоататорскими стремленіями германскаго имперіализма, Г. В. Плехановъ былъ какъ нельзя болѣе далекъ отъ того, чтобы проповѣдывать эксплоатацію самой Германіи. — «На нашемъ знамени — говорилъ онъ — написано не угнетеніе, не порабощеніе кого бы то ни было, а свободное самоопредѣленіе народовъ» Безъ признанія этого самоопредѣленія — нѣтъ Интернаціонала. Подлинный интернаціонализмъ — не антинаціонализмъ, не отрицаніе любви къ родинѣ, а признаніе той

элементарной истины, что отношенія между націями, подобно отношеніямъ между отдѣльными людьми, должны строиться на простыхъ законахъ нравственности и права. Нарушителямъ этихъ законовъ надо дать отпоръ. Но отпоръ этотъ не можетъ быть только словеснымъ. Было бы *утопіей* отвѣчать на стальные удары германскаго имперіализма предложеніемъ мирныхъ переговоровъ, какъ это совѣтовали ленинцы. И « *было бы очень печально*, — пророчески предостерегалъ Г. В. Плехановъ, — *если бы Россіи и ея союзникамъ пришлось расплачиваться за промахи утопической мысли* ». (« Единство », № 33, 1917 г.).

Споря съ ленинцами по вопросу о мирѣ и о захватѣ власти, Г. В. Плехановъ продолжалъ, такимъ образомъ, свою давнюю борьбу противъ утопическаго соціализма — за соціализмъ научный.

Лишь только произошла мартовская революція 1917 года, Георгій Валентиновичъ безъ дальнихъ сборовъ, кружнымъ путемъ черезъ Англію, отправился, вмѣстѣ съ Розаліей Марковной, на горячо любимую и 37 лѣтъ невиданную родину. Онъ прибылъ въ Петроградъ 31 марта и былъ торжественно встрѣченъ на Финляндскомъ вокзалѣ представителями многочисленныхъ общественныхъ организацій. Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ устроилъ ему восторженную встрѣчу. Но въ Совѣтъ Георгій Валентиновичъ не вступилъ. И не болѣзнь лишила его возможности вступить въ него. Яркая и опредѣленная позиція Георгія Валентиновича, какъ по отношенію къ войнѣ, такъ и ко всѣмъ основнымъ вопросамъ, поставленнымъ русской революціей, шла въ разрѣзъ съ половинчатой и нерѣшительной политикой руководителей Совѣта, оглядывавшихся, къ тому же, на большевиковъ. И Г. В. въ Совѣтъ допущенъ не былъ.

Характерная для Георгія Валентиновича благородная прямота, его неумѣніе льстить толпѣ, не могли способствовать его успѣху въ борьбѣ съ демагогами и при томъ передъ аудиторіей, состоящей изъ людей, про которыхъ можно сказать словами Некрасова : « захватило ихъ тяжкое время неготовыми къ трудной борьбѣ ». Сильно мѣшала ему и болѣзнь : силы его вообще были сильно подорваны, вдобавокъ же, при возвращеніи на родину онъ простудился и съ трудомъ — да и очень рѣдко — могъ выступать на общественныхъ собраніяхъ. Онъ вынужденъ былъ ограничиться преимущественно литературной дѣятельностью — редактированіемъ своей газеты «Единство », и не имѣлъ возможности личнымъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ на сознательные элементы пролетаріата и соціалъ-демократической интеллигенціи сплотить ихъ и тѣмъ увеличить сопротивляемость русской революціонной демократіи анархической стихіи, захлестывавшей Россію. Въ « Единствѣ » онъ изо дня въ день помѣщалъ статьи, въ которыхъ, на ряду съ научной разработкой сложныхъ

вопросовъ о международныхъ отношеніяхъ и ихъ связи съ классовою борьбой, онъ давалъ оцѣнку всѣхъ выдающихся событій текущей жизни. Эти статьи Г. В., собранныя въ настоящемъ изданіи, представляютъ собою исключительно яркое отраженіе революціи 1917 года.

О Плехановѣ этого періода можно сказать словами того же Некрасова : « видѣлъ, имѣющій очи, и за отчизну страдалъ ».

II.

Октябрьскій переворотъ засталъ Г. В. Плеханова въ Царскомъ Селѣ.

Вскорѣ послѣ октябрьскаго переворота, на другой день послѣ побѣды большевиковъ надъ казаками подъ Пулково, 31 октября, въ 4 час. дня, ворвалась въ квартиру Г. В. Плеханова небольшая кучка, состоявшая изъ атлета матроса, худенькаго, изнуреннаго молодого солдата и пятнадцатилѣтняго юнца красногвардейца. Въ квартиру проникли они, не стучась, черезъ черную лѣстницу и кухню. На вопросъ прислуги, чего имъ нужно, они отвѣтили : хозяина! Розалія Марковна вышла къ нимъ и заявила, что мужъ ея нездоровъ, отдыхаетъ и что тревожить его нельзя.

« Мы пришли искать оружіе. Намъ нуженъ хозяинъ. Гдѣ его комната? »

Видя по лицамъ этихъ людей, что дальнѣйшая настойчивость можетъ повести къ трагическимъ результатамъ, Розалія Марковна пошла съ ними къ комнатѣ, гдѣ лежалъ на постели, одѣтый Георгій Валентиновичъ, и успѣла только на порогѣ сказать « пришли », чтобы предупредить его о жданныхъ непрошенныхъ « гостяхъ ». Дѣло въ томъ, что утромъ этого дня между супругами Плехановыми былъ разговоръ о повальныхъ обыскахъ и арестахъ и о возможности обыска также и у нихъ. Когда Р. М. сказала : « Неужели къ тебѣ придутъ съ обыскомъ? Это невозможно! », Георгій Валентиновичъ отвѣтилъ ей: «Какъ ты мало знаешь этихъ людей! Они способны подослать наемнаго убійцу, а послѣ убійства проливать крокодиловы слезы и объяснять случившееся разбушевавшейся народной стихіей».

Войдя въ спальню вслѣдъ за « посѣтителями » и попросивъ мужа не покидать постели, Р. М. открыла чемоданы и шкафы и предложила имъ искать оружіе. Матросъ, съ не предвѣщавшимъ ничего хорошаго лицомъ, стоялъ, неподвижно опершись на ружье. Солдатъ стоялъ въ нерѣшительности, сохраняя добродушное выраженіе лица, а юнецъ красно-гвардеецъ, неохотно заглядывалъ въ чемоданы, въ шкафы, но ни до чего не дотрогивался. Казалось, что больной Георгій Валентиновичъ, произвелъ на этихъ наивныхъ дѣтей народа сильное впечатлѣніе.

« Дайте намъ карточку », обратился солдатъ къ Розаліи Марковнѣ.

— Какую карточку? Визитную или фотографическую? — Солдатъ молчитъ. Онъ не понялъ вопроса. Распорядившись, чтобы Георгію Валентиновичу было подано кофе, Р. М. повела солдата въ свой кабинетъ и дала ему свою визитную карточку. Посмотрѣвъ на нее солдатъ положилъ ее на столъ. Онъ производилъ впечатлѣніе человѣка неграмотнаго и автоматически исполняющаго какой-то не ясный ему приказъ. Вернувшись въ комнату Георгія Валентиновича, Р. М., застала его за столомъ передъ чашкой допиваемаго кофе и мирно бесѣдующаго съ юнымъ красно-гвардейцемъ. На слова солдата : « Ну, что? Идемъ!», товарищи его отвѣтили «идемъ», и вся тройка двинулась къ выходу . Вдругъ сильный стукъ въ кухонную дверь и неистовый крикъ : « Гдѣ хозяинъ? Мнѣ нужно хозяина! » На этотъ разъ въ квартиру Г. В. Плеханова не вошелъ, а влетѣлъ матросъ лѣтъ тридцати пяти-сорока, невысокаго роста, сильный, коренастый съ правильными, красивыми чертами лица, взволнованный, чѣмъ-то взбѣшенный, съ револьверомъ въ поднятой рукѣ. Плехановъ стоялъ, спокойный, но блѣдный, у стола. Розалія Марковна заявила ворвавшемуся матросу, что товарищи его уже осмотрѣли квартиру, что никакого оружія въ домѣ нѣтъ. Но тотъ, подойдя вплотную къ Георгію Валентиновичу, приблизивъ револьверъ къ его лицу, крикнулъ :

« Выдайте оружіе, а то, если найдемъ его сами, я тутъ же убью Васъ на мѣстѣ ».

Плехановъ отвѣтилъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ :

« Убить человѣка не трудно, но оружія вы все-таки не найдете».

Взволнованная Розалія Марковна, видя опасность, грозящую жизни мужа, обратилась къ звѣрю со словами : « Умѣряю васъ всѣмъ святымъ, что мы не хранимъ оружія». Но на это послѣдовалъ презрительный отвѣтъ матроса : — « Ну, что мнѣ святые! Не вѣрю я въ святыхъ! »

Въ головѣ Р. М. промелькнула мысль попытаться подѣйствовать на революціонную совѣсть этихъ людей, объяснить имъ, что передъ ними человѣкъ, отдавшій всю свою жизнь борьбѣ за ихъ счастье... Но эти слова могли бы еще болѣе испортить дѣло — имя Плеханова въ этихъ безсознательныхъ головахъ могло вызвать ассоціацію со словами : « измѣнникъ », « контръ-революціонеръ », которыми преступные демагоги въ теченіе 8 мѣсяцевъ отравляли ихъ умы и чувства!

Спокойствіе Г. В. Плеханова охладило матроса и онъ направился къ выходу. За нимъ пошли и его товарищи. Въ дверяхъ опять остановились. Опять допросъ :

— « Какого Вы званія?

Послѣдовалъ отвѣтъ, озадачившій матроса. — « Писательскаго ». — Что Вы пишете? — О революціи, о соціализмѣ . —

Ну, что революція! И Керенскій былъ революціонеромъ! Вы — министръ? — Нѣтъ! — Вы членъ Государственной Думы? —Нѣтъ?» Эти послѣдніе два вопроса были заданы юнцомъ-красногвардейцемъ. Послѣ этого старшій матросъ спросилъ его: «Не этотъ?» Послѣдовалъ тихій отвѣтъ. Плехановъ былъ спасенъ.

По уходѣ «непрошенныхъ гостей», Георгій Валентиновичъ сказалъ своей женѣ, что онъ былъ сначала увѣренъ, что они его уведутъ и убьютъ. Чернаго кофе онъ попросилъ, чтобы быть тверже на ногахъ. Когда же матросъ почти приставилъ револьверъ къ его виску, его занимала мысль, увидитъ ли онъ раньше огонь или услышитъ звукъ выстрѣла.

Въ «Единствѣ» 1 ноября 1917 г. было сообщено, что Г. В. Плехановъ, послѣ обыска, сильно заболѣлъ, что у него открылось кровохарканіе, что матросы и красно-гвардейцы являлись нѣсколько разъ въ теченіе этого дня и на слѣдующій. Это ошибочно. Плехановъ былъ бодръ и спокоенъ; здоровье его подъ вліяніемъ — позорнаго для царско-сельскихъ большевистскихъ заправителей — посѣщенія не ухудшилось. О своихъ «непрошенныхъ посѣтителяхъ» онъ говорилъ безъ раздраженія, а съ грустью и съ жалостью къ этимъ сбитымъ съ толку «темнымъ людямъ».

Группа красно-гвардейцевъ явилась на другое утро въ квартиру Плеханова съ засаленной безграмотной бумажкой, въ которой значилась просьба передать имѣющееся оружіе. Но на этотъ разъ Розалія Марковна не впустила ихъ въ квартиру и сказала имъ рѣшительно, что она не допуститъ второго обыска, что стыдно поднимать больныхъ съ постели. На это пожилой рабочій-красногвардеецъ отвѣтилъ извиненіемъ и словами: «Мы не подымаемъ больныхъ»; этимъ дѣло и кончилось.

Но въ Царскомъ Селѣ уже свирѣпствовалъ терроръ. Оставаться дома было для Г. В. слишкомъ опасно. Р. М. убѣдила мужа переѣхать въ городскую больницу, гдѣ его тревожить не будутъ. Здѣсь Георгій Валентиновичъ пробылъ только одну ночь. Обезпокоенные судьбой Георгія Валентиновича друзья и товарищи прислали за нимъ утромъ 3 ноября врача съ автомобилемъ «Краснаго Креста» и Плеханова перевезли изъ Царскаго Села въ Петроградъ подъ видомъ раненнаго.

По прибытіи въ Петроградъ, Г. В. Плехановъ заѣхалъ въ клинику Гирзона, благоустроенный домъ, въ которомъ предоставляли въ его распоряженіе прекрасную комнату. Но, по зрѣломъ обсужденіи, рѣшили, что и здѣсь не безопасно и что спокойнѣе будетъ Плеханову во французской больницѣ. Туда Г. В. и былъ отвезенъ. Помѣстили его въ отдѣленіи д-ра В. Д. Антова.

Между тѣмъ, извѣстіе объ обыскѣ у Плеханова и грубомъ поведеніи матросовъ получило широкую огласку и вызвало негодованіе среди рабочихъ и въ обществѣ. Въ газетахъ начали появляться коллективные протесты. Большевики всполошились и

издали декретъ, по которому должна была быть отправлена немедленно стража для «охраны личности и имущества гражданина Г. В. Плеханова». Черезъ день послѣ отъѣзда Георгія Валентиновича изъ Царскаго Села явилась въ домъ его для охраны группа красно-гвардейцевъ изъ рабочихъ Обуховскаго завода. Но Г. В. въ это время былъ уже въ Петроградѣ.

Во французской больницѣ, несмотря на прекрасное отношеніе къ нему со стороны администраціи и персонала, несмотря на всѣ старанія врача, талантливаго В. Д. Антова, здоровье Георгія Валентиновича ухудшалось съ каждымъ днемъ. Надо было покинуть больницу, не приспособленную къ леченію легочныхъ больныхъ, и Петроградъ съ его туманами, слякотью. Но ѣхать въ вглубь Россіи было въ то время немыслимо. Оставался лишь путь заграницу. Но Плехановъ отказывался покинуть родину и дорогое дѣло. «Пока у меня перо въ рукахъ, я могу бороться», — говорилъ онъ. «Единство» выходило еще правильно. Изъ редакціи приходили за совѣтами относительно состава номера, приносили рукописи для просмотра. Да и самъ Г. В. писалъ довольно часто.

Послѣ трагической кончины Шингарева и Кокошкина, которую близкіе скрыли отъ Георгія Валентиновича, почти до послѣднихъ дней его жизни, безопасность пребыванія въ больницѣ сдѣлалась сомнительной. Родные и д-ръ Антовъ съ усиленной энергіей начали настаивать на переѣздѣ въ Финляндскую санаторію. Г. В. сдался и 23 января (н. ст.) 1918 г. онъ съ Розаліей Марковной, въ сопровожденіи д-ра Антова, оставилъ горячо любимый Петроградъ, въ который ему было суждено вернуться уже успокоившимся навсегда отъ жизненныхъ тревогъ.

Въ санаторіи Питкеярви близъ Теріокъ, куда переѣхали Плехановы, Георгію Валентиновичу съ каждымъ днемъ становилось все хуже и хуже, но вплоть до наступленія агоніи его могучая духовная сила не измѣняла ему: онъ просилъ читать ему вслухъ, преимущественно, греческихъ поэтовъ, заставлялъ перечитывать понравившіяся ему мѣста, восхищался ими.

И часто снились ему въ это время прекрасные, навѣянные греческой поэзіей, сны: то видѣлъ онъ, какъ парки обрываютъ нить жизни, то деревья за окномъ, обнявшись, расплывались въ міровой гармоніи.

Въ предсмертномъ бреду, задыхаясь, Георгій Валентиновичъ нерѣдко дѣлалъ угрожающій жестъ рукою. Нѣтъ сомнѣнія, это относилось къ «нимъ».

30 мая (нов. стиля) 1918 года въ 2 часа дня Г. В. Плеханова не стало.

Несмотря на извѣстныя условія большевистскаго режима, на похороны его, состоявшіяся въ Петроградѣ, собралась огромная

толпа. На могилу его, находящуюся на Волковомъ кладбищѣ рядомъ съ могилами Бѣлинскаго и Добролюбова, было возложено множество вѣнковъ, главнымъ образомъ, отъ рабочихъ организацій.

12.

Въ нашемъ очеркѣ отразилась — да и то очень блѣдно — лишь общественно-политическая дѣятельность Г. В. Плеханова. Но покойный былъ раньше всего и прежде всего *философомъ*, великимъ « мастеромъ въ обращеніи съ мыслями ». Это не можетъ не броситься въ глаза даже при чтеніи однихъ только политическихъ его произведеній, ибо каждый вопросъ, который ему приходилось обсуждать, онъ разсматривалъ въ свѣтѣ своего общаго міровоззрѣнія, неизмѣнно заботясь благородной заботой философа о томъ, чтобы охватить въ единое, стройное и послѣдовательное цѣлое всѣ явленія жизни. Рядомъ съ В. Г. Бѣлинскимъ, Г. В. Плехановъ былъ самой замѣчательной философской натурой, которую когда либо родила русская земля.

Въ рамкахъ настоящаго очерка мы не имѣемъ возможности входить въ оцѣнку научно-философской дѣятельности Г. В. Плеханова. Укажемъ лишь на слѣдующее. Великіе основатели научнаго соціализма, Марксъ и Энгельсъ, разработали методъ діалектическаго матеріализма, но успѣли дать примѣненіе его, главнымъ образомъ, къ политико-экономической жизни, сдѣлавъ несравненно менѣе для примѣненія того же метода къ различнымъ областямъ идеологіи. Г. В. Плехановъ работалъ преимущественно въ послѣднемъ направленіи и труды его представляютъ собою въ высокой степени цѣнное дополненіе къ трудамъ Маркса и Энгельса.

Помимо разработки гносеологическихъ, эстетическихъ и религіозныхъ вопросовъ, Г. В. Плехановъ особенно много сдѣлалъ для изученія русской литературы и исторіи. Послѣдніе годы своей жизни онъ работалъ надъ многотомной « Исторіей русской общественной мысли », оставшейся, къ сожалѣнію, незаконченной. Никто другой не былъ такъ призванъ, какъ Г. В. Плехановъ, совершить этотъ огромный трудъ, ибо собственная дѣятельность его представляетъ собою, какъ бы итогъ всего движенія русской общественной мысли.

Г. В. Плеханова нерѣдко упрекали въ томъ, что проповѣдуя философскій матеріализмъ, онъ содѣйствуетъ якобы развитію матеріализма нравственнаго. Въ отвѣтъ на этотъ вздорный упрекъ приведемъ — въ сокращеніи — слѣдующее мѣсто изъ брошюры Плеханова « О задачахъ соціалистовъ въ борьбѣ съ голодомъ въ Россіи ». — « Новѣйшій соціализмъ — писалъ Г. В. Плехановъ — исходитъ, повидимому, изъ самыхъ прозаическихъ соображеній о состояніи производства и обмѣна въ данномъ обществѣ. Онъ опи-

рается на экономію. Въ ней ищетъ онъ разгадки всего историческаго развитія человѣчества. На этомъ основаніи невѣдующіе или неискренніе люди часто упрекаютъ новѣйшихъ соціалистовъ въ грубости помысловъ, въ грязномъ *нравственномъ* матеріализмѣ »... Но « соціалисты говорятъ « только объ экономіи » единственно потому, что *только въ экономіи* современнаго общества видятъ они серьезное препятствіе для *духовнаго* развитія человѣчества. *Идеальный моментъ*, стремленіе содѣйствовать росту сознанія рабочаго класса, — который будетъ спасителемъ всего страждущаго человѣчества, — проходитъ, какъ видите, черезъ всю программу соціалистовъ... Вы помните, вѣроятно, великія слова великаго писателя : если бы Богъ въ одной рукѣ держалъ все знаніе, а въ другой — движеніе къ нему, и предоставилъ бы мнѣ выборъ, то я сказалъ бы : Творецъ, возьми себѣ всевѣдѣніе, а мнѣ, смертному, оставь величайшее и благороднѣйшее изъ доступныхъ мнѣ наслажденій — познаніе истины, ея открытіе. — Подобно этому, если бы Богъ спросилъ современнаго соціалиста, — желаешь ли ты, чтобы я немедленно, безъ всякихъ усилій со стороны страдающаго человѣчества, даровалъ ему экономическое блаженство, то соціалистъ отвѣтилъ бы ему : Творецъ, оставь блаженство себѣ, а страдающему и мыслящему человѣчеству, современному пролетаріату, позволь освободиться собственными силами, дай ему возможность притти къ доступному для него счастью путемъ борьбы, развивающей его умъ и возвышающей его нравственность... Если бы современные буржуа, нападающіе на будто бы грубую прозу соціалистическихъ стремленій, захотѣли быть послѣдовательными, имъ пришлось бы объявить безнравственнымъ самого Прометея. Прометей похитилъ огонь и далъ его людямъ. Огонь! только огонь! Какая грубость! Какая проза! Не ясно ли, что титанъ былъ совершенно чуждъ всякихъ идеальныхъ стремленій?.. Современный соціализмъ дѣлаетъ какъ разъ такое же дѣло, какое греки приписывали Прометею. Онъ даетъ людямъ то средство, съ помощью котораго они прекратятъ свою зависимость отъ слѣпыхъ стихійныхъ силъ, подчинятъ эти силы власти разума и, такимъ образомъ, достигнутъ небывалаго развитія. Если это грубо и безнравственно, то надо признать, что вся нравственность заключается въ упроченіи рабства и въ усиленіи невѣжества ».

Что можно прибавить къ этимъ строкамъ, проникнутымъ могучимъ идеализмомъ?

Еще одинъ упрекъ, нерѣдко посылавшійся Плеханову, мы хотѣли бы здѣсь отмѣтить. Это — упрекъ въ полемической рѣзкости. Г. В. Плехановъ отвѣчалъ на него:

« Въ моихъ статьяхъ встрѣчается не мало насмѣшекъ, направленныхъ по адресу моихъ противниковъ. Но я всегда осмѣивалъ мнѣнія. Никакихъ личныхъ нападокъ я никогда себѣ не позво-

лялъ. Я всегда старался убѣдить себя, что лично мои противники — превосходнѣйшіе люди и что

« Хотя они немножечко деруть,
Зато ужъ въ ротъ хмѣльного не берутъ ».

Къ величайшему моему сожалѣнію, случалось нерѣдко, что эти превосходнѣйшіе люди, не умѣя опровергнуть мои взгляды, съ яростью нападали на мою личность » (« Единство », № 19, 1917 г.).

Мы хотѣли бы, въ заключеніе этого очерка, напомнить слова, сказанныя Марксомъ во введеніи къ « Классовой борьбѣ во Франціи » : « За исключеніемъ немногихъ главъ, пишетъ Марксъ, каждый значительный отдѣлъ революціонной лѣтописи съ 1848 до 1849 года носитъ названіе : пораженіе революціи. Но въ этихъ пораженіяхъ погибала не революція, а традиціонные предреволюціонные придатки, продукты общественныхъ отношеній, еще не обострившихся до степени рѣзкихъ классовыхъ противорѣчій : личности, иллюзіи, представленія, проекты, отъ которыхъ передъ февральской революціей еще не была свободна революціонная партія. И не февральская побѣда, а только цѣлый рядъ пораженій могъ освободить ее отъ этихъ придатковъ ».

Также и въ пораженіяхъ, переживаемыхъ нынѣ русской революціей, погибаетъ не революція, а предреволюціонные придатки — личности и иллюзіи. Все ничтожество многихъ изъ этихъ личностей, вся утопичность и безсмысленность ихъ проектовъ была ясна Г. В. Плеханову уже съ самаго начала 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія. И потому, такъ упорно, такъ неутомимо боролся онъ съ ними всю жизнь. Нынѣ свершается судъ жизни въ спорѣ между Плехановымъ и ненавистнымъ ему утопизмомъ. Гибнутъ иллюзіи, отпадаютъ ненужные придатки, подготовляя то — недалекое время, — когда очищенное отъ нихъ русское рабочее движеніе сознательно станетъ подъ боевое знамя своего великаго, мужественнаго и самоотверженнаго вождя — Георгія Валентиновича Плеханова.

Май 1921 г.

Ю. Арзаевъ.

Годъ на Родинѣ

Апрѣль 1917 года

Рѣчь, произнесенная 2-го апрѣля 1917 г. на Совѣщаніи Делегатовъ Совѣтовъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ [1])

Товарищи, позвольте мнѣ, еще не оправившемуся отъ крайней усталости дороги, выразить вамъ свою искреннюю благодарность за тотъ горячій пріемъ, который вы мнѣ оказываете (*шумные аплодисменты*). Этотъ горячій пріемъ я отношу не на свой личный счетъ, а на счетъ всего того революціоннаго поколѣнія, которое въ продолженіе десятковъ лѣтъ боролось подъ краснымъ знаменемъ, не теряя вѣры въ русскій народъ, не теряя вѣры въ успѣхъ революціи, несмотря на то, что временами успѣхи реакціи были чрезвычайно велики, а вся Россія, вмѣсто того, чтобы поддерживать революцію, по выраженію поэта, « согнувши выю, молилась за царя ». Въ началѣ насъ, соціалъ-демократовъ, была небольшая кучка, надъ нами смѣялись, насъ называли утопистами. Но я скажу словами Лассаля : « Насъ было мало, но мы такъ хорошо рычали, что всѣ думали, что насъ очень много ». И насъ, дѣйствительно, стало много (*смѣхъ и аплодисменты*).

Когда я на Финляндскомъ вокзалѣ поставилъ ногу на русскую почву, товарищи привѣтствовали, между прочимъ, въ мо-

[1]) Г. В. Плехановъ пріѣхалъ въ Петроградъ ночью 31 марта 1917 г., послѣ 37-лѣтняго изгнанія. Вмѣстѣ съ нимъ пріѣхали его супруга, Розалія Марковна, и делегаты французскихъ и англійскихъ соціалистовъ, Кашэнъ, Мутэ, Лафонъ, О'Треди, Вилль-Торнъ и Сандерсъ. Большевистская печать выступила къ пріѣзду Плеханова съ грубыми и недостойными выходками противъ него. Тѣмъ не менѣе, родоначальникъ россійской соціалъ-демократіи былъ торжественно встрѣченъ на Финляндскомъ вокзалѣ многочисленными депутаціями отъ рабочихъ и солдатъ, отъ общественныхъ организацій, печати и Совѣта. Бурными и несмолкаемыми аплодисментами былъ встрѣченъ Плехановъ на Совѣщаніи Делегатовъ Совѣтовъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, гдѣ онъ произнесъ нижеприводимую рѣчь. Эта рѣчь, какъ и слѣдующая, произнесенная при закрытіи Совѣщанія, печатаются по текстамъ, помѣщеннымъ въ № 5 « Единства » и № 78 « Рѣчи ».

емъ лицѣ одного изъ писателей, подвизавшагося въ области научнаго соціализма. Дѣйствительно, въ моей литературной дѣятельности главная задача моихъ усилій заключалась въ томъ, чтобы усвоить себѣ и изложить другимъ основныя положенія научнаго соціализма. И вотъ этого-то писателя, этого неисправимаго сторонника научнаго соціализма обвиняли въ двухъ утопіяхъ.

Первая утопія, которую ставили намъ въ вину, заключалась въ томъ, что мы вѣрили въ развитіе русскаго пролетаріата. Насъ называли утопистами за то, что мы говорили (я сказалъ это, между прочимъ, въ Парижѣ на Международномъ Съѣздѣ въ 1889 году): «Русское революціонное движеніе восторжествуетъ, какъ движеніе рабочаго класса, или оно никогда не восторжествуетъ». Это казалось такой утопіей многимъ русскимъ людямъ, истиннымъ сторонникамъ прогресса и революціи, что люди, искренне расположенные ко мнѣ, говорили: «Георгій Валентиновичъ, что вы такое говорите? Неужели въ самомъ дѣлѣ можно вѣрить въ русскій рабочій классъ? Можно вѣрить въ русскую интеллигенцію — это понятно: русская интеллигенція имѣетъ знанія, имѣетъ преданность къ дѣлу; но вѣрить въ русскій рабочій классъ можно развѣ только на зло кому-нибудь». И не разъ говорили мнѣ: «Вы, человѣкъ не лишенный нѣкотораго литературнаго таланта, обладаете такимъ несчастнымъ характеромъ, что какъ-будто на зло неустанно твердите о русскомъ рабочемъ классѣ, неустанно доказываете, что только русскій рабочій классъ есть истинный носитель прогресса въ Россіи». Товарищи, время шло, и то, что казалось утопіей, стало представляться реальной истиной. И наши противники говорили про насъ: «эти люди отличаются очень непріятнымъ характеромъ», а нашъ непріятный характеръ, товарищи, заключался въ томъ, что, когда на насъ нападали, мы, со своей стороны, старались давать сдачи. И бывало такъ, что когда мы давали сдачи, то наши противники отходили отъ насъ, почесываясь (*голоса*: «*браво*», *смѣхъ, рукоплесканія*). Съ нами повторилось то же самое явленіе, которое случилось, однажды, въ области совершенно чуждой политикѣ, и о которомъ я слышалъ отъ стараго нѣмецкаго ученаго, Карла Фохта, на одной изъ его лекцій. Онъ разсказывалъ, что, когда Дарвинъ напечаталъ свою книгу, нѣкоторые ученые старыхъ завѣтовъ стали чрезвычайно возму-

щаться и одинъ изъ нихъ писалъ такъ: « Да, вы правы, человѣкъ, высказывающій такія вещи, негодяй, но хуже всего то, что этотъ негодяй правъ » *(бурный смѣхъ и общія рукоплесканія)*. Такъ относились и къ намъ, говоря: да, это, конечно, утописты, это люди чрезвычайно непріятнаго характера, это — (опять-таки употребляя французское выраженіе) злое животное, и оно защищается, когда на него нападютъ *(смѣхъ и апплодисменты)*. Но постепенно ходъ обстоятельствъ устанавливался такъ, что истина нашихъ воззрѣній все болѣе оправдывалась. И вотъ теперь, когда я имѣю счастье находиться въ свободномъ Петроградѣ и обращаться къ россійскому пролетаріату, я спрашиваю васъ: товарищи, гдѣ же эта утопія, въ которой насъ обвиняли? Вѣра въ пролетаріатъ оказалась не утопіей, а дѣйствительностью. Каждый разъ, когда мнѣ говорили объ утопіи, я отвѣчалъ своимъ противникамъ: наши идеалы, наша утопія—это дѣйствительность завтрашняго дня. И вотъ завтрашній день сталъ нынѣшнимъ днемъ. Въ этотъ радостный « нынѣшній день » я привѣтствую русскій пролетаріатъ, какъ тотъ классъ, который, освободивъ самого себя, освободилъ всю Россію. И не только, товарищи, освободилъ самого себя и всю Россію. Сдѣлавъ революцію, онъ самый ходъ войны измѣнилъ существеннымъ образомъ, и самый возможный исходъ войны принимаетъ другой обликъ.

Вторая утопія, которую ставили намъ въ вину, заключалась въ томъ, что, когда нѣкоторые нетерпѣливые товарищи кричали о необходимости вооруженнаго возстанія, мы говорили: « Безъ арміи не будетъ побѣды. Пока солдаты и офицеры не проникнутся революціонными чувствами, ваше такъ называемое вооруженное возстаніе, будетъ не вооруженнымъ возстаніемъ, а возстаніемъ безоружныхъ. Направляйте ваши силы къ тому, чтобы революціонныя идеи проникли въ армію ». Давно уже положеніе дѣлъ въ Россіи было таково, что старый царскій режимъ, весь изъѣденный, можно сказать, молью и червями, режимъ, покрытый безпримѣрнымъ въ исторіи позоромъ, опирался только на солдатскіе штыки. Но, по мѣрѣ того, какъ солдаты становились сознательными, штыки становились все болѣе и болѣе острыми, и насталъ, наконецъ, такой моментъ, когда сидѣть на штыкахъ нашему царю оказалось очень больно (*общій смѣхъ и шумные апплодисменты*).

Товарищи, я очень счастливъ тѣмъ, что въ первый разъ говорю съ освободившимся, со свободнымъ россійскимъ пролетаріатомъ въ присутствіи делегатовъ отъ Англіи, страны, которая выработала самую демократическую конституцію въ Европѣ, въ присутствіи делегатовъ отъ Франціи, страны, которая сдѣлала Великую Революцію. А что такое эта Великая Революція? Это та школа, черезъ которую проходили революціонеры всей Европы, — мало сказать всей Европы, — это школа, черезъ которую проходили революціонеры всего міра. Теперь, когда я вступилъ на Финляндскій вокзалъ, какую музыку я услышалъ? Марсельезу! Какія рѣчи здѣсь раздаются? Тѣ рѣчи, которыя начало свое получили въ той же Франціи. То, что происходитъ теперь, конечно, происходило тамъ при другихъ обстоятельствахъ, при другихъ условіяхъ времени. Но это все-таки то, что посѣяно было Великой Французской Революціей (*шумные апплодисменты*). То, что происходитъ теперь, это осуществленіе французскихъ идей, которыя дали ростокъ на другомъ концѣ Европы болѣе, чѣмъ черезъ 100 лѣтъ послѣ Великой Французской Революціи. Товарищъ Мутэ говорилъ : « То, что вы у насъ взяли, вы должны намъ отдать ». Товарищи, на это, можно сказать, ростовщическое требованіе (*общій смѣхъ*), я отвѣчаю товарищу Мутэ отъ имени всего россійскаго пролетаріата, отъ имени представителей русской революціонной арміи, здѣсь находящихся : да, товарищъ Мутэ, да, французскій товарищъ, мы отдадимъ вамъ все, что у васъ взяли, и отдадимъ еще съ процентами (*шумные апплодисменты*).

Товарищи, предсѣдатель не сказалъ мнѣ, какимъ временемъ я могу располагать (*возгласы на всѣхъ скамьяхъ* : « *Просимъ, просимъ* »). Товарищи, я не хочу, чтобы между нами оставались какія-нибудь недомолвки и, обращаясь сегодня къ вамъ впервые, я не могу не вспомнить, что меня не разъ въ русской печати называли соціалъ-патріотомъ. Французы говорятъ : отсутствующіе всегда виноваты. Когда я былъ въ отсутствіи, я не всегда былъ въ состояніи, да еще при тогдашнихъ условіяхъ печати, отвѣтить на эти обвиненія. Теперь, когда я имѣю честь стоять передъ вами, я надѣюсь, что вы позволите мнѣ сказать напрямикъ, безъ обиняковъ, то, что я думаю объ обязанностяхъ русскаго гражданина по отношенію къ русской землѣ.

Меня называли соціалъ-патріотомъ. Что значитъ соціалъ-

патріотъ? Человѣкъ, который имѣетъ извѣстные соціалистическіе идеалы и, въ то же время, любитъ свою страну? Да, я любилъ свою страну. Въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Я люблю свою страну и никогда не считалъ нужнымъ скрывать это (*шумные апплодисменты*). И когда я теперь выражаю это прямо и открыто, я увѣренъ, что никто изъ васъ не встанетъ, чтобы сказать : это чувство должно быть вырвано изъ твоего сердца. Нѣтъ, товарищи, этого чувства любви къ многострадальной Россіи вы изъ моего сердца не вырвете... (*бурные апплодисменты*). Товарищи, въ настоящее время всякое цивилизованное общество, — а Россія была тоже цивилизованнымъ обществомъ, несмотря на то, что нашъ старый порядокъ сдѣлалъ все зависящее, чтобы задержать ее на ступеняхъ варварства, — въ настоящее время всякая цивилизованная страна дѣлится на различные классы. Я прекрасно зналъ и знаю, что въ Россіи есть эксплоататоры и есть эксплоатируемые. По своему происхожденію, товарищи, я могъ принадлежать къ числу угнетателей, я могъ принадлежать къ « ликующимъ, праздно болтающимъ, обагряющимъ руки въ крови ». Я перешелъ въ лагерь угнетенныхъ, потому что любилъ страдающую русскую массу, потому что любилъ русскаго крестьянина и русскаго рабочаго. И когда я признаюсь въ этой любви, развѣ кто-нибудь обвинитъ меня въ преступленіи? Такого человѣка между нами нѣтъ и быть не можетъ... (*шумные апплодисменты*). Я всегда былъ за освобожденіе русской трудящейся массы отъ ига ея домашнихъ эксплоататоровъ. Но когда я увидѣлъ съ полной ясностью, что къ числу Романовыхъ, къ числу ихъ приспѣшниковъ, къ числу всѣхъ тѣхъ, которые стояли жадной толпою у трона, къ числу угнетателей русскаго народа, спѣшатъ присоединиться Гогенцоллерны, спѣшатъ присоединиться нѣмцы, то я сказалъ : наша обязанность защищать весь русскій народъ отъ нѣмцевъ, защищать его отъ Гогенцоллерновъ (*шумные апплодисменты*). Я никогда не видѣлъ, товарищи, почему эксплоататоръ, говорящій по-нѣмецки, долженъ пользоваться какимъ-нибудь снисхожденіемъ съ нашей стороны сравнительно съ эксплоататоромъ, говорящимъ по-русски. Это не имѣетъ никакого смысла. Мы желаемъ Россіи освобожденія отъ всякой эксплоатаціи, откуда бы она ни шла. Да здравствуетъ Россія вольная, независимая, избавленная отъ эксплоатаціи, какъ со стороны внутренняго врага, такъ и врага внѣшняго!

Товарищи, было время, когда казалось, что защищать Россію, — значило защищать царя. Это было ошибочно по той причинѣ, что царь и его приспѣшники на каждомъ шагу измѣняли ей. Они портили національную защиту. Теперь мы сдѣлали революцію и должны помнить, что, если нѣмцы побѣдятъ насъ, то это будетъ означать не только наложеніе на насъ ига нѣмецкихъ эксплоататоровъ, но и большую вѣроятность возстановленія стараго режима. Вотъ почему надо всемѣрно бороться, какъ противъ врага внутренняго, такъ и противъ врага внѣшняго. (*Бурныя рукоплесканія и возгласы « браво »* [1]).

Рѣчь, произнесенная 3-го апрѣля 1917 г. при закрытіи Совѣщанія Совѣтовъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ

Я очень счастливъ, что имѣлъ возможность присутствовать на вашемъ послѣднемъ засѣданіи. Не въ моихъ привычкахъ, привычкахъ стараго человѣка, говорить комплименты, но вамъ я долженъ сказать комплиментъ : все то, что я слышалъ и видѣлъ здѣсь, покорило и очаровало меня.

Когда я кружнымъ путемъ, изъ Швейцаріи, совершалъ долгій путь въ Россію, то въ дорогѣ у меня было много встрѣчъ. И вотъ, въ Западной Европѣ, всѣ тѣ лица, съ которыми я встрѣчался, — не только представители буржуазныхъ слоевъ, но и представители демократіи, — задавали мнѣ одинъ тревожный вопросъ относительно революціонной Россіи : старое правительство, — говорили на Западѣ, — внесло страшный безпорядокъ въ управленіе страною; не внесетъ ли революціонная Россія еще большаго безпорядка? И въ отвѣтъ на эти тревожные вопросы я могъ противопоставлять свою вѣру въ здравый смыслъ русской демократіи. Теперь, ознакомившись съ тѣмъ, что здѣсь происходитъ, я къ своей вѣрѣ могу присоединить факты, каковыми являются принятыя вами резолюціи. Я убѣдился, что русская демократія обладаетъ не только революціоннымъ чувствомъ, но и полити-

[1]) Послѣ произнесенія этой рѣчи, подъ дружные аплодисменты всего Совѣщанія и пѣніе «Марсельезы», Н. С. Чхендзе, Г. В. Плехановъ, И. Г. Церетелли, Кашэнъ, Муто и О'Треди берутся за руки.

ческимъ смысломъ, она является политически зрѣлой. Ваша резолюція о войнѣ — золотыя слова. Но если здѣсь вопросъ поставленъ правильно и правильно разрѣшенъ, то и въ будущемъ мы не должны сходить съ принятаго пути. Всѣ вопросы мы должны разсматривать съ точки зрѣнія политической цѣлесообразности, отбрасывая все, что политически нецѣлесообразно, а въ этомъ отношеніи, прежде всего, нужно избѣгать, съ одной стороны, всего, что можетъ вызвать преждевременную гражданскую войну, которая можетъ быть полезна только реакціи, а, съ другой стороны, всего, что можетъ порождать недоразумѣнія между гражданскимъ населеніемъ и арміей (*шумные и продолжительные апплодисменты*).

Война народовъ и научный соціализмъ

(*«Единство», № 5 отъ 5-го апрѣля 1917 г.*).

Къ моему пріѣзду « Правда » напечатала справку, на которую полезно будетъ обратить вниманіе читателей « Единства ».

Въ этой замѣткѣ сказано, что уже съ самаго начала войны я призывалъ русскій пролетаріатъ всѣми силами поддерживать даже царское правительство въ его войнѣ съ правительствами центральныхъ державъ.

Сотрудникъ « Правды » говоритъ здѣсь большую неправду.

Я никогда не призывалъ русскій пролетаріатъ поддерживать царское правительство въ *его* войнѣ съ правительствами Австріи и Германіи.

Съ самаго начала войны (см. мою брошюру « О войнѣ ») я утверждалъ, что она есть дѣло народовъ, а не правительствъ. Русскому народу угрожала опасность подпасть подъ экономическое иго нѣмецкихъ имперіалистовъ, къ сожалѣнію, поддержанныхъ огромнымъ большинствомъ трудящагося населенія Германіи. Поэтому, ведя войну, онъ защищалъ свой собственный, самый насущный интересъ. Что касается правительства, то я доказывалъ, что отстаивать этотъ интересъ оно не можетъ, да и не хочетъ, по естественной симпатіи своей къ германскому полуабсолютизму. И я прибавлялъ, что именно эта его неспособность и нежe-

ланіе отстаивать насущный интересъ русскаго народа приведетъ къ его гибели.

Гдѣ же тутъ призывъ къ поддержкѣ царскаго правительства? Зачѣмъ говорить неправду, да еще въ органѣ, неосторожно назвавшемъ себя « Правдой »?

Далѣе авторъ « справки » напоминаетъ мнѣ мое выступленіе на Цюрихскомъ Международномъ Соціалистическомъ Конгрессѣ 1893 года. Онъ приводитъ резолюцію, предложенную голландской делегаціей и приглашавшую международный пролетаріатъ отвѣчать на объявленіе войны стачкою и отказомъ отъ военной службы. Послѣ этого онъ сообщаетъ : « Противъ голландской резолюціи особенно яростно выступалъ Плехановъ, поддерживавшій нѣмецкую резолюцію, которая предлагала бороться не съ войной а съ капитализмомъ, раздѣлившимъ человѣчество на два враждебныхъ лагеря ».

Я былъ докладчикомъ военной комиссіи и, хотя не обнаружилъ «ярости », — ярость проявилъ въ своихъ нападеніяхъ на меня и на всѣхъ моихъ единомышленниковъ : Вильгельма Либкнехта, Виктора Адлера, Элеонору Марксъ-Эвелингъ и другихъ голландскій анархо-синдикалистъ Домела Ньевенгайсъ, — но я въ самомъ дѣлѣ рѣшительно выступилъ противъ голландской резолюціи, которая, по моему мнѣнію, совершенно не соотвѣтствовала точкѣ зрѣнія соціалъ-демократическаго пролетаріата. И это мое выступленіе сочувственно поддержано было не только названными выше видными представителями международной соціалъ-демократіи, но также пріѣхавшимъ тогда въ Цюрихъ Фр. Энгельсомъ, бывшимъ, какъ извѣстно, однимъ изъ двухъ основателей научнаго соціализма.

Мнѣ очень пріятно вспомнить объ этомъ. И если сотрудникъ « Правды » думаетъ сконфузить меня этимъ воспоминаніемъ, если онъ видитъ какое-нибудь противорѣчіе между тѣмъ, что я говорилъ въ то время, и тѣмъ, что я говорю теперь, то онъ ошибается, — никакого противорѣчія нѣтъ.

По вопросу о войнѣ я стою теперь на той самой точкѣ зрѣнія, на какой стоялъ во время Цюрихскаго Международнаго Съѣзда. Разница лишь въ томъ, что благодаря измѣнившимся обстоятельствамъ, я спорю теперь не съ Домелой Ньевенгайсомъ, а съ редакціей « Правды », которая цѣликомъ усвоила себѣ его анархо-синдикалистскіе взгляды.

Авторъ « справки » продолжаетъ: « Онъ (т. е. я, Г. П.) бросилъ французамъ упрекъ въ томъ, что они явились на конгрессъ, питая въ душѣ національную ревность и національную зависть. У нѣмцевъ же, по мнѣнію Плеханова, не было ни капли шовинизма, ихъ надо благодарить за борьбу съ русскимъ царизмомъ ».

Авторъ « справки » разсказываетъ здѣсь о томъ, чего онъ не знаетъ или чего не хочетъ сообщить читателямъ « Правды ».

Во время Цюрихскаго Международнаго Съѣзда французская рабочая партія — партія гэдистовъ, — занята была выборами и поэтому не могла послать на него своихъ делегатовъ. Французы были представлены на съѣздѣ преимущественно анархистами и полуанархистами. Что въ ихъ отношеніи къ нѣмецкой соціалъ-демократической партіи было много шовинизма, — это не подлежитъ сомнѣнію. Неоспоримо и то, что тогдашніе « нѣмцы », руководимые Вильгельмомъ Либкнехтомъ, Бебелемъ, Зингеромъ и имъ подобными, упрека въ шовинизмѣ никакъ не заслуживали. Шовинизмъ проникъ въ ряды германской соціалъ-демократической партіи лишь впослѣдствіи, подъ флагомъ ревизіонизма. Само собою разумѣется, что къ ревизіонистамъ я отношусь совсѣмъ не такъ, какъ относился къ Вильгельму Либкнехту или къ Августу Бебелю. Но вѣдь нельзя же требовать отъ меня, чтобы я уподобился тому дурню въ русской народной сказкѣ, который и на похоронахъ и на свадьбѣ затягивалъ одну и ту же пѣсню. Съ самаго начала войны у насъ оказалось много охотниковъ на роль этого дурня; я не изъ ихъ числа.

Наконецъ, авторъ справки сообщаетъ, что въ своемъ крайнемъ увлеченіи нѣмцами я объявилъ слѣдующее: « Если бы нѣмецкія войска перешли нашу границу, то они пришли бы, какъ освободители, подобно тому, какъ 100 лѣтъ тому назадъ, французы Національнаго Конвента пришли въ Германію, чтобы, побѣдивъ государей, дать народу свободу ».

Я дѣйствительно говорилъ это, но подъ нѣмецкими войсками я понималъ германскую соціалъ-демократическую армію, которая, покончивъ съ Гогенцоллернами и съ другими нѣмецкими государями, двинулась бы противъ Романовыхъ, чтобы обезпечить свой тылъ отъ возможнаго нападенія съ ихъ стороны. Если бы это предположеніе осуществилось въ теченіе настоящей войны, то я повторилъ бы то же самое. Но теперь произошло нѣчто прямо противоположное. Русская армія покончила съ Романовыми и

воюетъ съ войсками Гогенцоллерновъ. Нѣмцамъ же остается вести себя по отношенію къ ней такъ же, какъ вели они себя по отношенію къ войскамъ французскаго Конвента. Если они этого не дѣлаютъ, то единственно потому, что теперь они являются не революціонерами, а имперіалистами и шовинистами. Я въ этомъ не виноватъ.

Реакціонные происки

(«Единство», № 6 отъ 6-го апрѣля 1917 г.).

Въ газетѣ «День» отъ 5-го апрѣля напечатано слѣдующее извѣстіе:

Въ Тирасполѣ раскрыта попытка со стороны темныхъ силъ устроить погромъ.

Съ этой цѣлью на чердакѣ одного дома инсценировано ритуальное убійство, по городу же расклеены листки, призывающіе къ погрому.

Въ связи съ этимъ, мѣстнымъ Совѣтомъ Солдатскихъ и Офицерскихъ Депутатовъ произведенъ рядъ арестовъ лицъ, прикосновенныхъ къ этому дѣлу, въ числѣ которыхъ — два члена и казначей городской управы, бывшій исправникъ и теперешній начальникъ милиціи Сергѣевъ. Въ квартирѣ послѣдняго обнаруженъ складъ оружія, бомбъ и патроновъ.

Та же газета сообщаетъ, что на-дняхъ прибылъ въ Васильковъ летучій боевой отрядъ Комитета Депутатовъ войскъ Кіевскаго гарнизона въ составѣ 25 вооруженныхъ солдатъ.

Прибытіе отряда вызвало переполохъ среди черносотенцевъ, распускавшихъ среди темныхъ слоевъ населенія самые возмутительные слухи и натравлявшихъ народъ на евреевъ.

Арестовано нѣсколько лицъ. Порядокъ въ городѣ возстановленъ.

Что мѣстные Совѣты и летучіе боевые отряды арестовываютъ лицъ, подготовляющихъ избіеніе евреевъ, это, разумѣется, очень хорошо. Арестовывая ихъ, они исполняютъ свою гражданскую обязанность. Но арестомъ громилъ дѣло не кончается, а только начинается. Теперь съ ними должно быть поступлено по всей строгости законовъ. Необходимо примѣрное наказаніе. Нужно, что-

бы всѣ тѣ, которые собираются играть на старой струнѣ взаимной національной розни, на опытѣ убѣдились въ томъ, что отнынѣ ихъ происки будутъ встрѣчать строжайшій отпоръ.

Нужно, чтобы евреи убѣдились, что въ освобожденной Россіи они будутъ жить подъ неусыпной охраной закона.

Мы увѣрены, что гражданинъ Керенскій приметъ всѣ зависящія отъ него мѣры для того, чтобы ускорить слѣдствіе по указаннымъ дѣламъ.

Новыя жертвы германскаго имперіализма

(*«Единство», № 7 отъ 7-го апрѣля 1917 г.*).

Телеграфъ принесъ намъ страшное извѣстіе. 31 марта англійскій пароходъ « Зара », на которомъ возвращалось въ свободную Россію много политическихъ эмигрантовъ, былъ потопленъ германской подводной лодкой.

Неизвѣстно, сколько именно русскихъ изгнанниковъ сдѣлалось жертвой морского разбоя. Такъ, мы еще не знаемъ, удалось ли спастись Н. Д. Авксентьеву. Но то, что мы знаемъ, достаточно печально. Погибли Янсонъ и Карповичъ.

Если я не ошибаюсь, Янсонъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, входилъ въ составъ заграничнаго Центральнаго Комитета Латышской Соціалъ-Демократической Партіи. Это былъ опытный, энергичный и чрезвычайно сознательный партійный работникъ.

Что касается Карповича, то никакое сомнѣніе на счетъ его личности невозможно : это всѣмъ извѣстный шлиссельбуржецъ Карповичъ. Кто имѣлъ случай лично познакомиться съ нимъ, тотъ не могъ не питать глубокаго уваженія къ нему, даже расходясь съ нимъ во взглядахъ.

Отъ имени редакціи « Единства » я выражаю латышской соціалъ-демократической партіи, равно какъ и русской партіи соціалистовъ-революціонеровъ искреннѣйшее сочувствіе по поводу понесенныхъ ими тяжелыхъ потерь.

Говорятъ, что, узнавъ о гибели русскихъ эмигрантовъ, Вѣра Фигнеръ сказала : « Теперь нашимъ изгнанникамъ есть только два пути для возвращенія въ Россію : черезъ Германію или

черезъ смерть ». Карповичъ и Янсонъ попытались проѣхать черезъ смерть. Иначе и поступить не могли эти люди чести.

Вѣчная память жертвамъ, вѣчный позоръ палачамъ!

P. S. Замѣтка эта была уже написана, когда намъ сообщили радостную вѣсть о томъ, что одинъ изъ основателей группы « Освобожденіе Труда », Левъ Дейчъ, тоже черезъ смерть пробиравшійся въ освобожденную Россію, благополучно добрался до Бергена вмѣстѣ со своей женою. Добро пожаловать, старый товарищъ!

Французская делегація и русскій синдикализмъ

(«Единство», № 8 отъ 8-го апрѣля 1917 г.).

« Правда » (№ 26) атаковала находящуюся теперь въ Петроградѣ французскую соціалистическую делегацію, какъ говорится, по всей линіи.

Она увѣряетъ, что « Кашэнъ и его друзья принадлежатъ къ числу самыхъ ревностныхъ защитниковъ своего правительства ».

По своему несчастному обыкновенію, « Правда » говоритъ неправду. Кашэнъ и его друзья принадлежатъ къ числу самыхъ ревностныхъ защитниковъ своей страны, атакованной германскими имперіалистами. Въ интересахъ этой защиты они нашли нужнымъ заключить временный союзъ со всѣми республиканскими партіями. Нужно обладать поистинѣ безпредѣльной наивностью — или правдивостью « Правды », — чтобы на этомъ основаніи утверждать, будто Кашэнъ и его друзья поддерживаютъ правительство. Они поддерживали, и поддерживаютъ интересы трудящагося населенія Франціи. Если въ пониманіи этихъ интересовъ они расходятся съ « Правдой », то это зло не столь большой руки, ибо никто не скажетъ, что въ названномъ органѣ пишутъ глубокомысленные Платоны и быстрые разумомъ Невтоны.

« Это — тѣ люди, — продолжаетъ « Правда », — которые всѣми средствами душатъ свою оппозицію, соціалистовъ-интернаціоналистовъ ».

Тутъ опять неправда, впрочемъ, объясняющаяся и отчасти

извиняемая тѣмъ, что « Правда » судитъ по себѣ, т. е. по привычкамъ той фракціи, органомъ которой она является.

Когда наши большевики составляли большинство въ нашей партіи, они всѣми средствами душили свою оппозицію — меньшевиковъ. Объ этомъ, навѣрно, появится со временемъ немало интересныхъ воспоминаній въ « Русской Старинѣ » или въ « Голосѣ Минувшаго ». Однако, не слѣдуетъ валить съ больной головы на здоровую. Привычки нашихъ большевиковъ всегда были чужды обѣимъ фракціямъ французской соціалистической партіи.

Меньшинство не только не подвергалось въ ней угнетенію со стороны большинства, но, напротивъ, могло позволять себѣ временами такія нарушенія дисциплины, которыя врядъ-ли были бы терпимы въ другихъ соціалистическихъ партіяхъ Западной Европы. Это извѣстно всѣмъ, кто хоть немного знакомъ съ современнымъ западно-европейскимъ соціалистическимъ движеніемъ.

Это еще не все. « Правда » увѣряетъ, что « ихъ другъ, Густавъ Эрвэ, напечаталъ въ своей газетѣ « Побѣда » статью подъ заглавіемъ : « Да здравствуетъ царь ! »

Это опять неправда. Дѣйствительно, Г. Эрвэ напечаталъ въ своей газетѣ, называвшейся тогда не « Побѣдой », а « Соціальной войной » — статью : « Да здравствуетъ царь ». Но французское соціалистическое большинство тутъ не причемъ. Г. Эрвэ никогда не былъ « ихъ другомъ ». До начала нынѣшней войны онъ проповѣдывалъ тотъ самый взглядъ на военный вопросъ, который теперь такъ задорно и такъ неумѣло отстаиваетъ « Правда ». Покойный Бебель сказалъ, что за пропаганду такого взгляда Эрвэ навѣрно былъ бы исключенъ изъ германской партіи. Но именно потому, что, вопреки неправдивому утвержденію « Правды », во французской партіи меньшинство не подвергалось угнетенію со стороны большинства, французскій анархо-синдикалистъ могъ спокойно заниматься своей пропагандой до тѣхъ поръ, пока ему это не надоѣло. Это опять-таки извѣстно всѣмъ, кто хоть немного знакомъ съ внутренней жизнью современнаго французскаго соціализма.

Когда началось нынѣшнее международное столкновеніе и когда Г. Эрвэ снялъ свои старые истоптанные сапоги, заботливо подобранные Ленинымъ, французскій анархо-синдикалистъ все-таки не сдѣлался « ихъ другомъ », т. е. другомъ французскаго соціалистическаго большинства.

Какъ это почти всегда бываетъ съ анархо-синдикалистами, приходящими въ разсудокъ, онъ вдругъ взялъ такую правую ноту, что привелъ « ихъ » въ ужасъ, и « они » даже собирались судить его партійнымъ судомъ. Это, конечно, совсѣмъ не испугало Г. Эрвэ, который превосходно знаетъ, какъ мало во французской партіи меньшинство подвергается угнетенію со стороны большинства. Нынѣшнее поведеніе Эрвэ будетъ обсуждаться по окончаніи войны. Не лишенный классическаго образованія, онъ спокойно говоритъ себѣ : « На самомъ дѣлѣ это значитъ, что судъ надо мной состоится ad calendas graecas », т. е. никогда. Говоритъ, посмѣивается и... ведетъ свою политическую линію, совсѣмъ не совпадающую съ политической линіей большинства французской соціалистической партіи.

Учить « Правду » приличіямъ, къ сожалѣнію, также безполезно, какъ и увѣрять ее въ томъ, что не хорошо искажать истину. Я не люблю терять время на столь безплодныя занятія. Скажу только, что наши французскіе гости очень ошибутся, если подумаютъ, будто всѣ русскіе соціалисты относятся къ нимъ такъ же, какъ отнеслось къ нимъ группирующееся вокругъ « Правды » меньшинство, нѣсколько дней тому назадъ въ лицѣ своего вождя, Ленина, поставившее себя внѣ Интернаціонала.

Грубая выходка « Правды » тѣмъ и объясняется, что русскій пролетаріатъ встрѣтилъ нашихъ французскихъ гостей не такъ, какъ этого хотѣлось бы неправдивому органу Ленина.

Товарищи, этому надо положить конецъ

(«Единство», № 8 отъ 8-го апрѣля 1917 г.).

Погромныя попытки продолжаются. Въ « Рѣчи », отъ 7-го апрѣля, отмѣчаются такія попытки въ Москвѣ, въ Кіевѣ, въ Васильковѣ, въ мѣстечкѣ Брусиловѣ (Кіевской губерніи), а также въ Бессарабіи. « Изъ села Пересѣчина евреи бѣжали, терроризованные бандой агитаторовъ, во главѣ съ нѣкіимъ Левицкимъ, вымогающимъ деньги подъ угрозой погромовъ и призывающимъ бороться противъ новаго строя ». Наконецъ, въ Кишиневѣ арестованы погромные агитаторы Терешатовъ и Чумаченко.

Мы увѣрены, что наше Временное Правительство приметъ

всѣ законныя мѣры для прекращенія погромной агитаціи. Но позволительно потребовать, чтобы его мѣропріятія поддержаны были усиліями сознательныхъ гражданъ. Русскій пролетаріатъ долженъ взять на себя починъ организованной агитаціи противъ погромщиковъ. Какой именно видъ приметъ такая агитація, это, конечно, опредѣлится мѣстными условіями. Въ деревенскія мѣстности, угрожаемыя погромами, слѣдуетъ немедленно отправить летучіе отряды агитаторовъ, чтобы разъяснить крестьянамъ, какъ сильно вредятъ происки погромщиковъ дѣлу русской свободы, а, слѣдовательно, и дѣлу самого крестьянства. Очень возможно, что не всѣ мѣстныя пролетарскія организаціи обладаютъ нужными для этого средствами. Въ такомъ случаѣ, онѣ должны быть немедленно поддержаны организаціями крупныхъ центровъ. Какъ бы тамъ ни было, нельзя медлить ни минуты. Мы обязаны сдѣлать все отъ насъ зависящее, чтобы тотчасъ же положить конецъ гнуснымъ попыткамъ дѣятелей черной сотни.

О тезсиахъ Ленина и о томъ, почему бредъ бываетъ подчасъ интересенъ

(*«Единство», №№ 9-11 отъ 9-12 апрѣля 1917 г.*).

Въ статьѣ о задачахъ пролетаріата въ данной революціи (« Правда » № 26) Ленинъ, изложивъ свои, отнынѣ знаменитые тезисы, въ заключеніе счелъ нужнымъ обрушиться на меня грѣшнаго. Зачѣмъ это понадобилось ему, я не знаю. Но посмотрите, какъ лихо ведетъ онъ противъ меня свою кавалерійскую атаку :

« Г. Плехановъ въ своей газетѣ назвалъ мою рѣчь « бредовой ». Очень хорошо, господинъ Плехановъ! Но посмотрите, какъ вы неуклюжи, неловки и недогадливы въ своей полемикѣ. Если я два часа говорилъ бредовую рѣчь, какъ же терпѣли бредъ сотни слушателей? Далѣе. Зачѣмъ ваша газета цѣлый столбецъ посвящаетъ изложенію « бреда »? Некругло, совсѣмъ некругло у васъ выходитъ ».

Я вовсе не расположенъ былъ вступать въ публицистическія схватки. Теперь у меня другая забота. При томъ же полемика, ведомая въ духѣ, какимъ пропитаны цитированныя мною строки

Ленина, непремѣнно выродилась бы въ пѣтушиный бой, имѣющій нѣкоторый интересъ, — да и то единственно для охотниковъ до этой забавы, — только въ эпохи политическаго затишья и общественнаго упадка. Мы же переживаемъ теперь періодъ подъема, и участники пѣтушиныхъ боевъ въ литературѣ должны возбуждать въ читающей публикѣ чувство отвращенія. Но я не могу и молчать. Во-первыхъ, потому, что простодушные послѣдователи Ленина вообразили бы, будто мнѣ рѣшительно нечѣмъ отразить его удалой наѣздъ, во-вторыхъ, по той причинѣ, что этотъ наѣздъ представляетъ собою лишь военную демонстрацію, предпринятую съ цѣлью защиты главной позиціи, на которой расположены ленинскіе тезисы. Потому я и начинаю съ наѣзда.

Ленинъ утверждаетъ, что я неуклюжъ, неловокъ и недогадливъ въ своей полемикѣ. Если это правда, то тѣмъ лучше для него. Однако, разберемъ. Въ чемъ же, собственно, проявилась моя неуклюжесть, неловкость и недогадливость? Мой развязный противникъ справшиваетъ, какимъ образомъ могли слушать бредовую рѣчь сотни слушателей въ теченіе цѣлыхъ двухъ часовъ. Затѣмъ онъ недоумѣваетъ, почему «Единство» посвятило цѣлый столбецъ изложенію бреда.

Замѣчу прежде всего, что я не давалъ никакого отзыва о рѣчи Ленина и не былъ между его слушателями. «Бредовой» назвалъ длинную рѣчь Ленина товарищъ репортеръ «Единства». Разумѣется, онъ могъ ошибиться въ своей оцѣнкѣ. Но я позволю себѣ замѣтить, что его ошибка никакъ не могла бы служить доказательствомъ моей неуклюжести, неловкости и недогадливости въ полемикѣ. Кромѣ того, впечатлѣніе бреда рѣчь Ленина произвела на огромное большинство слушателей, а не только на товарища репортера «Единства». Если въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ Ленинъ увидитъ новое доказательство слабости моего литературнаго таланта, то я боюсь, какъ бы даже простодушные читатели «Правды» не сообразили, что неуклюжестью, неловкостью и недогадливостью отличается именно онъ, Ленинъ. Пойдемъ дальше. Напрасно думаетъ мой противникъ, что «бредовая рѣчь» не можетъ привлекать къ себѣ вниманіе слушателей въ теченіе цѣлыхъ двухъ и даже болѣе часовъ. И столь же напрасно увѣряетъ онъ, будто изложенію такой рѣчи газеты не могутъ отводить мѣста. Бредъ бываетъ иногда весьма поучителенъ, въ психіатрическомъ или въ политическомъ отношеніи. И тогда лю-

ди, занимающіеся психіатріей или политикой, охотно посвящаютъ ему много времени и мѣста. Укажу на « Палату № 6 » Чехова. Она составляетъ цѣлую книжку. Въ ней излагается самый несомнѣнный бредъ, а, между тѣмъ, занялся же воспроизведеніемъ этого бреда большой, очень большой художникъ. И когда мы читаемъ это произведеніе очень большого художника, мы не смотримъ на часы и нисколько не ропщемъ на то, что оно занимаетъ нѣсколько печатныхъ листовъ. Напротивъ, мы жалѣемъ о томъ, что слишкомъ скоро доходимъ до послѣдней его страницы. Это новый доводъ въ пользу того, что бредъ, оставаясь бредомъ, можетъ быть интересенъ во многихъ отношеніяхъ.

Или возьмемъ « Записки титулярнаго совѣтника Авксентія Ивановича Поприщина ». Въ художественномъ отношеніи эта вещь Гоголя слабѣе, нежели « Палата № 6 ». Однако, и она читается съ большимъ интересомъ, и никто не жалуется на то, что она занимаетъ нѣсколько « столбцовъ ». Тоже и съ тезисами Ленина. Читая ихъ, сожалѣемъ только о томъ, что авторъ не изложилъ ихъ гораздо подробнѣе. Это не значитъ, конечно, что я ставлю Ленина на одну доску съ Гоголемъ или съ Чеховымъ. Нѣтъ, — пусть онъ извинитъ меня за откровенность. Онъ самъ вызвалъ меня на нее. Я только сравниваю его тезисы съ рѣчами ненормальныхъ героевъ названныхъ великихъ художниковъ и въ нѣкоторомъ родѣ наслаждаюсь ими. И думается мнѣ, что тезисы эти написаны какъ разъ при той обстановкѣ, при которой набросалъ одну свою страницу Авксентій Ивановичъ Поприщинъ. Обстановка эта характеризуется слѣдующей помѣтой :

« Числа не помню. Мѣсяца тоже не было. Было чортъ знаетъ что такое ».

Мы увидимъ, что именно при такой обстановкѣ, т. е. при полномъ отвлеченіи отъ обстоятельствъ времени и мѣста, написаны тезисы Ленина. А это значитъ, что совершенно правъ былъ репортеръ « Единства », назвавшій рѣчь Ленина бредовой.

Первый тезисъ Ленина

Есть люди, политическій кругозоръ которыхъ до такой степени затуманенъ любовью къ Интернаціоналу, что они никакъ не могутъ, — да и не хотятъ, — разобраться въ томъ, на кого

же собственно падаетъ отвѣтственность за нынѣшнюю войну. Разсужденія этихъ людей всегда заставляли меня вспоминать о томъ мѣщанинѣ въ одномъ разсказѣ Глѣба Успенскаго, который увѣрялъ, будто существуетъ статья, гласящая : « по совокупному мордобою и взаимному оскорбленію не виновны ». И когда я слушалъ такія разсужденія, я не разъ мысленно восклицалъ словами купчины въ томъ же разсказѣ : « Передрались мы всѣ, какъ самые послѣдніе прохвосты, а выходимъ всѣ, какъ младенцы невинные ». На первый взглядъ представляется непонятнымъ, какъ можетъ человѣкъ, не совсѣмъ лишенный здраваго смысла, допускать, что въ международномъ правѣ современнаго соціализма существуетъ статья, подобная вышеуказанной. Но дѣло объясняется тѣмъ, что въ данномъ случаѣ отвѣтственность переносится съ людей на производственныя отношенія. Виноватъ во всемъ капитализмъ, который, на высшей стадіи своего развитія, непремѣнно становится имперіалистическимъ. Самъ по себѣ этотъ доводъ ничего не объясняетъ. Онъ основанъ на той логической ошибкѣ, которая въ наукѣ называется petitio principii, другими словами : онъ считаетъ доказаннымъ какъ разъ то, что требуется доказать, т. е., что отвѣтственность за каждую данную имперіалистическую войну въ одинаковой мѣрѣ падаетъ на всѣ участвующія въ ней капиталистическія страны. Но онъ успокаиваетъ совѣсть интернаціоналистовъ, « не пріемлющихъ войны », и потому нерѣдко принимается безъ критики даже людьми, отъ природы весьма неглупыми.

Ленинъ никогда не былъ человѣкомъ сильной логики. Однако, и онъ какъ будто подмѣтилъ логическую несостоятельность этого довода. Это явствуетъ изъ слѣдующихъ строкъ его перваго *тезиса*.

« Въ нашемъ отношеніи къ войнѣ, которая со стороны Россіи и при новомъ правительствѣ Львова и К-о безусловно остается грабительской имперіалистской войной, въ силу капиталистическаго характера этого правительства, недопустимы ни малѣйшія уступки революціонному оборончеству ».

Вы видите : война является грабительской, имперіалистской войной *со стороны Россіи*. А какъ обстоитъ дѣло *со стороны Германіи?* Объ этомъ у Ленина не сказано ничего. Но, если со стороны одного изъ двухъ, сталкивающихся между собою лицъ, проявляется грабительское намѣреніе, то весьма естественно пред-

положить, что другое лицо рискуетъ быть ограбленнымъ. Выходитъ, что Германія подверглась опасности быть ограбленной Россіей. А если это такъ, то русскому пролетаріату нѣтъ никакой надобности дѣятельно участвовать въ нынѣшней войнѣ.

Признаюсь, логика Ленина нравится мнѣ больше, нежели логика людей, въ своихъ разсужденіяхъ отправляющихся отъ убѣжденія въ безотвѣтственности «участниковъ совокупнаго мордобоя». Онъ не отказывается отъ разсмотрѣнія вопроса объ отвѣтственности: изъ приведенныхъ мною строкъ его неизбѣжно слѣдуетъ, что отвѣтственность падаетъ именно на Россію, *со стороны* которой проявились грабительскія намѣренія? Однако, его логичность есть именно логичность человѣка, ведущаго свои разсужденія въ томъ психическомъ состояніи, которое прекрасно характеризовалъ Поприщинъ своей помѣтой:

«Числа не помню. Мѣсяца тоже не было. Было чортъ знаетъ что такое.»

Кто же не знаетъ, что война объявлена была не Россіей — Германіи, а наоборотъ: Германіей — Россіи? Правда, Бетманъ-Гольвегъ увѣрялъ, что Россія своей мобилизаціей вынудила Германію объявить ей войну. Но неужели Ленинъ способенъ принять въ серьезъ это утвержденіе германскаго канцлера, въ свое время побѣдоносно опровергнутое авторомъ извѣстной книги «J'accuse»? Допустить это совершенно невозможно. Дѣло вовсе не въ томъ, извѣстенъ или неизвѣстенъ Ленину тотъ или другой отдѣльный фактъ, знакомо или незнакомо ему то или другое утвержденіе или то или другое опроверженіе этого утвержденія. Онъ разсуждаетъ внѣ обстоятельствъ мѣста и времени. Онъ оперируетъ единственно со своими отвлеченными формулами. И если формулы эти противорѣчатъ фактамъ, то тѣмъ хуже для фактовъ. Да и какое значеніе могутъ имѣть факты тамъ, гдѣ нѣтъ ни чиселъ, ни мѣсяца, а существуетъ лишь нѣчто совершенно фантастическое?

Ленинъ утверждаетъ, что въ виду несомнѣнной добросовѣстности широкихъ слоевъ массовыхъ представителей революціоннаго оборончества, не желающихъ никакихъ завоеваній, необходимо терпѣливо разъяснять имъ ихъ ошибку. Изъ этихъ его словъ, прежде всего, слѣдуетъ, что масса русскаго населенія желаетъ защищать свою страну, т. е., стоитъ на нашей точкѣ зрѣнія, а не на точкѣ зрѣнія Ленина. Намъ чрезвычайно пріятно лишній

разъ убѣдиться въ этомъ. Но пойдемъ дальше и спросимъ себя: какую же ошибку слѣдуетъ разъяснять массѣ, расположенной къ защитѣ своей страны?

По словамъ Ленина, мы должны «разъяснять неразрывную связь капитала съ имперіалистской войной». *Какого же* капитала? Такъ какъ грабительскія наклонности проявились именно «*со стороны Россіи*», то слѣдуетъ думать, что нынѣшняя война падаетъ на отвѣтственность *русскаго* капитала.

Но этому выводу противорѣчитъ слѣдующее соображеніе. Политика новѣйшаго имперіализма есть продуктъ странъ, достигшихъ наивысшей ступени капиталистическаго способа производства. Россія не принадлежитъ къ числу такихъ странъ. Мы всѣ знаемъ, что, по извѣстному выраженію Маркса, ея трудящееся населеніе страдаетъ не только отъ капитализма, но также и отъ недостаточнаго развитія капитализма. Стало быть русскій капиталъ никакъ не можетъ выступить въ роли наиболѣе виднаго и наиболѣе опаснаго для другихъ народовъ представителя имперіалистической политики.

А если онъ не способенъ выступить въ такой роли, то нелѣпо считать его главнымъ виновникомъ нынѣшняго международнаго столкновенія. Къ тому же, наша трудящаяся масса просто на просто не повѣритъ «безпристрастнымъ» агитаторамъ, которые захотѣли бы «разъяснить» ей, что отвѣтственности за войну слѣдуетъ искать преимущественно, — если не исключительно.— «*со стороны Россіи*». Ленинъ какъ будто самъ чувствуетъ это. По крайней мѣрѣ, онъ обнаруживаетъ готовность ограничиться «разъясненіемъ» того, что «кончить войну истинно демократическимъ, не насильническимъ, миромъ нельзя безъ сверженія капитала».

Смыслъ этого ясенъ: *сначала* сверженіе капитала, *а потомъ* участіе народа въ защитѣ страны. Совершенно такъ разсуждалъ Гюставъ Эрвэ до своего внезапнаго превращенія въ прямолинейнаго фанатика національной самозащиты. Марксизмомъ тутъ, разумѣется, не пахнетъ, какъ вообще не пахнетъ имъ въ разсужденіяхъ людей, не считающихся съ условіями времени и мѣста. На Парижскомъ Международномъ Соціалистическомъ Конгрессѣ 1889 г., на этомъ первомъ съѣздѣ второго Интернаціонала, анархисты объявили измѣной соціализму выставленное нами, марксистами, требованіе восьми-часового рабочаго дня. Они тоже го-

ворили : сперва сверженіе капитала, а потомъ уже охрана труда. Я обидѣлъ бы современнаго читателя, если бы принялся « разъяснять » ему, что истина была не на сторонѣ анархистовъ.

Ленинъ находитъ, что его изумительная и чисто анархическая формула прогресса должна широко пропагандироваться не только въ трудящейся массѣ, но также и въ дѣйствующей арміи. Это понятно. Очень нерѣдко именно самое уродливое дитя пользуется наиболѣе горячей любовью своихъ родителей. Но совершенно загадочно окончаніе перваго тезиса Ленина. Оно состоитъ изъ одного только слова : « братанье ». Съ кѣмъ братанье? По какому случаю братанье? Это остается покрытымъ мракомъ неизвѣстности. Но, принимая въ соображеніе *начало* перваго тезиса, можно построить на этотъ счетъ довольно вѣроятную гипотезу.

Такъ какъ нынѣшняя война до сихъ поръ остается грабительской, имперіалистской войной « *со стороны Россіи* », то всѣмъ намъ, не одобряющимъ грабительства русскимъ людямъ, — а также, конечно, и находящимся на фронтѣ воинамъ нашимъ, — надо побрататься съ нѣмцами : простите, молъ, насъ, добрые тевтоны, въ томъ, что мы своими грабительскими намѣреніями довели васъ до объявленія намъ войны; до занятія значительной части нашей территоріи; до надменно-звѣрскаго обращенія съ нашими плѣнными; до ограбленія Бельгіи и до превращенія этой, когда-то цвѣтущей страны, въ одно сплошное озеро крови; до систематическаго разоренія многихъ французскихъ департаментовъ и такъ далѣе, и такъ далѣе. Нашъ грѣхъ!.. Нашъ великій грѣхъ!

Какъ только до нѣмцевъ дойдетъ этотъ трогательный, покаянный плачъ, они расчувствуются въ свою очередь, заплачутъ слезами радости, кинутся въ наши объятія, и тогда начнется, какъ говаривалъ Фридрихъ Энгельсъ : « eine allgemeine liebensduselei» (всеобщее любовное лобызаніе).

Ну развѣ же не очевидно, что по крайней мѣрѣ первый тезисъ Ленина написанъ въ томъ фантастическомъ мірѣ, гдѣ нѣтъ ни чиселъ, ни мѣсяцевъ, а есть только чортъ знаетъ что такое?

Остальные тезисы Ленина

Марксъ говоритъ въ знаменитомъ предисловіи къ не менѣе знаменитой книгѣ «Zur Kritik der Politischen Oekonomie» («Къ критикѣ политической экономіи»):

«На извѣстной ступени своего развитія *производительныя силы* общества вступаютъ въ противорѣчіе съ существующими въ этомъ обществѣ *отношеніями производства*, или, выражая тоже самое юридическимъ языкомъ, съ отношеніями собственности, внутри которыхъ онѣ развивались до сихъ поръ. Изъ формъ, содѣйствовавшихъ развитію производительныхъ силъ, эти отношенія превращаются въ *препятствіе* для ихъ развитія. Тогда наступаетъ эпоха соціальной революціи».

Это значитъ, что далеко не во всякое данное время возможенъ переходъ отъ одного способа производства къ другому, высшему, — напримѣръ, отъ капиталистическаго къ соціалистическому. Марксъ прямо говоритъ далѣе въ томъ же предисловіи, что данный способъ производства никакъ не можетъ сойти съ исторической сцены данной страны до тѣхъ поръ, пока онъ не препятствуетъ, а способствуетъ развитію ея производительныхъ силъ.

Теперь спрашивается, какъ же обстоитъ дѣло съ капитализмомъ въ Россіи? Имѣемъ ли мы основаніе утверждать, что его пѣсенка у насъ спѣта, т. е. что онъ достигъ той высшей ступени, на которой онъ уже не способствуетъ развитію производительныхъ силъ страны, а наоборотъ, препятствуетъ ему?

Выше я сказалъ, что Россія страдаетъ не только оттого, что въ ней есть капитализмъ, но также и оттого, что въ ней недостаточно развитъ капиталистическій способъ производства. И этой неоспоримой истины никогда еще не оспаривалъ никто изъ русскихъ людей, называющихъ себя марксистами. Если бы нужно было ея новое подтвержденіе, то его можно было бы почерпнуть изъ опыта нынѣшней войны, показавшей, какъ сильно рискуетъ такое экономически отсталое государство, какъ Россія, сдѣлаться предметомъ безпощадной эксплоатаціи со стороны такого экономически развитого государства, какъ Германія. Если это такъ, то совершенно ясно, что о соціалистическомъ переворотѣ не могутъ говорить у насъ люди, хоть немного усвоившіе себѣ ученіе Маркса.

Самое важное разногласіе между нами и народовольцами, — какъ извѣстно возстававшими противъ марксизма, — заключалось въ томъ, что по ихъ мнѣнію предстоявшая русская революція должна была соединить въ себѣ какъ *политическій* элементъ, т. е. низверженіе царизма, такъ и моментъ *соціальный*, точнѣе *соціалистическій*, мы же, въ противность имъ, доказывали, что это не-

возможно, вслѣдствіе экономической отсталости Россіи. Согласно нашему взгляду, завоеваніе политической свободы должно и могло явиться лишь однимъ изъ тѣхъ необходимыхъ условій, которыя подготовятъ соціалистическую революцію, имѣющую совершиться въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ.

Этого тоже не оспаривалъ до сихъ поръ никто изъ русскихъ марксистовъ. Не оспаривалъ этого, между прочимъ, и Ленинъ. Это общераспространенное между русскими марксистами убѣжденіе до сихъ поръ напоминаетъ ему о себѣ время отъ времени. Въ его восьмомъ тезисѣ говорится :

« Не « введеніе » соціализма, какъ наша *непосредственная* задача, а переходъ тотчасъ лишь къ *контролю* со стороны С. Р. Д. за общественнымъ производствомъ и распредѣленіемъ продуктовъ ».

Тутъ Ленинъ отдаетъ дань своему прошлому русскаго марксиста. Но, отдавая эту дань одной рукой, онъ другой рукой старается взять ее назадъ. Конечно, иное дѣло введеніе соціализма, а иное дѣло контроль. Однако, спрашивается : что же собственно хочетъ контролировать Ленинъ? Отвѣтъ : общественное производство и распредѣленіе продуктовъ. Это, увы! — весьма неопредѣленный отвѣтъ. Контроль надъ производствомъ и распредѣленіемъ продуктовъ, необходимый въ соціалистическомъ обществѣ, въ извѣстной и даже весьма значительной мѣрѣ возможенъ также и при капитализмѣ. Это опять-таки очень убѣдительно доказала нынѣшняя война. Но, если восьмой тезисъ Ленина даетъ лишь неопредѣленный отвѣтъ на интересующій насъ вопросъ, то первый его тезисъ совсѣмъ недвусмысленно требуетъ « полнаго разрыва на дѣлѣ со всѣми интересами капитала ». Кто вполнѣ разрываетъ на дѣлѣ со всѣми интересами капитала, тотъ совершаетъ соціалистическую революцію. Такимъ образомъ, заключающаяся въ восьмомъ тезисѣ оговорка (не « введеніе » соціализма, а контроль и прочее) представляетъ собою лишь слабую попытку нашего « *коммуниста* » успокоить свою *марксистскую* совѣсть. На дѣлѣ онъ вполнѣ разрываетъ со всѣми, — основанными на теоріи Маркса, — предпосылками соціалистической политики и, со всѣмъ своимъ обозомъ и артиллеріей, переходитъ въ лагерь анархистовъ, которые всегда неустанно призывали рабочихъ всѣхъ странъ къ совершенію соціалистической революціи, никогда не справляясь

о томъ, какую именно фазу экономическаго развитія переживаетъ та или иная отдѣльная страна.

Соціалистическая политика, основанная на ученіи Маркса, имѣетъ, конечно, свою логику. Если капитализмъ еще не достигъ въ данной странѣ той высшей своей ступени, на которой онъ дѣлается препятствіемъ для развитія ея производительныхъ силъ, то нелѣпо звать рабочихъ, городскихъ и сельскихъ, и бѣднѣйшую часть крестьянства къ его низверженію. Если нелѣпо звать только что названные мною элементы къ низверженію капитализма, то не менѣе нелѣпо звать ихъ къ захвату политической власти. Кто-то изъ нашихъ товарищей, оспаривавшихъ тезисы Ленина въ Совѣтѣ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, напомнилъ ему глубоко истинныя слова Энгельса о томъ, что для даннаго класса не можетъ быть большаго историческаго несчастья, какъ захватъ власти въ такую пору, когда его конечная цѣль остается недостижимой по непреодолимымъ объективнымъ условіямъ. Ленина въ его нынѣшнемъ анархическомъ настроеніи, разумѣется, не можетъ образумить подобное напоминаніе. Всѣхъ тѣхъ, которые возражали ему въ Совѣтѣ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, онъ оптомъ величалъ оппортунистами, поддавшимися вліянію буржуазіи и проводящими ея вліяніе на пролетаріатъ. Это опять языкъ анархиста. Если читатель дастъ себѣ трудъ перелистать старую книгу М. А. Бакунина : « Государственность и Анархія », то онъ увидитъ, что отцу руескаго анархизма самъ Марксъ представляется оппортунистомъ, поддавшимся вліянію буржуазіи и проводящимъ ея вліяніе на пролетаріатъ. Да иначе и быть не могло. Въ анархизмѣ тоже есть своя логика. Всѣ тезисы Ленина вполнѣ согласны съ этой логикой. Весь вопросъ въ томъ, согласится ли русскій пролетаріатъ усвоить себѣ эту логику. Если бы онъ согласился усвоить ее себѣ, то пришлось бы признать безплодными наши болѣе чѣмъ тридцатилѣтнія усилія по части пропаганды идей Маркса въ Россіи. Но я твердо увѣренъ въ томъ, что этого не будетъ и что въ призывахъ Ленина къ братанью съ нѣмцами, къ низверженію Временнаго Правительства, къ захвату власти и такъ далѣе, и такъ далѣе, наши рабочіе увидятъ именно то, что они представляютъ собою въ дѣйствительности, т. е., — *безумную и крайне вредную попытку посѣять анархическую смуту на Русской Землѣ.*

Русскій пролетаріатъ и русская революціонная армія не за-

будутъ, что если эта безумная и крайне вредная попытка не встрѣтитъ немедленнаго энергичнаго и суроваго отпора съ ихъ стороны, то она съ корнемъ вырветъ молодое и нѣжное дерево нашей политической свободы.

Открытыя письма [1])

Къ русскимъ учителямъ

(«Единство», № 14 отъ 15-го апрѣля 1917 г.)

Предсѣдателю Всероссійскаго Съѣзда Учителей.

Гражданинъ предсѣдатель! Къ моему крайнему сожалѣнію, состояніе здоровья не позволяетъ мнѣ, сегодня утромъ, явиться на вашъ Съѣздъ. Поэтому я вынужденъ обратиться къ его участникамъ, черезъ ваше посредство, съ нижеслѣдующими строками.

Прежде всего, я хочу поблагодарить ихъ за привѣтствіе, которымъ они меня почтили. Затѣмъ, я позволю себѣ выразить имъ тѣ ожиданія, которыя возлагаются теперь не только мною, но, конечно, и всей Россіей на учителей — этихъ истинныхъ просвѣтителей молодого поколѣнія, этихъ сѣятелей знанія на ниву народную.

Нашъ старый порядокъ страшно стѣснялъ просвѣтительную дѣятельность учителей. Теперь онъ низвергнутъ. И теперь передъ ними открывается широкая арена свободнаго и въ высшей степени благороднаго труда. Всякій, кому дороги судьбы Родины, отъ всей души пожелаетъ имъ успѣха.

Россіи нужно наверстать то, что она, вслѣдствіе неблагопріятныхъ условій, упустила по части просвѣщенія. Кромѣ того, война, навязанная намъ Германіей, обременяетъ нашу Родину огромнымъ долгомъ. Чтобы она могла нести тяжелое бремя этого долга, ей необходимо до высокой степени развить свои производительныя силы. Но просвѣщеніе составляетъ одно изъ самыхъ

[1]) Г. В. Плехановъ простудился и слегъ въ постель въ первые же дни послѣ своего пріѣзда въ Петроградъ. Поэтому онъ не могъ принять непосредственнаго, личнаго участія въ дѣятельности различныхъ общественныхъ организацій, наперерывъ обращавшихся къ нему. Нѣкоторымъ изъ нихъ онъ посылалъ открытыя письма.

необходимыхъ условій развитія производительныхъ силъ всякой страны. Это обстоятельство еще болѣе увеличиваетъ значеніе учительской дѣятельности. Наконецъ, нашему народу нужно просвѣщеніе для того, чтобы онъ могъ разумно пользоваться завоеванной политической свободой. По всему этому освобожденная Россія не можетъ не видѣть въ васъ, просвѣтителяхъ русской земли, одинъ изъ важнѣйшихъ факторовъ своего будущаго экономическаго и политическаго благосостоянія.

Вы входите въ составъ нашей интеллигенціи, являясь одной изъ важнѣйшихъ составныхъ частей этого общественнаго слоя. Вы должны способствовать выработкѣ правильнаго общественнаго мнѣнія. Направляйте его на тотъ путь, по которому мы придемъ, во-первыхъ, къ упроченію нашей побѣды надъ внутреннимъ врагомъ, во-вторыхъ, къ побѣдѣ надъ внѣшнимъ.

Первая побѣда непремѣнно должна быть дополнена второю. Если бы мы потерпѣли окончательное пораженіе въ борьбѣ съ Германіей, то намъ скоро бы пришлось разстаться съ завоеванной нами свободой, а съ нами, пожалуй, и союзнымъ намъ демократическимъ странамъ.

Это, какъ видите, уже политика, а не педагогія. Но правильный ходъ педагогическихъ занятій немыслимъ безъ наличности извѣстныхъ общественныхъ условій. Вы сами хорошо знаете это по опыту прошлаго.

Глубоко сочувствующій вашей дѣятельности

Г. Плехановъ.

Желѣзнодорожники и революція

(«Единство», № 16 отъ 17-го апрѣля 1917 г.).

Нѣсколько словъ къ товарищамъ, собравшимся на Всероссійскую Желѣзнодорожную Конференцію.

Дорогіе и уважаемые товарищи!

Рѣзкій переходъ отъ благословеннаго климата Италіи къ плохому климату Петрограда причинилъ мнѣ легкую простуду, лишающую меня возможности выходить изъ дома. Это тѣмъ болѣе досадно для меня, что мнѣ чрезвычайно хотѣлось бы лично при-

вѣтствовать васъ и отъ всей души пожелать вамъ успѣха въ вашей дальнѣйшей дѣятельности на пользу родной страны.

Желѣзныя дороги составляютъ кровеносную систему всякаго цивилизованнаго государства. Все, что разстраиваетъ эту систему, нарушаетъ его здоровье, а иногда и прямо грозитъ ему смертью, особенно въ такое критическое время, какъ то, которое мы теперь переживаемъ.

Этимъ опредѣляется огромное значеніе вашей работы для всей Россіи. Я увѣренъ, что вы никогда не упустите этого изъ виду, что вы сумѣете критически отнестись къ сѣятелямъ смуты, откуда бы они ни приходили. Смута принесла бы гибель нашей только что народившейся свободѣ. Мы всѣ должны, организуя свои собственныя силы, дружно сплотиться вокругъ нашего Временнаго Правительства, программа котораго широко и ярко выражаетъ ближайшіе и самые насущные интересы всей демократической Россіи.

Я знаю, разумѣется, что Временное Правительство не есть Правительство какого-нибудь общественнаго класса. Но не меня, давно уже стоящаго на точкѣ зрѣнія пролетаріата, можетъ смутить это обстоятельство. Не слѣдуетъ и вамъ смущаться этимъ. *Въ томъ-то и заключается великое счастье русскаго пролетаріата нашихъ дней, что его классовый интересъ совпадаетъ теперь въ борьбѣ за новый строй съ интересами всѣхъ тѣхъ слоевъ населенія, которые хотятъ разъ навсегда покончить съ пережитками стараго порядка.*

Разъ понявъ это, онъ долженъ выдвигать теперь впередъ не то, что разъединяетъ его съ этими слоями, а то, что объединяетъ его съ ними. Его политика должна быть не политикой кружка или кружковъ, пропитанныхъ духомъ секты, а политикой класса, глубоко и широко сознавшаго свое великое историческое призваніе. Держась такой политики, онъ сдѣлается освободителемъ по преимуществу. Онъ пріобрѣтетъ симпатіи всего населенія Россіи, кромѣ рыцарей кнута, палки и національной измѣны.

Это сдѣлаетъ его непобѣдимымъ и дастъ ему возможность прочно обезпечить свой классовый интересъ, не менѣе прочно обезпечивая въ то же самое время независимость, благосостояніе и счастье всей страны.

Съ горячимъ товарищескимъ привѣтомъ вашъ

Георгій Плехановъ.

Къ арміи

(«Единство», № 16 отъ 17-го апрѣля 1917 г.).

Комитету Электротехническаго Батальона, въ отвѣтъ на приглашеніе присутствовать на концертѣ въ Михайловскомъ театрѣ.

Армія помогла народу сдѣлать революцію. Исторія никогда не забудетъ этой великой ея заслуги. Но необходимо, чтобы доброе дѣло, сдѣланное арміей, не получило плохого конца. Если бы революція подорвала ея дисциплину, это явилось бы величайшимъ несчастьемъ для всей страны. Армія безъ дисциплины — не армія, а дикая, деморализованная орда. Состояніе такой орды совершенно недостойно революціоннаго войска, сознательно исполняющаго свой долгъ передъ Родиной. Вы, граждане солдаты и офицеры, обязаны всѣми силами поддерживать дисциплину, и я твердо вѣрю, что вы свято исполните эту великую обязанность. Мы ведемъ жестокую войну, навязанную намъ Германіей. Если бы Германія побѣдила насъ, то это крайне замедлило бы все наше развитіе и въ корнѣ подорвало бы нашу молодую свободу. А Германія несомнѣнно побѣдитъ насъ, если наша армія придетъ въ разстройство вслѣдствіе подрыва дисциплины. Поэтому вашимъ лозунгомъ, граждане солдаты и офицеры, должно быть поддержаніе дисциплины въ арміи съ цѣлью защиты нашей молодой свободы отъ покушеній со стороны внутренняго врага и защиты всѣмъ намъ дорогой Родины отъ врага внѣшняго.

Да здравствуетъ наша революціонная армія!

Да здравствуетъ наша свободная Россія!

Г. Плехановъ.

Къ студентамъ

(«Единство», № 16 отъ 17-го апрѣля 1917 г.).

Артели Соціалистическаго Студенчества, въ отвѣтъ на приглашеніе на митингъ по случаю 1-го мая.

Дорогіе товарищи! Очень жалѣю о томъ, что нездоровье, — надѣюсь, непродолжительное, — помѣшало мнѣ лично выразить вамъ свое сочувствіе. Но на нѣтъ суда нѣтъ. Я вынужденъ ограничиться письменной бесѣдой съ вами. Для освободительнаго

движенія международнаго пролетаріата очень важно, чтобы къ нему примкнуло побольше людей высшаго образованія. Образованіе помогаетъ разбираться въ явленіяхъ и оцѣнивать ихъ исторически. Имѣя дѣло въ вашемъ лицѣ съ людьми, работающими надъ своимъ образованіемъ, я позволю себѣ обратить ваше вниманіе на слѣдующее замѣчательное обстоятельство:

Праздновать 1-е мая рѣшено было на Парижскомъ Международномъ Соціалистическомъ Съѣздѣ 1889 г. На этомъ Съѣздѣ были представители отъ многихъ капиталистическихъ странъ, тогда уже стоявшихъ на болѣе высокой ступени экономическаго развитія, чѣмъ та, которой достигла теперь Россія. Анархисты предлагали съѣзду звать пролетаріатъ къ соціальной революціи. Съѣздъ, въ большинствѣ своемъ состоявшій изъ марксистовъ, пригласилъ этотъ пролетаріатъ добиваться 8-ми-часового рабочаго дня. Онъ понималъ, что соціальная—точнѣе, соціалистическая—революція предполагаетъ долгую просвѣтительную и организаціонную работу въ нѣдрахъ рабочаго класса. Объ этомъ забываютъ у насъ теперь люди, зовущіе русскую трудящуюся массу къ захвату политической власти, который могъ бы имѣть смыслъ только въ томъ случаѣ, если бы находились въ наличности объективныя условія, необходимыя для соціальной революціи. Этихъ условій пока еще нѣтъ, и вамъ, знакомымъ съ научнымъ методомъ, слѣдуетъ какъ можно чаще напоминать объ этомъ всѣмъ тѣмъ, кому вѣдать надлежитъ. Задача лѣвыхъ партій въ Россіи заключается въ систематическомъ упроченіи позицій, добытыхъ только что совершившейся революціей. Для рѣшенія этой задачи они должны не низвергнуть Временное Правительство, какъ этого хотѣли бы нѣкоторые политическіе фанатики, а дружно поддерживать его.

Г. Плехановъ.

Наша тактика

(«Единство», № 18 отъ 20 апрѣля 1917 г.).

Письмо группѣ «Единство», прочитанное на устроенномъ ею первомайскомъ митингѣ.

Дорогіе товарищи!

Было время, когда я не могъ принимать личнаго участія въ празднованіи перваго мая русскимъ пролетаріатомъ по причинѣ

полицейскаго преслѣдованія. Теперь мнѣ препятствуетъ въ этомъ состояніе моего здоровья. По непосредственному впечатлѣнію, произведенному на меня, это послѣднее препятствіе, пожалуй, досаднѣе перваго. Но въ объективномъ смыслѣ, мое недомоганіе есть лишь маленькая, хотя и весьма непріятная для меня подробность, между тѣмъ, какъ фактъ устраненія полицейскихъ рогатокъ, загораживавшихъ путь русскому рабочему движенію, имѣетъ огромную историческую важность. И мнѣ въ высшей степени пріятно сознавать, что въ вашемъ лицѣ я имѣю дѣло съ товарищами, правильно оцѣнившими значеніе этого факта.

Первымъ словомъ тактики группы «Единство» является напоминаніе русскому пролетаріату о томъ, что ему необходимо, прежде всего, упрочить ту политическую свободу, которую онъ пріобрѣлъ цѣною славной мартовской революціи. Для упроченія этой свободы, онъ долженъ стать во главѣ всѣхъ тѣхъ классовъ и слоевъ населенія, интересы которыхъ были бы нарушены возстановленіемъ стараго порядка.

Въ своихъ политическихъ выступленіяхъ и заявленіяхъ, онъ долженъ теперь выдвигать на первый планъ не то, что его разъединяетъ съ этими классами и слоями, а то, что объединяетъ его съ ними. Намъ говорятъ, что, поступая такимъ образомъ, онъ измѣняетъ своему классовому интересу. Совершенно наоборотъ. Поступая такимъ образомъ, онъ создаетъ политическія учрежденія, при которыхъ ему легче и удобнѣе всего будетъ защищать именно этотъ интересъ.

Въ томъ-то и заключается величіе политической роли, выпавшей теперь на долю русскаго пролетаріата, что, совершенно безкорыстно работая для блага всего населенія Россіи.—за исключеніемъ реакціонныхъ его элементовъ, — онъ тѣмъ самымъ работаетъ для своего собственнаго блага.

Кому непонятно это счастливое и плодотворное сочетаніе двухъ указанныхъ интересовъ, тотъ не постигъ смысла текущаго историческаго момента.

Второе слово нашей тактики есть неустанное напоминаніе русскому рабочему классу о томъ, что надъ нашей страной все еще виситъ грозная опасность германскаго завоеванія. Для меня крайне отрадно убѣжденіе въ томъ, что и въ этомъ случаѣ мнѣ не нужно доказывать вамъ неоспоримую истинность второго слова

нашей тактики. Только неисправимые утописты воображаютъ, будто указанная мною опасность можетъ быть устранена посредствомъ противопоставленія бронированному кулаку германскихъ имперіалистовъ слащавыхъ соображеній о преимуществахъ мира, объ ужасахъ войны и т.п. Обладатели бронированнаго кулака только презрительно смѣются надъ подобными соображеніями. Правда, въ Германіи возникла новая соціалистическая партія, болѣе или менѣе рѣшительно осуждающая войну. Но огромныя и чрезвычайно хорошо организованныя военныя силы Германской Имперіи находятся, вѣдь, не въ рукахъ этой партіи, а въ рукахъ Вильгельма съ его пособниками — вплоть до Шейдемана и компаніи. И вы прекрасно знаете, что у молодой русской свободы нѣтъ болѣе опаснаго врага, чѣмъ германскій императоръ и его многочисленные сообщники. Если бы центральныя имперіи побѣдили насъ и нашихъ союзниковъ, то, не говоря уже о вѣроятности возстановленія нашего стараго порядка, онѣ навязали бы намъ условія, крайне неблагопріятныя для роста нашихъ производительныхъ силъ и тѣмъ, въ соотвѣтствующей мѣрѣ, замедлили бы дальнѣйшее численное и культурное развитіе нашего рабочаго класса. А это, въ свою очередь, сильно задержало бы его движеніе къ конечной цѣли, т. е. къ соціализму.

Дѣятельно участвуя въ нынѣшней войнѣ, русскій пролетаріатъ не измѣняетъ своему классовому интересу, а, напротивъ, защищаетъ его съ оружіемъ въ рукахъ.

Кто этого не понимаетъ, тому остается недоступнымъ смыслъ теперешняго историческаго момента.

Будемъ же дружно трудиться надъ выясненіемъ русскимъ рабочимъ смысла нашей тактики.

Такое выясненіе представляетъ собою теперь политическую потребность нашей страны. Разъ рабочій классъ сознаетъ правильность нашей тактики, все прочее приложится.

Примите же, дорогіе товарищи, мой горячій привѣтъ и мое искреннее пожеланіе успѣха въ вашей работѣ.

Вашъ *Г. В. Плехановъ.*

Всемірный праздникъ наемнаго труда

(«Единство», № 14 отъ 15-го апрѣля 1917 г.)

День перваго мая всегда былъ праздникомъ сознательныхъ пролетаріевъ всего міра[1]). И это, разумѣется, нисколько не удивительно. Въ этотъ день каждый сознательный рабочій, въ каждой цивилизованной странѣ особенно живо чувствовалъ себя членомъ великой международной семьи такихъ же, какъ онъ, сознательныхъ труженниковъ, объединенныхъ стремленіемъ къ одной конечной цѣли. Это чувство такъ возвышало его надъ прозой обыденной житейской суеты, оно наполняло его сердце такою благородной гордостью и въ то же время такою широкой человѣчностью, что являлось источникомъ самаго праздничнаго настроенія. И, если со временемъ историкъ захочетъ выяснить, въ чемъ заключалась самая важная психологическая черта нынѣшней исторической эпохи, то онъ непремѣнно долженъ будетъ остановиться на торжественномъ праздничномъ настроеніи, овладѣвавшемъ наемными труженниками всѣхъ странъ въ день перваго мая. Ничего подобнаго этой психологической чертѣ не знали предшествовавшія историческія эпохи.

Эксплоатація одного класса другимъ существуетъ съ той отдаленной поры, когда въ обществѣ возникло раздѣленіе на классы. Блестящая цивилизація древнихъ грековъ и римлянъ, которой много и много обязаны новѣйшіе народы, цѣликомъ основывалась на рабскомъ трудѣ. Въ средніе вѣка постепенно установился крѣпостническій способъ производства. Какъ древніе рабы, такъ и средневѣковые крѣпостные нерѣдко съ оружіемъ въ рукахъ возставали противъ своихъ господъ.

Но въ этихъ возстаніяхъ было крайне мало сознательности. Ихъ кругозоръ былъ такъ узокъ, что въ его предѣлы не могла бы вмѣститься великая мысль объ освободительномъ движеніи эксплоатируемыхъ всѣхъ странъ. Да и не могла она возникнуть при тогдашнихъ экономическихъ отношеніяхъ. Только новѣйшій историческій періодъ, характеризующійся возникновеніемъ капиталистическаго способа производства, создалъ матеріальныя условія, необходимыя для быстраго развитія самосознанія рабочаго клас-

[1]) Я говорю собственно о времени съ 1889 г. до начала нынѣшней войны. *Г. П.*

са. Только въ теченіе этого періода могъ раздаться знаменитый кличъ : « Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь ! » И, когда раздался этотъ кличъ, когда рабочіе передовыхъ странъ отозвались на него вступленіемъ въ ряды основаннаго Марксомъ Интернаціонала, тогда началась новая эпоха въ духовной исторіи человѣчества : прежде понятіе *національности* было самымъ широкимъ изъ тѣхъ понятій, до которыхъ додумывались люди, постепенно возвышаясь надъ своими частными эгоистическими интересами. Теперь понятіе національности было дополнено еще болѣе широкимъ понятіемъ *интернаціональности*, т. е., тѣхъ обязанностей, которыя существуютъ у каждаго сознательнаго гражданина каждой цивилизованной страны по отношенію ко всѣмъ другимъ странамъ. Очень ошибаются тѣ, которые воображаютъ, будто, разъ человѣкъ слѣлался интернаціоналистомъ, у него уже нѣтъ никакихъ національныхъ обязанностей, вслѣдствіе чего ему должно быть все равно, ведетъ ли его народъ независимое существованіе или же находится подъ игомъ иностраннаго завоевателя. Если бы это было такъ, то самое слово « Интернаціоналъ » потеряло бы всякое значеніе. Интернаціоналъ въ такой же мѣрѣ предполагаетъ существованіе отдѣльныхъ націй, въ какой всякая данная система международныхъ отношеній предполагаетъ существованіе отдѣльныхъ народовъ. Интернаціоналистъ не тотъ, кто вырвалъ изъ своего сердца всякое національное чувство, а тотъ, кто умѣетъ подчинять это чувство контролю своего разума, возвысившагося до понятія объ интернаціональности.

Человѣкъ, кругозоръ котораго ограничивается понятіемъ національности, охотно поддерживаетъ свой народъ даже тогда, когда тотъ посягаетъ на права другихъ народовъ, напримѣръ, нарушаетъ ихъ право на независимое существованіе. Девизъ такого человѣка гласитъ : « Права или не права моя страна, она — моя, и я иду съ нею ».

Напротивъ, человѣкъ, умѣющій подчинять свое національное чувство контролю высшаго понятія интернаціональности, различаетъ правомѣрныя (въ международномъ смыслѣ) дѣйствія отъ неправомѣрныхъ. Когда его народъ намѣревается подвергнуть угнетенію своего сосѣда или своихъ сосѣдей, онъ не только не поддерживаетъ этого намѣренія, но всѣми силами старается отклонить отъ него своихъ согражданъ. И бываютъ крайніе случаи, когда онъ идетъ противъ своей собственной страны, если она,

не внимая его голосу, упорствуетъ въ своемъ неправомѣрномъ намѣреніи.

Такъ бывало еще до возникновенія Международнаго Общества Рабочихъ. Вотъ, напримѣръ, всѣмъ извѣстно, что въ 1863 году, подъ вліяніемъ пропаганды Александра Ивановича Герцена, нѣкоторые русскіе стали въ ряды польскихъ повстанцевъ, пытавшихся добиться независимости для своей родины. Но въ эпоху, предшествовавшую возникновенію Интернаціонала, подобные случаи являлись тѣми исключеніями, которыя только подтверждаютъ собою общее правило. Отвлекаясь отъ этихъ рѣдкихъ исключеній, приходится признать, что все остальное населеніе цивилизованныхъ странъ держалось тогда упомянутаго выше девиза: «Права или не права моя страна, она — моя, и я иду съ нею». Только съ возникновеніемъ Интернаціонала началось массовое распространеніе международной идеи, все болѣе и болѣе проникавшей въ ряды организованнаго пролетаріата.

Въ 1906 г. состоявшійся въ Лиможѣ съѣздъ французской соціалистической партіи принялъ по вопросу о войнѣ резолюцію, говорившую, что ни одно правительство не можетъ угрожать независимости другого народа, не совершая преступленія *противъ* этого народа, *противъ* его рабочаго класса и *противъ* пролетаріата всѣхъ странъ.

Въ этихъ замѣчательныхъ словахъ чрезвычайно удачно выразилось сознаніе солидарности интересовъ международнаго пролетаріата въ томъ, что касается борьбы за независимость отдѣльныхъ народовъ.

Не менѣе замѣчательны и тѣ строки лиможской резолюціи гдѣ сказано, что «народъ и рабочій классъ страны, независимость которой находится въ опасности, непремѣнно должны защищать эту независимость и въ правѣ расчитывать на помощь рабочаго класса всѣхъ странъ» [1]). Резолюція о войнѣ, принятая въ Лиможѣ французской соціалистической партіей, не осталась, конечно, тайной для соціалистовъ другихъ странъ. Но противъ нея не возражалъ никто изъ соціалистовъ, за исключеніемъ такихъ утопическихъ чудаковъ, какъ Густавъ Эрвэ (первой манеры) и его немногочисленные послѣдователи, принадлежавшіе собственно не къ соціалистамъ, а къ анархо-синдикалистамъ. Лиможская

[1]) *Подробнѣе объ этомъ см. въ моей брошюрѣ «Интернаціонализмъ и защита отечества». Г. П.*

резолюція удачно выразила то соотношеніе между націонализмомъ и интернаціонализмомъ, которое начало устанавливаться въ головахъ передовыхъ представителей международнаго пролетаріата. Это до такой степени такъ, что, когда вскорѣ послѣ Лиможскаго съѣзда Швеція захотѣла силой оружія покорить отложившуюся отъ нея Норвегію, тогда шведскіе соціалисты пригрозили своему правительству всеобщей стачкой, между тѣмъ, какъ соціалисты Норвегіи объявили себя готовыми съ оружіемъ въ рукахъ защищать свою страну. Какъ видимъ, и тѣ и другіе дѣйствовали въ духѣ лиможской резолюціи. И тотъ фактъ, что рабочее населеніе Швеціи выразило готовность дѣйствовать въ духѣ этой резолюціи, представляетъ собою одно изъ самыхъ отрадныхъ явленій въ исторіи культуры нашихъ дней. Онъ показываетъ, что организованный рабочій классъ цѣлой страны, — въ данномъ случаѣ Швеціи, — способенъ подняться на ту высоту сознанія, на которой чувство долга по отношенію къ родинѣ контролируется сознаніемъ обязанностей по отношенію къ другимъ странамъ, т. е. ко всему человѣчеству. Какъ же было пролетаріату не гордиться своимъ Интернаціоналомъ? Какъ же было ему не считать своимъ *праздникомъ* день перваго мая, напоминавшій ему объ его международныхъ правахъ и обязанностяхъ?

Однако, начиная съ 1915 года день перваго мая уже не могъ быть источникомъ праздничнаго настроенія для международнаго пролетар ата.

Въ августѣ предшествующаго года партія, считавшаяся авангардомъ всемірнаго пролетаріата и обладавшая самыми сильными профессіональными и политическими организаціями, измѣнила дѣлу Интернаціонала, рѣшившись поддерживать завоевательные планы германскихъ юнкеровъ и «капитановъ промышленности», т. е. крупныхъ предпринимателей.

Въ своей международной политикѣ она усвоила себѣ девизъ исключительнаго націонализма: «Права или не права моя страна, она — моя, и я иду съ нею». Идеологи высшихъ классовъ надѣются, что этой измѣной германская партія нанесла смертельный ударъ международному соціализму. Это, разумѣется, невѣрно. Та же сила историческихъ условій, которая толкнула германскій пролетаріатъ въ объятія имперіалистовъ, поставивъ передъ нимъ соблазнительную перспективу германской монополіи на всемірномъ рынкѣ, принудитъ его опомниться и вернуться подъ

старое знамя, между прочимъ, путемъ партійнаго раскола. Но пока что, весь соціалистическій міръ страдаетъ отъ измѣны германскаго пролетаріата и долженъ отвѣчать на нее цѣлесообразными дѣйствіями.

Къ числу такихъ дѣйствій никакъ не можетъ быть отнесена агитація въ пользу прекращенія войны во что бы то ни стало. Немедленное заключеніе мира было бы величайшей услугой тому милитаризму и тому имперіализму, съ которыми хотѣли бы бороться люди, такъ безразсудно кричащіе: «долой войну!» Миръ, заключенный при нынѣшнемъ соотношеніи силъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, былъ бы не миромъ, а лишь перемиріемъ, въ высшей степени опаснымъ для странъ, подвергшихся въ 1914 году нападенію со стороны Германіи. Онъ далъ бы нѣмецкому милитаризму возможность оживить и заново организовать нужныя силы для новой попытки осуществленія завоевательныхъ плановъ. А это значитъ, что по своимъ практическимъ послѣдствіямъ кличъ: «долой войну», былъ бы совершенно равносиленъ кличу: «да здравствуетъ германскій милитаризмъ», давно уже ставшій классическимъ образцомъ для всякаго вообще милитаризма.

Для того, чтобы закончить нынѣшнюю войну прочнымъ миромъ, необходимо помириться на такихъ условіяхъ, которыя позволили бы народамъ располагать своей судьбой по своему собственному усмотрѣнію. Но Вильгельмъ и его клевреты пока еще слишкомъ сильны для того, чтобы согласиться на подобныя условія. Только энергичное продолженіе войны союзниками можетъ ихъ къ этому принудить.

Вотъ о чемъ слѣдуетъ подумать русскимъ рабочимъ въ день своего ежегоднаго праздника. Международная солидарность великая вещь. Но совсѣмъ не великою и крайне вредной вещью является то неразумное миролюбіе, — совершенно буржуазное по своей природѣ, — которое, спутывая понятія международнаго пролетаріата, мѣшаетъ ему давать рѣшительный вооруженный отпоръ тому, что стоитъ на дорогѣ къ практическому осуществленію международной солидарности.

Замѣчательное явленіе

(«Единство», № 18 отъ 20-го апрѣля 1917 г.).

Петроградское телеграфное агентство сообщаетъ:

«Организаціонное собраніе одесскихъ анархистовъ разныхъ

теченій вынесло резолюцію о томъ, что анархисты въ настоящій политическій моментъ ставятъ своею задачею обезпеченіе установленія демократическаго строя и отказываются отъ всякихъ *активныхъ выступленій противъ Временнаго Правительства до* тѣхъ поръ, пока оно не посягаетъ на добытыя народомъ права.

«Анархисты призываютъ къ активной поддержкѣ требованій, которыя будутъ выставлены въ Учредительномъ Собраніи трудящимися массами.

«Анархисты заявляютъ, что они являются рѣшительными противниками всякой братоубійственной войны, но, такъ какъ настоящая война превратилась для Россіи въ революцію, анархисты готовы нести всѣ жертвы для защиты свободы отъ внѣшней опасности, несущей Россіи внутреннюю реакцію, одновременно стремясь къ прекращенію войны усиліями международнаго пролетаріата».

Это поистинѣ замѣчательно. Подъ вліяніемъ совершившейся у насъ революціи анархисты всѣхъ теченій весьма значительно поумнѣли, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи, между тѣмъ какъ соціалъ-демократы ленинскаго толка,— правда, и прежде не проявлявшіе большой мудрости въ своей политической дѣятельности, — быстро и рѣшительно пошли въ направленіи, прямо противоположномъ тому, которое избрали анархисты всѣхъ теченій.

Неужели правъ былъ поэтъ, сказавшій, что у Россіи особенная стать и что невозможно измѣрить ее общимъ аршиномъ?

Что же, собственно, должны мы прекратить?

(«Единство», № 19 отъ 21-го апрѣля 1917 г.).

Въ первомъ № только что появившейся газеты г. М. Горькаго «Новая Жизнь» товарищъ І. Гольденбергъ напечаталъ статью, озаглавленную: «Пора прекратить», и содержащую въ себѣ, между прочимъ, обращеніе по адресу «Единства». Я нахожу полезнымъ отвѣтить на это обращеніе.

Въ статьѣ тов. І. Гольденберга рѣчь идетъ о полемикѣ, завязавшейся между «Правдой», съ одной стороны, и «Единствомъ», съ другой. Тов. Гольденбергъ находитъ, что эта полемика вызы-

ваетъ дурныя страсти, вслѣдствіе чего ее слѣдуетъ прекратить. Но отъ « Единства » ли зависитъ прекращеніе той полемики, которая не имъ начата? Тов. Гольденбергъ хочетъ быть справедливымъ. Это очень хорошо. Но для того, чтобы быть справедливымъ, всякому человѣку слѣдуетъ почаще обращаться къ своей памяти, безъ помощи которой невозможно уяснить себѣ смыслъ « текущаго момента ». Тов. Гольденбергъ, повидимому, не нашелъ нужнымъ сдѣлать это, поэтому онъ упустилъ изъ виду, кѣмъ и чѣмъ вызваны были полемическія статьи, напечатанныя въ « Единствѣ ».

На другой же день послѣ моего пріѣзда въ Россію « Правда » привѣтствовала меня стихотвореніемъ, дѣлавшимъ очень мало чести ея литературному вкусу и политическому такту. Прочитавъ это стихотвореніе, я только пожалъ плечами. Но « Правда » не захотѣла меня оставить въ покоѣ. Она помѣстила статью, сообщавшую читателю совершенно ложныя свѣдѣнія о моемъ выступленіи на Цюрихскомъ Международномъ Соціалистическомъ Съѣздѣ 1893 г. Тутъ я не могъ молчать, потому что русская читающая публика слишкомъ плохо знаетъ исторію Интернаціонала. Потомъ я вынужденъ былъ написать небольшую статью въ защиту французской соціалистической делегаціи, о которой « Правда » тоже сказала нѣчто, несоотвѣтствовавшее дѣйствительности. Тов. Гольденбергъ самъ долженъ будетъ согласиться, что я не нападалъ, а только защищалъ себя или своихъ политическихъ единомышленниковъ. « Правдѣ » принадлежалъ починъ нашей полемики; отъ « Правды » же зависѣло продолжать ее или прекратить. Она предпочитала продолжать. До такой степени предпочитала, что Ленинъ обрушился на меня по поводу замѣтки, написанной вовсе не мной, причемъ рѣшительно провозгласилъ, что я совсѣмъ не умѣю полемизировать. Я отнюдь не сталъ бы оспаривать это мнѣніе, если бы въ его основѣ не лежала мысль, имѣвшая гораздо большую важность, чѣмъ вопросъ о моемъ полемическомъ талантѣ. Репортеръ « Единства » назвалъ бредомъ первую рѣчь Ленина въ залѣ Государственной Думы на объединительной конференціи с.-д. Ленинъ возразилъ на это, что собраніе ни въ какомъ случаѣ не стало бы слушать бредовую рѣчь. На этомъ его соображеніи и основанъ былъ тотъ выводъ, что я не умѣю полемизировать. Вполнѣ готовый въ каждую данную минуту примириться въ угоду Ленину съ самымъ нелестнымъ мнѣніемъ о моихъ литературныхъ способностяхъ, я, въ интересахъ истины, вынужденъ былъ, однако, на-

помнить моему противнику, что бываютъ такія бредовыя рѣчи, къ которымъ нельзя относиться иначе, какъ съ очень большимъ и весьма продолжительнымъ вниманіемъ. Въ подтвержденіе моихъ словъ, — и опять-таки единственно въ интересахъ истины, — я сослался на «Записки сумасшедшаго» Гоголя и на «Палату № 6» Чехова. А такъ какъ въ своей, дѣйствительно, бредовой рѣчи Ленинъ затронулъ очень важные политическіе и соціальные вопросы, то я счелъ себя обязаннымъ разобрать его тезисы. Тов. Гольденбергъ тоже разбиралъ ихъ, правда, насколько я знаю, только устно, а не въ печати. И если я не ошибаюсь, то его выводъ относительно этихъ тезисовъ былъ почти такъ же неблагопріятенъ, какъ и мой. Я думаю, что, выступивъ съ ихъ критикой, тов. Гольденбергъ только исполнилъ свою гражданскую обязанность. Смѣю думать также, что и моя гражданская обязанность не позволяла мнѣ хранить молчаніе по ихъ поводу. Въ чемъ же можетъ упрекнуть меня тов. Гольденбергъ? И что, собственно, слѣдуетъ мнѣ прекратить? Мои выступленія въ роли публициста, позволяющаго себѣ критиковать тѣ мнѣнія, которыя ему не нравятся? Увы! Горбатаго исправитъ только могила. Пока я могу держать перо въ рукѣ, я отъ этихъ выступленій не откажусь. Предъявлять ко мнѣ подобное требованіе, значитъ, — пусть извинитъ меня тов. Гольденбергъ, — обнаруживать вопіющую несправедливость.

Или, можетъ быть, тов. Гольденбергу не нравится тонъ моихъ критическихъ выступленій? По этому поводу я скажу ему, что я пишу теперь свои статьи тѣмъ же самымъ тономъ, какимъ я писалъ ихъ, начиная, скажемъ, съ эпохи «Нашихъ разногласій». Тонъ этотъ вызывалъ много нападокъ съ разныхъ сторонъ. Но мнѣ въ высшей степени пріятно вспомнить, что въ теченіе очень долгаго времени тов. Гольденбергъ находилъ эти нападки смѣшными и безсмысленными. Теперь онъ, повидимому, самъ находитъ мой тонъ непріятнымъ. Это его право. Тутъ я спорить и пререкаться не буду. Замѣчу одно. Въ моихъ статьяхъ встрѣчается не мало насмѣшекъ, направленныхъ по адресу моихъ противниковъ. Но я всегда осмѣивалъ только мнѣнія. Никакихъ личныхъ нападокъ я никогда себѣ не позволялъ. Я всегда старался убѣдить себя, что лично мои противники — превосходнѣйшіе люди и что,

«Хотя они немножечко дерутъ,
Зато ужъ въ ротъ хмѣльного не берутъ».

Къ величайшему моему сожалѣнію, случалось нерѣдко, что эти превосходнѣйшіе люди, не умѣя опровергнуть мои взгляды, съ яростью нападали на мою личность. Тѣмъ хуже для нихъ.

Если я говорю о себѣ, то это происходитъ единственно потому, что до сихъ поръ мнѣ чаще, чѣмъ кому-либо изъ моихъ товарищей, приходилось отражать нападенія «Правды».

Я долженъ согласиться, что иногда на столбцахъ нашего органа появлялись статьи, написанныя довольно, а если хотите, и очень рѣзко. Мнѣ и самому кажется, что рѣзкостей лучше было бы избѣгать: холодная насмѣшка всегда дѣйствуетъ на читателя сильнѣе, чѣмъ рѣзкіе выпады. Но это ужъ дѣло темперамента и литературной привычки. Фактъ тотъ, что даже въ рѣзкихъ статьяхъ, направленныхъ противъ «Правды» сотрудниками «Единства», не было ничего такого, что направлялось бы противъ личности нашихъ противниковъ. И ужъ во всякомъ случаѣ, въ нихъ никогда не заключалось никакихъ призывовъ къ погромамъ, какъ съ этимъ соглашается впрочемъ и самъ тов. Гольденбергъ. Зачѣмъ понадобилось «Правдѣ» кричать о погромахъ — совершенно не понятно; должно быть, для «красоты слога».

Тов. Гольденбергъ пишетъ: «Неужели же «Единство» не понимаетъ, что линію газеты «Правда» опредѣлялъ и опредѣляетъ Ленинъ, а провокаторы, значащіеся въ спискѣ департамента полиціи, примазывались къ этой линіи, какъ примазывались бы они къ линіи «Единства», если бы эта линія волею судебъ оказалась въ одинъ прекрасный день наиболѣе радикальной, наиболѣе лѣвой?».

Я спрошу тов. Гольденберга: кто былъ наиболѣе радикальнымъ и наиболѣе лѣвымъ политическимъ дѣятелемъ — соціалъ-демократъ Вильгельмъ Либкнехтъ или анархистъ-коммунистъ Іоганнъ Мостъ?

Если тов. Гольденбергъ захочетъ серьезно отвѣтить мнѣ, онъ скажетъ, что никакое сравненіе тутъ невозможно, такъ какъ взгляды Либкнехта несоизмѣримы со взглядами Моста. И онъ будетъ правъ.

Но хотя взгляды Либкнехта и были несоразмѣримы со взглядами Моста, однако это не мѣшало полиціи со своей спеціальной точки зрѣнія опредѣлять ихъ «цѣнность». Она находила Моста гораздо болѣе радикальнымъ и лѣвымъ и потому предпочитала его. Бисмаркъ однажды прямо сказалъ въ парламентѣ: «мнѣ

гораздо болѣе нравится откровенный Мостъ, чѣмъ сдержанный и осторожный Либкнехтъ». Очевидно на этомъ основаніи полицейскіе агенты желѣзнаго канцлера несравненно охотнѣе проникали въ кружки послѣдователей откровеннаго Моста, чѣмъ въ ряды сдержаннаго и осторожнаго Либкнехта. Германская полиція не безъ основанія находила, что, дѣйствуя въ средѣ мостіанцевъ, ея провокаторы принесутъ несравненно больше пользы существующему порядку вещей.

Я могъ бы и далѣе продлить эту басню, но, по свойственной мнѣ кротости, я не желаю раздражать гусей ...

А въ заключеніе опять спрошу:

— Что же собственно должны мы прекратить?

О правительственномъ кризисѣ 20-21 апрѣля.

(Передовая статья въ «Единствѣ» № 19 отъ 21-го апрѣля 1917 г.)

Читатель, наблюдавшій событія 20-21 апрѣля, видитъ, что положеніе создалось критическое въ полномъ смыслѣ этого слова. Мы вплотную подошли къ гражданской войнѣ [1]).

Если бы въ Совѣтѣ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ преобладало направленіе Ленина, то Совѣтъ, оставаясь вѣрнымъ себѣ, могъ бы и долженъ былъ бы считать этотъ кризисъ желательнымъ и плодотворнымъ, надѣясь, что онъ прямымъ путемъ приведетъ къ низверженію буржуазнаго правительства.

Но въ Совѣтѣ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ до сихъ поръ преобладало другое направленіе, и намъ хочется думать, что въ окончательномъ рѣшеніи, которое онъ приметъ, оно обнаружится во всей своей силѣ.

Совершенно безполезно обсуждать вопросъ о томъ, чѣмъ вызвано нынѣшнее крайне опасное положеніе.

---

[1]) Г. В. Плехановъ имѣетъ здѣсь въ виду событія, разыгравшіяся въ Петроградѣ 20 апрѣля въ связи съ нотой, отправленной министромъ иностранныхъ дѣлъ, П. Милюковымъ, союзнымъ странамъ. Въ этотъ день, по иниціативѣ нѣкоторыхъ большевиковъ, произошли первыя вооруженныя манифестаціи, направленныя противъ Временнаго Правительства.

Необходимо найти изъ него выходъ.

Чтобы избѣжать гражданской войны, Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ долженъ войти въ соглашеніе съ Временнымъ Правительствомъ.

Этого требуютъ отъ него интересы всей страны, интересы трудящагося населенія Россіи, интересы славной русской революціи.

Какое же направленіе долженъ избрать онъ, чтобы найти выходъ?

Направленіе это ясно опредѣляется резолюціей о войнѣ, принятой Всероссійскимъ Совѣщаніемъ Совѣтовъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ. Резолюція эта говоритъ, между прочимъ,— и это составляетъ самое важное ея мѣсто, — что « пока продолжается война, россійская демократія признаетъ, что крушеніе арміи, ослабленіе ея устойчивости и крѣпости, было бы величайшимъ ударомъ для дѣла свободы ».

Далѣе, резолюція « въ цѣляхъ самой энергичной защиты революціонной Россіи отъ всякихъ посягательствъ на нее извнѣ, въ видахъ самаго рѣшительнаго отпора всѣмъ попыткамъ помѣшать дальнѣйшимъ успѣхамъ революціи » « призываетъ демократію Россіи мобилизовать всѣ живыя силы страны во всѣхъ отрасляхъ народной жизни для укрѣпленія фронта и тыла».

Эти золотыя слова остались бы словами, они отнынѣ стали бы звучать насмѣшкой надъ русскимъ пролетаріатомъ и надъ всей нашей страной, если бы Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, имѣющій теперь такое большое вліяніе въ Петроградѣ, не сумѣлъ предупредить гражданскую войну, которая, безъ всякаго сомнѣнія, дезорганизовала бы и тылъ, и фронтъ и явилась бы страшной угрозой для успѣховъ великой русской революціи.

Мы взываемъ къ революціонному чувству, одушевляющему членовъ Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, мы вѣримъ въ ихъ здравый смыслъ и ждемъ, что завтра они вынесутъ рѣшеніе, достойное сознательнаго рабочаго класса и способное успокоить страну, которую, навѣрно, глубоко и болѣзненно взволновали вчерашнія петроградскія событія.

Воззваніе

(«Единство», № 20 отъ 22-го апрѣля 1917 г.).

Гражданки и граждане!

Отечество въ опасности.

Не надо гражданской войны.

Она погубитъ нашу молодую свободу.

Необходимо соглашеніе Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ съ Временнымъ Правительствомъ.

Намъ не надо завоеваній, но мы не должны дать нѣмцамъ подчинить себѣ Россію.

Каждый народъ имѣетъ право свободно располагать своей судьбой.

Вильгельмъ германскій и Карлъ австрійскій никогда не согласятся на это. Ведя войну съ ними мы защищаемъ свою и чужую свободу.

Россія не можетъ измѣнить своимъ союзникамъ.

Это покрыло бы ее позоромъ и навлекло бы на нее справедливый гнѣвъ и презрѣніе всей демократической Европы.

Г. В. Плехановъ.
Л. Г. Дейчъ.
В. И. Засуличъ.

Въ добрый часъ

(«Единство», № 20 отъ 22-го апрѣля 1917 г.).

Во вчерашнемъ номерѣ «Единства» мы выражали надежду на то, что Исполнительный Комитетъ Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ въ интересахъ революціи уладитъ острое столкновеніе, возникшее между нимъ и нашимъ Временнымъ Правительствомъ.

Мы счастливы тѣмъ, что наша надежда оправдалась. Соглашеніе достигнуто. Исполнительный Комитетъ въ особомъ воззваніи призываетъ населеніе къ спокойствію. Это очень хорошо. У многихъ сотенъ тысячъ сознательныхъ дѣтей Россіи гора свалится съ плечъ, когда телеграфъ принесетъ имъ радостную вѣсть объ

этомъ. Русская пословица говоритъ: «Худой миръ лучше доброй ссоры». Народная мысль, выраженная въ этомъ изреченіи, очень односторонняя. Въ дѣйствительности, добрая ссора нерѣдко бываетъ лучше худого мира. Но въ данномъ случаѣ можно повторить съ народомъ: миръ, хотя бы и худой, лучше ссоры, хотя бы и хорошей.

Это тѣмъ болѣе такъ, что тяжелый опытъ, пережитый Петроградомъ 20 и 21 апрѣля, несомнѣнно побудитъ обѣ стороны окончательно разъяснить тѣ недоразумѣнія, которыя, можетъ быть, пока еще остались между ними.

Исполнительный Комитетъ говоритъ въ своемъ обращеніи къ народу, что въ настоящее время каждый опрометчивый шагъ можетъ повести за собой огромныя бѣдствія. Это совершенно справедливо. И чѣмъ болѣе справедливо это, тѣмъ болѣе обязаны мы, революціонеры, дорожащіе интересами революціи, старательно избѣгать всякаго опрометчиваго шага. Если какія-то безотвѣтственныя лица могли, по своему усмотрѣнію, двинуть на улицу вооруженные полки, то совершенно ясно, что должны быть приняты энергичныя мѣры, способныя положить конецъ безумнымъ подвигамъ такихъ лицъ. И столь же ясно, что мѣры эти могутъ и должны быть выработаны и проведены въ жизнь дружными усиліями Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, съ одной стороны, и Временнаго Правительства — съ другой. Въ противномъ случаѣ, онѣ сами могутъ, пожалуй, послужить источникомъ новыхъ столкновеній и новыхъ выступленій безотвѣтственныхъ лицъ, которыя, — мы теперь хорошо знаемъ это, — умѣютъ ловить рыбу въ мутной водѣ. Только что пережитое нами столкновеніе Совѣта съ Правительствомъ вызвано было извѣстной нотой этого послѣдняго къ нашимъ союзникамъ. Такъ какъ война продолжается и такъ какъ вопросъ о мирѣ будетъ еще не разъ привлекать къ себѣ общественное вниманіе, то всѣ тѣ, которые не хотятъ теперь гражданской войны, обязаны позаботиться о томъ, чтобы соглашеніе, разъ достигнутое въ этой области, не было вновь нарушено.

Прежде всего, должны быть рѣшительно и безповоротно отвергнуты всякіе толки о сепаратномъ мирѣ Россіи съ центральными державами. Такой миръ былъ бы не только позоромъ для Россіи. Онъ причинилъ бы ей огромный, можетъ быть, непоправимый вредъ. Этого мира никто у насъ не хочетъ, за исключеніемъ

нѣкоторыхъ опять-таки безотвѣтственныхъ лицъ. Тѣмъ легче будетъ избѣжать всякихъ недоразумѣній съ этой стороны.

Съ другой стороны, при нѣкоторой доброй волѣ, сторонникамъ мира не трудно будетъ убѣдиться въ томъ, что формула «миръ безъ аннексій и безъ контрибуцій» заключаетъ въ себѣ неясности, дѣлающія необходимыми новыя и довольно длинныя разъясненія. Она съ удобствомъ можетъ быть замѣнена гораздо болѣе ясной и правильной формулой: *миръ, въ основу котораго ляжетъ принципъ свободнаго самоопредѣленія народовъ*. Всѣмъ извѣстно, что этотъ принципъ представляетъ собою тотъ свѣточъ, которымъ направляется и должна направляться международная политика сознательныхъ пролетаріевъ всѣхъ странъ.

Товарищи, не попадайтесь въ ловушку!

(«Единство», № 22 отъ 25-го апрѣля 1917 г.)

Датскій товарищъ Б. [1]) вступилъ съ Исполнительнымъ Комитетомъ Совѣщанія Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ въ переговоры объ участіи этого послѣдняго въ такъ называемой международной соціалистической конференціи, долженствующей имѣть мѣсто въ Стокгольмѣ.

Оставляя совершенно въ сторонѣ вопросъ о томъ, насколько предшествующая дѣятельность датскаго товарища Б. свидѣтельствуетъ объ его безпристрастномъ отношеніи къ системамъ государствъ, воюющихъ между собой въ настоящее время, я считаю себя обязаннымъ обратить вниманіе товарищей на слѣдующее обстоятельство:

Въ Стокгольмской конференціи навѣрно не будутъ участвовать бельгійская и французская соціалистическія партіи, а также и огромнѣйшее большинство организованнаго англійскаго пролетаріата. Но зато въ ней примутъ участіе Шейдеманъ и братія его. Каковы нынѣшнія стремленія этихъ германскихъ большевиковъ, совершенно ясно видно изъ того, что они до сихъ поръ не рѣшаются предоставить населенію Эльзаса и Лотарингіи право присоединиться къ Франціи, если оно того пожелаетъ.

[1]) Борбьергъ.

Въ то же самое время они заявляютъ, что право самоопредѣленія народовъ отнюдь не отрицается ими. Тутъ мы имѣемъ передъ собою все ту же лицемѣрную фразеологію, съ помощью которой Шейдеманъ и компанія до сихъ поръ старались прикрыть свою политику имперіализма и бросать песокъ въ глаза наивныхъ простаковъ. Входить съ ними въ какіе бы то ни было переговоры, значитъ измѣнять всѣмъ традиціямъ Интернаціонала и мириться съ германскимъ ревизіонизмомъ, давно уже объявившимъ непримиримую войну международному революціонному соціализму. Засѣдать съ ними на одной конференціи значитъ затемнять сознаніе международнаго пролетаріата въ такую минуту, когда необходимо внести въ него самый яркій свѣтъ.

Для того, чтобы возстановить Интернаціоналъ, нужно не брататься съ тѣми, дѣятельность которыхъ представляетъ собою рѣшительное отрицаніе лучшихъ его завѣтовъ, а, совершенно наоборотъ, громко и прямо сказать имъ: «Вамъ въ немъ не мѣсто». Только въ такое отношеніе къ нимъ могутъ стать послѣдовательные сторонники революціоннаго соціализма.

Товарищи, не попадайтесь въ ловушку! Не совершайте непоправимой ошибки!

Война и миръ

(«Единство», №№ 14,15, 23-25 отъ 15, 16, 25-28 апр. 1917 г.).

Статья первая

Нѣсколько дней тому назадъ конференція германской соціалъ-демократической партіи (оттѣнка Шейдемана и другихъ германскихъ «большевиковъ») приняла резолюцію о мирѣ, возбудившую, какъ и слѣдовало ожидать, много толковъ въ соціалистической и буржуазной печати всей Европы.

Резолюція эта требуетъ внимательнаго разсмотрѣнія.

Наибольшаго вниманія заслуживаютъ въ ней слѣдующія строки:

«Соціалистическая партія Германіи, равно какъ и соціалисты всѣхъ другихъ странъ, борются противъ мечтаній о владычествѣ и противъ честолюбиваго шовинизма правительствъ, стре-

мясь заставить ихъ опредѣленно отказаться отъ какой бы то ни было завоевательной политики и возможно скорѣе начать окончательные мирные переговоры на этой основѣ».

Съ какихъ же поръ ведетъ эту борьбу соціалистическая партія Германіи? Во всякомъ случаѣ, не съ начала войны. Въ сентябрѣ 1914 года мнѣ пришлось увидѣться въ Женевѣ, — гдѣ я тогда находился, — съ довольно извѣстнымъ германскимъ соціалъ-демократомъ Кваркомъ, который, пріѣхавъ туда, вступилъ въ объясненіе о «тактикѣ 4-го августа» съ членомъ французской соціалистической партіи Эдгаромъ Мильо, съ лидеромъ женевскихъ соціалистовъ Жаномъ Сигомъ, со мною и съ нѣкоторыми другими нашими единомышленниками разныхъ національностей.

Онъ держалъ передъ нами довольно длинную рѣчь, краткій смыслъ которой сводился къ тому, что его партія и теперь уже является самой сильной соціалистической партіей въ мірѣ. А когда счастливый исходъ войны поставитъ Германію въ еще болѣе, чѣмъ теперь, благопріятныя условія экономическаго развитія, то названная партія еще болѣе усилится, отчего много выиграетъ соціалистическое движеніе всѣхъ другихъ странъ.

Это значило, что нѣмецкіе соціалъ-демократы сознательно поддерживали политику имперіализма, наивно ожидая при этомъ, что соціалистическія партіи другихъ странъ безропотно одобрятъ ихъ завоевательные планы. Откровенное признаніе Кварка было такъ неожиданно, что изумило и смутило нѣкоторыхъ изъ его слушателей. Одинъ изъ нихъ, не зная, какъ понять его, замѣтилъ, что Кваркъ, можетъ быть, правъ съ точки зрѣнія историческаго матеріализма, но что соціалисты другихъ странъ не могутъ же принести въ жертву этой теоріи интересы своихъ народовъ. Тогда попросилъ слова пишущій эти строки и замѣтилъ, что онъ считаетъ нужнымъ взять подъ свою защиту товарища Кварка, котораго оклеветалъ, хотя, конечно, и безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія, предыдущій ораторъ.

«Она назвалъ его», сказалъ я, «послѣдователемъ историческаго матеріализма. Это совершенно неосновательное обвиненіе. То, что сказалъ товарищъ Кваркъ, не имѣетъ ничего общаго съ теоріей историческаго матеріализма, какъ она была изложена Карломъ Марксомъ и Фридрихомъ Энгельсомъ. Перспективы, изображенныя имъ передъ нами, всецѣло основываются на ожидаемомъ торжествѣ того, что можно было бы назвать развѣ лишь

историческимъ цинизмомъ, духомъ котораго насквозь пропитанъ современный буржуазный имперіализмъ. Что это въ самомъ дѣлѣ такъ, лучше всего доказывается примѣромъ Карла Маркса, который, какъ извѣстно, былъ рѣшительнымъ врагомъ завоевательной политики. Въ первомъ же манифестѣ основаннаго имъ перваго Интернаціонала, онъ приглашалъ пролетаріатъ построить свою международную политику на началахъ нравственности и права».

Нѣсколько обиженный примѣненнымъ къ нему словомъ «цинизмъ», товарищъ Кваркъ весьма развязно возразилъ, что я разсуждаю не научно, такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что нѣкоторые взгляды Маркса уже устарѣли и что вопросы всякаго даннаго времени слѣдуетъ разсматривать съ точки зрѣнія нуждъ того-же времени. Само по себѣ это было, конечно, справедливо. Плохо было одно. Изъ дальнѣйшихъ разсужденій Кварка съ еще большей, чѣмъ прежде, ясностью слѣдовало, что на нужды нынѣшняго времени онъ отказывается смотрѣть иначе, какъ сквозь очки германскаго имперіализма.

Стало очевидно, что всякое дальнѣйшее препирательство безполезно: намъ, помнившимъ завѣты перваго и второго Интернаціонала, рѣшительно невозможно было столковаться съ этимъ человѣкомъ. И столь же невозможно было для насъ продолжать считать его своимъ товарищемъ: мы стояли въ двухъ совершенно различныхъ плоскостяхъ. Попросивши послѣдній разъ слова, я ограничился констатированіемъ того факта, что въ разсужденіяхъ Кварка съ яркостью обнаружился характеръ нынѣшняго нѣмецкаго ревизіонизма, а равно и пресловутой «политики 4-го августа». Чтобы оправдать эту политику, непремѣнно нужно было провозгласить теорію Маркса устарѣвшей. И наоборотъ: чтобы остаться вѣрнымъ марксизму, нужно было рѣшительно отвергнуть ревизіонизмъ, а съ нимъ и «тактику 4-го августа».

Мнѣ скажутъ, пожалуй, что какъ бы ни были достойны осужденія мысли, высказанныя тогда Кваркомъ, нельзя дѣлать за нихъ отвѣтственной всю германскую соціалъ-демократическую партію. Въ отвѣтъ на это я укажу на извѣстное, разобранное мною въ моей первой брошюрѣ о войнѣ, письмо Франка, которое опубликовалъ Зюдекумъ. Я сошлюсь на цѣлый рядъ статей, написанныхъ въ духѣ имперіализма и напечатанныхъ въ ревизіонистскомъ журналѣ «Соціалистическій ежемѣсячникъ». Я на-

помню о томъ, какъ ученый Генрихъ Куновъ, въ своей полемикѣ съ Каутскимъ, совершенно опредѣленно высказался въ пользу имперіализма. Наконецъ, я спрошу, чемъ, если не проникновеніемъ имперіалистическихъ стремленій въ среду германскаго пролетаріата можетъ быть объясненъ тотъ фактъ, что германскіе профессіональные союзы твердо, рѣшительно и, какъ видно, тоже вполнѣ сознательно поддерживали политику своего правительства? Такимъ образомъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что германская соціалъ-демократическая партія не только не выступила противъ завоевательной политики своего правительства, но, напротивъ, поддерживала ее.

Пора, давно пора смѣло взглянуть въ глаза печальной дѣйствительности. Не надо уподобляться страусу, который, зажмуривъ глаза и зарывъ свою голову въ песокъ, мнитъ, что непріятная для него дѣйствительность перестала существовать. Непріятная для насъ, соціалистовъ, дѣйствительность заключается въ томъ, что организованный нѣмецкій пролетаріатъ счелъ нужнымъ поставить Германію «превыше всего», надѣясь изъ этого извлечь для себя значительныя экономическія выгоды. Нѣчто подобное мы видѣли когда-то въ Великобританіи, гдѣ рабочіе союзы извлекали большую пользу изъ монопольнаго положенія своей страны на всемірномъ рынкѣ. Но экономическая монополія Англіи создалась независимо отъ сознательныхъ усилій англійскаго пролетаріата, и потому, хотя она значительно задержала развитіе его классоваго сознанія, но все-таки не имѣла на него такого развращающаго вліянія, какое навѣрное оказалъ бы на германскій пролетаріатъ побѣдоносный исходъ имперіалистической войны, планомѣрно имъ поддерживаемой. Уже по одному этому всякій, дорожащій интересами соціализма вообще и успѣхами германскаго рабочаго движенія въ частности, не могъ не желать пораженія Германіи.

Само собой разумѣется, что пораженіе Германіи означало бы также и пораженіе германскаго пролетаріата. Однако, оно было бы равносильно этому послѣднему лишь въ той мѣрѣ, въ какой германскій пролетаріатъ покинулъ знамя рабочаго Интернаціонала и сталъ подъ знамя имперіалистовъ, т. е. эксплоататоровъ. Борьба съ нимъ въ *этихъ* предѣлахъ была обязательна для всѣхъ тѣхъ, которые, возставая противъ эксплоатаціи одного класса

другимъ, не могутъ не возставать также и противъ эксплоатаціи одной страны другою.

Бебель говорилъ когда-то, что мы показали бы себя очень плохими политиками, если бы, въ случаѣ войны, не сумѣли разобраться, на кого падаетъ отвѣтственность за нее.

Теперь у насъ появилось очень много людей, которые изъ любви къ «Интернаціоналу» прикидываются именно подобными плохими политиками, т. е. увѣряютъ себя и другихъ въ томъ, что разобраться въ вопросѣ о виновникахъ нынѣшней войны нѣтъ никакой возможности.

Это дѣлаетъ ихъ похожими на страуса, зарывающаго голову въ песокъ. Когда зло существуетъ, нужно не отрицать его существованіе, а обнаружить его во всей его полнотѣ.

Кто поступаетъ иначе, тотъ мирится съ нимъ, т. е. ведетъ себя, какъ оппортюнистъ. Русскіе рабочіе, — разумѣется, такъ же, какъ и рабочіе всѣхъ другихъ странъ, — не должны идти на поводу у оппортюнистовъ.

Вотъ, что я нашелъ нужнымъ сказать по поводу самаго важнаго мѣста резолюціи, принятой на конференціи германской соціалъ-демократической партіи.

Въ слѣдующей статьѣ я поговорю о другихъ интересныхъ мѣстахъ той же резолюціи.

Статья вторая

Итакъ, было время, — довольно продолжительное время, — когда германская соціалъ-демократія въ лицѣ «ревизіонистовъ» сознательно поддерживала политику имперіализма. Правда, «ревизіонисты» не составляли и не составляютъ всей партіи. Но, когда разразилось нынѣшнее международное столкновеніе, ревизіонисты сумѣли увлечь за собою ея большинство, а этого было совершенно достаточно, чтобъ они могли опредѣлить направленіе всей партійной политики. Политика эта сдѣлалась завоевательной. Благодаря ей началась небывалая по своимъ размѣрамъ человѣческая бойня. Руки германскихъ соціалъ-демократовъ пропахли кровью. Всѣ ароматы Аравіи не въ состояніи удалить этотъ ужасный запахъ. И когда тѣ же соціалъ-демократы обращаются къ рабочимъ всего міра съ предложеніемъ возстановить Ин-

тернаціоналъ, я въ тяжеломъ раздумьи спрашиваю себя : неужели мы будемъ опять брататься съ Шейдеманомъ, Эбертомъ, Гейне, Зюдекумомъ и проч., и проч., и проч.?

Неужели мы будемъ пожимать ихъ пахнущія кровью руки? Неужели международный пролетаріатъ не пойметъ, что появленіе германскихъ соціалъ-демократическихъ большевиковъ на международномъ съѣздѣ было бы, — совершенно независимо отъ рѣшеній этого съѣзда, — такимъ торжествомъ для нѣмецкаго « ревизіонизма », которое надолго и весьма значительно ослабило бы великое нравственное и политическое значеніе Интернаціонала?

Говорятъ : нуженъ не расколъ Интернаціонала; нужно его возстановленіе. Къ этому прибавляютъ, что только Интернаціоналъ, опирающійся на рабочія массы, (можетъ способствовать возстановленію международнаго) [1]) братства пролетаріевъ. Въ подтвержденіе этой мысли ссылаются на Маркса, который при основаніи перваго Интернаціонала готовъ былъ идти на компромиссы, лишь бы не вносить раскола въ рабочую среду [2]). Во всемъ этомъ много вѣрнаго. Къ сожалѣнію, здѣсь приходится поставить большое « но ».

Компромиссы, на которые готовъ былъ идти Марксъ при основаніи перваго Интернаціонала, были вовсе не такого характера, какой имѣлъ бы тотъ компромиссъ, на который должны были бы пойти мы, если бы рѣшились пожать окровавленныя руки господина Шейдемана и его единомышленниковъ. Написанный Марксомъ уставъ перваго Интернаціонала отличается отъ Манифеста Коммунистической Партіи (какъ извѣстно вышедшаго изъ-подъ пера того же Маркса и его друга Энгельса) во-первыхъ, тѣмъ, что въ немъ не сдѣланы нѣкоторые выводы изъ основныхъ соціалистическихъ посылокъ, въ немъ же незыблемо установленныхъ. Марксъ находилъ, что, ставши подъ знамена Интернаціонала, рабочіе сами постепенно сдѣлаютъ, подъ вліяніемъ объективной логики экономическаго развитія, всѣ тѣ выводы, которые вытекаютъ изъ указанныхъ посылокъ. Онъ только старался облегчить международному пролетаріату умственный процессъ обдумыванія посылокъ, своевременно выступая съ надлежащими

[1]) Въ этомъ мѣстѣ текстъ искаженъ пропускомъ, для заполненія котораго мы вставили взятыя въ скобки слова.

[2]) См. «Рабочая Газета», отъ 14-го апрѣля 1917 г. *Г. П.*

объясненіями, какъ въ засѣданіи Генеральнаго Совѣта Интернаціонала, такъ и — черезъ посредство того же Совѣта — на его съѣздахъ. Но въ уставѣ перваго Интернаціонала, неоспоримо заключавшемъ въ себѣ нѣчто недоговоренное, не было ровно ничего такого, что хоть немного противорѣчило бы тѣмъ принципамъ, которые съ такою неумолимою послѣдовательностью изложены были въ Манифестѣ Коммунистической Партіи. Подобныхъ противорѣчій мы, вообще, напрасно стали бы искать въ сочиненіяхъ Маркса. Это былъ человѣкъ, совершенно лишенный печальной способности противорѣчить самому себѣ.

Но эта печальная способность, къ сожалѣнію, сильно распространена въ человѣчествѣ. И мы показали бы, что мать-природа въ весьма значительной степени наградила насъ ею, если бы захотѣли брататься съ Шейдеманомъ и аггелами его.

Эти господа отбросили, какъ негодную ветошь, какъ несбыточную утопію, именно тѣ принципы, которые положены были Марксомъ въ основу Интернаціонала. Марксъ призывалъ наемныхъ рабочихъ всѣхъ странъ къ дружному объединенію подъ знаменемъ борьбы съ капиталомъ. Шейдеманъ и компанія, наоборотъ, планомѣрно толкали германскій рабочій классъ на путь завоевательной политики для эксплоатаціи рабочихъ другихъ странъ.

Было бы обидно для памяти Маркса, если бы мы хотя на минуту предположили, что онъ способенъ былъ признать такихъ людей своими товарищами. Какъ ни противны были ему сектанты, всегда выдвигающіе, по его собственному выраженію, то, что разъединяетъ рабочихъ, а не то, что ихъ объединяетъ, онъ умѣлъ, однако, энергично повернуться спиною къ тѣмъ, съ которыми не находилъ возможнымъ столковаться. Такъ отвернулся онъ отъ анархистовъ, призывавшихъ рабочихъ воздерживаться отъ политической дѣятельности. И совершенно такъ же отвернулся бы онъ отъ нынѣшнихъ германскихъ « большевиковъ », какъ только подмѣтилъ бы, — а у него были очень зоркіе глаза, — что они сдѣлались слугами имперіализма.

Кромѣ того : имѣемъ ли мы хоть какое-нибудь основаніе вѣрить въ искренность Шейдемана и его аггеловъ? На этотъ вопросъ можетъ быть только одинъ отвѣтъ : у насъ нѣтъ для этого ни малѣйшаго основанія.

Германскіе большевики, стремленія которыхъ, — по край-

ней мѣрѣ, на нѣкоторое время, — опредѣлили собою всю дѣятельность германской соціалъ-демократической партіи, сознательно поддерживали политику имперіализма и въ то же время во всѣ голоса кричали, что ихъ цѣль ограничивается защитою родины, которой будто бы угрожаетъ опасность иностраннаго завоеванія.

Въ этомъ смыслѣ высказались они въ знаменитомъ засѣданіи рейхстага 4 августа 1914 года. И въ этомъ было такъ много лицемѣрія — опять-таки планомѣрнаго, по-нѣмецки основательнаго лицемѣрія! — что теперь, когда они начинаютъ толковать о своемъ миролюбіи, мы показали бы себя политическими младенцами, если бы довѣрчиво отнеслись къ ихъ увѣреніямъ.

Шейдеманъ говорилъ на послѣдней германской соціалъ-демократической конференціи : «Конечно, мы желаемъ общаго мира, но, тѣмъ не менѣе, въ случаѣ неуспѣха, мы примемъ сепаратный миръ ». Сепаратный миръ — съ кѣмъ? Какъ это совершенно ясно видно изъ послѣдующихъ разъясненій Шейдемана, рѣчь идетъ у него о Россіи. Стало быть, вождь германскихъ большевиковъ выражаетъ готовность великодушно принять сепаратный миръ, который предложила бы ему Россія. Самая возможность обращенія къ нашей странѣ съ выраженіемъ подобной готовности, является для нея тяжелой обидой. И, конечно, если бы позади всѣхъ разсужденій Шейдемана не стояло старое іезуитское правило : цѣль оправдываетъ средства, то онъ никогда не позволилъ бы себѣ обратиться къ революціонной Россіи съ напоминаніемъ о томъ, что она можетъ совершить выгодную для себя подлость, измѣнивъ своимъ союзникамъ.

Но позабудемъ о чувствѣ негодованія, вызываемомъ подобными разсужденіями, и посмотримъ, что произошло бы, если бы мы послѣдовали коварному совѣту миролюбиваго германскаго Яго. Германіи гораздо легче было бы справиться съ остальными *своими противниками*. И *въ той же самой мѣрѣ* ей легче было бы осуществить свои имперіалистическіе замыслы. А выполненіе этихъ замысловъ, въ свою очередь, облегчило бы германскимъ большевикамъ проведеніе въ жизнь тѣхъ плановъ « соціальной реформы », которые всецѣло основывались у нихъ въ послѣдніе годы на предположеніи о томъ, что Германія, выйдя побѣдительницей изъ нынѣшней войны, накинетъ петлю экономической эксплоатаціи на побѣжденные ею народы. Другими словами, Шей-

деманъ и компанія и теперь находятъ эти планы въ высшей степени соблазнительными. Если же они начинаютъ признавать, что лучше было бы, пожалуй, отказаться отъ этихъ плановъ, то единственно потому, что перестаютъ вѣрить въ побѣду Германіи.

Какъ же можно возстановлять Интернаціоналъ при любезномъ содѣйствіи столь «реальныхъ политиковъ»?

Но, — скажутъ намъ, — въ соціалъ-демократической Германіи существуютъ, вѣдь, не одни большевики. Въ ней есть оппозиція, которая все болѣе и болѣе усиливается, такъ что скоро, по евангельскому выраженію, послѣдніе станутъ первыми, а первые — послѣдними, т. е. большевики станутъ меньшевиками, а меньшевики — большевиками.

Объ этомъ въ слѣдующей статьѣ.

Статья третья

Кто внимательно вдумается въ нынѣшнее наше положеніе, тотъ скоро убѣдится, что вопросъ о войнѣ является теперь у насъ однимъ изъ тѣхъ вопросовъ, которые болѣе другихъ привлекаютъ къ себѣ общественное вниманіе, сильнѣе другихъ волнуютъ общественныя страсти. Событія, пережитыя нами нѣсколько дней тому назадъ, стояли въ тѣснѣйшей связи съ названнымъ вопросомъ [1]).

Это ни мало не удивительно въ странѣ, ведущей войну съ превосходно организованнымъ и безпощаднымъ непріятелемъ. Что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ. Однако, войну, какъ и всякій другой фактъ общественной жизни, непремѣнно слѣдуетъ разсматривать въ ея дѣйствительныхъ условіяхъ, а не въ той искусственной, вымышленной обстановкѣ, которая возникаетъ въ воображеніи человѣка, ставшаго покорнымъ рабомъ предвзятыхъ взглядовъ. Не бытіе опредѣляется мышленіемъ, а мышленіе опредѣляется бытіемъ. Забывая объ этомъ, мы рискуемъ заблудиться въ непроходимыхъ дебряхъ нелѣпыхъ, а порой и смѣшныхъ противорѣчій.

Совсѣмъ недавно вернувшись въ Россію, я уже не одинъ разъ встрѣчался съ военными, на полѣ брани доказавшими, что

[1]) Намекъ на событія 20-го апрѣля.

они обладаютъ большимъ запасомъ мужества. Но, странное дѣло! Эти мужественные люди, не рѣшались громко выразить пожеланіе о томъ, чтобы нынѣшняя война энергично велась нами вплоть до рѣшительной побѣды. Они, не боявшіеся непріятельскихъ штыковъ и снарядовъ, боялись словъ. Почему? Потому что, слова: «рѣшительная побѣда надъ непріятелемъ» представлялись имъ выраженіемъ какихъ-то злонамѣренныхъ, крайне вредныхъ для всего передового человѣчества, притязаній со стороны Россіи. Но вѣдь это совсѣмъ, совсѣмъ неосновательно.

Совершенно понятно, что человѣкъ, по тѣмъ или другимъ соображеніямъ «не пріемлющій войны», отказывается также «пріять» и войну до рѣшительной побѣды. Тутъ есть своя логика: кто сказалъ — А, тотъ долженъ послѣ того сказать — Б. Но если, произнеся А, мы боимся произнести Б, то обнаруживаемъ лишь неумѣніе разсуждать послѣдовательно.

Для насъ мыслимы только 4 исхода нынѣшней, — какъ, впрочемъ, и всякой другой, — войны:

1) мы одерживаемъ рѣшительную побѣду;

2) мы терпимъ рѣшительное пораженіе;

3) побѣда, одержанная нами, остается нерѣшительной;

4) непріятель наноситъ намъ нерѣшительное пораженіе.

Кто не пораженецъ, — а пораженцевъ теперь какъ-то не видно: они или вымерли естественной смертью, или получили новую «защитную окраску», — кто не пораженецъ, тотъ не можетъ желать для Россіи ни рѣшительнаго, ни нерѣшительнаго пораженія. Значитъ изъ четырехъ мыслимыхъ исходовъ войны остается только два:

1) *рѣшительная* побѣда;

2) побѣда *нерѣшительная*.

И вотъ спрашивается, откуда же слѣдуетъ, что человѣкъ, желающій для Россіи *нерѣшительной* побѣды, одушевленъ лучшими намѣреніями, нежели человѣкъ, стремящійся къ побѣдѣ *рѣшительной*? Здравая логика говоритъ, что это не слѣдуетъ ни откуда.

Если я борюсь за правое дѣло, то, чѣмъ энергичнѣе стремлюсь я къ рѣшительной побѣдѣ, тѣмъ большую услугу оказываю я этому дѣлу и тѣмъ убѣдительнѣе доказываю доброкачественность своихъ намѣреній. Зачѣмъ же мнѣ ослаблять силу своего удара? Для чего мнѣ щадить врага? Съ какой стати впадать въ

оппортюнизмъ, означающій хотя бы частичное примиреніе со зломъ?

Скажутъ, можетъ быть, что надо же пощадить и своего противника. Это вѣрно, однако, при одномъ непремѣнномъ условіи: жалость къ противнику умѣстна только тогда, когда оружіе выбито изъ его рукъ, когда онъ перестаетъ быть опаснымъ для моего дѣла.

Развѣ Германія находится въ подобномъ положеніи? Отнюдь нѣтъ! Оружіе не только не выбито изъ рукъ Вильгельма и его приспѣшниковъ, но не сегодня — завтра германская армія можетъ перейти въ наступленіе на русскомъ фронтѣ и нанести намъ такой ударъ, вслѣдствіе котораго для насъ и нашихъ союзниковъ станетъ, пожалуй, невозможнымъ одержать, въ послѣднемъ счетѣ, хотя бы и нерѣшительную побѣду надъ центральными монархіями. А это значитъ, что теперь мы должны заботиться не о томъ, чтобы щадить непріятеля, а о томъ, чтобы спасти отъ его покушеній русскую землю, а съ ней молодую русскую свободу. Другими словами: чтобъ не стать въ противорѣчіе съ самими собой, чтобъ не подорвать значеніе своихъ собственныхъ усилій, мы должны всемѣрно стремиться къ *рѣшительной* побѣдѣ надъ непріятелемъ, отвергая, какъ смѣшные и жалкіе софизмы, всякіе доводы о побѣдѣ *нерѣшительной*

Весь вопросъ въ томъ, можемъ ли мы назвать свое дѣло правымъ? Можемъ ли мы считать его такимъ, за которое слѣдуетъ самоотверженно стоять до конца, до послѣдняго издыханія?

А этотъ вопросъ безповоротно рѣшенъ самою жизнью. Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, какой смыслъ въ настоящее время имѣетъ великое столкновеніе народовъ.

Съ одной стороны стоятъ европейскія демократіи, эти учительницы всего цивилизованнаго міра въ плодотворномъ дѣлѣ политическаго прогресса. Бокъ о бокъ съ ними борется революціонная Россія, только что разбившая вдребезги свой старый порядокъ. А черезъ широкій океанъ имъ протягиваетъ сильную руку помощи великая сѣверо-американская демократическая республика, нѣкогда возвѣстившая, провозглашеніемъ своей независимости, начало новой освободительной эры въ исторіи человѣчества.

А противъ нихъ выступаютъ центральныя монархіи, служащія теперь оплотомъ полу-абсолютизма и имѣющія своей союз-

ницей Турцію, эту истинную представительницу соціальнаго застоя и политическаго варварства.

Какъ же можно сомнѣваться хоть на минуту? Какъ можно не желать рѣшительнаго пораженія Австро-Германіи? Какъ можно не желать столь же рѣшительной побѣды Россіи и ея демократическимъ союзникамъ?

Я не разъ слышалъ, конечно, ссылки на то, что въ Германіи есть партія, стоящая въ оппозиціи завоевательнымъ планамъ сообщниковъ Вильгельма. Это — партія Гаазе, Бернштейна и его единомышленниковъ, сложившихся теперь въ особую соціалъ-демократическую организацію. Нельзя не пожелать ей успѣха. Нельзя не пожелать, чтобы она свергла Вильгельма, какъ Россія свергла Николая. Въ тотъ день, когда телеграфъ принесетъ намъ извѣстіе о томъ, что она достигла этого великаго успѣха, всѣ истинно-передовые люди всего міра единодушно воскликнутъ: Теперь можно положить конецъ страшному кровопролитію; теперь надо войти въ соглашеніе съ революціонной Германіей. Но когда настанетъ этотъ радостный день? Увы, мы этого не знаемъ! Скажу больше: мы не знаемъ даже, настанетъ ли онъ когда-нибудь. А пока солнце взойдетъ, роса очи выѣстъ. Пока партія Гаазе и Бернштейна повалитъ Вильгельма, этотъ послѣдній надѣлаетъ много зла Россіи и ея союзникамъ. Германія и союзныя съ нею державы, раздавившія Бельгію, Сербію и часть Румыніи, опустошившія Францію, Польшу и часть Западной Руси, могутъ въ колыбели задушить нашу новорожденную политическую свободу. Мы всѣ должны твердо знать и непрестанно помнить, что отнынѣ военныя неудачи, испытываемыя Россіей въ столкновеніи съ Германіей, будутъ колебать только что заложенныя основы новаго порядка вещей и увеличивать шансы возстановленія стараго порядка. [1])

Выходитъ, что и съ этой стороны у насъ, *пока-что*, можетъ быть только одинъ лозунгъ:

[1]) Послѣ того, какъ эти строки были написаны, въ газетахъ появился манифестъ, подписанный 25 крупнѣйшими германскими сельско-хозяйственными и торгово-промышленными союзами, относительно условій мира.

Въ манифестѣ говорится:

«Миръ, который заключалъ бы въ себѣ отказъ отъ аннексій и контрибуцій, не принесетъ германскому народу экономическаго облегченія и на долгое время обострить продовольственныя затрудненія. Территоріальныя же пріобрѣтенія и контрибуціи обезпечатъ преобладаніе имперіи и возможность ея дальнѣйшаго развитія». *Г. П.*

— Энергичное веденіе войны вплоть до *рѣшительной побѣды*.

Излишне повторять то, что не одинъ разъ сказано было мною прежде : мы измѣнили бы своему собственному идеалу, если бы захотѣли приготовить Германіи ту участь, которую она такъ методически готовила Россіи и ея возможнымъ союзникамъ. Мы не хотимъ разрушать единства нѣмецкаго народа, мы не хотимъ налагать на него ига экономической эксплоатаціи. Мы хотимъ одного : добиться такого мира, въ основу котораго ляжетъ непререкаемое право народовъ располагать своею судьбою по своему свободному усмотрѣнію.

Нужно быть неисправимымъ утопистомъ, чтобы воображать, будто подобная возможность будетъ обезпечена иначе, какъ путемъ энергичнаго военнаго усилія, увѣнчаннаго рѣшительной побѣдой надъ реакціонными силами Германіи, Австріи и Турціи.

Статья четвертая

Какъ я уже сказалъ въ предыдущей статьѣ, о пораженцахъ теперь у насъ почему-то совсѣмъ не слышно. Но если у насъ теперь нѣтъ пораженцевъ, — точнѣе если они неохотно показываются на божій свѣтъ въ своей « натурѣ », — то сторонники *нерѣшительной* побѣды надъ непріятелемъ многочисленны, какъ песчинки на берегу моря, и нѣтъ такого страннаго довода, какой они затруднились бы выдвинуть въ защиту своей *нерѣшительности*.

Вотъ, напримѣръ, они говорятъ иногда, что, конечно, необходимо *оборонять* свою страну, однако, не слѣдуетъ переходить *въ наступленіе*. Подчасъ эта мысль высказывается даже солдатами, причемъ дѣло представляется имъ такъ : они сидятъ въ траншеяхъ и обороняются отъ наступающаго на нихъ непріятеля, но сами отказываются переходить въ наступленіе.

Это напоминаетъ мнѣ одинъ эпизодъ изъ исторіи народническаго періода нашего революціоннаго движенія.

Народники 70-хъ годовъ возлагали, какъ извѣстно, большія надежды на раскольниковъ и сектантовъ. Они надѣялись, что люди, порвавшіе съ господствующей церковью и даже подвергшіеся преслѣдованіямъ съ ея стороны, способны будутъ понять революціонеровъ и поддержать ихъ въ борьбѣ за лучшее будущее.

Знаменитый въ свое время А. Д. Михайловъ былъ особенно сильно проникнутъ этимъ убѣжденіемъ и принималъ всѣ зависѣвшія отъ него мѣры для того, чтобы войти въ тѣсныя сношенія съ раскольниками. Однажды онъ встрѣтилъ нѣсколькихъ представителей, не помню уже какого именно безпоповскаго «согласія». Въ бесѣдѣ съ нимъ они показали себя убѣжденными противниками существовавшаго тогда порядка вещей. Пріятно пораженный этимъ, нашъ народникъ поспѣшилъ поставить точки надъ і, замѣтивъ своимъ собесѣдникамъ, что въ такомъ случаѣ имъ слѣдуетъ примкнуть къ революціонному движенію.

— Нѣтъ, возразили они, мы признаемъ брань словомъ, а революціонеры хотятъ вести брань оружіемъ.

Михайловъ напомнилъ имъ о соловецкихъ старцахъ, которые въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ вели брань оружіемъ со стрѣльцами московскаго царя. Однако, этотъ примѣръ ни мало не смутилъ ихъ. По ихъ словамъ, соловецкіе старцы позволяли себѣ только сталкивать стрѣльцовъ съ монастырскихъ стѣнъ, а сами никогда не нападали на нихъ. Это какъ двѣ капли воды похоже на довольно распространенное теперь упрощенное представленіе о тактикѣ оборонительной войны: мы выпроваживаемъ нѣмцевъ изъ нашихъ траншей, а сами никогда не переходимъ въ наступленіе.

Излишне распространяться о томъ, что съ военной точки зрѣнія подобная тактика просто на просто нелѣпа. Легко понять, что наступленія необходимы даже и въ оборонительной войнѣ. Но въ высшей степени характерно то обстоятельство, что нѣкоторые изъ нынѣшнихъ интернаціоналистовъ дорабатываются до такихъ представленій, которыя умѣстны развѣ только въ неразвитыхъ головахъ темныхъ сторонниковъ «древляго благочестія».

Само собою разумѣется, что подобныя представленія совершенно лишены какой бы то ни было законной логической связи съ международнымъ соціализмомъ вообще и съ ученіемъ Маркса въ частности. Когда одинъ изъ корреспондентовъ Маркса спросилъ его во время франко-прусской войны, думаетъ ли онъ, что страна, подвергшаяся нападенію, имѣетъ право усвоить себѣ наступательную тактику, онъ, не колеблясь, отвѣтилъ, что — да, а въ письмѣ къ другому корреспонденту прибавилъ, сообщивъ ему объ этомъ вопросѣ, что во всѣхъ подобнаго рода сомнѣніяхъ и разсужденіяхъ сквозитъ недостатокъ діалектики. И въ самомъ

дѣлѣ недостатокъ діалектики составляетъ ихъ главную отличительную черту. Люди разсуждаютъ по формулѣ: да-да, нѣтъ-нѣтъ, что сверхъ того, то отъ лукаваго. Они не способны прослѣдить переходъ одного понятія въ другое; для нихъ не существуютъ тонкіе оттѣнки мысли, и они рубятъ сплеча, временами подсѣкая тотъ сукъ, на которомъ имъ хотѣлось бы утвердиться. Можно ли удивляться, что при этомъ они сплошь да рядомъ рѣзко противорѣчатъ самимъ себѣ?

Говорятъ: «нужно возстановить Интернаціоналъ». И это, конечно, справедливо: возстановить его непремѣнно нужно. Но кто же особенно усердно и сильно хлопочетъ объ его возстановленіи? Иногда какъ разъ тѣ, которое отрицаютъ его коренныя основы.

Какъ извѣстно, швейцарскій соціалистъ Платенъ, — устроившій пресловутый проѣздъ Ленина съ братіей черезъ Германію, — прямо возвѣстилъ въ одной изъ своихъ рѣчей, что второй Интернаціоналъ покоился на гнилomъ основаніи. Подъ гнилымъ основаніемъ второго Интернаціонала онъ разумѣлъ тотъ принципъ, что пролетаріатъ обязанъ защищать свою страну, когда она подвергается нападенію. Изъ этого слѣдуетъ, что когда «товарищъ» Платенъ говоритъ *о возстановленіи* Интернаціонала, онъ понимаетъ подъ этимъ полное и окончательное его *разрушеніе*. Правда, на мѣстѣ стараго зданія Интернаціонала, онъ желаетъ построить новое, совсѣмъ иного стиля. Но это дѣло совсѣмъ другое. Фактъ остается фактомъ: то, чего требуетъ Платенъ отъ международной политики пролетаріата, находится въ самомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ тѣмъ, чего требовалъ отъ нея второй Интернаціоналъ. И когда Платенъ посылаетъ намъ упрекъ въ измѣнѣ Интернаціоналу, мы имѣемъ полное право отвѣтить ему:

Чѣмъ кумушекъ считать трудиться,
Не лучше-ль на себя, кума, оборотиться?

А сколько такихъ Платеновъ между тѣми, которые спасаютъ Интернаціоналъ? Не всѣ эти спасители отличаются свойственной Платену послѣдовательностью мысли. Но всѣ они идутъ въ томъ же, какъ и онъ, направленіи и представляютъ собою лишь разновидности одного и того же типа. Ихъ образъ мыслей гораздо ближе къ образу мыслей анархо-синдикалиста Домелы Ньевенгайса, уже на Цюрихскомъ Международномъ Соціалистическомъ Съѣздѣ 1893 года возвѣстившаго, что тактика вождей второго Интернаціонала грозитъ соціализму опасностью (Ньевенгайсъ роди Пла-

тена и братьевъ его), чѣмъ къ образу мыслей Либкнехта, Бебеля, Гэда, Иглезіаса, Гайндмана и другихъ пропагандистовъ марксизма въ разныхъ странахъ Европы.

Это доказывается, между прочимъ, тѣмъ фактомъ, на который до сихъ поръ обращаютъ почему-то слишкомъ мало вниманія, что названные мною пропагандисты марксизма въ разныхъ странахъ Западной Европы, эти основатели международной соціалъ-демократіи въ истинномъ смыслѣ слова, подвергаются за свое отношеніе къ нынѣшней войнѣ всевозможнымъ нареканіямъ со стороны духовныхъ дѣтей и внуковъ Ньевенгайса. Такимъ нареканіямъ подвергаются Жюль Гэдъ во Франціи, Иглезіасъ въ Испаніи, Гайндманъ въ Англіи, Жорданія въ Грузіи и проч., и проч.

Спасители Интернаціонала стремятся разрушить его истинную основу, — вотъ изумительный курьезъ, который мы должны имѣть въ виду, прислушиваясь къ лозунгамъ, исходящимъ изъ среды такъ называемыхъ теперь интернаціоналистовъ. Въ этихъ лозунгахъ несравненно больше анархизма, чѣмъ современнаго международнаго соціализма въ томъ его видѣ, какой принялъ онъ благодаря теоретическимъ трудамъ и практической дѣятельности Маркса и Энгельса.

Если бы для доказательства этого понадобился новый примѣръ, то за нимъ не пришлось бы ходить далеко. Доставленный въ Россію услужливымъ Платеномъ Ленинъ провозгласилъ въ своихъ «тезисахъ», что нужно «братанье», т. е. братанье русскихъ войскъ съ германскими. Подъ перомъ Ленина тезисъ этотъ не отличался убѣдительностью. Однако онъ пришелся по вкусу многимъ изъ тѣхъ, которые энергично отвергали остальные тезисы нынѣшняго руководителя «Правды». О «братаніи» русскихъ войскъ съ германскими сочувственно заговорила «Рабочая Газета», и — шила въ мѣшкѣ не утаишь! — оно мѣстами начало практиковаться на нашемъ западномъ фронтѣ.

Къ чему ведетъ оно?

Если бы вся русская армія побраталась со всѣми австро-германскими войсками, обращенными противъ русскаго фронта, то это было бы равносильно заключенію сепаратнаго мира Россіи съ Австріей и Германіей. Желаютъ ли такого мира наши спасители Интернаціонала? Нѣтъ, они увѣряютъ, что никто изъ нихъ не желаетъ его. Но если они его не желаютъ, то они не должны

проповѣдывать идею «братанія», *полное* осуществленіе которой привело бы именно къ такому миру.

А къ чему привело бы *неполное* осуществленіе идеи «братанья»? Къ тому, что, пользуясь «братскимъ» ротозѣйствомъ русскихъ, германскій Главный Штабъ получилъ бы возможность противопоставить значительную часть своихъ силъ англичанамъ и французамъ. Другими словами: неполное осуществленіе идеи «братанья» было бы равносильно частичному осуществленію идеи сепаратнаго мира, которымъ гнушаются сами наши спасители Интернаціонала. А изъ этого слѣдуетъ, что въ обоихъ предположенныхъ мною случаяхъ идея «братанья» должна быть отвергнута, какъ несостоятельная по своему содержанію и крайне вредная по своимъ фактическимъ послѣдствіямъ.

На Цюрихскомъ Соціалистическомъ Съѣздѣ 1893 года Домела Ньевенгайсъ предложилъ, на случай международнаго столкновенія, военную стачку, одной изъ формъ которой является *братанье*, столь желанное Ленину и всѣмъ полу-Ленинымъ. Какъ же принялъ съѣздъ предложеніе Ньевенгайса? Онъ отвергъ его, какъ не выдерживающее соціалистической критики.

Я напоминаю объ этомъ тѣмъ изъ нашихъ соціалистовъ, которые неокончательно подпали подъ вліяніе Ленина изъ «Правды» и полу-Лениныхъ изъ «Рабочей Газеты».

Статья пятая

Никогда не бывало, да и быть не можетъ, такой войны, участники которой не стремились бы къ миру. Весь вопросъ въ томъ, на какихъ условіяхъ согласны заключить миръ участники данной войны.

Безполезно повторять, что «правящія сферы» Германіи, — вопреки извѣстной формулѣ, — хотѣли бы навязать странамъ Согласія миръ съ весьма обширными аннексіями «въ пользу своей имперіи» и съ огромными контрибуціями въ ея же пользу. Германскіе соціалъ-демократическіе большевики въ теченіе продолжительнаго времени ровно ничего не имѣли противъ человѣколюбивыхъ плановъ, выработанныхъ германскими «сферами». Напротивъ, они сознательно и упорно поддерживали ихъ. Теперь они хотятъ увѣрить насъ, что ихъ плохо поняли, что на самомъ

дѣлѣ они никогда не измѣняли принципамъ Интернаціонала и ни мало не сомнѣваются въ правѣ каждаго народа свободно располагать своею судьбою. Это было бы очень хорошо, если бы не было лицемѣрно.

Я отнюдь не раздѣляю тѣхъ взглядовъ на войну, органомъ которыхъ служитъ « Новая Жизнь » г. М. Горькаго. Тѣмъ пріятнѣе мнѣ отмѣтить здѣсь, что даже этотъ органъ недовѣрчиво относится къ « интернаціонализму » германскихъ большевиковъ.

Въ № 7 « Новой Жизни » товарищъ Стекловъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе объ условіяхъ мира, выработанныхъ партіей Шейдемана и сообщенныхъ Исполнительному Комитету Петроградскаго Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ датскимъ соціалистомъ Борбьергомъ:

« Судя по докладу датскаго товарища, — говоритъ онъ, — шейдемановцы въ общемъ готовы стать на почву принциповъ, намѣченныхъ въ воззваніи « Къ народамъ всего міра ». Какъ бы идя навстрѣчу требованіямъ французскихъ соціалистовъ, они не дѣлаютъ секрета изъ своего предложенія, а изъявили согласіе на его опубликованіе, что придаетъ ему положительный характеръ. Неясно только, какими способами они намѣрены добиться осуществленія своей мирной программы, которая, какъ извѣстно, далеко не раздѣляется руководящими кругами германскаго имперіализма. Врядъ ли послѣдніе добровольно откажутся отъ своихъ захватныхъ тенденцій, а шейдемановцы до сихъ поръ не высказывали особенной готовности ссориться со своимъ правительствомъ. Поэтому умолчаніе по такому важному пункту нельзя не признать довольно существеннымъ дефектомъ ихъ программы ».

По поводу этого замѣчанія можно пожалѣть лишь объ одномъ :

Справедливая по своему существу, мысль тов. Стеклова зачѣмъ-то облечена въ такую мягкую форму, что утрачиваетъ большую часть своего вѣса.

Шейдемановцы до сихъ поръ не высказывали *особенной* готовности ссориться съ правительствомъ Вильгельма II ! Это сказано черезъ-чуръ дипломатично. На самомъ дѣлѣ они не высказывали *никакой* готовности ссориться съ нимъ. Это обстоятельство свидѣтельствуетъ *о полной негодности* ихъ « *программы* », *а не только о томъ, что въ ней есть* « *довольно существенный дефектъ* ». И мы обязаны прямо и опредѣленно указать на него русскому пролетаріату, если не хотимъ ввести его въ заблужденіе по тако-

му важному вопросу, какъ вопросъ о мирной программѣ «шейдемановъ».

Товарищъ Стекловъ продолжаетъ:

«Но это не единственно слабая сторона платформы германскаго соціалъ-демократическаго большинства. Уже въ засѣданіи Исполнительнаго Комитета было указано, что на словахъ признаваемое шейдемановцами право націй на самоопредѣленіе въ дальнѣйшей конкретизаціи ихъ мирной платформы терпитъ весьма существенныя ограниченія. Право народовъ на самоопредѣленіе, включающее въ себя, по общему признанію соціалистовъ, также и право на самостоятельное политическое и государственное существованіе, сводится въ указанной программѣ лишь къ праву на культурно-національную автономію. Само собой разумѣется, что соціалисты, и въ частности русская революціонная демократія, опубликовавшая воззваніе «Къ народамъ всего міра», врядъ ли согласятся съ такимъ ограничительнымъ толкованіемъ этого понятія».

Что правда, то правда! Революціонная демократія, — а особенно революціонная *соціалъ-демократія*, — никакъ не можетъ помириться съ ограничительнымъ толкованіемъ того понятія, которое лежитъ и непремѣнно должно лежать въ основѣ всей международной политики. Кто такъ или иначе старается дать этому понятію ограничительное толкованіе, тотъ, по той или другой причинѣ, измѣняетъ Интернаціоналу. А измѣна Интернаціоналу есть одинъ изъ тѣхъ тяжкихъ грѣховъ, которые надо разоблачать съ безпощадной откровенностью. Дипломатическіе обороты рѣчи сами являются въ такихъ случаяхъ немалымъ проступкомъ передъ святымъ духомъ международнаго рабочаго движенія.

Товарищъ Стекловъ вполнѣ справедливо говоритъ, что, въ частности, шейдемановцы великодушно предлагаютъ русской Польшѣ полную свободу выбора въ смыслѣ устроенія своей судьбы. Но о принадлежащихъ Германіи и Австріи частяхъ Польши ихъ платформа хранитъ благоразумное молчаніе.

Но почему это такъ? Да, именно, потому, что они не имѣютъ особенной готовности ссориться со своимъ правительствомъ (какъ мягко выражается не всегда мягкій товарищъ Стекловъ). Чтобы не раздразнивать гусей германскаго имперіализма, — которому они сами служили и донынѣ служатъ не только за страхъ, но и за совѣсть, — «шейдемановцы» способны пожертвовать люби-

мыми принципами и любимыми правами... другихъ народовъ. Если они не рѣшаются прямо и опредѣленно сказать : « Эльзасъ и Лотарингія могутъ устраиваться, какъ имъ угодно » (что также не ускользнуло отъ вниманія даже мягкаго на этотъ разъ товарища Стеклова), то это опять-таки потому, что они давно уже выбросили, какъ негодную ветошь, основной принципъ международной политики сознательнаго пролетаріата. Пора же, наконецъ, ясно понять это! Пора высказать это напрямикъ, безъ изгиба!

Судя по всему нынѣшнему образу мыслей товарища Стеклова, я думаю, что онъ долженъ сочувствовать защищаемому гражданиномъ Борбьергомъ проекту о созванiи международной соціалистической конференціи въ Стокгольмѣ. Но я спрашиваю его : какой смыслъ могло-бы имѣть присутствіе на этой конференціи партіи Шейдемана? Думаетъ ли онъ, что соціалисты, откровенно признающіе полное право народовъ на самоопредѣленіе, сумѣютъ вернуть шейдемановцевъ на путь истинный? Думать такъ было бы слишкомъ наивно : горбатаго исправитъ только могила. А если невозможно возвращеніе шейдемановцевъ на путь истинный, то зачѣмъ приглашать ихъ на конференцію? Зачѣмъ дѣлать видъ, что мы не замѣчаемъ ихъ измѣны основному принципу Интернаціонала? Зачѣмъ впрягать въ одинъ возъ лебедя и рака?

Кто хочетъ возстановить Интернаціоналъ, тотъ долженъ удалить изъ него все то, что является отрицаніемъ его руководящихъ принциповъ. А у кого не хватаетъ рѣшимости совершить такую операцію, тому лучше и не браться за возстановленіе Интернаціонала, ибо изъ его малодушной попытки ничего хорошаго не выйдетъ.

Соціалистическая конференція въ Стокгольмѣ только тогда могла бы принести пользу международному рабочему движенію, она только тогда могла бы приблизить наступленіе мира, если бы люди, взявшіе на себя ея починъ, имѣли смѣлость не пригласить на нее партію Шейдемана. Въ такомъ случаѣ, мы, вѣроятно, увидѣли бы на ней представителей бельгійской соціалистической партіи, французскаго соціалистическаго большинства и, наконецъ, представителей организованнаго англійскаго пролетаріата [1]). Но организаторы стокгольмской конференціи слишкомъ

[1]) Такъ называемая независимая рабочая партія Англіи, которая, навѣрное, будетъ представлена въ Стокгольмѣ, на самомъ дѣлѣ есть не партія въ за-

пропитаны духомъ оппортюнизма, чтобы рѣшиться на указанный мною шагъ....

Статья шестая

По предложенію своего Исполнительнаго Комитета, Петроградскій Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ рѣшилъ взять на себя починъ созыва международной соціалистической конференціи. Къ участію въ ней онъ призываетъ *всѣ фракціи и партіи пролетарскаго интернаціонала*, т. е., между прочимъ, и партію Шейдемана, которая своей «тактикой» отвергаетъ основное положеніе названнаго Интернаціонала: *право всѣхъ народовъ на полное и свободное самоопредѣленіе*.

Какіе же доводы привелъ Исполнительный Комитетъ въ пользу своего предложенія?

Тов. Скобелевъ, выступившій докладчикомъ по этому предмету, сказалъ въ своемъ заключительномъ словѣ, что ради возрожденія Интернаціонала и прекращенія войны онъ готовъ встрѣтиться съ кѣмъ угодно.

Это странно.

Спорный вопросъ заключается въ томъ, можетъ ли участіе партіи Шейдемана въ международной соціалистической конференціи содѣйствовать возстановленію Интернаціонала. Одни говорятъ — *да*; другіе, — напримѣръ, мои единомышленники, — думаютъ, что *нѣтъ*. Но тов. Скобелевъ заранѣе предполагаетъ вопросъ рѣшеннымъ въ утвердительномъ смыслѣ и, основываясь на этомъ недоказанномъ предположеніи, торжественно провозглашаетъ, что не слѣдуетъ устранять отъ конференціи партію Шейдемана. По истинѣ, нужно быть человѣкомъ совсѣмъ неискуснымъ въ дѣлѣ мышленія, чтобы считать убѣдительнымъ подобный софизмъ, истинная природа котораго съ незапамятныхъ временъ разоблачается во всѣхъ учебникахъ логики.

Тов. Скобелевъ привелъ, кромѣ того, извѣстное изреченіе покойнаго Бебеля: если это понадобится, я пойду съ чертомъ и даже съ его бабушкой.

надномъ смыслѣ этого слова, а лишь небольшая организація миролюбивыхъ сектантовъ, до недавняго времени приходившихъ въ ужасъ отъ словъ: борьба классовъ. Г. П.

Я не знаю, кого именно напоминаетъ тов. Скобелеву партія Шейдемана : черта или же его бабушку. Однако, это не существенно. Главное дѣло въ томъ, что ссылка на Бебеля не выдерживаетъ, въ данномъ случаѣ, самаго легкаго прикосновенія критики.

Поясняя свою мысль, великій германскій соціалъ-демократъ, обладавшій такимъ глубокимъ и вѣрнымъ политическимъ инстинктомъ, прибавлялъ, что, вступая въ сдѣлку съ чертомъ, каждому изъ насъ прежде всего слѣдуетъ спросить себя: кто кого осѣдлаетъ, — я черта, или чертъ меня? Если окажется, что идти подъ сѣдломъ предстоитъ мнѣ, а не черту, то я обязанъ отказаться отъ сдѣлки съ нимъ. Разумѣется, ту же самую оговорку дѣлалъ Бебель и относительно сдѣлки съ чертовой бабушкой. Благодаря такой своей осторожности, онъ усвоилъ себѣ поистинѣ мудрую тактику, въ которой не было ни узкаго сектантства, ни расплывчатаго оппортюнизма. Эта мудрая тактика дѣлала совершенно невозможнымъ для него «братаніе» какъ съ *анархо-синдикалистами*, такъ и съ *ревизіонистами*. А тов. Скобелевъ, только однимъ ухомъ слышавшій о томъ, какая мысль высказана была Бебелемъ, и только наполовину понявшій эту глубочайшую мысль, не догадался спросить себя, кто же на комъ поѣдетъ въ Стокгольмъ : онъ на Шейдеманѣ, или Шейдеманъ на немъ.

Благодаря этой достойной горькаго сожалѣнія недогадливости докладчика по вопросу о конференціи, теперь уже совершенно ясно, что играть роль коня суждено ему, тов. Скобелеву, между тѣмъ, какъ роль всадника предстоитъ играть Шейдеману или его бабушкѣ.

Вспомните, какъ философъ Хома Брутъ («Вій» Гоголя) везъ на себѣ старуху, которая, надо думать, и была чертовой бабушкой.

«Старуха подошла къ нему, сложила ему руки, нагнула ему голову, вскочила съ быстротою кошки ему на спину, ударила его метлою по боку, и онъ, подпрыгивая, какъ верховой конь, понесъ ее на плечахъ своихъ. Все это случилось такъ быстро, что философъ едва могъ опомниться и схватить обѣими руками себя за колѣни, желая удержать ноги, но онѣ, къ величайшему изумленію его, поднимались противъ воли и производили скачки быстрѣе черкесскаго бѣгуна».

Вотъ такъ будетъ и съ нашимъ бѣднымъ тов. Скобелевымъ, столь неудачно сославшимся на Бебеля. Когда его осѣдлаетъ чертова бабушка, — или, что все равно, самъ чертъ, — то ему уже

трудно будетъ опомниться. А если онъ и опомнится, если схватитъ себя за колѣни, то ноги его будутъ подниматься противъ воли, и онъ, быстрѣе черкесскаго скакуна, понесетъ Шейдемана къ цѣлямъ, которыя тотъ преслѣдуетъ теперь при услужливомъ содѣйствіи прославившагося своимъ германофильствомъ гражданина Борбьерга.

А цѣли Шейдемана не могутъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. Какъ это понятно всякому, пережившему двѣнадцатилѣтній возрастъ, Шейдеманъ старается дать формулѣ: «безъ аннексій и безъ контрибуцій» такое толкованіе, чтобы народы, несущіе на своей шеѣ германское иго, и впредь продолжали нести его, а контрибуціи, взысканныя нѣмецкими арміями съ населенія занятыхъ ими мѣстностей, или совсѣмъ не возвращались ему, или были бы возвращены только отчасти. [4])

Что же касается положенія, достигнутаго Германіей на Балканахъ и сводящагося къ осуществленію имперіалистическаго плана: «Берлинъ — Багдатъ», то, разумѣется, Шейдеманъ, — отказывающійся вырвать Эльзасъ, Лотарингію, Познань, Силезію и т. д. изъ когтей прусско-германскаго орла, — будетъ отстаивать его въ силу того же принципа: «миръ безъ аннексій». Мнѣ сдается, что тов. Скобелевъ совсѣмъ не подумалъ объ этой сторонѣ вопроса.

Тов. Скобелевъ возразитъ, пожалуй, что соціалъ-демократическая Германія будетъ представлена въ Стокгольмѣ не только Шейдеманомъ и компаніей. По слухамъ, соціалъ-демократы, осуждающіе тактику Шейдемана, поплютъ туда Гаазе, Бернштейна, Гофмана и Каутскаго. Но при всемъ моемъ уваженіи къ Каутскому, я не могу возлагать преувеличенныхъ надеждъ на энергію человѣка, поведеніе котораго отличалось, въ теченіе нынѣшней войны, именно огромнымъ недостаткомъ энергіи. Что касается родоначальника германскаго ревизіонизма, Бернштейна, — этого духовнаго отца Шейдемана, — то я предпочитаю умолчать о немъ, несмотря на то, что за нимъ есть заслуга извѣстной непослѣдовательности; не

[4]) Нѣкоторые наши миролюбы говорятъ, что потери странъ, испытавшихъ непріятельское нашествіе, должны быть возмѣщены за счетъ всѣхъ заинтересованныхъ въ заключеніи мира государствъ. Я отказывалось постигнуть, почему рязанскій крестьянинъ долженъ хоть отчасти платить за подвиги солдатъ Вильгельма II. Развѣ въ силу ироническаго соображенія Некрасова: «не бѣда, что потерпитъ мужикъ, такъ ведущее насъ провидѣніе указало, да онъ же привыкъ». Г. П.

буду говорить и о Гаазе, вручившемъ Бетману-Гольвегу тотъ ножъ, которымъ онъ зарѣзалъ ни въ чемъ неповинную Бельгію.

Какъ бы тамъ ни было, при отсутствіи на конференціи французскихъ большевиковъ [1]), англійскаго организованнаго пролетаріата, бельгійской соціалистической партіи и значительной части, т. е., вѣроятно, *большинства*, русскихъ соціалистовъ, — конференція по необходимости будетъ имѣть *однобокій въ пользу Германіи характеръ*. Вотъ почему я повторяю что не тов. Скобелевъ поѣдетъ въ Стокгольмъ на чертовой бабушкѣ, а она на тов. Скобелевѣ.

«Рабочая Газета» иронизируетъ по поводу того, что я сошелся съ Ленинымъ въ своемъ отношеніи къ Стокгольмской Конференціи. Но я не настолько проникнутъ фракціоннымъ духомъ, чтобы оспаривать Ленина, когда онъ говоритъ: дважды два четыре. Впрочемъ, я согласенъ съ Ленинымъ лишь во взглядѣ на нѣмецкихъ большевиковъ. Во взглядѣ на французскія дѣла мы рѣшительно расходимся. При томъ, если нужно выбирать между Ленинымъ и миролюбцами изъ «Рабочей Газеты», то я предпочту Ленина, какъ человѣка болѣе смѣлаго и послѣдовательнаго.

Лассаль сказалъ когда-то, обращаясь къ прогрессистамъ: я держусь точки зрѣнія прямо противоположной точкѣ зрѣнія Бисмарка. Но все-таки я не могу не признать, что Бисмаркъ энергичный человѣкъ, между тѣмъ, какъ вы — старыя бабы.

Азъ, нижайшій, не желая подражать Лассалю въ его рѣзкости выражусь иначе, скажу такъ:

Моя точка зрѣнія прямо противоположна точкѣ зрѣнія Ленина, однако, не могу же я не видѣть, что онъ — цѣльный типъ, тогда какъ вы, почтенные товарищи изъ «Рабочей Газеты», были и остаетесь... только *полу*-Лениными.

Принявъ предложеніе своего Исполнительнаго Комитета, Петроградскій Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ сильно погрѣшилъ противъ интересовъ всемірнаго пролетаріата...

---

[1]) Французскими большевиками Г. В. Плехановъ называетъ здѣсь сторонниковъ большинства французской соціалистической партіи, во главѣ съ Гэдомъ, Тома и др. Необходимо замѣтить, что Плехановъ часто употребляетъ названіе «большевики» въ этомъ смыслѣ: онъ называетъ, напр., сторонниковъ Шейдемана нѣмецкими большевиками.

Май 1917 года

Къ вопросу о Стокгольмской, такъ называемой Международной Соціалистической Конференціи

(«Единство», № 28 отъ 2-го мая 1917 г.).

Шведская печать опубликовала открытое письмо Меринга къ Н. С. Чхеидзе. Въ немъ говорится:

« Мы отказываемся отъ всякаго участія въ конференціи, на которой будетъ выступать германское соціалъ-демократическое большинство. Оно должно считаться представителемъ не соціализма, а лишь германскаго правительства и его интересовъ. Участіе въ конференціи этого большинства было бы тяжелымъ ударомъ для самой идеи интернаціональнаго соціализма. Настоящее заявленіе выражаетъ мнѣніе германской группы интернаціоналистовъ и я увѣренъ, что я могу сказать то же самое отъ имени находящихся въ заключеніи моихъ друзей: Розы Люксембургъ и Карла Либкнехта ».

Отзывъ Меринга о германскомъ соціалъ-демократическомъ большинствѣ совершенно совпадаетъ съ тѣмъ отзывомъ о немъ, который уже не разъ высказывался мною въ моихъ статьяхъ съ самаго начала нынѣшней войны. Мнѣ въ высшей степени пріятно убѣдиться, какъ въ этомъ совпаденіи, такъ и въ томъ, что лучшіе представители германской соціалъ-демократіи сумѣли избѣжать ловушки, на которую я, къ сожалѣнію, не совсѣмъ успѣшно указалъ нашимъ товарищамъ.

Далѣе, Вандервельдъ, проѣздомъ черезъ Христіанію, заявилъ въ бесѣдѣ съ однимъ журналистомъ:

« Мы можемъ вести переговоры съ лѣвыми соціалъ-демократами, но мы знаемъ, что они составляютъ меньшинство. Что же касается праваго большинства, мы открыто признаемся, что трудно принять протянутую намъ руку, когда другая рука протянута къ „кайзеру ».

Говоря объ аннексіяхъ, Вандервельдъ высказалъ слѣдующую совершенно правильную мысль:

« Развѣ можно считать справедливымъ такой миръ, при которомъ Бельгія, безъ всякой вины съ ея стороны вовлеченная въ войну, не получитъ возмѣщенія за всѣ причиненныя разрушенія? Развѣ можно признать аннексіей освобожденіе Арменіи и возвращеніе Эльзасъ-Лотарингіи Франціи и Трентино Италіи? Наоборотъ, это только необходимое исправленіе прежнихъ грубыхъ аннексій ».

Наконецъ, Національный Совѣтъ Французской Соціалистической Партіи принялъ резолюцію, въ которой говорится:

«Новое международное соціалистическое совѣщаніе можетъ быть созвано, но только съ условіемъ, чтобы германскіе соціалисты предварительно отказались отъ имперіализма и признали необходимость демократической революціи въ Германіи. Національный Совѣтъ предполагаетъ предложить международному совѣщанію привлечь къ отвѣтственности представителей германской и австровенгерской соціалъ-демократіи, виновныхъ въ измѣнѣ принципамъ соціализма ».

А товарищъ Скобелевъ все-таки поѣдетъ въ Стокгольмъ, неся на своей спинѣ «товарища» Шейдемана и чертову бабушку. Что-жъ? Скатертью дорога. Только пусть онъ и въ Стокгольмѣ не совсѣмъ забываетъ о своемъ революціонномъ прошломъ. Пусть онъ не очень «братается» съ германскимъ большинствомъ, которое, протягивая ему свою братскую руку, будетъ въ то же время, по выраженію Вандервельда, пожимать руку кайзера.

Изъ Стокгольма ничего не выйдетъ, кромѣ раскола въ Интернаціоналѣ...

Отечество въ опасности

(«Единство», № 28 отъ 2-го мая 1917 г.).

Я знаю, что уже самое заглавіе моей статьи дастъ поводъ къ насмѣшкамъ: « онъ говоритъ объ отечествѣ; онъ его любитъ; онъ, соціалъ-демократъ! » Однако, я никогда не боялся и никогда не буду бояться насмѣшекъ этого рода. Ихъ дѣйствіе на меня ограничивается тѣмъ, что я неизмѣнно вспоминаю слова Некрасова:

Надъ чѣмъ смѣяться вздумали глупцы,
Опошлить чувство вздумали какое!

Старый интернаціоналистъ, я знаю прекрасно, что если современный соціализмъ стремится установить извѣстную, соотвѣтствующую его основнымъ посылкамъ систему отношеній между всѣми странами цивилизованнаго міра, то это вовсе не означаетъ, что онъ требуетъ пренебреженія къ интересамъ отдѣльныхъ странъ вообще и своего отечества въ частности. Онъ только говоритъ, что слѣдуетъ различать *правомѣрные* интересы каждой отдѣльной страны отъ *неправомѣрныхъ*. Если бы это было иначе, то Международная Ассоціація Рабочихъ, возникшая при дѣятельномъ участіи Маркса, этого отца современнаго научнаго соціализма, называлась бы *Антинаціоналомъ*, а не *Интернаціоналомъ*. Система тѣсныхъ отношеній между націями, къ установленію которой стремится Интернаціоналъ, предполагаетъ *существованіе* націй, а вовсе не ихъ *уничтоженіе*. Если я не долженъ мириться съ нарушеніемъ правомѣрныхъ интересовъ, — а тѣмъ менѣе съ уничтоженіемъ любой изъ отдѣльныхъ націй, — то изъ этого слѣдуетъ, что я не имѣю ровно никакого права пренебрегать правомѣрными интересами своей собственной страны. Разсуждая иначе, я изъ *интернаціоналиста* превратился бы въ *антинаціоналиста*, т. е., уподобился бы циммервальдистамъ вродѣ Гримма или Платена, утверждавшимъ, что соціалисты измѣняютъ самимъ себѣ всякій разъ, когда ополчаются на защиту родины. А отъ такого помраченія ума пусть предохранятъ меня безсмертные боги Олимпа!

Итакъ, не опасаясь беззубыхъ насмѣшекъ нашихъ *антинаціоналистовъ*, по недоразумѣнію попавшихъ въ Интернаціоналъ, я считаю себя обязаннымъ защищать правомѣрные интересы своего отечества и обращаю вниманіе читателей «Единства» на то грозное обстоятельство, что Россія переживаетъ теперь смертельную опасность.

Не я одинъ говорю это. Это говорятъ, кромѣ меня, люди весьма различныхъ направленій общественной мысли.

Наша военная мощь быстро клонится къ упадку; наша армія разлагается, и процессъ ея разложенія зашелъ такъ далеко, что Россія находится на краю гибели.

Это было сказано нашимъ военнымъ и морскимъ министромъ А. И. Гучковымъ въ торжественномъ засѣданіи Государственной Думы всѣхъ четырехъ созывовъ.

Такія рѣчи подобны звукамъ набата, возвѣщающимъ о бѣдѣ и зовущимъ на помощь. Жаль только, что А. И. Гучковъ совсѣмъ некстати придалъ своей рѣчи характеръ какого-то полемическаго выпада, ослаблявшій ея мрачное значеніе и дававшій поводъ предполагать, что онъ преувеличилъ грозящую нашей странѣ опасность. Но вотъ прошло нѣсколько дней и на съѣздѣ делегатовъ съ фронта нашъ министръ юстиціи высказался совершенно въ томъ же духѣ, какъ и Гучковъ, хотя подошелъ къ предмету отчасти съ другой стороны.

« Я жалѣю, — признался, между прочимъ, А. Ф Керенскій, — что не умеръ тогда, два мѣсяца назадъ; я умеръ бы съ великой мечтой, что разъ навсегда для Россіи загорѣлась новая жизнь, что мы умѣемъ безъ хлыста и палки взаимно уважать другъ друга и управлять своимъ государствомъ не такъ, какъ имъ управляли прежніе деспоты ».

Теперь его уже покинула отрадная увѣренность, вызванная въ немъ успѣшнымъ ходомъ революціонныхъ событій, теперь его сердце полно тревоги и теперь онъ откровенно и громко заявляетъ :

« Если сейчасъ не будутъ всѣми сознаны трагизмъ и безвыходность положенія, если не поймутъ, что сейчасъ на всѣхъ лежитъ отвѣтственность, если нашъ государственный организмъ не будетъ дѣйствовать такъ же правильно, какъ хорошо прилаженный механизмъ, тогда все, о чемъ мы мечтали, къ чему мы стремились, будетъ отброшено еще на нѣсколько лѣтъ назадъ, а, можетъ быть, затоплено кровью ».

Это — страшная и, къ сожалѣнію, совершенно неоспоримая истина. Только слѣдовало бы нѣсколько иначе формулировать какъ нельзя болѣе правильную мысль А. Ф. Керенскаго. Точнѣе было бы выразиться такъ:

Если не окажется въ наличности оптимьченныхъ министромъ юстиціи условій, то все, о чемъ мы мечтали, все, къ чему мы стремились, будетъ затоплено кровью и отброшено назадъ не только на нѣсколько лѣтъ, а на продолжительное и, — какъ знать? — пожалуй, на весьма продолжительное время.

То обстоятельство, что теперь, въ значительной мѣрѣ, *благодаря нашимъ собственнымъ ошибкамъ*, быстро умножаются шансы реакціи, которая, разъ начавшись, совершилась бы при самыхъ неблагопріятныхъ и даже прямо позорныхъ для Россіи внѣшнихъ условіяхъ, и составляетъ трагизмъ нынѣшняго нашего положенія.

Какъ бы желая подтвердить основательность высказанныхъ А. Ф. Керенскимъ опасеній, А. И. Гучковъ на томъ же съѣздѣ сообщилъ о своемъ выходѣ въ отставку.

Почти одновременно съ нимъ удалился начальникъ Петроградскаго военнаго округа Корниловъ.

Такимъ образомъ разложеніе арміи, начавшееся пресловутымъ братаніемъ на фронтѣ русскихъ солдатъ съ германскими, дополняется уходомъ командная состава. Излишне доказывать, что при такихъ условіяхъ военная мощь Россіи окончательно уничтожится въ самое короткое время. Кто не принадлежитъ къ числу послѣдовательныхъ пораженцевъ, тому поневолѣ приходится подумать надъ вопросомъ:

Что же нужно сдѣлать для того, чтобъ остановить крайне опасный для Россіи процессъ полнаго уничтоженія силы ея военнаго сопротивленія?

Для этого нужно, во-первыхъ, положить конецъ выгодному только для нѣмцевъ и, на самомъ дѣлѣ, практикуемому только русскими солдатами братанію. Въ этомъ смыслѣ только-что высказался въ особомъ воззваніи Исполнительный Комитетъ Совѣта Р. и С. Д. Лучше поздно, чѣмъ никогда! Для этого нужно, во-вторыхъ, поставить лицъ высшаго командная состава нашей арміи въ такое положеніе, которое дало бы имъ возможность исполнять свои обязанности.

Въ такомъ положеніи они пока еще не находятся.

Если начальникъ войскъ Петроградскаго округа не можетъ вывести изъ казармы *ни одного* баталіона, — что говорю я, — ни одного взвода, не получивъ на то разрѣшенія Исполнительнаго Комитета Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, то ему ничего не остается, какъ сложить съ себя свои обязанности.

Разумѣется, мѣсто Корнилова можетъ быть занято какимъ-нибудь Лаврентьевымъ или Петровымъ. Но чѣмъ серьезнѣе будетъ относиться къ своимъ обязанностямъ новый начальникъ округа, тѣмъ скорѣе придетъ онъ къ тому выводу, что ему остается лишь послѣдовать примѣру своего предшественника. Словомъ, начнется сказка о бѣломъ бычкѣ.

Чтобы положить конецъ этой нелѣпой сказкѣ, слушая которую Россія можетъ погибнуть, Петроградскій Совѣтъ Р. и С. Д. долженъ будетъ окончательно взять военную власть въ свои руки.

Взявши военную власть въ свои руки, онъ положитъ начало той

диктатурѣ пролетаріата, о которой говорятъ сторонники Ленина, но которую до сихъ поръ считали несвоевременной и потому вредной представители другихъ теченій.

И эта диктатура явится передъ нами въ самомъ несовершенномъ своемъ видѣ: въ видѣ диктатуры Исполнительнаго Комитета одного только Петроградскаго Совѣта Р. и С. Д.

Вмѣсто диктатуры рабочаго класса передъ нами будетъ диктатура нѣсколькихъ десятковъ лицъ.

Если при данныхъ соціальныхъ и политическихъ условіяхъ неумѣстна и потому опасна для Россіи, — а больше всего для интересовъ ея трудящагося населенія,—диктатура рабочаго класса, то еще менѣе умѣстна, еще болѣе опасна диктатура нѣсколькихъ десятковъ лицъ.

Прочитавъ это, можно, пожалуй, разсердиться, но, подумавъ, надо будетъ признать, что я говорю правду. Петроградскій Совѣтъ Р. и С. Д. не можетъ, не утративъ политическаго смысла, стремиться къ захвату военной власти въ свои руки. А если онъ не можетъ стремиться къ ея захвату, то ему слѣдуетъ теперь же принять всѣ мѣры къ тому, чтобы дать возможность лицамъ высшаго военнаго команднаго состава исполнять свои обязанности.

Лучшимъ средствомъ для этого было бы составленіе коалиціоннаго министерства, въ которое вошли бы представители трудящейся массы. Но тутъ мы опять сталкиваемся съ рѣшеніемъ Исполнительнаго Комитета Петроградскаго Совѣта, гласящимъ, что такое министерство составлять не слѣдуетъ.

Пока сотается въ силѣ это рѣшеніе, будетъ продолжаться сказка о бѣломъ бычкѣ, и наша военная мощь будетъ равняться нулю къ величайшей радости подданыхъ Вильгельма II и нашихъ собственныхъ пораженцевъ. Спрашивается, долго ли останется въ силѣ это рѣшеніе?

Оно было принято 23 голосами противъ 22 при 8 воздержавшихся. О людяхъ, не рѣшившихся подать свой голосъ, можно не распространяться, сказавъ словами Данте: « Посмотри на нихъ и пройди мимо ». Что же касается *голосовавшихъ*, то выходитъ, что составленіе коалиціоннаго министерства было отклонено однимъ голосомъ. А это значитъ, что нудная и крайне вредная для Россіи сказка о бѣломъ бычкѣ будетъ тянуться до тѣхъ поръ, пока обладатель голоса, рѣшившаго судьбу коалиціоннаго министерства, не перемѣнитъ своего мнѣнія. Подождемъ! Но тяжело ждать,

сознавая, что наше отечество находится въ опасности. Поэтому не будемъ бездѣятельны.

Всѣ тѣ члены крайнихъ лѣвыхъ партій, которые находятъ, что Россіи пора, наконецъ, выйти изъ нынѣшняго тупика, должны какъ можно больше сблизиться между собой и начать неутомимую организованную и планомѣрную агитацію для распространенія своего взгляда въ трудящейся массѣ.

Какъ для апостола Павла не существовало ни іудеевъ, ни эллиновъ, ни обрѣзанныхъ, ни необрѣзанныхъ, а существовали только сторонники его пониманія христіанства, такъ и для насъ въ этомъ вопросѣ не должно быть ни меньшевиковъ, ни большевиковъ, ни членовъ организаціи « Единства », ни соціалъ-демократовъ, ни соціалистовъ-революціонеровъ, а должны существовать только люди, сознающіе, что ихъ отечество находится въ опасности и что для его спасенія необходимъ могучій порывъ революціонной энергіи, способный поднять насъ выше сектантскаго догматизма и партійныхъ предубѣжденій.

И не только въ этомъ вопросѣ. Не нужно забывать, что А. Ф. Керенскій, произнесшій такую пламенную рѣчь о страшныхъ затрудненіяхъ, переживаемыхъ теперь Россіей, находится въ противорѣчивомъ положеніи человѣка, входящаго въ составъ нынѣшняго министерства и принадлежащаго къ партіи, которая считаетъ это несогласнымъ со своими принципами.

Все это нужно разъяснить, все это нужно очистить отъ противорѣчій, все это нужно согласовать для того, чтобы стали планомѣрными, послѣдовательными и согласованными усилія всѣхъ тѣхъ членовъ крайнихъ лѣвыхъ партій, которые не хотятъ въ роковое время позорить гражданина санъ!

Основной вопросъ

Событія идутъ очень быстро. Только на дняхъ Исполнительный Комитетъ Петроградскаго Совѣта Р. и С. Д. высказался *противъ* участія представителей крайнихъ лѣвыхъ партій въ коалиціонномъ министерствѣ. И не только онъ одинъ. № 3 Московской газеты „ Власть народа » (отъ 30 апрѣля 1917 г.) сообщаетъ:

« Вчера, въ засѣданіи представителей раіонныхъ московскихъ

комитетовъ Р. С.-Д. Р. Партіи, меньшевистской фракціи, обсуждался вопросъ о коалиціонномъ министерствѣ. Доклады были сдѣланы И. А. Чистовымъ и А. Н. Потресовымъ.

Большинствомъ голосовъ участіе с.-д. въ составѣ Временнаго Правительства признано нежелательнымъ».

Теперь Исполнительный Комитетъ Петроградскаго Совѣта измѣнилъ свое мнѣніе. Въ ночь съ 1-го на 2 мая онъ въ чрезвычайномъ засѣданіи пришелъ къ тому заключенію, что «только при дѣятельномъ участіи революціонной демократіи можетъ быть создана въ странѣ новая власть, способная устранить хозяйственную разруху, организовать защиту фронта и ускорить заключеніе мира въ международномъ масштабѣ». Это хорошо. Было бы весьма желательно, чтобы и впредь событія шли столь же быстро, т.е., чтобы Исполнительный Комитетъ здѣшняго Совѣта Р. и С. Деп. обнаруживалъ такую же готовность исправлять свои ошибки. Будемъ надѣяться, что и въ другихъ городахъ соціалистическія организаціи сумѣютъ отбросить прежнія заблужденія. А въ ожиданіи этого счастливаго времени, посмотримъ, какъ обстоитъ дѣло съ вопросомъ о мирѣ.

Это тѣмъ болѣе кстати, что, согласно замѣчанію, сдѣланному т. Церетелли въ своей рѣчи на съѣздѣ представителей фронта, отношеніе къ войнѣ является основнымъ вопросомъ переживаемаго нами историческаго момента.

Для того, чтобы мы могли содѣйствовать болѣе скорому заключенію мира, намъ нужно прежде всего составить себѣ правильное, т.е., соотвѣтствующее дѣйствительности, а не нашимъ субъективнымъ настроеніямъ, представленіе объ истинномъ характерѣ нынѣшней войны. А вотъ этимъ то представленіемъ пока еще и не обладаетъ Исполнительный Комитетъ Петроградскаго Совѣта Р. и С. Д..

Мнѣ тяжело признаться въ этомъ; однако, дѣлать нечего: другъ Платонъ, но выше друга истина.

Въ только что напечатанномъ воззваніи «Къ соціалистамъ всѣхъ странъ» (№ 55 «Извѣстій Петроградскаго Совѣта Р. и С. Д.») сказано:

«Каковы бы ни были превратности военнаго счастья,—имперіалисты всѣхъ странъ одинаково являются въ этой войнѣ побѣдителями: война дала и даетъ имъ чудовищныя прибыли, скапливаетъ въ ихъ рукахъ колоссальные капиталы, надѣляетъ ихъ

неслыханной властью надъ личностью, трудомъ и самою жизнью трудящихся. »

Что война помогаетъ многимъ предпринимателямъ, работающимъ для ея потребностей, *получать чудовищную прибыль*, это, разумѣется, не подлежитъ сомнѣнію. Но ихъ чудовищная прибыль можетъ быть обложена соотвѣтствующимъ налогомъ. Переходъ этой возможности въ *дѣйствительность* обусловливается соотношеніемъ силъ въ каждой данной странѣ. Его легче осуществить тамъ, гдѣ господствуетъ *демократія* (напримѣръ, въ *Англіи*), *нежели* тамъ, *гдѣ властвуютъ кликера* и крупные предприниматели. То-же нужно сказать и объ ограниченіи власти « капитановъ промышленности » надъ личностью, трудомъ и самой жизнью рабочихъ : его гораздо легче осуществить тамъ, гдѣ рабочій классъ имѣетъ большую политическую силу, нежели тамъ, гдѣ такой силы у него нѣтъ. Сравните ту же Англію съ дореволюціонной *Россіей*.

Вотъ почему неправильно то утвержденіе, согласно которому имперіалисты всѣхъ странъ одинаково являются въ этой войнѣ побѣдителями. Но это еще не все.

По мнѣнію автора разбираемаго мною воззванія, имперіалисты всѣхъ странъ одинаково являются въ этой войнѣ *побѣдителями*, *независимо отъ превратностей военнаго счастья*. Если бы это было вѣрно, то сдѣлалось бы совершенно непонятнымъ, почему же имперіалисты странъ Согласія всѣми силами стараются склонить военное счастье на свою сторону, между тѣмъ, какъ имперіалисты центральныхъ державъ рѣшительно отказываются помириться съ мыслью о пораженіи Германіи и Австро-Венгріи. *Потому ли, что ни тѣ, ни другіе не понимаютъ* своихъ интересовъ? Если да, то можно надѣяться, что опубликованное Исполнительнымъ Комитетомъ воззваніе къ соціалистамъ всѣхъ странъ просвѣтитъ, наконецъ, имперіалистовъ всего міра на счетъ ихъ истинныхъ интересовъ, и тогда они совершенно утратятъ свой воинственный пылъ. Всего вѣрнѣе, что авторы воззванія даже и не задумывались *о столь* отрадномъ послѣдствіи его опубликованія. Тѣмъ живѣе будетъ ихъ неожиданная радость.

Съ своей стороны я, признаюсь, не допускаю, чтобы, напримѣръ, германскіе имперіалисты когда-нибудь повѣрили, будто имъ все равно, побѣдитъ или же, наоборотъ, будетъ побѣждена Германія въ нынѣшней войнѣ.

Они не повѣрятъ этому по той простой, но вполнѣ достаточной причинѣ, что въ дѣйствительности это для нихъ совсѣмъ не безразлично.

Предположимъ, что военное счастье склонилось въ сторону центральныхъ монархій. Это значитъ, что дальнѣйшее экономическое развитіе Германіи и Австро-Венгріи будетъ поставлено въ условія, болѣе выгодныя для капиталистовъ названныхъ монархій, чѣмъ для капиталистовъ странъ Согласія. А это, въ свою очередь, означаетъ, что германскимъ и австрійскимъ капиталистамъ легче будетъ наживать «чудовищныя прибыли», чѣмъ капиталистамъ французскимъ и англійскимъ. А изъ этого, въ послѣднемъ счетѣ, выходитъ, что англійскіе и французскіе капиталисты, въ случаѣ пораженія странъ согласія, вовсе не явятся «побѣдителями» въ такой же мѣрѣ, какъ и предприниматели Австріи и Германіи. Зачѣмъ же утверждать то, чего нѣтъ и быть не можетъ?

Но и это еще не все.

Авторы воззванія, развивая далѣе свою главную мысль, говорятъ:

« Но именно поэтому (т. е. по причинѣ, существующей только въ ихъ воображеніи. Г. П.) трудящіеся всѣхъ странъ одинаково являются въ войнѣ этой побѣжденными ». Подтверждается это тѣмъ соображеніемъ, что трудящіеся вездѣ несутъ на алтарь имперіализма безчисленныя жертвы своей жизнью, своимъ состояніемъ, своей свободой и что на ихъ плечи ложатся несказанныя лишенія. Но это соображеніе мало убѣдительно. Если каждая изъ двухъ борющихся между собою сторонъ переноситъ одинаковыя лишенія, то изъ этого не слѣдуетъ, что каждая изъ нихъ должна явиться *побѣжденной*. Отнюдь не слѣдуетъ! Одна изъ нихъ можетъ выйти побѣдительницей, подъ ярмомъ которой вынуждена будетъ пройти другая сторона. Зачѣмъ высказывать положенія, несостоятельность которыхъ тотчасъ же бросается въ глаза всякому человѣку, не совсѣмъ беззаботному насчетъ логики?

Германскіе организованные рабочіе принесли на алтарь имперіализма не только безчисленныя жертвы своей жизнью, своей свободой и своимъ достояніемъ. Они украсили его роскошной гирляндой *своихъ собственныхъ имперіалистическихъ вожделѣній*, т. е. другими словами, *своихъ собственныхъ стремленій къ эксплоатаціи рабочихъ другихъ странъ*. Я говорилъ это съ самаго начала нынѣшней войны. Теперь то же говоритъ крайній лѣвый германскій

соціалъ-демократъ, весьма извѣстный Францъ Мерингъ. Авторы воззванія не хотятъ обратить вниманія на этотъ фактъ. Но, отказываясь считаться съ фактами, мы этимъ не измѣняемъ истиннаго положенія дѣлъ. А истинное положеніе дѣлъ таково, что германскимъ организованнымъ рабочимъ, идущимъ за Шейдеманомъ, Легіеномъ и компаніей, далеко не все равно, выйдетъ ли ихъ страна побѣдительницей изъ нынѣшняго международнаго столкновенія: имъ несравненно пріятнѣе оказаться въ роли эксплоататоровъ, нежели въ той роли эксплоатируемыхъ, которая неизбѣжно выпадаетъ на долю побѣжденныхъ въ имперіалистической войнѣ.

Но именно потому, что на долю побѣжденныхъ неизбѣжно выпадаетъ непріятная роль *эксплоатируемыхъ*, рабочимъ другихъ странъ, напримѣръ, Россіи, тоже не все равно, на чью сторону повернется военное счастье. Тѣ пять милліардовъ франковъ, которые заплатила Германіи Франція, побѣжденная ею въ войнѣ 1870—1871 г. г., были вынуты изъ кармана трудящагося французскаго населенія, что, разумѣется, ни мало не способствовало улучшенію его экономическаго быта. Я берусь съ цифрами въ рукахъ доказать, что пораженіе, понесенное Франціей въ 1870—71 г. г., *увеличило приблизительно на 700—800 милліоновъ ту долю прибавочной стоимости, которую французскій рабочій классъ ежегодно отдавалъ французской буржуазіи*. Это звучитъ парадоксомъ. Но, — повторяю! — я могу математически доказать это, а изъ будто бы парадокса слѣдуетъ, что, борясь противъ германскихъ армій, французскій рабочій классъ отстаивалъ тогда свою позицію по отношенію къ французской же буржуазіи, т. е. продолжалъ *свою классовую борьбу съ нею*. Подобныхъ истинъ не преподаютъ ни въ Циммервальдѣ, ни въ Кинталѣ. Но это не мѣшаетъ имъ оставаться истинами, и кто *не можетъ или не хочетъ понять* ихъ, тотъ приходитъ въ противорѣчіе съ экономической дѣйствительностью.

Будемъ говорить на чистоту. Авторы воззванія стоятъ на точкѣ зрѣнія Циммервальдъ-Кинталя. Я жалѣю объ этомъ, такъ какъ считаю названную точку зрѣнія ошибочной. Но я не видѣлъ бы въ этомъ большой бѣды, если бы попытка воплощенія въ жизнь циммервальдъ-кинтальскихъ взглядовъ не грозила нашей многострадальной родинѣ *новымъ и очень опаснымъ кризисомъ*.

Когда т. Церетелли сказалъ, что отношеніе къ войнѣ является основнымъ вопросомъ переживаемаго нами момента, то въ его устахъ это значило, что главное его усиліе, равно, какъ и усиліе

всѣхъ его ближайшихъ единомышленниковъ, должно быть направлено на осуществленіе резолюцій, принятыхъ въ Циммервальдъ-Кинталѣ и относящихся къ военному вопросу.

Человѣку его взгляда естественно стремиться къ этой цѣли. Но посмотрите, что получится у насъ въ результатѣ подобнаго стремленія.

Теперь Исполнительный Комитетъ Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ рѣшилъ *въ утвердительномъ смыслѣ* вопросъ объ участіи представителей революціонной демократіи въ коалиціонномъ министерствѣ. Такое участіе, разумѣется, не можетъ быть безусловнымъ. Но если основнымъ его условіемъ явится усвоеніе нашимъ Временнымъ Правительствомъ циммервальдъ-кинтальской точки зрѣнія, то это, какъ двѣ капли воды, будетъ похоже на то, какъ если бы Исполнительный Комитетъ Петроградскаго Совѣта предъявилъ Россіи, въ лицѣ ея нынѣшняго Временнаго Правительства, ультиматумъ:

Или усвоеніе циммервальдъ-кинтаяьскихъ рвволюцій, или продолженіе нынѣшней анархіи, поставившей Россію на край гибели.

Далѣе. Если бы Россія, въ лицѣ своего нынѣшняго Временнаго Правительства, получивъ такой ультиматумъ, отвѣтила: я принимаю циммервальдъ-кинтальскія резолюціи, то Церетелли и его ближайшіе единомышленники, оставаясь вѣрными себѣ, потребовали бы отъ нея, чтобъ она добилась принятія тѣхъ же резолюцій всѣми странами Согласія.

Но, что такое циммервальдъ-кинтальскія резолюціи?

Это — резолюціи, принятыя извѣстной, и притомъ далеко не наибольшей, частью членовъ второго Интернаціонала. Нѣкоторые изъ лицъ, принявшихъ эти резолюціи (Гримм, Платенъ и др.), обнаружили при этомъ взгляды, шедшіе въ разрѣзъ съ тѣмъ, что проповѣдывалъ этотъ Интернаціоналъ о правѣ народовъ на самозащиту.

Въ *теоретическомъ* смыслѣ рѣшенія, принятыя въ Циммервальдъ-Кинталѣ, несостоятельны. Въ доказательство этого достаточно сослаться на разобранные мною выше доводы авторовъ воззванія Исполнительнаго Комитета. Взятые изъ циммервальдъ-кинтальскаго арсенала, доводы эти не удовлетворяютъ самымъ снисходительнымъ требованіямъ критики.

Въ *практическомъ* смыслѣ резолюціи о войнѣ, принятыя въ

Циммервальдъ-Кинталѣ, имѣютъ ту слабую сторону, что требованія, въ нихъ выставленныя, не легко согласимы одно съ другимъ. Такъ, «*миръ безъ контрибуцій и аннексій*», лишь путемъ длинныхъ оговорокъ можетъ быть приведенъ въ согласіе съ принципомъ, провозглашающимъ *право народовъ на самоопредѣленіе*. И во всякомъ случаѣ, наши товарищи циммервальдъ-кинтальскаго образа мыслей являются въ Интернаціоналѣ не болѣе, какъ *сектой*. Совершенно несправедливо было бы требовать, чтобы точка зрѣнія отдѣльной секты была усвоена *всѣмъ Интернаціоналомъ*. И несравненно менѣе справедливо было бы добиваться, чтобъ на нее перешли всѣ страны Согласія. Считать такой переходъ основной задачей переживаемаго нами историческаго момента — значитъ вдаваться въ утопію, способную поставить Россію въ невыносимое международное положеніе и принести непоправимый вредъ всѣмъ ея насущнымъ интересамъ, а въ томъ числѣ и ея только что народившейся свободѣ. Пусть хорошенько подумаютъ объ этомъ т. Церетелли и его ближайшіе единомышленники...

Рѣчь на Съѣздѣ Делегатовъ фронта

(«Единство», № 30 отъ 4-го мая 1917 г.)

Прежде всего позвольте поблагодарить васъ за теплое привѣтствіе и поздравить съ новымъ порядкомъ, установившимся въ Россіи.

Еще недавно мы оффиціально считались вѣрноподданными русскаго царя. Теперь царя нѣтъ, мы не подданные, мы—свободные граждане. Званіе гражданина, которое мы получили въ результатѣ долгой и упорной борьбы, цѣною безчисленныхъ жертвъ, дало намъ огромныя права, но оно же налагаетъ на насъ еще большія обязанности. Первая наша обязанность — беречь нашу свободу, беречь революцію. Вторая обязанность — передъ нашими союзниками.

Переходный моментъ, который мы переживаемъ, всегда связанъ съ общей разрухой. Воцарилась анархія, и съ ней мы должны бороться въ интересахъ свободы, въ интересахъ революціи. Намъ нужна сейчасъ не анархія, а панархія, не безвластіе, а всевластіе

— власть всего русскаго народа. Намъ нужна демократическая республика.

Я испыталъ нѣсколько пріятныхъ минутъ, слушая предыдущаго оратора, призывавшаго васъ къ борьбѣ до побѣды. Я всегда думалъ, что честная борьба, которую мы ведемъ, должна закончиться рѣшительной побѣдой.

Разъ мы вовлечены въ войну, которую не мы начали, мы не можемъ представить себѣ другого исхода. Рѣшительная побѣда не значитъ разгромъ противника. На нашемъ знамени написано не угнетеніе, не порабощеніе кого бы то ни было, а свободное самоопредѣленіе народовъ. Это — наше знамя, новое знамя, поднятое русской революціей. Наша задача на фронтѣ — всѣми силами поддерживать духъ армій, ея боевую мощь до тѣхъ поръ, пока мы не сломимъ завоевательныхъ стремленій непріятеля, пока мы не будемъ гарантированы, что наша свобода обезпечена отъ всякаго внѣшняго посягательства. Можетъ ли при такихъ условіяхъ идти рѣчь о какомъ бы то ни было братаніи, и что представляетъ собою это братаніе, къ которому васъ нѣкоторые призываютъ? Къ русскому карасю является нѣмецкая щука и, подъ предлогомъ братанія, вывѣдываетъ военныя тайны, разглядываетъ ваши позиціи, чтобы облегчить себѣ ихъ захватъ.

Меня спрашиваютъ, какова должна быть демократическая власть. Я отвѣчаю: это должна быть власть, облеченная полнымъ довѣріемъ народа, это должна быть власть, настолько сильная, чтобы предотвратить всякую возможность анархіи. При какихъ же условіяхъ можетъ быть учреждена такая сильная демократическая власть? Необходимо, по моему мнѣнію, чтобы въ составѣ правительства были представители всѣхъ тѣхъ слоевъ населенія, которые не заинтересованы въ возстановленіи стараго порядка. Нужно коалиціонное министерство. Я говорилъ объ этомъ съ перваго момента моего вступленія на родную почву, но я оставался почти одинъ въ средѣ моихъ товарищей. Я радъ, что теперь и они стали на ту же точку зрѣнія, и коалиціонное министерство — вопросъ, если не сегодняшняго, то завтрашняго дня *(апплодисменты)*. Товарищи соціалисты, признавая необходимымъ войти въ составъ правительства, могутъ и должны предъявить опредѣленныя требованія. Но не должно быть такихъ требованій, которыя непріемлемы для представителей другихъ классовъ, для выразителей интересовъ другихъ слоевъ населенія. Такимъ требованіемъ я

считаю требованіе опубликовать договоры, заключенные съ нашими союзниками. Это — вопросъ не принципа, а цѣлесообразности. И въ настоящій моментъ выполненіе этого требованія могло бы направить насъ по ложному пути — по пути заключенія сепаратнаго мира, сторонниковъ котораго въ нашей средѣ нѣтъ *(бурные аплодисменты)*. У насъ есть договоръ съ демократической Франціей... *(возгласы съ мѣста: «буржуазной»)*... да, товарищи, буржуазной, но, вспомните, что Щедринъ еще говорилъ: у каждаго русскаго, любящаго родину, есть два отечества — Россія и Франція. Вы только недавно перестали пѣть «Боже, Царя храни», и чѣмъ вы его замѣнили? — французской Марсельезой. Да, Франція въ высшей степени буржуазная страна, но еще Марксъ и Энгельсъ доказали намъ, какую революціонную роль сыграла буржуазія въ исторіи, и французская буржуазія въ особенности. Вспомните моментъ начала войны. Германскій посолъ въ Парижѣ заявилъ французскому правительству, что Германія не начнетъ войны съ Франціей, если она откажется отъ поддержки Россіи. Но французское правительство рѣшительно отклонило переговоры съ германскимъ посломъ и честно исполнило и исполняетъ свои обязанности передъ Россіей. Подумайте о томъ, что разрывъ съ союзниками въ настоящій моментъ означаетъ, можетъ быть, въ скоромъ времени войну съ ними, въ позорномъ союзѣ съ Вильгельмомъ.

Старое правительство не умѣло и не хотѣло вести этой войны. Доказывать это — значитъ повторять всѣмъ извѣстный фактъ. Знаменитый русскій историкъ Ключескій сказалъ: русскіе князья были наемными сторожами русской земли. Эти наемники постепенно захватили русскую землю, но у нихъ была, по крайней мѣрѣ, одна заслуга: они умѣли ее охранять отъ непріятеля. Но чѣмъ больше власти пріобрѣтали эти наемные сторожа, тѣмъ менѣе они становились годными даже для защиты Россіи отъ внѣшняго врага. Послѣдній наемный сторожъ земли русской — бывшій царь — оказался совершенно непригоднымъ для этой роли, и онъ былъ свергнутъ. Теперь свободный народъ долженъ самъ себя защищать.

Мнѣ жаль, что на такомъ съѣздѣ, какъ вашъ, гдѣ присутствуютъ люди, прибывшіе съ фронта, мои мысли встрѣчаютъ какое-то недовольство. Но я долженъ высказать свои мысли до конца... Я думаю, что у насъ теперь можетъ быть только одно настроеніе, одна воля — воля къ побѣдѣ, ибо эта воля есть, вмѣстѣ съ тѣмъ,

и непреклонная воля къ сохраненію нашей свободы. *(Бурные, продолжительные апплодисменты).*

Возстановленіе «status quo» — будетъ не миромъ, котораго мы добиваемся, а перемиріемъ. Такой миръ приведетъ только къ дальнѣйшему развитію милитаризма. Германія не остановится ни передъ чѣмъ, чтобы осуществить тѣ имперіалистическіе идеалы, которые она преслѣдуетъ въ этой войнѣ, а другіе народы взапуски будутъ стремиться перещеголять ее своими вооруженіями.

Вопросъ объ отношеніи къ колоніальной политикѣ Англіи ясенъ для каждаго, кто принимаетъ принципъ свободнаго самоопредѣленія народовъ. Колоніи — не пустыни, а населенныя мѣстности и населенію колоній должно быть также предоставлено право свободно опредѣлить свою судьбу. Ясно, что Россія не можетъ воевать ради чьихъ-либо захватныхъ стремленій. Но меня удивляетъ, когда вопросъ объ аннексіяхъ ставится въ Россіи, 16 губерній которой находятся подъ германской пятой. Мнѣ непонятна эта исключительная заботливость объ интересахъ Германіи. Мнѣ напоминаетъ это Митрофанушку изъ комедіи Фонъ-Визина, который, увидя во снѣ, какъ матушка била батюшку, обезпокоился не о томъ, что пострадаетъ батюшка, а о томъ, что какъ бы матушка не устала бить батюшку. Мнѣ непонятна эта жалость къ Германіи, которая до сихъ поръ давитъ Бельгію, грабитъ Францію, уничтожаетъ Сербію и Румынію.

Осенью 1906 *г.*, когда Вильгельмъ собирался двинуть свои войска на революціонную тогда Россію, я спросилъ своихъ товарищей германскихъ соціалъ-демократовъ: Что вы будете дѣлать, если Вильгельмъ объявитъ войну Россіи?» На Маннгеймскомъ Партейтагѣ Бебель далъ мнѣ отвѣтъ на этотъ вопросъ. Онъ предложилъ съѣзду резолюцію объ объявленіи всеобщей стачки, въ случаѣ возникновенія войны съ Россіей. Но эта резолюція не была принята — ей воспротивились члены профессіональныхъ союзовъ. Это фактъ, о которомъ намъ не слѣдуетъ забывать. Бебелю пришлось тогда бить отбой и предложить другую резолюцію. Каутскій и Роза Люксембургъ были тогда недовольны поведеніемъ Бебеля. Но я спросилъ Каутскаго: « Существуетъ ли искусство устраивать всеобщую стачку вопреки волѣ рабочихъ?» Разъ этого нѣтъ, Бебелю ничего не оставалось дѣлать. И если бы въ 1906 г. Вильгельмъ направилъ свои полчища на Россію, германскіе рабочіе палецъ о палецъ не ударили бы, чтобы не допустить кровавой бойни. Въ

сентябрѣ 1914 года дѣло обстояло еще хуже. Къ намъ, въ Женеву, пріѣхалъ товарищъ Кваркъ, редакторъ «Франкфуртеръ Фолкс-штиммe», и изложилъ намъ программу германской соціалъ-демократіи въ этой войнѣ. Это была чисто имперіалистическая программа. Товарищъ Кваркъ имѣлъ смѣлость доказывать намъ, что побѣда Германіи въ этой войнѣ будетъ побѣдой германскаго рабочаго класса, германской соціалъ-демократіи, а, слѣдовательно, и побѣдой соціализма. Кварку возражали, ему доказывали, что если онъ, съ точки зрѣнія историческаго матеріализма, можетъ быть и правъ, то, во всякомъ случаѣ, представитель соціалъ-демократіи не можетъ выступать съ такой программой. Я же отвѣтилъ товарищу Кварку, что онъ оклеветанъ, — онъ не историческій матеріалистъ, то, что онъ предлагаетъ, есть буржуазный историческій цинизмъ. Ваша партія самая сильная, но и самая слабая, потому что она отвергла принципы Интернаціонала. И до сихъ поръ, къ великому сожалѣнію, большинство германскихъ профессіональныхъ союзовъ идетъ за Шейдеманами, Давидами и другими, — имъ нѣтъ мѣста въ Интернаціоналѣ.

Если разложеніе въ арміи дѣйствительно дошло до такой степени, что она не можетъ больше сопротивляться, скажите это открыто, протяните шею революціоннаго русскаго народа подъ ярмо германскаго милитаризма. Но если еще есть порохъ въ пороховницахъ, боритесь! На васъ лежитъ отвѣтственность за судьбы Россіи. Вы не имѣете права поднимать бѣлое знамя, въ виду германскаго императора. *(Бурные апплодисменты)*. Наша армія еще не разбита, она еще достаточно сильна, нужно только поднять ея духъ, и это должны сдѣлать вы. Вы для этого сюда пріѣхали, и другихъ мыслей у васъ быть не должно. *(Бурные апплодисменты)*. Намъ война стоила дорого, но миръ безъ побѣды намъ станетъ еще дороже. Намъ грозитъ полный застой, намъ грозитъ судьба Китая.

(На вопросъ, не понимаетъ ли онъ подъ сильной властью такую власть, которая пошлетъ воинскія команды для усмиренія крестьянъ, Г. В. Плехановъ замѣчаетъ:)

— Я не высказалъ мыслей, которыя давали бы поводъ думать что я хочу такой власти. *(Апплодисменты)*. Къ счастью, среди васъ нѣтъ такихъ людей, которые взяли бы на себя роль усмирителей и палачей. *(Апплодисменты)*. Я говорю только о томъ, что нельзя допустить анархіи. Нельзя допустить самочиннаго разрѣшенія вопросовъ, которые будутъ поставлены на разрѣшеніе Уч-

редительнаго Собранія. Для этого намъ достаточно моральное воздѣйствіе, сильное и рѣшительное, на всѣхъ сѣятелей смуты.

Коалиціонное правительство можетъ находиться только подъ контролемъ всей демократической Россіи, но не подъ контролемъ отдѣльныхъ партій. Коалиціонное правительство должно быть сильно довѣріемъ всего народа. Не палки въ колеса ему нужно вставлять, а рѣшительно его поддерживать. *(Апплодисменты).*

Желаю вамъ счастья и успѣха въ борьбѣ за торжество демократическихъ принциповъ въ международномъ правѣ. *(Бурные апплодисменты).*

Помните, что когда идутъ на борьбу, то, конечно, возможны жертвы, и нѣкоторые падутъ, Но тѣ, которые вернутся, вернутся съ гордымъ сознаніемъ исполненной передъ Россіей обязанности. *(Апплодисменты).* Да здравствуетъ свободная Россія и ея побѣдоносная революціонная армія! *(Бурныя продолжительныя рукоплесканія).*

Письма темныхъ людей

(«Единство», № 31 отъ 5-го мая 1917 г.).

Я получилъ слѣдующее посланіе:

« Товарищъ Плехановъ!

Прочитавъ вашу газету «Единство» и обративъ вниманіе на ваше воззваніе — « пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь », я бы совѣтовалъ вамъ писать: « буржуазія всѣхъ странъ соединяйся », такъ какъ весь смыслъ вашей газеты противорѣчитъ рабочему и крестьянскому классу. Я открыто скажу, что вы — человѣкъ, продавшій свою совѣсть капиталу. Прошу, товарищъ, васъ обратить вниманіе на то, что за вами никто не пойдетъ, кромѣ буржуазіи.

Я говорю открыто и смѣло.

Матросъ Балт. фл. Степанъ Кокотько.

24 апрѣля с. г.

г. Ревель».

Когда я выпустилъ « Наши разногласія », тогда даже въ средѣ образованныхъ людей встрѣчалось съ довѣріемъ то мнѣніе,

что я продался правительству. Теперь меня считают продажным только очень темные люди. Из этого слѣдует, что Россія все-таки подвигается впередъ, хотя и не съ такой быстротой, какая была бы желательна.

Немножко логики!

(«Единство», № 32 отъ 6-го мая 1917 г.).

«Извѣстія Петроградскаго Совѣта Р. и С. Депутатовъ» (№58) сообщаютъ мнѣніе пріѣхавшаго въ Стокгольмъ черезъ Германію П. Б. Аксельрода о нынѣшней войнѣ, изложенное имъ въ бесѣдѣ съ сотрудниками газетъ.

Оказывается, что П. Б. Аксельродъ рѣшительно отвергаетъ мысль объ отдѣльномъ мирѣ Россіи съ центральными монархіями. Такой миръ явился бы, по его мнѣнію, «тѣмъ, въ чемъ обвинялся царизмъ, т. е., позорной измѣной раздавленнымъ Германіей Франціи, Бельгіи, Румыніи и Сербіи, вообще всѣмъ, кто волею судебъ связанъ извѣстнаго рода круговой порукой въ общей борьбѣ противъ порабощительныхъ стремленій Германіи».

Подобная измѣна подорвала бы довѣріе къ пролетаріату. Кромѣ того, она отвела бы правительству, — т. е., очевидно, нашему Временному Правительству, какъ оно существовало до нынѣшняго кризиса, — революціонную роль, а намъ, сторонникамъ пролетаріата, реакціонную, потому что «всякая, даже малѣйшая побѣда Германіи оказалась бы побѣдой полуабсолютистской страны надъ революціонной, въ частности, дала бы германскому правительству орудіе борьбы противъ лѣвыхъ соціалъ-демократовъ».

П. Б. Аксельродъ рѣшительно осуждаетъ многія дѣйствія англійскаго и французскаго правительствъ. Тѣмъ не менѣе, онъ находитъ, что нельзя закрывать глаза на высокую демократическую культуру Англіи и Франціи.

Все это совершенно справедливо. Но далѣе П. Б. Аксельродъ высказываетъ мысли, которыя плохо вяжутся съ предыдущимъ.

Онъ утверждаетъ, что первостепенной задачей революціонной

демократіи является борьба за миръ. Борьбу эту надо вести слѣдующимъ образомъ.

Прежде всего, необходимо «требовать отъ правительства, чтобы оно энергично добивалось общаго согласія союзниковъ на открытіе мирныхъ переговоровъ или заключеніе перемирія».

Что получилось бы, если бы указанная П. Б. Аксельродомъ первостепенная задача революціонной демократіи была рѣшена въ этомъ смыслѣ, т. е., если бы наше правительство добилось отъ союзниковъ согласія на открытіе мирныхъ переговоровъ?

Получилось бы то, что обыкновенно получается, когда одна изъ борющихся сторонъ, «*раздавленная*» другой стороною, проситъ о мирѣ. Тогда окончательно выясняется, на чью сторону склонилась побѣда, и тогда страна-побѣдительница диктуетъ побѣжденной странѣ свои условія. Это-ли желательно П. Б. Аксельроду? Хочетъ-ли онъ, чтобы Франція, Бельгія, Румынія и т. д., «*раздавленныя*» Германіей (собственное выраженіе П. Б. Аксельрода), покорно склонились передъ побѣдительницей? Повидимому нѣтъ. Вѣдь онъ самъ же говоритъ, что всякая, даже малѣйшая, побѣда Германіи была бы побѣдой надъ демократіей и революціей. А если такъ, то зачѣмъ же добиваться начатія мирныхъ переговоровъ? Странно! Очень странно!

Въ головѣ П. Б. Аксельрода странность эта разрѣшается съ помощью вотъ какой оговорки:

«Для этого (т.е., вѣроятно, для того, чтобы можно было, начавъ переговоры, предупредить окончательное торжество Германіи надъ «*раздавленными*» ею Франціей, Бельгіей и т. д.), нужно организовать широкое международное давленіе пролетарскихъ массъ на всѣ правительства». П. Б. Аксельродъ подчеркиваетъ слово: *международное*. «Давленіе, — замѣчаетъ онъ, — должно производиться во всѣхъ воюющихъ странахъ».

Хорошо. Предположимъ, что «давленіе» производится во всѣхъ воюющихъ странахъ. Каковъ будетъ его результатъ въ каждой отдѣльной странѣ? Этого съ точностью никто предсказать не можетъ. И ужъ ни въ какомъ случаѣ никто не можетъ поручиться за то, что «давленіе» поставитъ воюющія стороны въ равныя условія, т. е. что Франція, Бельгія, Румынія и пр., уже не будутъ находиться въ положеніи государствъ, по собственному выраженію П. Б. Аксельрода, *раздавленныхъ Германіей*. А если за это никто поручиться не можетъ, то позволительно опасаться, что въ ре-

зультатѣ «*давленія*» *раздавленныя* Германіей страны окажутся еще болѣе *раздавленными*. А если позволительно опасаться такого печальнаго исхода, то ясно, во-первыхъ, что начинать предлагаемую П. Б. Аксельродомъ агитацію за миръ значитъ соваться въ воду, не спроясь броду; во-вторыхъ, что, сунувшись въ воду, не спросясь броду, *мы рискуемъ оказать гигантскую и совершенно незамѣнимую услугу тому самому милитаризму, съ которымъ хотимъ бороться*; въ-третьихъ, что оговорка, дѣлаемая Аксельродомъ, никакой трудности не устраняетъ.

Пойдемъ дальше. «Аксельродъ считаетъ, — читаемъ мы въ «Извѣстіяхъ», — самымъ правильнымъ, чтобы русскій Совѣтъ Р. и С. Депутатовъ, къ голосу котораго теперь прислушивается весь міръ, совмѣстно со всѣми центральными организаціями русскихъ соціалистическихъ партій принялъ на себя иниціативу созданія спеціальной комиссіи въ какой-нибудь изъ нейтральныхъ странъ для сношеній со всѣми соціалистическими партіями какъ союзныхъ, такъ и враждебныхъ странъ».

Если бы русскій Совѣтъ Р. и С. Д. «сдѣлалъ такой шагъ, то онъ былъ бы понятъ нашей арміей, какъ начало мирныхъ переговоровъ, что еще больше ослабило бы ея — и безъ того уже не очень большую — силу сопротивленія непріятелю. Это равнялось бы сепаратному миру. Пользуясь имъ, нѣмцы перебросили бы на свой западный фронтъ силы, еще болѣе значительныя, чѣмъ тѣ, которыя переброшены ими въ настоящее время, и тогда стала бы вѣроятной не «*малѣйшая*» только, а очень большая побѣда Германіи на указанномъ фронтѣ. Едва-ли не излишне прибавлять, что такая побѣда *непремѣнно повела бы за собою всѣ тѣ крайне печальныя для демократіи* послѣдствія, которыя весьма недурно охарактеризовалъ самъ П. Б. Аксельродъ (см. выше).

Въ томъ, что я говорю теперь, нѣтъ ровно ничего новаго. Я говорилъ это, возражая Д. Ньевенгайсу, на Цюрихскомъ Международномъ Съѣздѣ 1893 года. Тогда П. Б. Аксельродъ находилъ мои доводы убѣдительными. Теперь онъ самъ разсуждаетъ, какъ Д. Ньевенгайсъ. Что-жъ! Давно уже сказано, что времена мѣняются, и мы мѣняемся въ нихъ. Но все-таки не мѣшало бы хоть немного принимать во вниманіе требованія логики.

Декларація новаго правительства

(«Единство», № 33 отъ 7-го мая 1917 г.)

Итакъ, свершилось! То, что дней десять тому назадъ большинству нашихъ соціалистовъ представлялось мѣрой, весьма вредной для революціи, стало фактомъ : мы имѣемъ коалиціонное Временное Правительство, въ составъ котораго входитъ пять соціалистовъ.[1]) Въ нашей соціалистической средѣ до сихъ поръ есть чудаки, считающіе такое правительство «чѣмъ-то совершенно недопустимымъ». Но русская общественная жизнь прошла мимо этихъ Симеоновъ Столпниковъ плохо перевареннаго ученія, окончательно выступивъ на ту дорогу, на которую съ самаго начала революціи толкала ее внутренняя логика ея собственнаго развитія. Будемъ надѣяться, что она уже не покинетъ этой дороги.

Всякое коалиціонное правительство возникаетъ, какъ результатъ взаимныхъ уступокъ. Взаимныя уступки выражаются въ болѣе или менѣе длинномъ рядѣ формулъ, совокупность которыхъ опредѣляетъ собою физіономію новой власти. Такой рядъ формулъ находимъ мы и въ деклараціи нынѣшняго нашего Временнаго Правительства.

Самой интересной изъ нихъ, по обстоятельствамъ нынѣшняго времени, является формула, вошедшая въ первый параграфъ декларація. Она гласитъ :

« Во внѣшней политикѣ Временное Правительство, отвергая въ согласіи со всѣмъ народомъ всякую мысль о сепаратномъ мирѣ, открыто ставитъ своею цѣлью скорѣйшее достиженіе всеобщаго мира, не имѣющаго своей задачей ни господства надъ другими народами, ни отнятіе у нихъ національнаго ихъ достоянія, ни насильственнаго захвата чужихъ территорій, — мира безъ аннексій и контрибуцій, на началахъ самоопредѣленія народовъ. Въ твердой увѣренности, что съ паденіемъ въ Россіи царскаго режима и утвержденіемъ демократическихъ началъ во внутренней и внѣшней политикѣ для союзныхъ демократій создался новый факторъ стремленій къ прочному миру и братству народовъ, Временное Правительство предприметъ подготовительные шаги къ

[1]) А. Ф. Керенскій, И. Г. Церетелли, В. М. Черновъ, М. И. Скобелевъ, А. В. Пѣшехоновъ.

соглашенію съ союзниками на основѣ декларации Временнаго Правительства 27 марта».

Это очень хорошо. Однако, въ ожиданіи подготовительныхъ шаговъ на основѣ декларации 27 марта, нашему обновленному правительству слѣдовало бы выражаться точнѣе.

Мы уже не разъ обращали вниманіе читателей «Единства» на то, что понятіе: «*миръ безъ аннексій и контрибуцій*» отнюдь не покрываетъ собою понятія: «*миръ на началахъ самоопредѣленія народовъ*». Если та часть Арменіи, которая входитъ теперь въ составъ Турецкой Имперіи, пожелаетъ отдѣлиться отъ нея и примкнуть къ освободившейся отъ царизма Россіи, то какъ отнесется къ этому наше революціонное правительство? Формула: «*миръ на началахъ свободнаго самоопредѣленія народовъ*» отвѣчаетъ: «*мы и наши союзники должны поддержать это стремленіе турецкихъ армянъ*». Наоборотъ, формула: «*миръ безъ аннексій и контрибуцій*» побуждаетъ насъ осудить это стремленіе, которое, будучи осуществлено, означало бы «аннексію» [1]) свободной Россіей нѣкоторой части земель, до тѣхъ поръ принадлежавшихъ деспотической Турціи. Какъ же разрѣшить это противорѣчіе? Декларація обновленнаго правительства молчитъ объ этомъ, какъ рыба. А, между тѣмъ, не отвѣтивъ на этотъ вопросъ, нельзя и предпринимать подготовительныхъ шаговъ къ соглашенію съ союзниками, такъ какъ эти послѣдніе непремѣнно потребуютъ отъ нашихъ дипломатовъ болѣе точнаго опредѣленія понятій. Да что я говорю: *потребуютъ*. Англія *уже потребовала* устами одного изъ самыхъ видныхъ своихъ политическихъ дѣятелей.

А «контрибуціи»! [2]) Германія такъ часто *обирала* и, въ концѣ концовъ, такъ чисто *обобрала* непріятельскія земли, ею захваченныя, что если бы ей удалось заключить теперь «*миръ безъ контрибуцій*», то такой миръ на дѣлѣ равнялся бы *миру съ контрибуціями въ пользу Германіи*.

Стремится ли нынѣшнее наше правительство къ заключенію подобнаго мира?

Если да, то непонятно, откуда взялось у него подобное стре-

---

1) На русскій языкъ, которымъ слѣдовало бы, наконецъ, заговорить правительству *демократической*, не знающей иностранныхъ языковъ, Россіи, — слово «аннексія» можетъ быть переведено словами: *присоединеніе чужихъ земель*. *Г. П.*

2) По русски слово «контрибуція» значитъ — военное вознагражденіе. *Г. П.*

мленіе. Русскій народъ совершилъ революцію вовсе не затѣмъ, чтобы такъ или иначе работать pour le roi de Prusse.

Если — *нѣтъ* (а нужно надѣяться, что подобнаго желанія оно, въ самомъ дѣлѣ, не имѣетъ), то ему надо прямо и громко сказать, что формула : « миръ безъ аннексій и контрибуцій » вовсе не исключаетъ *уплаты Германіей военнаго вознагражденія въ пользу ограбленныхъ ею мѣстностей* [1]). И очень жаль, что оно не сказало этого въ своей декларації.

Неужели этому помѣшало то обстоятельство, что декларація должна была явиться плодомъ взаимныхъ уступокъ? Но въ такомъ случаѣ, *кто же* требовалъ умолчанія о вознагражденіи странъ, разоренныхъ Германіей? Соціалисты? На какомъ основаніи? Подобное требованіе не можетъ быть согласовано ни съ одной разновидностью соціализма.

Второй параграфъ декларації написанъ гораздо лучше, нежели первый. Въ немъ говорится :

« Въ убѣжденіи, что пораженіе Россіи и ея союзниковъ не только явилось бы источникомъ величайшихъ бѣдствій народа, но и отодвинуло бы или сдѣлало невозможнымъ заключеніе всеобщаго мира на указанной выше основѣ, Временное Правительство твердо вѣритъ, что революціонная армія Россіи не допуститъ, чтобы германскія войска разгромили нашихъ союзниковъ на западѣ и обрушились всей силой своего оружія на насъ. Укрѣпленіе началъ демократизаціи арміи, организація и укрѣпленіе боевой силы ея, какъ въ оборонительныхъ, такъ и наступательныхъ дѣйствіяхъ, будутъ являться важнѣйшей задачей Временнаго Правительства ».

Краткій смыслъ этой довольно длинной рѣчи сводится, во-первыхъ, къ тому, что *если мы хотимъ мира, то должны* непремѣнно *вести войну*, а, во-вторыхъ, къ тому, что для успѣшнаго веденія войны намъ необходимо *перейти въ наступленіе*. Что правда, то правда! Война, — *съ переходомъ въ наступленіе*, — необходима теперь *именно* прежде всего въ *интересахъ мира*. Но если наше новое правительство ясно сознавало эту истину, принимаясь за составленіе своей декларації, то чрезвычайно жаль,

[1]) Одинъ публицистъ пришелъ къ той геніальной мысли, что такое вознагражденіе должно быть уплачено нейтральными странами. Къ сожалѣнію, онъ не разъяснилъ, можно ли принудить ихъ къ этому безъ войны. А войны онъ не любитъ. *Г. П.*

что оно высказало ее лишь *послѣ* сбивчивыхъ и противорѣчивыхъ заявленій своихъ о томъ, къ какому миру оно стремится. Если бы оно поставило ее на первое мѣсто своей декларацiи, то тѣмъ самымъ придало бы этой послѣдней несравненно болѣе стройный и мужественный характеръ. А главное — его декларація не рисковала бы произвести на наше войско то какъ *нельзя* болѣе ошибочное впечатлѣніе, что теперь главное дѣло — миръ, а войну можно вести спустя рукава, только «отпихиваясь» отъ непріятеля и вовсе не переходя въ наступленіе. Если декларація дѣйствительно произведетъ на войско такое впечатлѣніе, то наше дѣло будетъ очень плохо : тогда станетъ вѣроятнымъ или даже неизбѣжнымъ пораженіе Россіи и ея союзниковъ, крайне печальныя послѣдствія котораго (*вплоть до невозможности заключенія мира на основѣ самоопредѣленія народовъ*) хорошо предусматриваются во второмъ параграфѣ декларацiи.

Въ собраніи, посвященномъ памяти А. И. Герцена, П. Н. Милюковъ отмѣтилъ большое историческое значеніе того факта, что въ составъ нашего правительства входятъ теперь *соціалисты*. Огромное значеніе этого факта неоспоримо. Однако, уже Марксъ и Энгельсъ показали, въ III-ей главѣ «Манифеста Коммунистической Партіи», что въ соціализмѣ есть немало *разновидностей*. И только будущее покажетъ намъ, какой соціализмъ вошелъ теперь во Временное Правительство : *утопическій или иной...*

И это видно будетъ именно изъ того, *какое истолкованіе придадутъ вступившіе въ правительство соціалисты первому параграфу его декларацiи.*

Было бы очень печально, если бы Россіи и ея союзникамъ пришлось расплачиваться за промахи утопической мысли.

Остальные параграфы правительственной декларацiи возраженій не вызываютъ. Всякій, кто не стремится ни къ реакціи, ни къ анархіи, согласится, что въ качествѣ гражданина демократической страны онъ нравственно обязанъ всѣми силами помогать новому правительству въ достиженіи такихъ цѣлей, какъ устраненіе хозяйственной разрухи, всесторонняя защита труда, переустройство финансовой системы на демократическихъ началахъ и такъ далѣе.

Птицы и люди

(Маленькій опытъ сравнительной психологіи)

(«Единство» № 34 отъ 9-го мая 1917 г.).

Рошфоръ разсказывалъ когда-то въ своемъ «Фонарѣ» исторію одного попугая, который, наслушавшись во время французской революціи 1848 года крика: «да здравствуетъ республика», такъ хорошо запомнилъ его, что неустанно повторялъ и тогда, когда вторая республика уступила мѣсто второй имперіи. Полицейскій комиссаръ потребовалъ объясненій у собственника опасной птицы. Тотъ отвѣчалъ, что онъ не одинъ разъ пытался убѣдить своего попугая въ преимуществахъ имперіи, но онъ, какъ видно, уже пережилъ тотъ возрастъ, когда легко мѣняются убѣжденія, и упорно кричитъ: «да здравствуетъ республика»! Не рѣшившись посадить эту опасную птицу на скамью подсудимыхъ, полиція Наполеона III тайкомъ отравила ее.

Мнѣ кажется, что обладатель попугая приписывалъ ему такія достоинства, какихъ онъ не имѣлъ. Въ самомъ дѣлѣ, невѣроятно, чтобы птица могла имѣть продуманныя политическія убѣжденія. Если попугай не переставалъ громко желать здравія республикѣ, то это объясняется счастьемъ его *памяти*, а вовсе не остротой его *разсудка*. Въ доказательство я сошлюсь на людей.

Люди одарены значительно болѣе высокими умственными способностями, нежели птицы. Этого никто оспаривать не станетъ. Между тѣмъ и люди сплошь да рядомъ твердятъ одно и то же вовсе не въ силу *продуманнаго убѣжденія*, а единственно только *по привычкѣ*. У нихъ тоже *память* гораздо счастливѣе *разсудка*.

Возьмемъ примѣръ.

Нѣкоторые сотрудники нѣкоторыхъ нашихъ соціалистическихъ газетъ ставятъ мнѣ въ вину мое нерасположеніе къ Шейдеману и его соціалъ-демократическимъ (гм! гм!) единомышленникамъ. Въ «Рабочей Газетѣ» недавно сказано было, что противъ этого товарища я поднялъ настоящую *травлю*. А въ «Новой Жизни» Ст. Вольскій утверждаетъ, что «*Единство*» сѣетъ *разъединеніе* въ соціалистическомъ мірѣ. Упрекъ въ «*травлѣ*», какъ и упрекъ въ «*разъединеніи*», основывается на томъ, что я объявилъ недопустимымъ участіе нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ оттѣнка Шейдемана въ проектируемой теперь международной

соціалистической конференціи. Но чѣмъ больше я вдумываюсь въ эти упреки, тѣмъ глубже убѣждаюсь, что мои противники совсѣмъ не вдумываются въ свои слова, а безсознательно повторяютъ слова, заученныя ими въ доброе старое время при совершенно другой обстановкѣ.

Въ памяти Рошфоровскаго попугая неизгладимо врѣзались слова: «да здравствуетъ республика!» и онъ неустанно выкрикивалъ ихъ. Зачѣмъ и кому нужно, чтобы республика здравствовала — объ этомъ онъ не думалъ. Вотъ совершенно то же самое происходитъ и съ моими противниками. Они помнятъ знаменитый кличъ: «пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!», и во имя сплоченія силъ международнаго пролетаріата они сурово порицаютъ «Единство», будто-бы сѣющее разъединеніе. Въ чемъ заключается то коренное предварительное условіе, которое дѣлаетъ нужнымъ и возможнымъ соединеніе пролетаріевъ всѣхъ странъ и при отсутствіи котораго ихъ объединеніе лишается смысла? Объ этомъ лица, разсердившіяся на насъ за «травлю», разсуждаютъ такъ же мало, какъ разсуждалъ Рошфоровскій попугай о несомнѣнныхъ преимуществахъ республиканскаго строя. Но тотъ, кто не вдумался въ упомянутое мною условіе, не имѣетъ рѣшительно никакой возможности сколько-нибудь здраво судить о соотвѣтствующихъ нынѣшнему моменту требованіяхъ международной солидарности рабочихъ.

Предварительное условіе, необходимое для международнаго соединенія рабочихъ, заключается въ томъ, что пролетаріи каждой отдѣльной страны, стремясь избавиться отъ гнета капитала, въ то же самое время *не стремятся такъ или иначе эксплоатировать пролетаріевъ другихъ странъ*. Но Шейдеманъ, вмѣстѣ со всѣми, идущими за нимъ германскими пролетаріями, *отвергъ* это необходимое предварительное условіе. Выступивъ на поддержку имперіалистической политики Бетмана-Гольвега, онъ тѣмъ самымъ покинулъ международный лагерь эксплоатируемыхъ и перешелъ въ лагерь эксплоататоровъ. А перейдя въ лагерь эксплоататоровъ, онъ вынужденъ былъ поддерживать ту «травлю», которую начали германскія предержащія власти противъ всего того, что загораживало имъ дорогу къ ихъ имперіалистическимъ цѣлямъ. Какъ жестока была подчасъ эта травля, показываетъ судьба несчастной Бельгіи и не менѣе несчастной Сербіи. И если я начинаю *травлю* противъ *травящихъ*, то это значитъ, что *отри-*

цаю отрицаніе, т. е., отстаиваю право всѣхъ народовъ на свободное самоопредѣленіе. Но это обязательно для всякаго искренняго и сознательнаго международнаго соціалиста.

То же самое и съ «*разъединеніемъ*». Разъединеніе, которое проповѣдуется мною, есть лишь разъединеніе палача и его жертвы, грабителя и того, кого грабятъ. Тутъ я опять *отрицаю отрицаніе*; тутъ моя проповѣдь опять имѣетъ *положительный* характеръ защиты эксплоатируемыхъ отъ эксплоататоровъ, угнетаемыхъ отъ угнетателей, тѣхъ, кого бьютъ, отъ тѣхъ, которые наносятъ удары, и тутъ я опять свято исполняю свою обязанность искренняго и сознательнаго соціалиста.

Мои противники упрекаютъ меня еще въ томъ, что, приглашая трудящееся населеніе Россіи дать вооруженный отпоръ германскимъ эксплоататорамъ, пытающимся накинуть на его шею арканъ экономической эксплоатаціи, я забываю о борьбѣ классовъ. Здѣсь они опять обнаруживаютъ счастье своей *памяти* и несчастье своего *разсудка*.

Иванъ имѣетъ двухъ враговъ — Петра и Степана. Противъ кого изъ нихъ долженъ онъ направить главныя свои усилія въ данное время? На такой вопросъ нельзя разумно отвѣтить иначе, какъ сообразивши всѣ конкретныя условія этого времени: можетъ быть, окажется, что Ивану надо теперь воевать, главнымъ образомъ, со Степаномъ, а можетъ быть—съ Петромъ. Допустимъ, что онъ рѣшилъ съ особенной силой напереть на Петра, сказавъ себѣ, что, побѣдивъ его, онъ уже сравнительно легко справится со Степаномъ. При этомъ онъ, конечно, могъ ошибиться: вполнѣ мыслимо, что на самомъ дѣлѣ ему выгоднѣе было бы начать именно со Степана. Это — вопросъ *разсчета*. Но утверждать, что Иванъ *отказывается бороться за свои интересы*, значитъ, издѣваться надъ логикой: помилуйте! онъ вовсе не отказывается отъ борьбы за нихъ, а только старается *сдѣлать эту борьбу обдуманной, цѣлесообразной и потому плодотворной*.

Но отчего бы не напасть ему одновременно и съ одинаковой энергіей на обоихъ противниковъ?

Это — опять вопросъ *разсчета*, а не *принципа*. И если, разсчитавъ свои силы, Иванъ найдетъ, что ему не выдержать одновременно борьбы съ двумя противниками, то можно, пожалуй, и тутъ сказать, что онъ *ошибся въ разсчетѣ*, но нелѣпо обвинять его въ *забвеніи своихъ интересовъ*.

Кому понятенъ смыслъ этого примѣра, тотъ безъ труда пойметъ и мою тактику въ вопросѣ о войнѣ. Я утверждаю, что въ настоящее время нашему пролетаріату выгоднѣе направить главныя свои усилія *противъ внѣшняго* врага. Можно, пожалуй, доказывать, что ему, наоборотъ, выгоднѣе теперь обрушиться на врага внутренняго. Ленинъ такъ и дѣлаетъ. [1]) Но никакъ нельзя говорить, что я забываю объ интересахъ рабочаго класса. Помилосердствуйте! Вѣдь его интересы составляютъ *исходную точку всѣхъ моихъ тактическихъ соображеній.*

Мои противники этого не понимаютъ. Но тутъ я не причиненъ. Не моя вина въ томъ, что они повторяютъ: «*борьба классовъ*», и совсѣмъ не вникаютъ въ понятіе, этими словами выражаемое.

А теперь я опять, ради науки сравнительной психологіи, вернусь къ Рошфоровскому попугаю. Если бы его обладатель не ошибся, приписавъ ему *продуманныя* республиканскія убѣжденія, то вышло бы, что иныя птицы умнѣе иныхъ людей. Не знаю, какъ вы, читатель, а я съ этимъ, «по человѣчеству», согласиться не могу.

Письмо къ собравшимся на митингъ въ Народномъ Домѣ

(«Единство», № 34 отъ 9-го мая 1917 г.).

Дорогіе товарищи!

Я крайне сожалѣю о томъ, что не могу пріѣхать въ Петроградъ на вашъ митингъ. Къ удовольствію бесѣды съ вами присоединилось бы сегодня удовольствіе выступленія вмѣстѣ съ моими бельгійскими друзьями: Вандервельдомъ, Де-Маномъ и Де-Брюкеромъ. Всѣ они старые испытанные члены рабочаго Интернаціонала. Что касается, въ частности, Вандервельда, то онъ былъ предсѣдателемъ Международнаго Соціалистическаго Бюро, и мы для краткости называли его президентомъ Интернаціонала. Я увѣренъ, что всѣ эти бельгійскіе товарищи встрѣтятъ съ вашей

[1]) Впрочемъ, Ленинъ ничего не *доказываетъ*, а только *приказываетъ*, приправляя свои приказы крѣпкой бранью. *Г. П.*

стороны самый горячій пріемъ. Интернаціоналъ стремится установить, *на опредѣленной экономической почвѣ*, всемірное братство народовъ. И уже теперь сознательные рабочіе каждой отдѣльной страны смотрятъ, какъ на братьевъ, на рабочихъ каждой другой страны, пока эти рабочіе не нарушаютъ своихъ обязанностей передъ пролетаріататомъ остальныхъ странъ. Къ сожалѣнію, большинство нѣмецкаго пролетаріата нарушило свои обязанности. Это нужно знать и помнить. Если мы закроемъ глаза на этотъ, разумѣется, крайне печальный фактъ, то мы усвоимъ себѣ въ корнѣ ошибочную международную политику. И точно также мы усвоимъ въ корнѣ ошибочную международную политику, если позабудемъ о томъ, что бельгійскій народъ, — а въ особенности трудящееся населеніе Бельгіи, — въ августѣ 1914 г. ни минуты не поколебавшись, свято и до конца исполнилъ свою обязанность передъ другими народами.

Въ качествѣ нейтральнаго государства, Бельгія не имѣла права пропускать ни одну изъ воюющихъ сторонъ черезъ свою территорію. И когда Германія устремилась на Францію, бельгійскій народъ, который не могъ не знать, какъ слабы его силы сравнительно съ силами безчисленныхъ нѣмецкихъ полчищъ, все-таки возсталъ, какъ одинъ человѣкъ, и, истекая кровью, съ оружіемъ въ рукахъ, заграждалъ дорогу нѣмецкимъ завоевателямъ. Это одинъ изъ самыхъ славныхъ подвиговъ, какіе только знаетъ всемірная исторія. Вы знаете, какою надписью украсила Эллада памятникъ, воздвигнутый на братской могилѣ воиновъ, павшихъ при Ѳермопилахъ?

« Прохожій, возвѣсти Грецію, что мы пали всѣ, до единаго, исполняя свой долгъ передъ нею ».

Подобною же надписью слѣдовало бы украсить памятникъ на братской могилѣ бельгійцевъ, погибшихъ въ нынѣшней войнѣ :

« Прохожій, возвѣсти Европѣ, — той цивилизованной Европѣ, которая умѣетъ уважать международные договоры, — что мы пали, исполняя свою обязанность передъ нею ».

Къ сожалѣнію, слишкомъ много сыновъ Бельгіи пало въ этой войнѣ, чтобы ихъ тѣла могли умѣститься въ одной братской могилѣ. Но чѣмъ многочисленнѣе потери, понесенныя этой страной, тѣмъ выше должны мы цѣнить ея подвигъ.

Теперь твердятъ о мирѣ безъ аннексій, безъ контрибуцій. Но Германія уже успѣла взыскать многочисленныя контрибу-

ціи съ побѣжденной ею Бельгіи. Неужели она *не обязана* возвратить ей то, что *было отнято* ею *у нея*? А Германія согласится возвратить отнятое только тогда, когда ее принудятъ къ этому силою. Вотъ почему, отъ всей души желая мира, я въ то же время горячо привѣтствую то мѣсто декларацiи новаго правительства, которое напоминаетъ русской арміи о необходимости наступленія.

Да здравствуетъ побѣда, которая принесетъ, наконецъ, народамъ возможность осуществить свое право на свободное самоопредѣленіе!

Марксизмъ или бакунизмъ

(«Единство», № 35 отъ 10-го мая 1917 г.).

— Надѣюсь, что мы легко столкуемся между собою, исходя изъ основныхъ принциповъ народовольства.

Такъ говорилъ мнѣ, пріѣхавъ за-границу въ началѣ 80-хъ годовъ, Левъ Тихомировъ, бывшій тогда членомъ Исполнительнаго Комитета Партіи Народной Воли.

— Не лучше ли намъ взять за точку отправленія основные принципы современнаго соціализма? — спросилъ я его.

Онъ отвѣчалъ, что нѣтъ, поясняя свою мысль тѣмъ соображеніемъ, что «народовольство» есть понятіе болѣе широкое, чѣмъ соціализмъ. У него выходило, что не о «народовольствѣ» нужно судить съ точки зрѣнія соціализма, а наоборотъ, о соціализмѣ съ точки зрѣнія народовольства. И между его ближайшими товарищами я не встрѣтилъ тогда ни одного, который сомнѣвался бы въ правильности такого осужденія.

Теперь уже врядъ ли кто вздумаетъ принимать «народовольство» за критерій при оцѣнкѣ современнаго соціализма. Теперь, кажется, всѣ понимаютъ, что оно было лишь преходящимъ и къ тому весьма непрочнымъ сочетаніемъ болѣе или менѣе правильно понятыхъ положеній современнаго соціализма, возникшимъ благодаря особенностямъ нашего тогдашняго историческаго момента. Однако, неоспоримо, что въ теченіе довольно продолжительнаго времени приверженность русскихъ соціалистовъ къ «народовольству» задерживала дальнѣйшее развитіе ихъ соціалистической мысли.

Я боюсь, что будущему историку соціалистическаго движенія въ Россіи придется то же самое сказать о приверженности большинства нынѣшнихъ нашихъ соціалъ-демократовъ къ такимъ преходящимъ сочетаніямъ понятій, какъ большевизмъ и меньшевизмъ. По моему, эти сочетанія уже теперь представляютъ собою весьма значительное препятствіе на пути къ рѣшенію насущныхъ теоретическихъ и практическихъ задачъ русской соціалъ-демократіи.

Иванъ и Петръ — оба принадлежатъ къ фракціи меньшевиковъ, хотя въ настоящее время они согласны между собою развѣ только въ томъ, что меньшевизмъ лучше большевизма. Иванъ думаетъ, что наша соціалъ-демократія обязана защищать Россію, подвергнувшуюся нападенію со стороны Германіи. Петръ клеймитъ его за это названіемъ соціалъ-патріота и, провозглашая себя интернаціоналистомъ, объявляетъ національную самозащиту дѣломъ буржуазіи. Иванъ убѣжденъ, что въ интересахъ скорѣйшаго заключенія мира русская армія должна перейти въ наступленіе. Петръ проповѣдуетъ братанье русскихъ войскъ съ нѣмцами. Иванъ стоитъ за коалиціонное министерство Петръ повторяетъ, что вхожденіе соціалистовъ въ такое министерство является измѣной дѣлу пролетаріата. Иванъ считаетъ, что знаменитый кличъ : « пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь » молчаливо содержитъ въ себѣ настойчивое приглашеніе : « рабочіе всѣхъ странъ, немедленно поворачивайтесь спиной къ тѣмъ изъ васъ, которые станутъ подъ знамя капиталистическаго имперіализма! ». Петръ глубоко возмущается тѣми, которые, слѣдуя этому приглашенію, поворачиваются спиной къ Шейдеману и К-о : онъ видитъ въ этомъ нарушеніе международной соціалистической солидарности.

Если бы Иванъ и Петръ не принадлежали къ одной и той же организаціи, то они давно уже боролись бы между собою. Но такъ какъ оба они состоятъ въ организаціи меньшевиковъ, то они говорятъ себѣ : «наша взаимная борьба обрадуетъ сторонниковъ Ленина, пожалуй, не менѣе, чѣмъ единомышленниковъ Плеханова, этого страннаго человѣка, вообразившаго, будто интересы цѣлаго, т.е. партіи, могутъ быть поставлены выше интересовъ составныхъ частей, т.е. фракціи. » Не желая тѣшить ни Ленинскаго ни Плехановскаго бѣса, Иванъ и Петръ стараются смягчить свои разногласія, стереть краски со своихъ мыслей, обто-

чить острые углы своихъ понятій. Правда, Петръ работаетъ въ этомъ направленіи не такъ усердно, какъ Иванъ. Поэтому въ ихъ общемъ органѣ, — « Рабочей Газетѣ », — голосъ Петра слышится гораздо явственнѣе, чѣмъ голосъ Ивана : въ немъ проповѣдуется братанье, осуждается травля противъ Шейдемана и т.п. И все-таки даже Петръ не рѣшается до конца продумать свои мысли. А что касается Ивана, то онъ никогда не могъ признать правильность извѣстнаго нѣмецкаго изрѣченія : « Wer A sagt, muss auch B sagen » (кто говоритъ А, долженъ также сказать Б). Если онъ иногда, очень рѣдко, — осмѣливается прошептать : « А », то о « Б » онъ даже и помыслить боится. Больше того, часто бываетъ такъ, что, желая смягчить суроваго Петра, онъ ставитъ себѣ въ заслугу страхъ, овладѣвающій имъ при одной мысли о « Б ». Онъ говоритъ тогда : « конечно, я не хочу уподобиться Плеханову, который всегда произноситъ Б, не довольствуясь произнесеніемъ одного А. Это весьма нехорошо съ его стороны ».

Я не знаю, насколько смягчается суровый Петръ этимъ закланіемъ Плеханова на алтарѣ внутри-фракціоннаго мира. Но мнѣ, — да и одному ли мнѣ? — хорошо извѣстно, что миролюбіе Ивана доводитъ его до разслабленія. Иванъ — эта та гегелевская « вещь » въ процессѣ становленія, которая существуетъ и не существуетъ въ одно и то же время. Онъ существуетъ, потому что, если бы онъ не существовалъ, то не могъ бы покоряться Петру. Съ другой стороны, онъ не существуетъ, такъ какъ кромѣ подчиненія Петру ни въ чемъ не проявляетъ своего существованія.

Гдѣ коренится такое самоограниченіе? Оно коренится въ желаніи сохранить въ цѣлости организацію меньшевиковъ, хотя бы отъ этого сильно страдали интересы соціалъ-демократической пропаганды и агитаціи. Не суббота для человѣка, а наоборотъ, человѣкъ для субботы.

Такъ разсуждаютъ послѣдовательные сторонники организаціи меньшевиковъ. Совершенно такъ же разсуждаютъ въ своемъ духѣ послѣдовательные сторонники организаціи большевиковъ. Въ свою очередь я никакъ не могу заразиться подобной послѣдовательностью, вслѣдствіе чего нѣкоторые товарищи находятъ меня « неустойчивымъ въ организаціонномъ отношеніи ». Я держусь того еретическаго мнѣнія, что суббота превращается въ нѣчто до послѣдней степени вредное, когда ее ставятъ выше человѣка, и что дѣло не въ успѣхѣ *меньшевизма*, —

о большевизмѣ рѣчь у меня пойдетъ ниже, — а въ успѣхѣ соціалъ-демократіи. Разъ проникнувшись этимъ еретическимъ мнѣніемъ, я нахожу, что русская соціалъ-демократія немало выиграла бы въ томъ случаѣ, если бы нашъ меньшевикъ Иванъ отказался оскоплять себя въ угоду меньшевику Петру. Тогда онъ вышелъ бы изъ своего нынѣшняго разслабленнаго состоянія и уже не боялся бы говорить Б послѣ того, какъ скажетъ А, да и самое А онъ произносилъ бы уже не робкимъ шопотомъ, а громкимъ голосомъ твердаго и мужественнаго убѣжденія.

Только тотъ, кто смотритъ на вещи черезъ призму фракціонной ограниченности, можетъ воображать, будто борьба идей въ нашей партіи сводится къ вопросу, кто побѣдитъ: меньшевики или большевики? Въ дѣйствительности вопросъ долженъ быть формулированъ такъ: побѣдитъ ли современный соціализмъ въ томъ видѣ, какой онъ принялъ въ ученіи Маркса и Энгельса, или же допотопный соціализмъ Бакунина, до сихъ поръ еще не изжитый русской революціонной мыслью?

Бакунинъ ставилъ когда-то «патріотизмъ г. Маркса» на одну доску съ «патріотизмомъ князя Бисмарка» [1]). Въ этомъ его отношеніи къ патріотизму г. Маркса легко видѣть зародышъ того упрека въ соціалъ-патріотизмѣ, который теперь усердно направляется по нашему адресу.

Далѣе. Бакунинъ утверждалъ, что, благодаря своей мечтательности (!), а также и желанію пріобрѣсти почитателей и приверженцевъ среди буржуазіи, Марксъ постоянно толкалъ и толкаетъ пролетаріатъ на сдѣлки съ буржуазными радикалами [2]). Отъ этого упрека, дѣлавшагося когда-то Бакунинымъ по адресу Маркса, по прямой линіи произошелъ упрекъ, дѣлаемый намъ сторонниками Ленина, что мы толкаемъ русскій рабочій классъ въ объятія кадетской партіи. Бакунинъ былъ совершенно искренъ, посылая эти упреки по адресу Маркса. Марксъ непремѣнно долженъ былъ представляться ему «соціалъ-патріотомъ», кадетскимъ подголоскомъ и т.п. Не менѣе искренни были сторонники Маркса, скоро убѣдившіеся въ томъ, что имъ не по дорогѣ съ Бакунинымъ и съ бакунистами. Русскимъ марксистамъ нашего времени тоже пора понять, что имъ не по пути съ современными бакунистами ленинскаго типа. И не только съ яркими

[1]) М. А. Бакунинъ. Полное собраніе сочиненій, т. II, стр. 132 и 133. *Г. П.*
[2]) Тамъ же, стр. 222. *Г. П.*

послѣдовательными представителями этого типа. Ютящіеся въ «Рабочей Газетѣ» полуленинцы тоже не имѣютъ ничего общаго съ марксизмомъ. А вѣдь упомянутый мной выше меньшевикъ Петръ принадлежитъ именно къ числу полуленинцевъ. И поскольку меньшевикъ Иванъ старается итти съ нимъ вмѣстѣ, постольку онъ лишаетъ себя возможности плодотворно работать для распространенія правильныхъ соціалистическихъ понятій въ нашей пролетарской средѣ. Сдѣлки Ивана съ Петромъ могутъ привести лишь къ составленію такихъ блѣдныхъ, непослѣдовательныхъ резолюцій, которыя только-что приняты на конференціи меньшевиковъ.

Еще разъ: рѣчь идетъ не о томъ, восторжествуетъ ли у насъ большевизмъ или меньшевизмъ. Она идетъ о томъ, какія идеи восторжествуютъ въ нашей соціалистической средѣ, идеи Маркса или идеи Бакунина.

Къ свѣдѣнію русскихъ рабочихъ

(«Единство», № 36 отъ 11-го мая 1917 г.)

Въ Петроградъ пріѣхалъ одинъ изъ самыхъ видныхъ представителей Циммервальдской секты въ Западной Европѣ [1]). Уже съ самаго начала нынѣшняго международнаго столкновенія онъ сталъ усердно проповѣдывать, что соціалисты не должны принимать участія въ защитѣ своей страны, совершенно независимо отъ того, *нападаетъ* она, или *защищается*. Это — та самая мысль, которую распространялъ во Франціи Густавъ Эрвэ, когда былъ анархо-синдикалистомъ.

Бебель сказалъ: «У насъ Густава Эрвэ просто-на-просто исключили бы изъ партіи». Но теперь нѣкоторые наивные люди принимаютъ Р. Гримма за революціоннаго соціалъ-демократа. Говорятъ, что на конференціи меньшевиковъ онъ былъ встрѣченъ бурными рукоплесканіями. Если это правда, то тѣмъ лучше для Гримма и... тѣмъ хуже для меньшевиковъ.

[1]) Робертъ Гриммъ.

Что же это? Какъ же это?

(«Единство», № 38 отъ 13-го мая 1917 г.)

Конференція меньшевиковъ ознаменовалась нѣкоторыми промахами, достойными искренняго сожалѣнія. Но самымъ большимъ ея промахомъ, несомнѣнно, является резолюція по вопросу о возстановленіи Интернаціонала.

Въ этой резолюціи говорится, что конференція привѣтствуетъ починъ Исполнительнаго Комитета Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, обратившагося къ соціалистическимъ партіямъ всѣхъ странъ съ предложеніемъ о созывѣ международной соціалистической конференціи. Главной задачей этой послѣдней конференціи является организація международной борьбы за миръ на основѣ извѣстныхъ формулъ: миръ безъ аннексій и проч. Эта борьба предполагаетъ рѣшительную борьбу (излагая резолюцію, я не беру на себя отвѣтственность за ея *слогъ*) со всѣми правительствами, которыя не заявятъ о своемъ согласіи вступить въ переговоры о мирѣ на указанной основѣ, и разрывъ съ политикой такъ называемаго національнаго единенія съ имперіалистическими классами.

Что такое имперіалистическіе классы? Буржуазія вообще, *независимо* отъ стремленій, проявляемыхъ ею *въ данное время*? Если — нѣтъ, если авторы резолюціи имѣютъ въ виду *только буржуазію, проявляющую извѣстныя имперіалистическія стремленія*, то надо было говорить именно *о стремленіяхъ, а не о «классахъ»*. Если же разрывать нужно съ *буржуазіей вообще*, то въ какое же отношеніе долженъ стать русскій рабочій классъ къ нашему Временному Правительству, имѣющему, какъ всѣ мы знаемъ, не чисто пролетарскій составъ? Неужели надо отозвать товарищей Церетелли и Скобелева? Вотъ поистинѣ гамлетовскій вопросъ.

Далѣе. Согласно резолюціи, слѣдуетъ вести борьбу со всѣми правительствами, не заявившими о своемъ согласіи заключить миръ на основѣ извѣстныхъ формулъ. Русское правительство заявило о своемъ согласіи на это. Значитъ, съ нимъ бороться не слѣдуетъ. А какія правительства не обнаружили ни малѣйшаго желанія считаться съ нашими миролюбивыми формулами? Прежде всего, правительства Германіи и Австро-Венгріи. Стало быть,

именно противъ нихъ и должна быть, главнымъ образомъ, направлена рекомендуемая резолюціей рѣшительная борьба. Такъ говоритъ логика.

А вотъ резолюція говоритъ не совсѣмъ такъ. Мы въ ней читаемъ :

« Необходимымъ условіемъ успѣшной подготовки международной соціалистической конференціи является широкая массовая агитація *во всѣхъ странахъ*, направленная къ тому, чтобы формировать революціонную волю пролетаріата для преодолѣнія внѣшнихъ и внутреннихъ препятствій, стоящихъ на пути его международнаго единенія въ борьбѣ за миръ ».

Это двусмысленныя строки. Правда, ихъ можно истолковать въ томъ смыслѣ, что русскій пролетаріатъ долженъ всѣми силами способствовать удачному наступленію нашихъ войскъ на германскія, такъ какъ Германія, пренебрегающая нашими формулами, составляетъ одно изъ самыхъ сильныхъ препятствій на пути къ миру. Но вполнѣ допустимо совсѣмъ иное толкованіе этихъ строкъ, именно то, что соціалъ-демократическія партіи — *каждая въ своей странѣ*, — формируетъ *волю пролетаріата къ миру*.

Если будетъ принято *это* толкованіе, то выйдетъ, что тамъ, гдѣ соціалъ-демократія имѣетъ *болѣе сильное* вліяніе, пролетаріатъ окажется *болѣе склоннымъ къ миру*, нежели тамъ, гдѣ ея вліяніе *не такъ велико*. Къ чему это поведетъ, легко догадаться.

Такъ какъ у насъ теперь пролетаріатъ находится подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ соціалъ-демократіи, то онъ окажется у насъ болѣе миролюбивымъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Съ своей стороны, онъ повліяетъ на *армію*, которая и безъ того не очень расположена къ наступленію. Это ослабитъ боевую способность Россіи. *Ослабленіе* боевой способности *Россіи увеличитъ* боевую способность *Германіи*. Значитъ агитація за миръ *окажется на дѣлѣ услугой германскому милитаризму*.

Это — неизбѣжное слѣдствіе всѣхъ миролюбивыхъ дѣйствій, предпринимаемыхъ въ духѣ Циммервальда.

Резолюція выражаетъ сочувствіе Циммервальду.

Стало быть, ее надо понимать именно въ томъ смыслѣ, что необходима такая агитація, изъ которой, какъ я показалъ, извлекъ бы большую пользу германскій милитаризмъ.

Меньшевики — « оборонцы » должны были всѣми силами воспротивиться принятію такой резолюціи.

Они поступили не такъ. Они хотя и не сказали : « спасибо », но все-таки скушали и аккуратно обтерли ложки.

Что же это? Какъ же это?

Въ защиту соціалъ-демократіи

(«Единство», № 39 отъ 14-го мая 1917 г.)

На происходящемъ теперь въ Петроградѣ Всероссійскомъ Крестьянскомъ Съѣздѣ одинъ изъ представителей Сибири, гражданинъ Гуревичъ, произнесъ рѣчь, вызывающую на нѣкоторыя возраженія.

Оспаривая высказанное ленинцемъ Зиновьевымъ мнѣніе о войнѣ, онъ замѣтилъ: « Товарищъ Зиновьевъ указалъ, что причина войны — это соглашеніе капиталистовъ, но какъ мы видимъ, это однобокое указаніе и оно совершенно не рѣшаетъ вопроса, какой нуженъ миръ. Миръ нуженъ справедливый, т. е., каждый народъ долженъ быть свободенъ отъ чужестраннаго гнета, долженъ самоопредѣлиться ». Тутъ гражданинъ Гуревичъ совершенно правъ. « Товарищъ » Зиновьевъ, несомнѣнно, слѣдалъ однобокое указаніе на причину войны. Иного указанія онъ и сдѣлать не могъ. Онъ и его единомышленники не даютъ себѣ труда вдуматься въ тѣ дѣйствительныя условія, которыми вызвано было нынѣшнее международное столкновеніе, и ограничиваются повтореніемъ отвлеченныхъ формулъ, къ тому же крайне плохо понятыхъ ими. Справедливо и то, что намъ нуженъ миръ на основѣ свободнаго самоопредѣленія народовъ. Нельзя не признать правымъ гражданина Гуревича и тогда, когда онъ, развивая далѣе свою мысль, говоритъ : « Такого мира пока заключить нельзя. И если Германія не идетъ на наши условія, мы будемъ драться ». Только одну поправку надо сдѣлать къ этимъ словамъ гражданина Гуревича. Ему слѣдовало говорить не въ сослагательномъ, а въ изъявительномъ наклоненіи. Нельзя сказать : « *если* Германія не идетъ на наши условія ». Надо сказать : « *такъ какъ* Германія не идетъ на наши условія ». Однако, выводъ все-таки сдѣланъ гражданиномъ Гуревичемъ правильный. « Мы будемъ драться ». Да, мы непремѣнно должны драться, потому что, въ противномъ случаѣ, мы погубимъ свою

страну вмѣстѣ съ ея только что завоеванной политической свободой.

Повторяю, до сихъ поръ гражданинъ Гуревичъ совсѣмъ или *почти* совсѣмъ правъ. Но дальше въ его рѣчи порой слышатся уже довольно странныя ноты. Такъ, напримѣръ, онъ съ жаромъ восклицаетъ: « карты на столъ, господа соціалъ-демократы! Намъ кажется, что здѣсь идетъ игра крапленными картами. Мы не боимся сказать, что мы боремся за рынокъ, въ томъ смыслѣ, что мы не хотимъ всю Россію сдѣлать германскимъ рынкомъ ».

Здѣсь я, въ свою очередь, буду говорить условно: *если* гражданинъ Гуревичъ думаетъ, что всѣ русскіе соціалъ-демократы желаютъ сдѣлать Россію германскимъ рынкомъ, *то* онъ сильно заблуждается. Въ этомъ отношеніи между ними есть два разряда людей: одни, ограничивая свое поле зрѣнія нѣсколькими отвлеченными формулами, совсѣмъ не задумываются о тѣхъ условіяхъ, въ которыя поставила исторія нашъ общественный процессъ производства. Люди этого разряда вспоминаютъ объ « экономическомъ » только тогда, когда услышатъ разговоръ о *нравственности, о правѣ и т. п.* Въ такихъ случаяхъ они съ негодованіемъ вопятъ: « какая тамъ нравственность!? Какое тамъ право!? Марксъ давно доказалъ, что есть одна только экономика ». Уже одно это противопоставленіе экономики идеологіямъ съ ясностью показываетъ, что люди, его дѣлающіе, имѣютъ о ней лишь самое смутное представленіе. Но именно потому, что они имѣютъ о ней самое смутное представленіе, мы напрасно искали бы у нихъ сколько-нибудь опредѣленнаго взгляда на вопросъ о томъ, должна или не должна Россія сдѣлаться германской колоніей въ экономическомъ смыслѣ этого слова. Они не даютъ *ошибочнаго* рѣшенія этого вопроса по той простой, но вполнѣ достаточной причинѣ, что *совсѣмъ не занимаются имъ*.

Шила въ мѣшкѣ не утаишь! Легкомысленные люди этого разряда встрѣчаются въ нашей средѣ гораздо чаще, нежели это было бы желательно въ интересахъ русскаго рабочаго движенія.

Но въ этой же средѣ есть люди совсѣмъ другого образа мыслей. Марксисты не только по названію, они не устраняютъ изъ своего поля зрѣнія конкретной экономической дѣйствительности. Ни на минуту не забываютъ они, что экономическое развитіе всякаго даннаго народа является источникомъ прогресса во всѣхъ другихъ областяхъ его жизни и что, поэтому, экономическое порабощеніе

нашего отечества Германіей явилось бы для насъ источникомъ культурнаго застоя и политической реакціи. На эту сторону дѣла нѣкоторые наши соціалъ-демократическіе писатели обращали вниманіе уже съ самаго начала нынѣшней войны. И ихъ голосъ не остался голосомъ вопіющаго въ пустынѣ. Въ цѣломъ русскіе соціалъ-демократы далеко не чужды сознанія той истины, что право всякаго даннаго народа на самоопредѣленіе осталось бы пустымъ словомъ, если бы не означало, между прочимъ, его права на самоопредѣленіе въ области *экономической*. Такимъ образомъ, несправедливо относить на счетъ всей нашей соціалъ-демократіи тотъ грѣхъ, которымъ грѣшитъ лишь нѣкоторая часть ея.

Что касается собственно Зиновьева, рѣчью котораго вызвано было ораторское выступленіе гражд. Гуревича, то не слѣдуетъ забывать, что онъ, подобно Ленину, самъ поставилъ себя за предѣлы не только русской, но и всей вообще мировой соціалъ-демократіи. Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ р-р-революціонеровъ, которые, находя всемірную соціалъ-демократію недостаточно р-р-революціонной, именуютъ себя коммунистами.

Въ заключеніе гражд. Гуревичъ сказалъ: «поставимъ же всѣ точки надъ і, скажемъ свое вѣское слово, положимъ его на вѣсы исторіи, и если нужно наступать, пойдемъ въ наступленіе».

Эти слова даютъ поводъ опасаться, что еще не всѣ точки надъ і поставлены гражданиномъ Гуревичемъ. Можно ли говорить: «если необходимо наступленіе», когда Временное Правительство съ увѣренностью заявляетъ, что оно необходимо, и когда сознаніемъ этой необходимости проникается лучшій элементъ нашей арміи.

Миръ безъ контрибуцій. Миръ безъ аннексій

(«Единство», № 40 отъ 16-го мая 1917 г.)

Миръ безъ контрибуцій

(Вниманію нашего Временнаго Правительства).

Война, объявленная Россіи Германіей и продолжающаяся около трехъ лѣтъ, уже въ огромной степени увеличила нашъ государственный долгъ. Уплата процентовъ по этому долгу ляжетъ большою тяжестью на спину трудящагося населенія Россіи. Но

война еще не кончена; разстройство, внесенное ею въ наше народное хозяйство, только теперь начинаетъ обнаруживаться во всей своей силѣ и мы вынуждены будемъ дѣлать все новые и новые долги. Кто ссудитъ намъ деньги? И на какихъ условіяхъ? Эти вопросы, о которыхъ почему то слишкомъ мало задумываются наши публицисты, начинаютъ интересовать общественное мнѣніе Германіи. Перечисляя выгоды, которыя принесъ бы Россіи сепаратный миръ съ Германіей, нѣкоторые органы германской печати указываютъ на то, что нѣмецкіе капиталисты могли бы ссужать насъ деньгами на болѣе выгодныхъ условіяхъ, нежели американскіе.

Это весьма пріятная перспектива! Допустимъ, что мы послѣдовали хорошему совѣту нашихъ добрыхъ сосѣдей, заключили съ ними миръ безъ аннексій и безъ контрибуцій — какія ужъ тамъ аннексіи, какія контрибуціи! — и сдѣлали въ Германіи новый заемъ. Что же получится?

Когда я спрашиваю: что же получится? я имѣю въ виду исключительно *экономическую сторону* интересующаго меня предмета. Его *нравственно-политическая* сторона не нуждается ни въ какихъ поясненіяхъ: мы сдѣлаемся народомъ, достойнымъ презрѣнія въ глазахъ всего цивилизованнаго міра. Но съ экономической стороны тутъ еще возможны нѣкоторыя неясности. Постараемся устранить ихъ.

Объявивъ намъ войну, Германія поставила насъ въ тяжелое, почти безвыходное, положеніе. Чтобы выйти изъ этого положенія, мы, заключивъ съ ней сепаратный миръ, обратились къ ней за финансовой помощью. Наша добрая сосѣдка не отвергла нашей просьбы. Но занять деньги не значитъ получить ихъ въ подарокъ. Сдѣлавъ заемъ, мы должны будемъ платить Германіи проценты. Чѣмъ платить? Въ послѣднемъ счетѣ, *извѣстной долей нашего національнаго продукта*. Въ дѣйствительности, это будетъ то же самое, какъ если бы нѣмцы поработили извѣстную часть нашего трудящагося населенія. Ежегодная уплата процентовъ по займу, заключенному въ Германіи и вызванному нуждами войны, которую намъ объявила та же Германія, будетъ равносильна уплатѣ нами ежегодной контрибуціи нашей основательной сосѣдкѣ.

Изъ этого слѣдуетъ, что заключеніе мира безъ контрибуціи отнюдь не обезпечиваетъ насъ отъ уплаты оной. Плохо продуманныя формулы вообще не имѣютъ способности обезпечивать людей

отъ непріятныхъ сюрпризовъ, до времени скрывающихся въ нѣдрахъ суровой дѣйствительности.

Основательные тевтоны хорошо понимаютъ это и заранѣе обдумываютъ тѣ способы, которые помогутъ имъ обложить насъ ежегодной данью. Ссуда намъ денегъ явилась бы лишь однимъ изъ многихъ способовъ этого рода.

Выводъ. Заключеніе нами мира безъ контрибуціи явилось бы источникомъ ...контрибуціи. Изъ сладкаго вышло бы горькое. Мнимый разумъ оказался бы безсмыслицей.

Мнѣ возразятъ, пожалуй, что вѣдь по займамъ, заключеннымъ Россіей въ союзныхъ съ нею странахъ, она тоже должна будетъ уплачивать проценты, т. е., сдѣлаться данницей. И это вѣрно. Но что же вынудило насъ сдѣлать эти займы? Война. Кто объявилъ намъ войну? Германія Стало быть, и съ этой стороны, именно Германія оказывается, въ послѣднемъ счетѣ, причиной грозящаго намъ экономическаго обѣдненія; стало быть и тутъ, именно благодаря ней, мы должны будемъ уплачивать ежегодныя контрибуціи. Это печально, такъ какъ контрибуціи-то эти должно будетъ платить, — *несмотря на миръ безъ контрибуціи*, — наше трудящееся населеніе, нашъ крестьянинъ и рабочій. Однако, унывать не слѣдуетъ.

Главное — чтобы хорошо чувствовали себя... отвлеченныя формулы.

Не бѣда, что потерпитъ мужикъ,
Такъ ведущее насъ Провидѣніе
Указало... Да и онъ же привыкъ...
Да здравствуетъ миръ безъ контрибуцій!

Миръ безъ аннексій

(Вниманію нашихъ миролюбовъ).

Отвѣчая патріотическому союзу германскихъ рабочихъ, Гинденбургъ сказалъ: «Всякій германецъ на границахъ и внутри страны долженъ жизнью, кровью и трудомъ купить право на достойное существованіе. Будемъ вѣрить, что побѣда увѣнчаетъ наше дѣло, и цѣли окажутся достойными великихъ жертвъ народа. Я обѣщаю вамъ земли на востокѣ и на западѣ, повсюду, гдѣ развиваются наши побѣдныя знамена. Я обѣщаю рабочимъ, послѣ

войны, удовлетвореніе значительной части ихъ пожеланій. Расцвѣтшее нѣмецкое отечество вознаградитъ всѣхъ своихъ сыновъ, потрудившихся на полѣ брани и у станковъ. Мы осуществимъ священные завѣты германскихъ императоровъ и возстановимъ священную имперію, охраняемую ея вождями и всѣмъ народомъ съ оружіемъ въ рукахъ ».

Спрашивается, на чей счетъ вознаградитъ нѣмецкое отечество всѣхъ своихъ сыновъ, потрудившихся для войны? Впрочемъ, объ этомъ, пожалуй, и спрашивать не надо, такъ какъ отвѣтъ заключается въ словахъ Гинденбурга : « я обѣщаю вамъ земли на востокѣ и на западѣ, повсюду, гдѣ развиваются наши побѣдныя знамена ».

Весьма отрадная перспектива. Да здравствуетъ миръ безъ аннексій!

Вынужденное заявленіе

(«Единство», № 40 отъ 16-го мая 1917 г.)

До свѣдѣнія моего дошло, что нѣкоторые наши эмигранты, вернувшіеся на родину черезъ Германію, заходили въ редакцію « Единства », справляясь о моемъ адресѣ.

Пусть извинятъ меня эти товарищи, но я откровенно говорю, что встрѣча съ ними является для меня нравственно невозможной.

Изумительное подтвержденіе

(«Единство», № 41 отъ 17-го мая 1917 г.)

На митингѣ въ честь министровъ соціалистовъ, состоявшемся 14 мая въ циркѣ Чинизелли, министръ труда, М. И. Скобелевъ, сказалъ:

«Медовый мѣсяцъ восторговъ и упоенія революціей прошелъ. Волна революціи докатилась и до отдаленной хижины. Пора понять, что революція не праздникъ, а тяжелый долгъ, и что отвѣтственность за судьбу страны несемъ не мы, министры, только, а всѣ граждане, вся страна. И мы пришли сюда не для того, чтобы возбудить въ васъ тревогу и отчаяніе, но для того, чтобы открыто и

правдиво сказать вамъ, что мы идемъ черезъ пропасть на остріѣ ножа и что передъ нами непроглядная неизвѣстность. Спасеніе Россіи не въ творчествѣ отдѣльныхъ лицъ, а въ творчествѣ всего русскаго народа, всѣхъ его живыхъ силъ. Мы должны честно и смѣло сказать, что русская революція вступила въ самую критическую полосу своего развитія ».

Тутъ все справедливо, кромѣ развѣ того утвержденія, что волна революціи докатилась и до отдаленной хижины. Какъ видно изъ газетныхъ извѣстій, у насъ есть такія мѣстности, до которыхъ революція пока лишь докатывается. Но это частность. Во всемъ остальномъ нельзя не согласиться съ нашимъ министромъ труда. Особеннаго вниманія заслуживаетъ та его мысль, что мы идемъ черезъ пропасть на остріѣ ножа, и что передъ нами непроглядная неизвѣстность. Мысль эта, положимъ, не нова. Она сводится къ тому же, что давно уже выражалось въ нашей газетѣ словами: « Отечество въ опасности ». Но когда эту не очень новую мысль выражаетъ М. И. Скобелевъ, въ ней позволительно видѣть указаніе на то, что опасность нашего положенія ясна для всѣхъ членовъ новаго правительства. Еще недавно это было не совсѣмъ такъ. Когда тов. Церетелли слышалъ печальные разсказы о разложеніи нашей арміи, онъ спокойно отвѣчалъ : « я этому не вѣрю ». На какомъ основаніи онъ не вѣрилъ, — осталось неизвѣстнымъ.

Но было совершенно ясно, что, если Временное Правительство проникнется оптимизмомъ нашего кавказскаго товарища, то оно никогда не поднимется на высоту своего призванія. Къ чести тов. Церетелли слѣдуетъ сказать, что, повидимому, и онъ настроенъ уже не такъ оптимистично. А тов. Скобелевъ заявляетъ : « мы совершаемъ переходъ черезъ пропасть на остріѣ ножа ». Тому, кто вздумалъ бы обвинить его въ излишнемъ пессимизмѣ, я отвѣтилъ бы, что настроеніе М. И. Скобелева вполнѣ соотвѣтствуетъ печальной дѣйствительности. А кромѣ того, если бы и было что-либо излишнее въ пессимизмѣ тов. Скобелева, то вѣдь извѣстно, что люди, занимающіе отвѣтственное положеніе, ошибаются гораздо чаще тогда, когда они дѣлаютъ свой разсчетъ въ надеждѣ на лучшій исходъ, нежели тогда, когда они ведутъ его въ предположеніи неблагопріятнаго стеченія обстоятельствъ. Это прекрасно объяснено было еще Наполеономъ I въ примѣненіи къ военному дѣлу.

Итакъ, тов. Скобелевъ правильно характеризовалъ крайне

тяжелое положеніе нашей многострадальной земли. Мы идемъ черезъ пропасть по острію ножа. Идемъ за нашими правителями, а въ числѣ ихъ за тѣмъ же тов. Скобелевымъ. И чѣмъ болѣе ясный отчетъ отдаемъ мы себѣ въ ежеминутной возможности паденія на дно глубокой пропасти, тѣмъ внимательнѣе присматриваемся мы къ походкѣ нашихъ вождей. И тутъ тов. Скобелевъ поражаетъ насъ нѣкоторыми совершенно неожиданными и, казалось бы, совершенно неумѣстными тѣлодвиженіями.

Идя по острію ножа, онъ, вѣроятно, желая сохранить равновѣсіе, размахиваетъ деревяннымъ шестомъ и этимъ шестомъ оказывается никто иной, какъ представитель Циммервальдской Конференціи, швейцарскій с.-д. Робертъ Гриммъ. Вы не вѣрите? Но это буквально такъ.

Возражая противъ нелѣпыхъ нападокъ Троцкаго на Керенскаго тов. Скобелевъ сказалъ въ засѣданіи С. Р. и С. Д. (13 мая): «Вы, товарищи, вправѣ его (т. е. Керенскаго. *Г. Плехановъ*) вызвать, и онъ не откажется дать вамъ объясненія. Но та работа, которую дѣлаетъ сейчасъ тов. Керенскій,—важная работа, эта работа заключается въ революціонизированіи арміи. Тов. Керенскій стоитъ на той же точкѣ зрѣнія, какъ и большинство Совѣта Раб. и Солд. Деп. На этой же точкѣ зрѣнія стоитъ и представитель Циммервальдской конференціи, швейцарскій с. д. Робертъ Гриммъ».

Такъ были напечатаны заключительныя слова М. И. Скобелева въ «Рѣчи». Въ «Извѣстіяхъ Совѣта С. Р. и С. Д.» я не нашелъ указанія на солидарность Керенскаго съ Р. Гриммомъ. Поэтому я спрашиваю, въ самомъ ли дѣлѣ говорилъ о ней М. И. Скобелевъ? Не ослышался ли репортеръ «Рѣчи?»

Если — нѣтъ, если М. И. Скобелевъ, въ самомъ дѣлѣ, сказалъ, что Керенскій стоитъ на точкѣ зрѣнія Роберта Гримма, то положеніе нашей родины оказывается еще болѣе критическимъ, чѣмъ утверждалъ онъ въ своей рѣчи, произнесенной въ циркѣ Чинизели.

Р. Гриммъ, игравшій на съѣздахъ II Интернаціонала совсѣмъ не видную роль «великаго человѣка» захолустной провинціи, попадающаго въ столицу, уже съ самаго начала нынѣшней войны пріобрѣлъ печальную извѣстность тѣмъ, что пустилъ въ оборотъ старую и, конечно, крайне ошибочную мысль Густава Эрве о несовмѣстимости защиты отечества съ вѣрностью международному соціализму. Если гражданинъ Керенскій, въ самомъ дѣлѣ, стоитъ на точкѣ зрѣнія Эрве, виноватъ, Гриммъ, то какъ же понимать

его слова о томъ, что въ наступленіе — единственное спасеніе Россіи?

Рѣшилъ ли онъ измѣнить международному соціализму? Или же, оставаясь вѣрнымъ ему, онъ только говоритъ о наступленіи, а на самомъ дѣлѣ, вовсе не считаетъ нужнымъ защищать Россію?

Я не имѣю чести лично знать гр. Керенскаго, но, когда я читаю его рѣчи, я не слышу въ нихъ ни одной ноты, дающей кому бы то ни было право подозрѣвать его въ измѣнѣ своимъ убѣжденіямъ. Точно также я не чувствую въ нихъ ничего лицемѣрнаго. И я увѣренъ, что совершенно такое же впечатлѣніе производятъ онѣ на всѣхъ остальныхъ читателей.

Какъ же понимать то утвержденіе М. И. Скобелева, что А. Ф. Керенскій стоитъ на точкѣ зрѣнія Гримма?

Повторяю, этого утвержденія нѣтъ въ «Извѣстіяхъ С. Р. и С. Д.». Поэтому можно предположить, что ослышался репортеръ, помѣстившій о немъ сообщеніе въ «Рѣчи».

Но если репортеръ не ослышался, то М. И Скобелевъ возвелъ на Керенскаго очень большую и, надо говорить *прямо*! — преступную напраслину.

Спасеніе Россіи, дѣйствительно, заключается только въ наступленіи. Это видятъ теперь даже очень близорукіе люди. И вотъ, въ то время, когда мысль о необходимости наступленія быстро распространяется по лицу русской земли, одинъ изъ членовъ правительства беретъ слово и возвѣщаетъ, что нашъ военный и морской министръ стоитъ на точкѣ зрѣнія Р. Гримма, т. е., считаетъ защиту отечества измѣной дѣлу соціализма. Если бы страна не имѣла основанія вѣрить въ полную искренность гражданина Керенскаго, то она должна была бы придти въ страшное безпокойство. Но такъ какъ она вѣритъ А. Ф Керенскому, то ей остается лишь не повѣрить М. И. Скобелеву. Но даже не повѣривъ этому послѣднему, она не можетъ быть совершенно спокойной. Вѣдь соціалистъ Скобелевъ самъ состоитъ членомъ правительства и, если, по его же собственнымъ словамъ, Россія «переходитъ черезъ пропасть по острію ножа», то можетъ ли она не обезпокоиться, убѣдившись, что одинъ изъ ея соціалистовъ-министровъ согласенъ съ Р. Гримомъ, т. е., считаетъ защиту отечества занятіемъ, не достойнымъ соціалиста. А къ этому убѣжденію она *непремѣнно* должна придти, ознакомившись съ утвержденіемъ Скобелева насчетъ Керенскаго.

Она непремѣнно должна сказать себѣ : « положимъ, онъ очень ошибся насчетъ Керенскаго. Но почему? — Очевидно потому, что приписалъ нашему военному и морскому министру свой собственный взглядъ.

А изъ этого слѣдуетъ, что мой крайне опасный переходъ черезъ пропасть по острію ножа совершается при наличности, по крайней мѣрѣ, одного весьма неблагопріятнаго условія. Присутствіе въ нѣнышнемъ правительствѣ, хотя бы одного министра, стоящаго на точкѣ зрѣнія, что не нужно защищать своего отечества, представляетъ собою немалую опасность для дѣла моей самозащиты ».

Если Россія скажетъ себѣ такъ, ознакомившись съ утвержденіемъ М. И. Скобелева (еще разъ, я говорю условно : предполагая, что такое утвержденіе было сдѣлано), то всякій, кто не ослѣпленъ доктринерствомъ, согласится съ нею и воскликнетъ словами стараго Катона:

Смотрите, консулы, чтобы республикѣ не было ущерба!

Бѣглыя замѣтки

(«Единство», №№ 44-45 отъ 20-21-го мая 1917 г.).

Адмиралъ Колчакъ остается на своемъ мѣстѣ

Предсѣдатель Черноморской делегаціи, знаменитый отнынѣ Баткинъ, послалъ въ петербургское телеграфное агентство слѣдующее извѣстіе о томъ, что произошло въ Севастополѣ.

« Никакого конфликта въ Севастополѣ между адмираломъ Колчакомъ и Центральнымъ Комитетомъ Совѣта Депутатовъ арміи, флота и рабочихъ не было. Произошло маленькое разногласіе, какъ слѣдствіе взаимнаго непониманія. Но единство не нарушалось ни на минуту. Сейчасъ все разъяснилось, и уважаемый всѣми адмиралъ Колчакъ, по-старому нашъ любимый начальникъ, опирается на наше довѣріе и знаетъ, что за нимъ мы смѣло пойдемъ на врага свободы нашей горячо любимой родины. Матросы, солдаты, офицеры и рабочіе Чернаго моря, спаянные взаимнымъ довѣріемъ и общей любовью къ свободной родинѣ, представляютъ одну могучую семью, раздѣлить которую никто не въ состояніи.

Именами тѣхъ, кто пролилъ свою святую кровь во имя торжества революціи, именами вдовъ и сиротъ, оставшихся отъ тѣхъ, кто палъ смертью храбрыхъ на поляхъ чести, и чувствомъ нашей безпредѣльной любви къ свободной родинѣ — заклинаемъ всѣхъ гражданъ могучей и великой Россіи сохранить то единство, которое навѣки закрѣпитъ все завоеванное нашими братьями, провозгласившими свободу, равенство и братство.

Предсѣдатель делегаціи Чернаго моря, матросъ *Баткинъ*.»

Хорошо все то, что хорошо кончается!

Мѣры противъ пьянства

Наше Временное Правительство приняло постановленіе касательно пьянства и вызываемыхъ имъ безчинствъ.

Постановленіе это грозитъ карой за появленіе въ пьяномъ видѣ въ публичныхъ мѣстахъ. Кара можетъ простираться до 18 мѣсяцевъ тюремнаго заключенія.

Въ случаѣ же присоединенія къ такого рода преступнымъ дѣйствіямъ наличности эксцессовъ (вы извините, читатель, мы до сихъ поръ не умѣемъ говорить по-русски), какъ-то «насиліе надъ личностью, похищеніе и порча чужого имущества, врываніе въ чужія жилища, а равно и покушенія на подобнаго рода правонарушенія караются: лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія и ссылкой въ каторжныя работы на время отъ 6 и до 8 лѣтъ при наличіи правонарушенія и отъ 4 и до 6 лѣтъ при покушеніи на сіи дѣянія».

Это строго, хотя и справедливо. Правонарушеніе, совершаемое въ трезвомъ состояніи, карается у насъ теперь значительно мягче. Такъ, если вы, вооруженной рукой, разгромили и захватили чужую усадьбу, объявивъ ее независимой отъ россійскаго государства, то къ вамъ, въ худшемъ случаѣ, пришлютъ нѣсколькихъ представителей Исполнительнаго Комитета С. Р. и С. Д. Представители эти произнесутъ предъ вами увѣщательныя рѣчи. Рѣчи ихъ могутъ быть интересны, но могутъ быть и очень скучны. Слушать очень скучную рѣчь — чистое наказаніе. Однако, наказаніе это все-таки не такъ велико, какъ ссылка въ каторжныя работы на время отъ 6 до 8 лѣтъ. Поэтому правонарушители, не лишеные здраваго смысла, отнынѣ будутъ строго слѣдовать мудрому правилу: безчинствуй, но всегда въ трезвомъ видѣ.

О святой простотѣ

Только сейчасъ до меня дошло слѣдующее письмо, помѣченное седьмымъ мая.

«Уважаемый товарищъ редакторъ!

Если среди матросовъ нашелся одинъ смѣлый написать Вамъ обвиненіе въ томъ, что Вы, якобы, продали свою совѣсть капиталу, то повѣрьте, что между нами, моряками, такихъ типовъ очень мало, а потому и прошу Васъ не приходить къ заключенію, что мы раздѣляемъ мнѣніе автора оскорбительнаго для насъ письма. Матросъ Кокотько, знаменитый знатокъ интересовъ рабочихъ и крестьянскихъ, должно быть, есть одна изъ жертвъ той партіи народолюбцевъ, на знамени которой написано «Хватай».

Мнѣ думается, что когда Кокотько изощрялся въ подборѣ фразъ свего письма, то въ его сознаніи было полнѣйшее *несознаніе* ни къ долгу чести, ни къ долгу уваженія личности, дорого цѣнимой всей Россіей.

Въ заключеніе этого письма прошу принять мою большую благодарность за вашу, Вами редактируемую, газету «Единство» и молю-судьбу, чтобы въ годину великаго испытанія отечества — побольше было полезныхъ Плехановыхъ и поменьше безполезныхъ Кокотьковъ.

А по отношенію къ матросу Кокотько я тоже говорю смѣло и открыто, что онъ, т. е., Кокотько, человѣкъ, повидимому, или большая недоумка или безъ того добраго имени, которымъ называются всѣ честные люди великой Россіи.

Матросъ эскадреннаго миноносца «Новикъ». Минный машинистъ *А. Александровъ*. *1917 года 7 мая*».

Мнѣ трудно и выразить, какъ глубоко тронуло меня это письмо. Отъ души благодарю товарища Александрова за его сочувственное ко мнѣ отношеніе. Только напрасно онъ такъ сильно нападаетъ на Кокотько. Это — *слѣпой* человѣкъ, который самъ не знаетъ, какой вздоръ былъ имъ написанъ. Мнѣ очень жаль, что много такихъ *слѣпыхъ* на Руси и что много вреда успѣютъ они принести ей, — т. е., русскому народу, т. е., значитъ *самимъ себѣ*, — прежде нежели прозрѣютъ и откажутся итти въ поводу у нынѣшнихъ своихъ *кривыхъ* вожаковъ. Но направленныя противъ моей личности злыя выходки этихъ темныхъ людей никогда не обижали меня, да и не могли обидѣть.

Прошу у товарища Александрова позволенія напомнить ему объ одномъ историческомъ преданіи.

Давно-давно, — въ іюлѣ 1415 г., — сожженъ былъ на кострѣ, по приговору засѣдавшаго въ Констанцѣ католическаго собора, чешскій проповѣдникъ Янъ Гусъ, за « ересь », состоявшую преимущественно въ томъ, что онъ считалъ евангеліе единственнымъ достовѣрнымъ источникомъ христіанскаго ученія. Въ день казни, когда связанный Гусъ уже стоялъ на кострѣ, онъ увидѣлъ старушку, которая кряхтя приближалась къ нему съ вязанкой дровъ. Было очевидно, что старушка принесла свою вязанку, чтобы увеличить ею костеръ, на которомъ предстояло сгорѣть Гусу, но великій чехъ не вознегодовалъ на нее, а только воскликнулъ съ улыбкой состраданія : « святая простота ! » Онъ понялъ, что старая женщина, можетъ быть, на послѣдніе гроши купившая вязанку, въ темнотѣ своей сдѣлала *злое дѣло*, повинуясь *хорошему побужденію* : желанію ослабить власть грѣха. Мы всѣ должны слѣдовать его примѣру, сталкиваясь съ людьми вродѣ Кокотько. Мы должны помнить, что многіе изъ нихъ поступаютъ *дурно*, всѣмъ сердцемъ желая поступить *хорошо*. Не поставимъ имъ въ вину, что они остались темными въ окружающей ихъ темнотѣ, и когда мы услышимъ, что они « рекутъ всякъ золъ глаголъ », подозрѣвая насъ въ томъ, чего мы никогда не дѣлали, останемся спокойны : вспомнимъ, что въ ихъ *простотѣ* не рѣдко есть *святая простота*.

Междоусобіе на трубочномъ заводѣ

Третьяго дня на трубочномъ заводѣ, сторонники « Правды », ведя агитацію за новые выборы представителей въ Районный Совѣтъ, такъ ожесточились въ спорѣ со своими противниками, что собирались бросить въ печь (« вагранку ») одного изъ членовъ Совѣта старость, соціалиста-революціонера Капаницкаго. Потомъ это человѣколюбивое намѣреніе уступило мѣсто другому столь же кроткому : рѣшено было вывезти Капаницкаго на тачкѣ и утопить въ рѣкѣ. Къ счастью, другимъ рабочимъ удалось отбить его. Столкновеніе не обошлось безъ жертвъ.

«Правда» назвала насъ когда-то *погромщиками*. Сопоставляя печальное происшествіе на Трубочномъ заводѣ съ тѣмъ общеизвѣстнымъ обстоятельствомъ, что мы никого не сожгли и не утопили, мы имѣемъ полное право сказать органу сторонниковъ Ленина словами Крылова:

«Чѣмъ кумушекъ считать трудиться
Не лучше ль на себя, кума, оборотиться».

Борьба наемнаго труда съ капиталомъ

(Вниманію сознательныхъ рабочихъ).

Статья первая

(«Единство», № 44 отъ 20-го мая 1917 г.)

Интересы наемнаго труда противоположны интересамъ капитала. Это — истина, къ сознанію которой пришелъ уже Давидъ Рикардо.

Въ сочиненіяхъ англійскихъ соціалистовъ двадцатыхъ годовъ XIX столѣтія, а еще больше въ образцовыхъ сочиненіяхъ Карла Маркса, истина эта была подвергнута глубокому разсмотрѣнію и всестороннему освѣщенію. Но именно потому, что теперь она можетъ считаться хорошо выясненной, сознательный пролетаріатъ не долженъ довольствоваться поверхностнымъ и одностороннимъ ея пониманіемъ. Такое пониманіе тоже противорѣчитъ его интересамъ.

Что значитъ, что интересы наемнаго труда противоположны интересамъ капитала? Разберемъ это.

Вообразимъ, что въ данномъ предпріятіи трудится сто наемныхъ рабочихъ. Въ теченіе опредѣленнаго времени, — скажемъ одного года, — трудомъ этихъ рабочихъ создается продуктъ, стоимость котораго равна тремъ стамъ единицамъ (какимъ именно единицамъ — это все равно). Эта стоимость дѣлится между капиталомъ и его наемными рабочими. Если изъ 300 единицъ капиталистъ возметъ себѣ 150, то на долю рабочихъ придутся остальные 150. Если капиталистъ отхватитъ себѣ 200 единицъ, то рабочій получитъ только сто и т. д. Чѣмъ больше присвоитъ себѣ капиталистъ, тѣмъ меньше останется рабочимъ. Это очевидно.

Такова экономическая основа борьбы наемнаго труда съ капиталомъ. Эта борьба состоитъ въ томъ, что рабочіе стремятся, посредствомъ дружныхъ, согласованныхъ и организованныхъ усилій, повысить свою заработную плату, т. е. увеличить ту часть продукта, созданнаго ихъ трудомъ, которая приходится на ихъ долю [1]).

Теперь спрашивается: до какого же предѣла можетъ быть доведено повышеніе заработной платы? Въ нашемъ примѣрѣ самымъ крайнимъ предѣломъ ея повышенія является цифра 300 (единицъ). Когда на долю рабочихъ приходятся всѣ 300 единицъ стоимости, созданной ихъ трудомъ, тогда капиталисту не остается ровно ничего.

Разумѣется, рабочіе нашего предпріятія могутъ потребовать, чтобы ихъ плата была повышена до 400, 500, 600 и т. д. единицъ стоимости. Но это будетъ совершенно неосновательное требованіе. Взять себѣ или дать другому можно лишь то, что существуетъ, а въ нашемъ примѣрѣ существуетъ только 300 единицъ стоимости.

Какъ же поступитъ предприниматель, капиталъ котораго перестаетъ приносить ему прибыль? Никому не охота заниматься невыгоднымъ дѣломъ. Поэтому капиталистъ закроетъ свой заводъ (или фабрику). Что же тогда произойдетъ?

Предположимъ, что государство взяло его въ « казну ». Но — во-первыхъ — и государство не можетъ давать рабочимъ больше того, что они создаютъ своимъ трудомъ. Во-вторыхъ, пока существуетъ капитализмъ, въ « казну » могутъ быть взяты только отдѣльныя предпріятія или, въ крайнемъ случаѣ, только отдѣльныя отрасли національнаго производства. А что станется съ рабочими тѣхъ фабрикъ или заводовъ, которые, будучи закрыты ихъ хозяевами, не перейдутъ въ « казну »? Они совсѣмъ лишатся заработка, т. е., начнутъ бѣдствовать. Это первое несчастіе, но не послѣднее. Если тотъ продуктъ, который рабочіе создавали своимъ трудомъ, нуженъ всему государству (напримѣръ, военные снаряды во время войны или предметы первой необходимости), то закрытіе предпріятія неблагопріятно отразится на всемъ государствѣ, т. е., на всемъ народѣ. Это второе несчастье, никакъ не меньше перваго.

Я сказалъ, что всѣ частныя предпріятія не могутъ быть взяты

---

[1]) Различныя ступени, черезъ которыя проходитъ эта борьба, превосходно изображены въ знаменитомъ манифестѣ Карла Маркса и Фридриха Энгельса. *Г. П.*

въ казну, пока существуетъ капитализмъ. На это можно возразить: кому нуженъ капитализмъ, кромѣ капиталистовъ? Чего не покончить съ нимъ и не перестроить общества на соціалистической основѣ? Такъ говорятъ теперь нерѣдко нѣкоторые агитаторы. Но это опять совершенно неосновательно.

Не во всякое данное время можно перестроить общество на соціалистической основѣ. Соціалистическій строй предполагаетъ, по крайней мѣрѣ, два непремѣнныхъ условія: 1) высокую степень развитія производительныхъ силъ (такъ называемой техники); 2) весьма высокій уровень сознательности въ трудящемся населеніи страны. Тамъ, гдѣ отсутствуютъ эти два необходимыхъ условія, не можетъ быть и рѣчи объ организаціи соціалистическаго способа производства. Если бы рабочіе попытались организовать его при отсутствіи указанныхъ условій, то изъ ихъ попытки не вышло бы ничего хорошаго. Имъ удалось бы *организовать* только *голодъ*, — чтобы употребить тутъ сильное выраженіе одного изъ первыхъ французскихъ соціалистовъ (Сэнъ-Симона). Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ «организаціи голода» явился бы жестокій экономическій кризисъ, послѣ котораго рабочіе оказались бы въ положеніи гораздо болѣе невыгодномъ, чѣмъ то, въ которомъ находились они до своей попытки.

Нашимъ сознательнымъ рабочимъ полезно будетъ принять въ соображеніе и обдумать все это въ настоящее время, когда одни призываютъ ихъ къ соціалистическому перевороту, а другіе совѣтуютъ имъ предъявлять капиталистамъ все болѣе и болѣе повышенныя экономическія требованія.

Толковать объ организаціи соціалистическаго общества въ нынѣшней Россіи, значитъ вдаваться въ несомнѣнную и, притомъ, крайне вредную, утопію.

Что же касается повышенныхъ требованій, то, разумѣется, рабочіе должны энергично отстаивать свои интересы. Это нужно для нихъ самихъ; это нужно для ихъ дѣтей; это нужно для всей страны. Но и здѣсь надо оставаться на почвѣ дѣйствительности, заботливо избѣгая опасныхъ утопій. Если нашъ пролетаріатъ предъявитъ капиталистамъ такія требованія, исполненіе которыхъ сдѣлало бы безцѣльнымъ (съ капиталистической точки зрѣнія) дальнѣйшее веденіе предпріятій, то предпріятія будутъ закрыты, рабочіе лишатся заработка, и въ странѣ будетъ организованъ

голодъ. И это въ такое время, когда она ведетъ войну съ сильнымъ, жаднымъ и безпощаднымъ противникомъ.

Наши сознательные рабочіе должны помнить, что на нихъ лежитъ весьма большая отвѣтственность передъ Россіей. Льстецы пролетаріата, —теперь завелось много льстецовъ и у него! — скажутъ имъ другое, но льстецы не люди, а такъ, одна видимость людей, какъ сказалъ бы старый Гегель.

Въ переживаемый нами страшный историческій моментъ сознательные представители пролетаріата должны быть въ своей борьбѣ съ капиталомъ мудры, какъ зміи...

Статья вторая

(«Единство», № 47 отъ 25-го мая 1917 г.)

Въ статьѣ, напечатанной въ № 44 «Единства», я предположилъ, что въ данномъ предпріятіи трудится сто наемныхъ рабочихъ, своимъ трудомъ создающихъ въ теченіе опредѣленнаго времени продуктъ, стоимость котораго равна тремъ стамъ единицамъ. Эта стоимость, сказалъ я, дѣлится между предпринимателемъ (капиталистомъ) и его наемными рабочими. Если изъ 300 единицъ стоимости капиталистъ возьметъ себѣ 150, то на долю рабочихъ придутся остальныя 150; если капиталистъ присвоитъ себѣ 200, то рабочимъ останется только сто, и такъ далѣе. Классовая борьба рабочихъ съ предпринимателями состоитъ въ томъ, что они стремятся увеличить ту долю продукта, которая попадаетъ въ ихъ руки при раздѣлѣ (распредѣленіи) продукта [1]). Это невыгодно предпринимателю, и такъ какъ онъ тоже стремится увеличить свою долю, то его интересы оказываются *противоположными* интересамъ рабочихъ.

Кому это неясно, тотъ не понимаетъ общественной и политической исторіи новѣйшихъ народовъ.

Но спрашивается: неужели интересы рабочихъ всегда и во

[1]) Ради простоты я принималъ, что та часть продукта, которая не достается рабочимъ, цѣликомъ присваивается капиталистомъ и составляетъ его *прибыль*. Въ дѣйствительности, предпринимательская прибыль составляетъ только *часть этой части*, другими частями которой являются: *торговая прибыль*, *проценты*, *поземельная рента и т. д.* Но этимъ ни мало не ослабляется правильность той мысли, которая лежитъ въ основѣ моей первой статьи, что никакая борьба не можетъ дать рабочему больше, нежели создано его трудомъ. *Г. П.*

всемъ противоположны интересамъ капиталистовъ? Неужели въ экономической исторіи капиталистическаго общества не бываетъ такихъ случаевъ, когда указанные интересы совпадаютъ между собою?

Такіе случаи бываютъ. И эту сторону вопроса тоже нужно разобрать.

Въ нашемъ примѣрѣ рабочіе создаютъ своимъ трудомъ стоимость, равную 300 единицамъ. Какой видъ имѣетъ эта стоимость? Положимъ, это сельско-хозяйственная машина. Машину невозможно раздѣлить на двѣ части такъ, чтобы одна досталась рабочимъ, а другая предпринимателю. Чтобы имѣть возможность заплатить рабочимъ ихъ плату, а также, чтобы положить себѣ въ карманъ свою прибыль, капиталистъ долженъ сначала *превратить машину въ деньги*, другими словами, сбыть ее на рынкѣ. Но иногда рынокъ бываетъ такъ переполненъ извѣстными предметами, что ихъ уже нельзя продать по ихъ стоимости. Тогда эти предметы продаются *ниже ея*. Такъ, въ нашемъ примѣрѣ можетъ случиться, что капиталистъ вынужденъ будетъ продать машину не за 300, а только за 250 или за 200 единицъ стоимости, выраженной въ деньгахъ. Продажа даннаго предмета на рынкѣ ниже его стоимости понижаетъ прибыль предпринимателя. Поэтому, если такая продажа не будетъ исключительнымъ явленіемъ, онъ сократитъ производство, т. е., уволитъ рабочихъ. А такое увольненіе невыгодно отразится на интересахъ рабочаго класса: чѣмъ меньше спросъ на рабочія руки (какъ выражается экономическая наука), тѣмъ ниже заработная плата.

Теперь вообразимъ обратный случай. Нашему капиталисту удалось продать машину *не ниже, а выше ея* стоимости, т. е., не за 300, а, скажемъ, за 350 или 400 единицъ. Отъ этого увеличится прибыль. Въ виду увеличенія своей прибыли, онъ, — если только выгодная продажа машины не была исключительнымъ явленіемъ, — расширитъ свое предпріятіе. Расширеніе предпріятія повлечетъ за собой увеличеніе спроса на рабочія руки. А съ увеличеніемъ спроса на рабочія руки слѣдуетъ, вообще говоря, повышеніе заработной платы.

Изо всего этого слѣдуетъ, что, когда рѣчь заходитъ *о сбытѣ произведеній* промышленности, тогда интересы наемныхъ рабочихъ могутъ совпасть съ интересами предпринимателей. Это особенно замѣтно въ международныхъ отношеніяхъ.

Если въ странѣ широко развивается капиталистическій способъ производства, то раньше или позже наступаетъ такое время, когда ея внутренній рынокъ уже не поглощаетъ всѣхъ произведеній ея промышленности. Тогда вывозъ нѣкоторой части этихъ произведеній за-границу становится экономической необходимостью. Вотъ почему *хозяйство каждой отдѣльной капиталистической страны становится частью мірового хозяйства*. Но при вывозѣ своихъ произведеній за-границу, данная промышленная страна *можетъ* натолкнуться на различныя *препятствія*. Самымъ общеизвѣстнымъ изъ такихъ препятствій *являются таможенныя пошлины*, взимаемыя многими государствами съ товаровъ, привозимыхъ къ нимъ изъ другихъ государствъ. Высокія пошлины затрудняютъ ввозъ въ страну чужихъ товаровъ. Чѣмъ больше препятствій встрѣчаетъ страна при сбытѣ своихъ продуктовъ заграницу, тѣмъ больше замедляется ходъ ея промышленнаго развитія. А это невыгодно отражается какъ на интересахъ предпринимателей, такъ и на интересахъ рабочихъ. Иначе сказать : устраненіе названныхъ препятствій выгодно, хотя часто и не въ одинаковой мѣрѣ, обоимъ этимъ классамъ. Вотъ почему случается, что оба эти класса соединяютъ усилія для поддержки такой международной политики, которая обезпечиваетъ ихъ странѣ выгодный сбытъ ея промышленныхъ произведеній заграницу.

Это мы наблюдаемъ въ нынѣшней Германіи. Большинство ея организованныхъ рабочихъ до сихъ поръ поддерживаютъ завоевательную политику нѣмецкихъ имперіалистовъ. Оно руководствуется той надеждой, что если осуществятся планы этихъ послѣднихъ, то нѣмецкая промышленность разовьется еще болѣе пышно, чѣмъ теперь. И отъ этого не мало выиграетъ весь германскій пролетаріатъ.

Если бы мы захотѣли выяснить себѣ тактику германскихъ рабочихъ на нашемъ цивовомъ примѣрѣ, то намъ пришлось бы сказать такъ :

Рабочіе создаютъ своимъ трудомъ, въ теченіе опредѣленнаго времени, стоимость, равную 300 единицамъ. Но на внутреннемъ рынкѣ ихъ предприниматель уже не находитъ сбыта для ихъ продукта. Приходится вывозить его заграницу. Имперіалисты обѣщаютъ предпринимателямъ завоевать такія выгодныя условія сбыта, что вывозимый ими продуктъ будетъ продаваться не только не ниже, а даже *выше своей стоимости*, т. е., какъ будто бы

наши рабочіе создавали не 300, а 350 или 400 единицъ стоимости. Такое обѣщаніе не можетъ не представляться предпринимателю весьма соблазнительнымъ. Онъ примыкаетъ къ имперіалистамъ.

Но и рбочіе усматриваютъ въ этомъ обѣщаніи не мало привлекательнаго. Они говорятъ себѣ: «Если нашъ продуктъ будетъ продаваться заграницей *выше* своей стоимости, то предприниматель получитъ возможность, не обижая себя, платить намъ больше, чѣмъ прежде. Прежде, когда продуктъ продавался не ниже, но и не выше своей стоимости, мы получали, положимъ, 150 единицъ, т. е., *половину* того, что создавали своимъ трудомъ. Если же теперь, сбывая продуктъ заграницу при новыхъ, завоеванныхъ имперіалистами, благопріятныхъ условіяхъ, нашъ хозяинъ получитъ не 300, а 400 единицъ стоимости и отдастъ намъ, попрежнему, половину, то мы получимъ уже не 150, а 200. Стало быть, политика имперіалистовъ не безвыгодна и для насъ. Будемъ же и мы поддерживать ихъ».

Въ этомъ простомъ разсчетѣ вся тайна нынѣшняго поведенія тѣхъ организованныхъ нѣмецкихъ рабочихъ, которые идутъ за Шейдеманомъ и другими прислужниками германскаго канцлера.

Если извѣстный народъ навязываетъ другимъ народамъ свои продукты *выше* ихъ стоимости, то онъ *эксплоатируетъ* эти народы. Когда организованные германскіе рабочіе начали поддерживать политику имперіалистовъ, они, оставаясь *эксплоатируемыми* въ своей собственной странѣ, сознательно сдѣлались *кандидатами на роль эксплоататоровъ другихъ народовъ*.

Это было измѣной *Интернаціоналу*, который, призывая пролетаріевъ всѣхъ странъ къ объединенію, тѣмъ самымъ рѣшительно осуждаетъ всякія попытки эксплоатаціи рабочими той или другой страны своихъ заграничныхъ братьевъ.

Германскіе рабочіе понимали, что они изменяютъ ему. Но голосъ соціалистической совѣсти заглушался у нихъ голосомъ матеріальнаго разсчета. Это крайне печально. Но это было. А того, что было, нельзя, по нѣмецкому же выраженію, *отболтать прочь*.

Итакъ, еще разъ: *при сбытѣ* продуктовъ вполнѣ возможно совпаденіе интересовъ наемныхъ рабочихъ съ интересами предпринимателей. Въ тѣхъ случаяхъ, когда эти интересы совпадаютъ между собою, и когда обѣ стороны понимаетъ это, происходитъ

уже *не борьба* классовъ, а ихъ *сотрудничество*. И вотъ, спрашивается :

Всегда-ли подобное сотрудничество ведетъ за собою такія послѣдствія, какія мы видимъ въ Германіи, т. е., измѣну рабочихъ данной страны передъ рабочими другихъ странъ?

Это мы увидимъ въ слѣдующей статьѣ [1]).

Отвѣтъ строгому критику

(«Единство», № 45 отъ 21-го мая 1917 г.)

Вчера я напечаталъ въ « Единствѣ » статью: « Борьба наемнаго труда съ каниталомъ ». Согласно первоначальному плану моему, за этой статьей должна была непосредственно послѣдовать другая, въ которой я разсматриваю тотъ же предметъ съ его другой стороны. Теперь я вижу себя вынужденнымъ нѣсколько измѣнить свой планъ. Второй статьѣ о борьбѣ наемнаго труда съ капиталомъ я хочу предпослать статью, которая, отвѣчая на нѣкоторыя нападки, косвенно послужитъ отвѣтомъ на вѣроятныя возраженія моихъ противниковъ противъ статьи, напечатанной во вчерашнемъ номерѣ.

Намѣреніе измѣнить планъ возникло у меня подъ вліяніемъ чтенія №61 « Рабочей Газеты ». Тамъ напечатана небольшая, но весьма знаменательная замѣтка, направленная противъ « Единства». Уже самое заглавіе этой замѣтки не лишено ядовитости. Оно состоитъ изъ *одного слова* : « *Недовольные* », сопровождаемаго тремя точками. Три точки, очевидно, должны навести читателя на размышленія : « что, молъ, за « недовольные? » Чѣмъ они недовольны? И къ чему ведетъ ихъ *недовольство*? Не дѣлаетъ-ли оно изъ нихъ *неблагонадежныхъ*? »

Когда настроенный въ смыслѣ подозрительности читатель пробѣжитъ замѣтку, онъ, — если только природа отпустила ему нѣкоторый запасъ легкомыслія, — безъ труда придетъ къ тому убѣжденію, что мы, дѣйствительно, люди неблагонадежные, а убѣдившись въ этомъ, разумѣется, осудитъ насъ въ сердцѣ своемъ.

[1]) Этой статьи мы не находимъ въ нашей коллекціи «Единства»: возможно, что она вовсе не была написана, возможно также, что она появилась въ № 59, котораго не хватаетъ въ нашей коллекціи.

Такъ какъ моя вчерашняя статья легко можетъ вызвать противъ меня подобные же упреки въ *неблагонадежности*... виноватъ — въ «*недовольствѣ*», то я и рѣшилъ, прежде чѣмъ продолжать разсмотрѣніе моего предмета, разобрать, насколько основательны направленные противъ насъ упреки «Рабочей Газеты».

Авторъ замѣтки говоритъ, что судьба «Единства» — «вѣчно брюзжать на русскую революцію».

Это, просто-на-просто, — неправда. На русскую *революцію* мы никогда не «брюзжали». Правда, мнѣ часто приходилось «*брюзжать*» на *революціонеровъ*. Эту дурную привычку я усвоилъ съ первыхъ же годовъ своей литературной дѣятельности въ качествѣ марксиста. Наши тогдашніе революціонеры старовѣры горько упрекали меня въ склонности «вѣчно брюзжать на революцію». Я отвѣчалъ имъ, что иное дѣло революція, а иное дѣло революціонеры. Къ этому я прибавлялъ, что *взгляды, высказываемые революціонерами*, далеко не всегда могутъ быть признаны *революціонными взглядами*. Согласна-ли съ этимъ «Рабочая Газета?» Если — *да*, то зачѣмъ же она искажаетъ истину, обвиняя меня въ «брюзжаніи» на *революцію*, тогда какъ, въ дѣйствительности, «брюзжаніе» посылается мною только по адресу *революціонеровъ*. Если — *нѣтъ*; если мысли *революціонеровъ* всегда являются *революціонными* мыслями; если «брюзжать» на революціонеровъ значитъ брюзжать на *революцію*, то спрашивается, на какомъ основаніи сама «Рабочая Газета» позволяетъ себѣ «брюзжать» на «Правду», упрекая этотъ, — по *своему*, тоже *революціонный*, — органъ въ непреодолимой склонности ко лжи, а, еще хуже, въ томъ, что тактика имъ проповѣдуемая, вредна для *революціи*? Неужели потому, что самой «Рабочей Газетѣ» суждено вѣчно «брюзжать» на революцію, сознавая всю грѣховность подобнаго «брюзжанія»? Неужели ей никогда не удастся выйти изъ того печальнаго положенія, которое латинскій писатель весьма удачно характеризовалъ словами: «*вижу лучшее, одобряю его, а слѣдую худшему*». Это по истинѣ печальная судьба.

Далѣе. Что собственно значитъ: «*брюзжать*»? Марксъ и Энгельсъ значительную долю своей литературной дѣятельности посвятили критикѣ утопическаго соціализма и утопической тактики. Значитъ ли это, что они «брюзжали» на соціализмъ? По моему, вовсе не значитъ.

Наконецъ, если мы «брюзжали» на «Правду», — отчасти,

поддерживаемые въ этомъ « Рабочей Газетой », — и на « Рабочую Газету », редакторовъ которой мы называли « полуленинцами », то нѣдь на насъ « брюзжала », въ свойственныхъ ей весьма крѣпкихъ выраженіяхъ, « Правда », которую нерѣдко поддерживала въ такихъ случаяхъ « Рабочая Газета ». Выходитъ, что « брюзжаніе » было *взаимообразное*, какъ выражается дѣйствующее лицо одного изъ разсказовъ Г. П. Успенскаго. Почему же взаимообразное брюзжаніе — односторонне ставится въ вину « Единству »? Не понимаю, но, можетъ быть, потому, что есть люди, которые, любя нападать на другихъ, бываютъ весьма «недовольны », когда сами подвергаются нападенію. Извѣстно, что человѣческія слабости очень разнообразны.

Слушайте дальше. « Въ знаменитые дни апрѣльской ноты г. Милюкова у « Единства » не нашлось ни одного слова для осужденія ея. За то лозунгу русской демократіи — « миръ безъ аннексій и контрибуцій»—посвященъ рядъ статей, доказывающихъ, что безъ аннексій и контрибуцій (подъ инымъ соусомъ) не обойтись ».

Во-первыхъ, будемъ слѣдовать правилу: каждому свое. Лозунгъ « миръ безъ аннексій и контрибуцій » не обязанъ своимъ происхожденіемъ русской демократіи. Онъ пришелъ къ намъ съ Запада, гдѣ былъ довольно сочувственно встрѣченъ нѣмецкими соціалъ-демократами Шейдемановскаго оттѣнка. Они оттого сочувствовали ему, что онъ допускаетъ весьма различныя толкованія. Когда Шейдеманъ и ангелы его говорили «миръ безъ аннексій », это значило у нихъ: « мы ни за что не отдадимъ Франціи Эльзаса и Лотарингіи ». Пусть « Рабочая Газета » извинитъ меня, но я никакъ не могъ одобрить это. Въ своемъ качествѣ марксиста, я рѣшительно предпочиталъ то мнѣніе, высказанное Марксомъ и Энгельсомъ во время франко-прусской войны, что французскіе и германскіе пролетаріи должны относиться къ вынужденной уступкѣ Германіи Франціей Эльзаса и Лотарингіи, какъ къ событію, не имѣющему никакого правомѣрнаго значенія (nul et non avenu). Я помню, что « Рабочая Газета » однажды разбрюзжалась до того, что обвинила меня въ травлѣ Шейдемана. Но если германскіе имперіалисты могли бы найти этотъ упрекъ весьма остроумнымъ, то съ революціонной точки зрѣнія онъ представляется не... не очень умнымъ. Поэтому о немъ не приходится и распространяться, но, какъ бы тамъ ни было, я говорилъ и повторяю, что формула

«миръ безъ аннексій и безъ контрибуцій» не ясна и даже противорѣчива.

Что, развѣ это преступленіе? Я до сихъ поръ полагалъ, что въ настоящее время каждый изъ насъ можетъ смѣть свое сужденіе имѣть. Пусть « Рабочая Газета » скажетъ мнѣ, что я ошибался.

Замѣтьте, читатель, что я никогда не утверждалъ, будто намъ не обойтись безъ аннексій и контрибуцій. Я говорилъ совсѣмъ другое. Я утверждалъ, что, благодаря своей неясности формула « миръ безъ аннексій и контрибуцій » допускаетъ такое толкованіе, вслѣдствіе котораго Германія окажется и съ аннексіями и съ контрибуціями. Пусть « Рабочая Газета » мнѣ докажетъ, что я ошибаюсь: я замолчу. Но она ничего не доказываетъ. Она только « брюзжитъ » и намѣкаетъ на то, что я принадлежу къ числу неблагонадежныхъ въ революціонномъ отношеніи. А это и неубѣдительно и некрасиво.

Формула, которой я отдавалъ всегда свое предпочтеніе и которая тоже усвоена русской демократіей, гласитъ: « миръ на основѣ самоопредѣленія ». Эта формула исключаетъ всякіе имперіалистическіе планы, и когда человѣка, отстаивающаго эту формулу, обвиняютъ въ сочувствіи къ чьимъ бы то ни было имперіалистическимъ планамъ, то совершаютъ вопіющую и очевидную несправедливость.

« Рабочая Газета » не можетъ понять, почему « въ знаменитые апрѣльскіе дни » « Единство » ни однимъ словомъ не осудило ноты П. Н. Милюкова.

Но это ясно для всякаго, кто способенъ, хотя бы заднимъ числомъ, понять страшное значеніе того, что происходило въ апрѣлѣ. Тогда мы были наканунѣ гражданской войны и тогда обязанность каждаго сознательнаго гражданина заключалась не въ томъ, чтобы подчеркивать разногласія между партіями, соединенныя усилія которыхъ только что свергли старый порядокъ, а въ томъ, чтобы способствовать заключенію хотя бы худого мира между ними. « Единство » свято исполнило эту обязанность. Какой разумный человѣкъ осудитъ его за это?

Далѣе, авторъ разбираемой замѣтки упрекаетъ «Единство» въ томъ, что нынѣ оно недовольно министрами соціалистами (« да онъ властей не признаетъ! »). Однако, авторъ самъ долженъ признать, что нашъ органъ не одинаково относится къ разнымъ министрамъ. По его словамъ: « А. Ф. Керенскаго « Единство » еще

одобряетъ». Это опять совсѣмъ неточно. О насъ нельзя сказать, что мы «еще» одобряемъ А. Ф. Керенскаго. *Мы рѣшительно и горячо одобряемъ* его за дѣятельность, развитую имъ по части организаціи арміи. При этомъ насъ удивляетъ одно: почему нѣкоторые наши соціалистическіе органы говорятъ объ этой дѣятельности въ какомъ-то кисло-сладкомъ тонѣ. Одинъ изъ нихъ даже упрекнулъ нашего военнаго и морского министра въ томъ, что онъ подражаетъ дѣятелямъ великой французской революціи. По нашему, онъ никому не подражаетъ, оставаясь самимъ собою. А если бы и подражалъ, то и въ этомъ не было бы никакой бѣды. Марксъ очень вѣрно замѣтилъ однажды, что у членовъ французскаго Конвента должны будутъ учиться революціонеры послѣдующихъ поколѣній.

Не нравится нашему критику, что мы «недовольны т. Черновымъ за его рѣчи о наступленіи». Тутъ онъ сказалъ правду: въ самомъ дѣлѣ недовольны! Но вѣдь В. М. Черновъ заявилъ, что его рѣчи *были неправильно воспроизведены* въ печати. Другими словами, онѣ не удовлетворили его самого въ томъ видѣ, какой имъ придали газеты. А нашего критика онѣ продолжаютъ удовлетворять? Поздравляемъ его отъ всей души!

Наконецъ, весьма неодобрительно качаетъ головой нашъ критикъ и по поводу того, что мы недовольны Скобелевымъ, за его циммервальдизмъ («я бъ запретилъ подобнымъ лицамъ на выстрѣлъ подъѣзжать къ столицѣ!») Это опять правда. Мы очень недовольны М. И. Скобелевымъ.

Подумайте только! Россія почти въ теченіе трехъ лѣтъ ведетъ изнурительную войну, объявленную ей Германіей. Война уже стоила ей очень многихъ милліардовъ рублей и очень многихъ человѣческихъ жизней. Теперь германская побѣда угрожаетъ съ кориемъ вырвать молодое дерево нашей свободы. И вотъ беретъ слово министръ-соціалистъ и во всеуслышаніе заявляетъ, что онъ стоитъ на точкѣ зрѣнія Роберта Гримма, который, какъ извѣстно, утверждалъ, что измѣняетъ себѣ соціалистъ, защищающій свою родину. Вѣдь это же цѣлая трагедія. Трагедія великаго народа, передъ которымъ вырастаетъ новая и страшная опасность. Какъ же намъ было не закричать: «смотрите, консулы, чтобы республикѣ не было ущерба?!»

По поводу моей вчерашней статьи, люди, обладающіе глубокомысліемъ и остроуміемъ сотрудниковъ «Рабочей Газеты»,

закричать пожалуй: «почему онъ считаетъ нужнымъ увѣщать рабочихъ и не находитъ ни одного слова увѣщанія для капиталистовъ?»

Заранѣе отвѣчаю: потому что интересы рабочаго класса мнѣ гораздо ближе, чѣмъ интересы предпринимателей. А такъ какъ въ случаѣ кризиса болѣе всего пострадалъ бы именно рабочій классъ, то я и говорю сознательнымъ его представителямъ: « вы должны сдѣлать все для избѣжанія кризиса ».

Кромѣ того, мною руководитъ еще и другое соображеніе. Уже на Парижскомъ Международномъ Соціалистическомъ Съѣздѣ 1889 г. я сказалъ, что русское революціонное движеніе восторжествуетъ какъ движеніе рабочаго класса или совсѣмъ не восторжествуетъ. Такъ и случилось. Наше революціонное движеніе восторжествовало именно, какъ движеніе рабочаго класса[1]).

Пролетаріатъ сдѣлался господиномъ положенія. Но разъ онъ сдѣлался имъ, то весьма естественно желать, чтобы онъ понялъ, какъ величіе, такъ и крайнюю трудность той завидной исторической роли, которая ему досталась. Весьма естественно желать, чтобы, исполняя эту роль, онъ не надѣлалъ такихъ ошибокъ, за которыя дорого заплатилъ бы и которыя особенно сильно повредили бы ему самому. Когда онъ пойметъ всѣ обязанности, налагаемыя на него исключительнымъ его положеніемъ, тогда все прочее приложится, тогда онъ легко справится съ преувеличенными претензіями, откуда бы онѣ ни исходили.

Вотъ почему мы направляемъ свои предупрежденія почти исключительно въ его сторону. Кому много дано, съ того много и взыщется.

Изумительная логика

(«Единство», № 47 отъ 25-го мая 1917 г.)

Въ № 30 « Новой Жизни » напечатана статья гражданина Н. Суханова « Стратегія или политика ? ». Она заключаетъ въ себѣ оцѣнку рѣчи, произнесенной А. Ф. Керенскимъ 22 мая въ Совѣтѣ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ. И эта оцѣнка до такой степени характерна для органа гражданина Максима Горькаго, что о ней стоитъ поговорить.

[1]) Неоспоримое участіе въ немъ другихъ классовъ явилось лишь косвеннымъ слѣдствіемъ успѣховъ рабочаго движенія. *Г. П.*

Гр. Сухановъ одобряетъ ту мысль А. Ф. Керенскаго, что «вопросъ о наступленіи — вопросъ стратегическій, и что единственная его (Керенскаго) задача — это сдѣлать армію боеспособной и готовой къ пассивнымъ и активнымъ операціямъ».

Но при этомъ онъ замѣчаетъ, что въ дѣятельности А. Ф. Керенскаго есть двѣ стороны: чисто техническая и политическая. Въ своемъ качествѣ военнаго министра, А. Ф. Керенскій выступаетъ, какъ организаторъ нашей арміи и флота. Какъ политическій вождь, онъ въ своихъ рѣчахъ по необходимости придаетъ, даже своей технической дѣятельности, политическую окраску. Эта окраска не нравится гражданину Суханову. Онъ говоритъ, что, когда А. Ф. Керенскій призываетъ нашу армію очистить русскую землю отъ непріятельскихъ войскъ, онъ старается подвинуть ее на чисто политическое дѣйствіе, совершенно непредусмотрѣнное программой коалиціоннаго правительства. Читатель недоумѣваетъ. «Какъ же такъ — «не предусмотрѣнное»? Когда страна подверглась непріятельскому нашествію, ея правительство обязано «предусмотрѣть» ея избавленіе отъ этого несчастья. Конечно, бываютъ такія правительства, которыя не исполняютъ этой своей обязанности, но членамъ такихъ правительствъ случается попадать за это въ мѣста, если не весьма злачныя, то довольно прохладныя. Петропавловская крѣпость заключаетъ теперь въ своихъ казематахъ нѣсколькихъ джентльмэновъ, навѣки опозорившихъ себя подобной «не предусмотрительностью». Будемъ надѣяться, что члены нынѣшняго нашего правительства не имѣютъ ничего общаго съ подобными джентльмэнами. Будемъ вѣрить, что они очень хорошо «предусмотрѣли» очищеніе русской земли отъ полчищъ германскаго императора».

Такъ разсуждаетъ обыкновенный читатель. А вотъ необыкновенный гражданинъ Сухановъ разсуждаетъ совсѣмъ иначе (ему законъ не писанъ). «Ибо, говоритъ онъ, очищеніе предѣловъ страны силою наступленія, означаетъ «полную побѣду», какъ предварительное условіе мира. Этотъ политическій смыслъ придаетъ наступленію вся буржуазная пресса, вся контръ-революціонная буржуазія, которая на этомъ основаніи восторженно привѣтствуетъ дѣятельность военнаго министра, полагая, что онъ дѣлаетъ *ея* дѣло».

Итакъ, буржуазія привѣтствуетъ А. Ф. Керенскаго, «полагая», что онъ, стремясь очистить русскую землю отъ непріятель-

скихъ войскъ, « дѣлаетъ *ея* дѣло ». Ну, а какъ « полагаетъ » самъ гражданинъ Сухановъ : слѣдуетъ-ли смотрѣть на указанное очищеніе, какъ на чисто буржуазное дѣло? У него выходитъ, что — да. Очищеніе предѣловъ страны, посредствомъ наступленія, означало-бы, изволите-ли видѣть, полную побѣду надъ непріятелемъ. А онъ не хочетъ полной побѣды, какъ предварительное условіе мира. Очевидно, онъ предпочитаетъ побѣду неполную. На основаніи предыдущаго можно, пожалуй, предположить, что наступленіе съ цѣлью неполной побѣды является дѣломъ, достойнымъ пролетаріата. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что и это невѣрно. Гражданинъ Сухановъ не прочь очистить русскую территорію, но онъ, какъ видно, хочетъ, чтобы она была очищена не силою наступленія, а какой-то другой силою. Какою-же именно? Это остается во мракѣ неизвѣстности. Волей-неволей приходится строить предположенія. Самымъ вѣроятнымъ изъ нихъ представляется мнѣ слѣдующее.

Наши циммервальдисты, — совсѣмъ не точно именующіе себя интернаціоналистами, — наговорятъ такую неизмѣримую массу прекрасныхъ словъ о международномъ братствѣ и о преимуществахъ вѣчнаго мира, что до слезъ тронутъ не только Шейдемана и другихъ собственныхъ Его Германскаго Величества соціалъ-демократовъ, но также и всѣхъ, идущихъ за ними организованныхъ германскихъ рабочихъ. Тогда всѣ эти, до слезъ тронутые люди откажутся поддерживать завоевательные планы германскихъ имперіалистовъ. И тогда Вильгельмъ вынужденъ будетъ очистить нашу территорію безъ всякаго наступленія съ нашей стороны. И тогда будетъ заключенъ давно всѣми желанный миръ.

Вотъ самое вѣроятное изо всѣхъ тѣхъ предположеній, которыя мы вынуждены были дѣлать, вслѣдствіе загадочной краткости словъ гражданина Суханова. Признаюсь, мнѣ сдается, что предположеніе это довольно точно выражаетъ мысль публициста « Новой Жизни ».

Пойду дальше въ своей откровенности. Мысль гражданина Суханова, если это, въ самомъ дѣлѣ, его мысль, — не лишена извѣстной доли привлекательности. Она нравится именно своей запутанностью. Высказывая ее, гражданинъ Сухановъ напоминаетъ разносчика, который, рекомендуя покупателю изобрѣтенный имъ порошокъ для истребленія блохъ, говорилъ :

« Поймавъ блоху, щекотите ее подъ-мышкой, пока она не засмѣется. Когда она засмѣется, киньте ей въ ротъ небольшое количество моего порошку. Проглотивъ его, блоха начнетъ чахнуть, чахнуть и, наконецъ, совсѣмъ зачахнетъ ».

Покупатель не взялъ порошку, замѣтивъ, что съ блохой можно покончить несравненно короче. Несмотря на все свое хитроуміе, разносчикъ не догадался возразить съ своей стороны, что краткіе способы истребленія паразитовъ грѣшатъ *буржуазностью*. Если бы онъ прочиталъ разбираемую здѣсь статью гражданина Суханова, онъ не преминулъ бы сдѣлать это возраженіе, и тогда ему, вѣроятно, удалось-бы всучить покупателю свой порошокъ.

Публицистъ « Новой Жизни » убѣжденъ, что если русская земля будетъ избавлена отъ непріятельскаго нашествія силою *наступленія*, то восторжествуютъ имперіалистическія стремленія нашей буржуазіи, а также и буржуазіи другихъ странъ Согласія. Ему и въ голову не приходитъ спросить себя : а не будетъ-ли *неполная побѣда* наша надъ непріятелемъ, равносильная *неполному* освобожденію нашей территоріи, означать торжества *германскаго* имперіализма? Почему это? не знаю... Но и это его убѣжденіе лишено всякаго серьезанго основанія.

Иное дѣло освобожденіе своей земли отъ непріятеля, а иное дѣло захватъ чужихъ земель, Можно стремиться къ одному и отнюдь не стремиться къ другому. Освободивъ отъ непріятеля свою землю, — а съ нею и занятыя имъ земли нашихъ союзниковъ — мы можемъ предложить ему миръ на основѣ хорошо « предусмотрѣннаго » Временнымъ Правительствомъ принципа самоопредѣленія народовъ. Если онъ приметъ наши условія, — условія, которыя одни только и достойны революціонной демократіи, — то война будетъ окончена. Если — нѣтъ, мы сдѣлаемъ его сговорчивѣе все той-же непріятной гражданину Суханову « силой » наступленія. Другого пути нѣтъ и быть не можетъ.

Если въ чемъ нибудь можно упрекнуть нашего военнаго и морского министра, то развѣ лишь въ томъ, что теперь онъ говоритъ о наступленіи далеко не такъ рѣшительно, какъ говорилъ во время своей поѣздки по фронту. Это очень, очень жаль. Но объ этомъ я пока не стану распространяться.

Въ заключеніе я спрошу гражданина Горькаго : что ему за охота играть роль какого-то Гоголя на изнанку? Высоко талант-

ливый авторъ « Мертвыхъ Душъ » показалъ себя изъ рукъ вонъ плохимъ публицистомъ въ своей книгѣ « Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями ». Художественный талантъ гражданина Горькаго, конечно, далеко не такъ великъ, какъ талантъ Гоголя. Но все-таки это — несомнѣнный талантъ. И становится очень обидно за этотъ несомнѣнный талантъ, когда читаешь публицистическія разсужденія Алексѣя Максимыча. Конечно, разсужденія эти въ извѣстномъ смыслѣ прямо противоположны разсужденіямъ Гоголя. Гоголь былъ реакціонеръ, а Максимъ Горькій — настоящій р-р-революціонеръ. Но, — пусть извинитъ меня авторъ « Мальвы », — ума въ его публицистикѣ не больше, чѣмъ было въ публицистикѣ Гоголя. Бѣлинскій говорилъ когда-то, что у Гоголя весь умъ ушелъ въ талантъ. То же случилось и съ Максимомъ Горькимъ. Его « Новая Жизнь » — это « Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями », но вывороченныя на изнанку. Если-бы не весь умъ гражданина Горькаго ушелъ въ талантъ, то онъ и въ публицистикѣ хотя отчасти оставался бы Максимомъ Горькимъ, а теперь онъ, къ сожалѣнію, все больше и больше превращается въ Максима Неразсудительнаго. Въ самомъ дѣлѣ, только крайней неразсудительностью его, какъ публициста, можно объяснить появленіе въ его органѣ такихъ статей, какъ статьи Нахамкеса о Циммервальдѣ или разобранной здѣсь статьи Суханова о рѣчи Керенскаго.

Старая погудка на старый ладъ...

(«Единство», № 48 отъ 26-го мая 1917 г.)

Областная конференція соціалистовъ-революціонеровъ только что приняла резолюцію о войнѣ, начинающуюся такъ :

« На долю русскаго революціоннаго народа выпало счастье быть застрѣльщикомъ въ перенесеніи фронта извнѣ внутрь, въ этомъ святомъ дѣлѣ превращенія военнаго кризиса въ кризисъ революціонный ».

По правдѣ сказать, такое начало обѣщаетъ мало хорошаго. Оно напоминаетъ о выступленіяхъ извѣстнаго Домелы Ньевенгайса на международныхъ соціалистическихъ съѣздахъ въ Брюс-

селѣ въ 1891 г. и въ Цюрихѣ въ 1893 г. Онъ также утверждалъ, что задачи международной соціалъ-демократіи заключаются въ превращеніи военнаго кризиса, — если-бы такой начался, — въ кризисъ революціонный. Но его мысль не была одобрена международной соціалъ-демократіей, *которая немедленно* ощутила въ ней сильный анархическій привкусъ. Точно такой же привкусъ чувствуется и въ приведенныхъ мною строкахъ принятой соціалистами-революціонерами резолюціи о войнѣ.

Что значитъ, перенести фронтъ извнѣ внутрь? Значитъ-ли это, что намъ слѣдуетъ оставить мысль о самозащитѣ отъ внѣшняго врага и сосредоточить всѣ свои усилія на борьбѣ съ тѣми, которыхъ мы считаемъ нашими внутренними врагами? Домела говоритъ, что да. По его мнѣнію, борьба съ внѣшнимъ непріятелемъ ни въ коемъ случаѣ не должна быть дѣломъ пролетаріата. Дѣло пролетаріата состоитъ исключительно въ борьбѣ съ буржуазіей, т. е., съ врагомъ внутреннимъ. Но, именно, съ этимъ то и не могла согласиться международная соціалъ-демократія. На обоихъ названныхъ выше съѣздахъ Домела остался въ ничтожномъ меньшинствѣ.

Война нерѣдко родитъ революцію. Но народъ, совершившій революцію въ тяжелыхъ мукахъ войны, отнюдь не долженъ подчиняться непріятелю. Напротивъ, обновивъ и умноживъ свои силы, посредствомъ переворота, онъ можетъ и обязанъ дать врагу гораздо болѣе, чѣмъ прежде, энергичный отпоръ (*вспомнимъ Великую Французскую Революцію*). Если только справедливо то дѣло, за которое онъ ведетъ борьбу съ нимъ.

Стало быть весь вопросъ въ томъ, можетъ-ли русскій народъ сказать, что онъ защищаетъ правое дѣло, отбиваясь отъ нѣмцевъ. Мы убѣждены, что можетъ, такъ какъ Германія объявила Россіи войну, желая подчинить ее своему экономическому и, — косвенно, — политическому господству. А соціалисты-революціонеры того образа мыслей, который выразился въ разбираемой мною резолюціи, думаютъ, что въ имперіалистической войнѣ, подобной нынѣшнему международному столкновенію, никогда не разберешь, на чьей сторонѣ право. Поэтому вопросъ о правѣ никогда и не поднимается въ ихъ разсужденіяхъ. По той-же причинѣ, они просто ограничиваются повтореніемъ чисто анархической мысли о необходимости перенести фронтъ извнѣ внутрь. Впрочемъ, въ честь анархистовъ надо сказать, что теперь и между

ними далеко не всѣ считаютъ эту мысль удовлетворительной. Достаточно указать на умныя и благородныя письма П. А. Кропоткина. Такимъ образомъ, резолюція, принятая на областной конференціи соціалистовъ-революціонеровъ, воспроизводитъ старую погудку, постепенно выходящую теперь изъ употребленія даже въ анархической средѣ. Это отнюдь не свидѣтельствуетъ о гибкости и подвижности мысли ея авторовъ и сторонниковъ.

Резолюція продолжаетъ: «Побѣда русской революціи въ области международныхъ отношеній сказалась въ отказѣ отъ завоевательной политики царизма. Но поскольку этотъ фактъ игнорируется государствами Согласія, вопреки голосу сознательной части демократіи этихъ странъ, постольку роль наша въ этой имперіалистической войнѣ по существу не мѣняется и призывъ къ демократіямъ всѣхъ воюющихъ державъ парализуется».

Какъ понимать упрекъ, бросаемый резолюціей по адресу нашихъ союзниковъ и состоящій въ томъ, что они игнорируютъ нашъ отказъ отъ завоевательной политики? Слѣдуетъ ли истолковывать его въ томъ смыслѣ, что они продолжаютъ завоевательную кампанію? И чѣмъ можно обосновать этотъ упрекъ? Тѣмъ-ли, что они цинично нарушили нейтралитетъ Бельгіи, овладѣли многими департаментами Франціи, раздавили Сербію и Черногорію, заняли Польшу, Литву, Курляндію и не малую часть Бѣлой Россіи? Нѣтъ, очевидно, не этимъ! Всѣ эти подвиги совершены не странами Согласія, а центральными державами. Страны Согласія пока еще только стараются вытѣснить войска центральныхъ державъ изъ захваченныхъ ими чужихъ земель.

Гдѣ же проявились ихъ имперіалистическіе замыслы? Пока еще нигдѣ. Если они и существуютъ, то не даютъ себя чувствовать въ дѣйствительной жизни.

Итакъ, на одной сторонѣ передъ нами многочисленныя и жестокія *завоевательныя дѣйствія*, а на другой *оборонительныя* военныя *усилія*, сопровождаемыя болѣе или менѣе опредѣленными болѣе или менѣе сбыточными имперіалистическими *замыслами*.

Спрашивается, какая изъ этихъ двухъ сторонъ должна вызывать въ насъ больше безпокойства? По здравой логикѣ выходитъ, что та, гдѣ мы видимъ *завоевательныя дѣйствія*, а не та, гдѣ мы только подозрѣваемъ подобные же *замыслы*. Но авторы и сторонники резолюціи дѣлаютъ совсѣмъ обратный выводъ. Они нахо-

дять, что намъ слѣдуетъ напереть, главнымъ образомъ, на страны Согласія.

« Исходя изъ этого (т. е., изъ соображеній, изложенныхъ въ приведенныхъ выше строкахъ резолюціи. Г. П.) и въ цѣляхъ поддержанія революціонной демократіи союзныхъ намъ государствъ, — говорятъ они, — въ цѣляхъ обостренія борьбы рабочаго класса Германіи и Австріи съ ихъ имперіалистическими хищниками, мы открыто и рѣшительно выступаемъ противъ той кампаніи, которая форсируетъ наступленіе во что бы то ни стало, игнорируя его международную политическую обстановку, и которая имѣетъ явную цѣль снять съ очереди вопросъ о цѣляхъ войны и превратить революціонную Россію въ простое орудіе черныхъ имперіалистическихъ плановъ ».

Въ Германіи большинство организованныхъ рабочихъ идетъ за Шейдеманомъ, который, въ свою очередь, тащится за канцлеромъ Бетманъ-Гольвегомъ. Это непріятно. Мы должны « обострить борьбу » ихъ съ тѣми « имперіалистическими хищниками », съ которыми они состоятъ въ союзѣ. А для этого мы будемъ рѣшительно противиться нашему наступленію на нѣмцевъ. Этимъ мы исполнимъ свою обязанность передъ революціей. Ну, а если нѣмцы, пользуясь нашимъ бездѣйствіемъ на фронтѣ, побѣдятъ нашихъ союзниковъ? Это насъ не касается! Наша задача состоитъ въ томъ, чтобы « перенести фронтъ извнѣ внутрь » и превратить военный кризисъ въ кризисъ революціонный.

Родоначальникъ голландскаго анархизма Домела Ньевенгайсъ сказалъ бы совершенно то же самое.

Что касается революціонныхъ демократій союзныхъ съ нами государствъ, то здѣсь надо условиться въ терминологіи. Если подъ революціонной демократіей понимать сторонниковъ Циммервальда, то они вѣроятно будутъ благодарны русскимъ соціалистамъ-революціонерамъ за ихъ *выступленіе... противъ наступленія*. Говорю : *вѣроятно*, такъ какъ не могу сказать : *навѣрное*. Мнѣ представляется возможнымъ, что самъ Бризонъ, поразмысливъ надъ послѣдствіями выступленія противъ наступленія, въ ужасѣ воскликнетъ : нѣтъ, товарищи, вы доводите наши мысли до нелѣпости; вы наносите страшный вредъ своей собственной странѣ, а съ нею всѣмъ странамъ Согласія. Остановитесь, пока не поздно!

Съ другой стороны, тѣ революціонные демократы Запада,

которые не охвачены циммервальдскимъ безумiемъ, напримѣръ, въ Англiи, сторонники Гайндмана, то они, разумѣется, могутъ отнестись къ выступленiю противъ наступленiя только съ самымъ безпощаднымъ порицанiемъ.

« Революцiонная Россiя, — читаемъ мы далѣе въ резолюцiи, — можетъ идти въ политическомъ союзѣ лишь со странами, раздѣляющими и проводящими въ жизнь основныя революцiонныя положенiя, выраженныя въ воззванiи Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ. ».

Другими словами : мы разорвемъ съ нашими союзниками, если они не усвоятъ себѣ точки зрѣнiя Циммервальда. Всемiрная исторiя не знаетъ другого примѣра такого сумасшедшаго требованiя.

Авторы резолюцiи говорятъ, что они отвергаютъ всякiй сепаратный миръ. Но на самомъ дѣлѣ они не только не отвергаютъ его, а угрожаютъ имъ странамъ Согласiя.

Циммервальдъ или отдѣльный миръ — вотъ альтернатива, которую должно, по ихъ мнѣнiю, предъявить русское правительство своимъ союзникамъ.

Смотрите, граждане, чтобы республикѣ не было ущерба!

Письмо Всероссiйскому Крестьянскому Съѣзду

(«Единство», № 50 отъ 28-го мая 1917 г.)

Къ великому моему сожалѣнiю, состоянiе моего здоровья не позволяетъ мнѣ выступать на такихъ большихъ собранiяхъ, какъ ваше.

Но это не все. Считая себя обязаннымъ говорить съ вами вполнѣ откровенно, я скажу, что если бы я и былъ здоровъ, то и тогда я, можетъ-быть, не рѣшился бы выступить передъ вами съ изложенiемъ моего взгляда на нѣкоторыя особенности нашего земельнаго вопроса, какъ его поставила недавно революцiя.

Мнѣ сдается, что ваше настроенiе временно исключаетъ возможность усвоенiя вами моего взгляда. Въ виду этого всякая попытка убѣдить васъ теперь представляется мнѣ безнадежной. Но меня почтила своимъ посѣщенiемъ делегацiя отъ вашего съѣзда,

сообщившая мнѣ, что вы желаете выслушать мое мнѣніе и приглашаете меня выступить передъ вами. Я считаю это приглашеніе весьма лестнымъ, и такъ какъ нездоровье все-таки мѣшаетъ моему личному выступленію, то я прошу васъ выслушать мое письмо.

Если вамъ что-нибудь не понравится въ немъ, извините на себя: послѣ вашего лестнаго предложенія я уже не считаю себя вправѣ молчать.

Теперь къ дѣлу. И прежде всего, позвольте мнѣ поздравить васъ съ тѣмъ, что вашъ съѣздъ собрался при свободныхъ политическихъ условіяхъ.

Въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій русскій народъ, вслѣдствіе неблагопріятныхъ условій его историческаго развитія, стоналъ подъ гнетомъ царизма. Даже мелкіе служилые люди не разъ писали московскому правительству: «разорены мы пуще, нежели отъ турокъ и отъ татаръ, нестерпимой московской волокитой». Но еще больше страдало отъ московской, — а потомъ отъ петербургской, — волокиты и отъ всего нашего стараго порядка русское крестьянство. Многострадальное русское крестьянское населеніе было поистинѣ сословіемъ мучениковъ. Н. А. Некрасовъ превосходно характеризовалъ его многовѣковыя муки въ своемъ знаменитомъ стихотвореніи: «Размышленіе у парадная подъѣзда».

. . . . . Родная земля!
Назови мнѣ такую обитель,
Я такого угла не видалъ,
Гдѣ бы сѣятель твой и хранитель,
Гдѣ бы русскій мужикъ не стоналъ!
Стонетъ онъ по полямъ, по дорогамъ,
Стонетъ онъ по тюрьмамъ, по острогамъ,
Въ рудникахъ на желѣзной цѣпи;
Стонетъ онъ подъ овиномъ, подъ стогомъ,
Подъ телѣгой, ночуя въ степи;
Стонетъ въ собственномъ бѣдномъ домишкѣ,
Свѣту Божьяго солнца не радъ;
Стонетъ въ каждомъ глухомъ городишкѣ
У подъѣздовъ судовъ и палатъ....

Таково было положеніе народа, т. е., главнымъ образомъ, крестьянства, — не только въ то время, когда жилъ Некрасовъ, а по меньшей мѣрѣ, съ тѣхъ поръ, какъ утвердилась власть мо-

ековскихъ государей. Но тотъ же народъ, который такъ сильно страдалъ подъ игомъ этихъ государей, вѣрилъ имъ и любилъ ихъ. Я не стану разсматривать здѣсь тѣ историческія причины, которыя вызвали это заблужденіе народнаго ума и сердца. Ограничусь указаніемъ на то, что оно существовало до недавняго времени и что отъ него больше всего страдалъ тотъ же крестьянинъ. Будемъ надѣяться, что нашъ народъ никогда уже не вернется къ нему и что наше Учредительное Собраніе навсегда утвердитъ у насъ демократическую республику.

Но какъ бы тамъ ни было, всѣ вы знаете, что старый порядокъ оставилъ много темноты въ народѣ. Этой темнотой объясняются безпорядки, въ изобиліи возникающіе, то здѣсь, то тамъ, и вносящіе очень большую смуту въ жизнь всей нашей страны. Положить конецъ такимъ безпорядкамъ можетъ только само трудящееся населеніе. И оно охотно устремится на борьбу съ ними, когда проникнется тѣмъ сознаніемъ, что ихъ умноженіе грозитъ въ корнѣ подорвать нашъ новый свободный строй. Распространенію этого сознанія можете много содѣйствовать вы, сознательные представители крестьянства. Впрочемъ съ мѣстъ начинаютъ приходить отрадныя извѣстія о томъ, что крестьянство уже понимаетъ свою задачу. Тамбовскій губернскій крестьянскій съѣздъ постановилъ доставлять хлѣбъ для нужд арміи и тыла. Тотъ же съѣздъ призналъ недопустимымъ самочинные захваты земель и погромы. «Вмѣстѣ съ хлѣбомъ мы создадимъ порядокъ» — говорили его участники. Когда читаешь такія извѣстія, проникаешься вѣрой въ то, что здравый смыслъ народа положитъ конецъ всѣмъ усиліямъ посѣять на Руси смуту.

Во всемъ томъ, что я сказалъ до сихъ поръ, нѣтъ, надѣюсь, ни одного слова, которое могло-бы вызвать возраженія съ вашей стороны. Но теперь я подхожу къ вопросу, на который изъ васъ большинство не смотритъ такъ, какъ я. Правда, и тутъ мы не во всемъ, да надѣюсь и не надолго, разойдемся между собою.

Крестьянство имѣетъ нужду въ землѣ. Для удовлетворенія этой нужды вы хотите, чтобы всѣ государственныя, монастырскія, церковныя и частновладѣльческія земли перешли въ народное достояніе для уравнительнаго трудового пользованія безъ всякаго выкупа. Такъ гласитъ ваша резолюція.

Между частновладѣльческими землями главное мѣсто принадлежитъ, конечно, помѣщичьимъ. Но въ настоящее время не-

малое число крестьянъ тоже имѣетъ частную земельную собственность. Чаще всего размѣры этой собственности очень невелики. Неужели у этихъ частныхъ владѣльцевъ вы отберете землю безъ выкупа? По моему, это и несправедливо, и не разсчетливо. Несправедливо потому, что мелкіе крестьянскіе землевладѣльцы нерѣдко платили за землю деньги, заработанныя ими въ потѣ чела своего. Неразсчетливо — потому, что, отбирая у нихъ землю, вы тѣмъ самымъ рискуете сдѣлать ихъ противниками нашего новаго порядка. Они скажутъ себѣ: «прежде никто не трогалъ нашей земли; прежде было лучше» и станутъ поддерживать происки тѣхъ, которые стремятся возстановить старый строй. Такіе, повѣрьте, есть, хотя они еще мало выступаютъ, выжидая дальнѣйшихъ событій.

Мнѣ кажется, что лучше было бы постановить такъ: *частная земельная собственность, не превышающая извѣстнаго числа десятинъ, остается неприкосновенной.*

Какого именно числа? Это рѣшитъ Учредительное Собраніе, которое, занимаясь этимъ вопросомъ, непремѣнно должно будетъ принять въ соображеніе мѣстныя условія. Въ разныхъ мѣстностяхъ наивысшіе размѣры неприкосновеннаго частнаго владѣнія должны быть различны, потому что мѣстныя условія, какъ вамъ всѣмъ очень хорошо извѣстно, совсѣмъ не одинаковы.

Перехожу къ крупному землевладѣнію. Теперь ему наступаетъ конецъ. Въ этомъ не сомнѣваются даже тѣ, которые еще недавно думали иначе. Такъ, 20 мая, на частномъ совѣщаніи членовъ Государственной Думы, С. И. Шидловскій сказалъ:

— «Крупное частное владѣніе дожило до послѣднихъ дней. Больше оно существовать не будетъ. Нужно пожалѣть о томъ, что были близорукіе люди, которые этого не предвидѣли. Къ числу этихъ близорукихъ людей принадлежалъ и я. Но теперь нужно смотрѣть открыто правдѣ въ глаза и нужно признать, что частнаго землевладѣнія въ крупномъ размѣрѣ больше въ Россіи не будетъ».

Итакъ, распространяться объ этомъ безполезно. Не мѣшаетъ, пожалуй, прибавить одно: когда русскій крестьянинъ выражаетъ то убѣжденіе, что земли помѣщиковъ должны принадлежать государству, онъ показываетъ этимъ смутное, какъ-бы инстинктивное, пониманіе исторіи поземельныхъ отношеній въ

собственной Россіи. И, все-таки, мысль объ отобраніи помѣщичьихъ земель безъ выкупа вызываетъ возраженія.

Представимъ себѣ крупнаго землевладѣльца. Владѣя большимъ количествомъ земли, онъ является богатымъ человѣкомъ. Но онъ богатъ до тѣхъ поръ, пока у него не отобрана земля. Какъ только у него возьмутъ землю безъ выкупа, онъ сдѣлается нищимъ. Правда, у него могутъ быть деньги въ банкѣ. Тогда онъ не пропадетъ, если... если денегъ у него довольно. А если денегъ нѣтъ, онъ неизбѣжно обнищаетъ. И то же будетъ съ огромнымъ большинствомъ другихъ частныхъ землевладѣльцевъ. Теперь скажите мнѣ : въ вашемъ-ли интересѣ плодить нищенство на Руси? По моему, нѣтъ. Это противно вашимъ интересамъ, равно, какъ и интересамъ всего государства. Стало быть, нужно дать частнымъ землевладѣльцамъ *извѣстное вознагражденіе*. Конечно, скромное : Россія слишкомъ бѣдна для того, чтобы платить милліоны владѣльцамъ огромныхъ помѣстій, которыя получались ихъ предками за услуги, не имѣвшія ничего общаго съ народнымъ благомъ (вспомнимъ хотя бы о многочисленныхъ любовникахъ Екатерины II), но скромное вознагражденіе, способное избавить отъ нищеты бывшихъ землевладѣльцевъ, необходимо.

Вамъ не нравятся эти мои слова. Но что же дѣлать! Я не могу думать иначе. И вѣрится мнѣ, что, поразмысливъ хорошенько надъ этимъ вопросомъ, вы сами найдете впослѣдствіи, что мысль моя правильная.

Вы побѣдили. А побѣдитель, *когда у него въ груди бьется львиное, а не волчье сердце*, ведетъ себя великодушно.

Прошу васъ, граждане, вѣрить, что я съ глубочайшимъ вниманіемъ отношусь ко всему тому, что касается правомѣрныхъ интересовъ нашего крестьянства.

Вашъ *Г. Плехановъ*.

Недостаточно продуманный отвѣтъ[1])

Слуги реакціи не краснобаи;
но дай Богъ, чтобы у прогресса
было побольше такихъ слугъ.
Фердинандъ Лассаль.

(«Единство», № 51 отъ 30-го мая 1917 г.)

Петроградскій Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ напечаталъ (см. № 160 его «Извѣстій») свой отвѣтъ на всѣмъ уже извѣстную радіотелеграмму германскаго главнокомандующаго восточнаго фронта. Въ отвѣтѣ есть нѣсколько весьма удачныхъ мѣстъ, однако, въ общемъ, онъ недостаточно продуманъ. Посылки, выдвигаемыя его авторами, далеко не оправдываютъ тѣхъ выводовъ, которые дѣлаютъ изъ нихъ тѣ же авторы. Нельзя не пожалѣть объ этомъ. Мы переживаемъ теперь тяжелое критическое время, и каждое необдуманное *слово* лицъ, по той или другой причинѣ занимающихъ отвѣтственное общественное положеніе, грозитъ бѣдствіями всей нашей странѣ.

Авторы отвѣта съ ироніей относятся къ тому увѣренію генерала Гинденбурга, что онъ открываетъ нашимъ войскамъ путь къ честному миру. Они весьма кстати отмѣчаютъ, что германскій воевода не потрудился точнѣе опредѣлить, какое же представленіе связывается у него со словами : « честный миръ ». Затѣмъ они высмѣиваютъ обѣщаніе Гинденбурга указать нашей арміи такой образъ дѣйствія, который, съ одной стороны былъ бы равносиленъ прекращенію ея военныхъ выступленій, а, съ другой, не означалъ бы разрыва съ нашими союзниками. Авторы отвѣта съ полнымъ основаніемъ говорятъ, что если германскій главнокомандующій не предлагаетъ намъ *сепаратнаго мира*, то онъ старается толкнуть насъ, по крайней мѣрѣ, на *сепаратное перемиріе*. Съ такимъ же основаніемъ отказываются они вѣрить тому заявленію германскаго главнокомандующаго, что сепаратное перемиріе не представляетъ выгодъ для Германіи.

« Правда-ли это? — иронически спрашиваютъ они. Пусть

[1]) Въ этой статьѣ точно также, какъ и въ другихъ произведеніяхъ Г. В. Плеханова, помѣщенныхъ въ «Единствѣ», множество опечатокъ; самое названіе статьи искаверкано и напечатано такъ: «Недостаточно полученный отвѣтъ». Объ этихъ опечаткахъ Г. В. Плехановъ говоритъ въ особой замѣткѣ, которая непосредственно слѣдуетъ за настоящей статьей.

отвѣтитъ на этотъ вопросъ германскій генералъ, ибо онъ не пустился бы на провокацію, если бы предложеніе сепаратнаго перемирія не входило въ планы германскаго генеральнаго штаба ».

Хорошо. Очень хорошо! Только не мѣшало бы прибавить, что провокаціей германскіе военачальники занимаются уже не со вчерашняго дня. Все такъ называемое братанье германскихъ войскъ съ нашими есть ни что иное, какъ *одна сплошная и самая безстыдная провокація.*

Германскій главнокомандующій ставитъ русскимъ воинамъ на видъ бездѣйствіе его арміи на нашемъ фронтѣ. Ему хотѣлось бы убѣдить ихъ въ томъ, что оно служитъ новымъ свидѣтельствомъ въ пользу германскаго миролюбія. Авторы отвѣта и тутъ не вдаются въ обманъ. Они говорятъ :

« Онъ забылъ о томъ, о чемъ помнитъ Россія — онъ забылъ о Стоходѣ. Онъ забылъ о томъ, что русскія войска знаютъ, куда уведены съ нашего фронта германскія дивизіи и тяжелыя батареи. Онъ забылъ, что Россія знаетъ, что разгромъ союзниковъ будетъ началомъ разгрома ея арміи. А разгромъ революціонныхъ войскъ свободной Россіи — не только новыя братскія могилы, но и гибель революціи, гибель свободы, гибель Россіи ».

Это опять превосходно! Именно такъ : разгромъ союзниковъ поведетъ за собою разгромъ нашихъ войскъ, а разгромъ нашихъ войскъ означаетъ не только новыя братскія могилы, но и гибель революціи, гибель свободы, гибель всей нашей страны. Спрашивается, однако, какой же выходъ дѣлаютъ отсюда, равно, какъ и изо-всѣхъ указанныхъ мною прежде посылокъ, авторы отвѣта? Тотъ, что революціонная демократія Россіи должна идти къ всеобщему миру своимъ особымъ путемъ, минуя провокаторскія ловушки германскаго генеральнаго штаба.

Разумѣется, было бы въ высшей степени странно, если бы Россія, завоевавшая себѣ, наконецъ, политическую свободу, вздумала итти къ миру путемъ провокаторскихъ ловушекъ. Но посмотримъ, въ чемъ заключается особенность того пути, на который хотѣли бы вывести ее авторы отвѣта.

Тутъ мы прежде всего узнаемъ отъ нихъ, что она идетъ къ своей цѣли, « призывая на борьбу за миръ всѣхъ трудящихся, всѣхъ угнетенныхъ ».

Иначе и быть не можетъ : революціонная Россія, въ лицѣ наиболѣе передовыхъ своихъ партій, держится точки зрѣнія меж-

дународнаго соціализма. А международный соціализмъ давно уже зоветъ къ борьбѣ за миръ рабочихъ всѣхъ странъ. *Весь вопросъ въ томъ, какъ надо понимать этотъ призывъ.*

По этой части наши авторы говорятъ намъ слѣдующее: « Ея союзники въ этой борьбѣ — друзья Фридриха Адлера, приговореннаго къ смерти австрійскими судьями, и Карлъ Либкнехтъ, Ледебуръ и Гаазе, стойко борющіеся съ имперіалистическими кругами Германіи, съ тѣми кругами, которымъ служитъ германскій генеральный штабъ ».

Тутъ умѣстно будетъ замѣтить, что Карлъ Либкнехтъ совсѣмъ не раздѣляетъ мнѣнія авторовъ отвѣта на « стойкость » Гаазе и Ледебура. Если бы онъ раздѣлялъ его, то примкнулъ бы къ партіи этихъ послѣднихъ. А, между тѣмъ, онъ нашелъ нужнымъ основать отдѣльную отъ нея группу. Но какъ бы тамъ ни было, всѣмъ извѣстно, что судьба Германіи вовсе не находится въ рукахъ трехъ названныхъ нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ и ихъ единомышленниковъ. Она находится въ рукахъ друзей того же самаго Гинденбурга, котораго только что по заслугамъ разгромили авторы отвѣта. Нѣчто совершенно подобное видимъ мы и въ Австріи. « Друзья Фридриха Адлера » крайне малочисленны тамъ. Каутскій прекрасно разъяснилъ въ одной изъ своихъ статей, что фактъ совершеннаго Адлеромъ покушенія объясняется какъ разъ этой малочисленностью. Когда пріобрѣтутъ господствующее вліяніе въ своихъ странахъ Ледебуръ, Гаазе, Либкнехтъ и « друзья Фридриха Адлера »? Это неизвѣстно. *Вѣрнѣе всего, что нескоро.*

А пока что, — революціонной Россіи приходится имѣть дѣло съ германскими и австрійскими имперіалистами. Эти господа не краснобаи, а люди дѣла. Чтобы успѣшно бороться съ ними, Россія, со своей стороны, должна противопоставить имъ не миролюбивыя разглагольствованія, а совершенно опредѣленныя и при томъ весьма энергичныя дѣйствія. Какія именно? Теперь уже многіе утверждаютъ, что она должна *наступать*. Что эти многіе правы, косвенно подтверждается утвержденіями авторовъ отвѣта.

Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь они рѣшительно заявили намъ, что « русскія войска знаютъ, куда уведены съ нашего фронта германскія дивизіи и тяжелыя батареи ». Не менѣе рѣшительно они напомнили Гинденбургу, что « до Россіи доносится шумъ кровопролитныхъ боевъ на англо-французскомъ фронтѣ ». Если это такъ, то совершенно очевидно, что только дѣти могли бы удоволь-

ствоваться упованіями на крайне малочисленныхъ « друзей Фридриха Адлера » и на маловліятельныхъ друзей Гаазе. Россія непремѣнно должна наступать, потому что иначе центральныя державы могутъ разгромить сначала ея союзниковъ, а затѣмъ и ее самое. Мы уже знаемъ, — опять таки отъ самихъ авторовъ отвѣта, — какъ печальны были бы послѣдствія такого разгрома : « гибель революціи, гибель свободы, гибель Россіи ». Почему же не говорятъ о наступленіи наши авторы? *Неужели они слона-то и не замѣтили* ?

Впрочемъ, послушаемъ дальше. « Ея (т.-е. революціонной Россіи) союзники — трудящіеся Франціи и Англіи, выступившіе противъ завоевательныхъ стремленій своихъ господствующихъ классовъ ».

« Трудящіеся, — т.-е., очевидно, трудящіеся слои населенія, — Франціи и Англіи » находятся теперь подъ ружьемъ, отражая нѣмецкое нашествіе. Именно противъ нихъ-то и направляются теперь уведенныя съ нашего фронта « германскія дивизіи и тяжелая артиллерія ». Они дѣйствительно являются союзниками, — и еще какими драгоцѣнными союзниками! — революціонной Россіи. Мы обязаны поддержать ихъ подъ страхомъ гибели нашей революціи и нашей страны, но поддержать ихъ мы можемъ только энергичнымъ наступленіемъ, о которомъ авторы отвѣта не говорятъ ни слова.

Почему не говорятъ? А вотъ почему.

« Революціонная демократія Россіи черезъ международную соціалистическую конференцію и путемъ прямого обращенія созданнаго ею правительства къ правительствамъ союзныхъ странъ прокладываетъ человѣчеству путь къ миру ».

Если я понимаю русскій языкъ, то это значитъ, что нынѣшняя Россія придетъ къ миру не черезъ наступленіе, а черезъ международную соціалистическую конференцію, участвовать въ которой отказались, замѣчу мимоходомъ, лучшіе представители германской соціалъ-демократіи : Францъ Мерингъ и его друзья.

Кромѣ того, Россія пригласитъ союзныя ей страны прокладывать человѣчеству путь къ миру. Но на ея приглашеніе страны эти съ полнымъ правомъ отвѣтятъ ей, что *единственное средство проложенія пути къ миру заключается теперь въ энергичномъ наступленіи со стороны Россіи* : иначе Гинденбурги, Макензены и другіе пангерманисты « въ остроконечныхъ каскахъ », переславъ

« дивизіи и тяжелыя батареи » на англо-французскій и итальянскій фронты, могутъ одержать тамъ рѣшительныя побѣды, а затѣмъ повернуться противъ Россіи и раздавить ея революціонное движеніе тяжелыми сапогами своихъ побѣдоносныхъ войскъ.

Наступленіе, наступленіе и наступленіе — вотъ что говорятъ *посылки* нашихъ авторовъ. А выводъ, дѣлаемый въ отвѣтѣ изъ тѣхъ же посылокъ, гласитъ такъ :

« Пусть армія своей стойкостью придастъ мощь голосу россійской демократіи какъ передъ союзниками, такъ и передъ воюющими съ Россіей странами ».

Это уже совсѣмъ удивительно. Похоже на то, что армія наша должна своею мощью поизвести внушительное впечатлѣніе сначала на нашихъ союзниковъ, а потомъ уже на коварнаго Гинденбурга, — котораго такъ хорошо отдѣлали авторы отвѣта, — и на его не менѣе коварныхъ сотрудниковъ. Съ кѣмъ же собственно мы воюемъ? И неужели не вѣрно, какъ дважды два четыре, что *если мы не поддержимъ, своевременно и энергично*, своихъ союзниковъ, можетъ наступить « гибель революціи, гибель свободы, гибель Россіи »?

Авторы отвѣта съ негодованіемъ отвергаютъ мысль и о *сепаратномъ мирѣ*, и о *сепаратномъ перемиріи*. Но какъ же не видятъ они, что если мы будемъ *не наступать*, а только распространяться о преимуществахъ вѣчнаго мира и о прелестяхъ международнаго братства, *то мы тѣмъ самымъ* заключимъ дѣйствительно достойное всякаго осужденія сепаратное перемиріе съ центральными державами?

Нѣтъ, что ни говорите, а плохо, совсѣмъ плохо, обдумали свое произведеніе авторы отвѣта...

Обращеніе къ читателю-другу

(«Единство», № 52 отъ 31-го мая 1917 г.)

Съ тѣхъ поръ, какъ я, послѣ долгаго отсутствія, вступилъ на русскую почву, судьба, — не знаю за что! — жестоко преслѣдуетъ меня, снабжая мои статьи множествомъ опечатокъ. Довольно долго я, молча, переносилъ ея гоненіе, но теперь я обращаюсь

къ читателю-другу и заклинаю его : когда вы встрѣтите въ моей статьѣ фразу, лишенную смысла, не думайте, что я сошелъ съ ума, а вспомните, что есть на свѣтѣ злая писательская бѣда, именуемая опечаткой. За примѣромъ ходить недалеко.

Въ предыдущемъ (51) № « Единства » моя передовая статья появилась подъ заглавіемъ : « *Недостаточно полученный отвѣтъ* » Въ рукописи стояло : « *Недостаточно продуманный отвѣтъ* ».

Въ верху 3-й колонны той же статьи неизвѣстно зачѣмъ торчитъ слово «Единство», сопровождаемое, тоже по непонятной мнѣ причинѣ, длиннымъ рядомъ точекъ. Но огорчительнѣе всего слѣдующее : въ концѣ второй колонны напечатано : « Если это такъ, то совершенно очевидно, что только дѣти могли бы удовольствоваться упованіями на крайне малочисленныхъ « друзей Фридриха Адлера ». Россія непремѣнно должна наступать и на маловліятельныхъ друзей Гаазе, потому что » и такъ далѣе.

Можно вообразить, будто я такъ ожесточился, что приглашаю русское войско наступать на этого бѣднаго Гаазе, и безъ того уже понесшаго такой сильный ущербъ въ роковой день 4 августа 1914 года. На самомъ же дѣлѣ я писалъ вотъ что : « Если это такъ, то совершенно очевидно, что только дѣти могли бы удовольствоваться упованіями на крайне малочисленныхъ « друзей Фридриха Адлера » и на маловліятельныхъ друзей Гаазе. Россія должна наступать, потому что... » и такъ далѣе.

Итакъ, прошу читателя-друга, какъ просилъ нѣкогда лѣтописецъ, а вслѣдъ за нимъ и графъ А. К. Толстой въ своемъ стихотвореніи « Русская исторія отъ Гостомысла » :

Поправь ты правды ради,
Писанье-жъ не кляни.

Разъяснили бѣдную !

(«Единство», № 52 отъ 31-го мая 1917 г.)

На столбцахъ « Единства » мнѣ уже не разъ приходилось обращать вниманіе своихъ читателей на то, что формула : « *миръ безъ аннексій* » противорѣчитъ формулѣ : « *миръ на основѣ самоопредѣленія народовъ* ». Я спрашивалъ : какъ же надо будетъ поступить, если, положимъ, турецкая Арменія найдетъ, что ей луч-

ше присоединиться къ свободной Россіи, нежели оставаться подъ игомъ варварской Турціи, время отъ времени истребляющей ея населеніе съ безпримѣрной жестокостью? Присоединеніе турецкой Арменіи къ Россіи явится очевиднымъ нарушеніемъ первой изъ указанныхъ выше формулъ и, наоборотъ, частичнымъ осуществленіемъ — второй. Между тѣмъ, прибавлялъ я, обѣ эти формулы сидятъ рядышкомъ, обнявшись будто двѣ сестры въ извѣстной декларацiи нашего, — второго по счету, — Временнаго Правительства.

Я просилъ указать мнѣ адресъ Эдипа, способнаго разрѣшить мучившее меня недоумѣніе. Теперь оно разрѣшилось благодаря слѣдующему обстоятельству.

Въ № 78 «Извѣстій Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ» напечатано сообщеніе о томъ, что отдѣлъ международныхъ сношеній при Исполнительномъ Комитетѣ того же Совѣта послалъ Гюисмансу телеграмму, въ которой сказано, между прочимъ:

«Соціалистическіе министры были посланы Совѣтомъ въ составъ революціоннаго Временнаго Правительства съ опредѣленнымъ мандатомъ — достигнуть всеобщаго мира путемъ соглашенія народовъ, а не затягивать продолженіе имперіалистической войны во имя освобожденія націй путемъ оружія».

Изъ этого слѣдуетъ, что если Турція и союзныя съ нею государства не согласятся на такой миръ, которымъ предоставлено было бы армянскому народу право самоопредѣленія, то мы должны будемъ пожертвовать этимъ правомъ ради скорѣйшаго окончанія войны. Но, пожертвовавъ этимъ правомъ тамъ, гдѣ рѣчь зайдетъ объ армянахъ, мы не будемъ имѣть ни малѣйшаго основанія отстаивать его въ тѣхъ случаяхъ, когда вопросъ коснется другихъ порабощенныхъ народовъ. Долой войну! Мы хотимъ миръ безъ аннексій, безъ контрибуцій и безъ... самоопредѣленія народовъ!

Противорѣчіе разрѣшено. Антиномія устранена усиліемъ Исподнительнаго Комитета, смѣло отломившаго одинъ изъ ея острыхъ роговъ. Теперь все ясно, все послѣдовательно, и, я сказалъ бы, что все хорошо, если-бъ меня не трогала до слезъ судьба формулы: самоопредѣленіе народовъ. Вѣдь отъ бѣдняжки, можно сказать, не осталось даже и праха. Ее «разъяснили» съ тѣмъ замѣчательнымъ искусствомъ, съ которымъ нашъ Сенатъ разъяс-

нялъ въ доброе старое время законы, почему-либо непріятные царскимъ министрамъ. Вѣчная память покойницѣ! Въ ней, право же, было много хорошаго!

— Но почему такъ безпощадно разъяснили ее? — недоумѣваетъ читатель.

Это очень легко понять, — отвѣчаю я. — Подобно старушкѣ въ одномъ изъ разсказовъ Г. И. Успенскаго, формула : самоопредѣленіе народовъ, «*умерла за направленіе*».

Что же это за направленіе? То самое, которымъ характеризуется секта циммервальдъ-кинтальцевъ. Отличительная черта этого направленія состоитъ въ томъ, что товарищи, его придерживающіеся, неспособны взглянуть на дѣйствительныя бѣдствія и нужды народовъ иначе, какъ черезъ призму дурно понятыхъ отвлеченныхъ формулъ. Съ этой стороны они, какъ двѣ капли воды, похожи на тѣхъ добрыхъ и усердныхъ миссіонеровъ, которые выведены Н. С. Лѣсковымъ въ его «Очарованномъ странникѣ».

Пришли эти миссіонеры въ какую-то татарскую орду проповѣдовать свое ученіе. А въ этой ордѣ томится въ нѣволѣ плѣнный русакъ изъ дворовыхъ. Онъ обрадовался имъ, надѣясь, что глашатаи «благой вѣсти» выручатъ его изъ плѣна. А они сухо отвѣчаютъ, что не могутъ исполнить его просьбу и совѣтуютъ молиться.

— Я, молъ, молился, да уже силъ моихъ нѣтъ и упованіе отложилъ.

— А ты, — говорятъ, — не отчаивайся, потому что это большой грѣхъ!

— Да я, — говорю, — не отчаиваюсь, а только... какъ же вы это такъ... мнѣ это очень обидно, что вы русскіе и земляки и ничего пособить мнѣ не хотите.

— Нѣтъ, — отвѣчаютъ, — ты, чадо, насъ въ это не мѣшай, мы во Христѣ, а во Христѣ нѣтъ ни эллинъ, ни жидъ : наши земляки всѣ послушествующіе. Намъ всѣ равны, всѣ равны!!

Вотъ такъ и циммервальдъ-кинтальцы. Ихъ сердца преисполнены одинаковой любовью ко всѣмъ народамъ : и къ тѣмъ, которые порабощаютъ, и къ тѣмъ, которые терпятъ порабощеніе. Имъ всѣ равны, всѣ равны!

Июнь 1917 года

Неосторожное сопоставленіе

(«Единство», № 53 отъ 1-го іюня 1917 г.)

Два дня тому назадъ я разобралъ отвѣтъ Петроградскаго Совѣта Р. и С. Депутатовъ на радіотелеграмму германскаго главнокомандующаго восточнымъ фронтомъ. Въ томъ же (76-мъ) номерѣ «Извѣстій» названнаго Совѣта напечатана статья, предназначенная для разъясненія смысла того, что отвѣтилъ Совѣтъ Гинденбургу. Она такъ и называется: «Нашъ отвѣтъ». Въ своемъ разборѣ отвѣта я, по недостатку мѣста, не могъ коснуться этой статьи. Да она, въ общемъ, и не настолько содержательна, чтобы стоило заниматься ею. Но есть въ ней одно мѣсто, наводящее на печальныя размышленія. О немъ я хочу поговорить здѣсь.

Авторъ статьи вполнѣ правильно отмѣчаетъ, что германскому главнокомандующему очень хотѣлось бы подвинуть насъ на безмолвное и тайное сепаратное перемиріе «на то время, когда нужно оттянуть войска съ восточнаго (германскаго, Г. П.) фронта на западный». Это намѣреніе коварнаго нѣмецкаго имперіалиста вызываетъ негодованіе нашего автора. Онъ утверждаетъ, что русская революція не поддастся на такую «удочку съ грубо надѣтой приманкой въ видѣ отдыха, полувойны, полуперемирія».

Это звучитъ гордо. Однако, тутъ самъ собою возникаетъ вопросъ: да что же такое представляетъ собою нынѣшнее положеніе на нашемъ фронтѣ, если не «отдыхъ, полувойну, полуперемиріе»? Любопытно было бы знать, какъ думаетъ объ этомъ нашъ авторъ и вообще вся редакція «Извѣстій Совѣта Р. и С. Д.». Но это мимоходомъ. Въ данную минуту меня интересуетъ совсѣмъ другое.

Негодуя на Гинденбурга, пытающагося приманить насъ «отдыхомъ, полувойной, полуперемиріемъ», авторъ пишетъ:

«Ужъ не вспоминается ли германскому главнокомандующему примѣръ, какъ при Александрѣ I мы въ союзѣ съ Наполеономъ I, по силѣ договора, должны были воевать съ Австріей и дѣлали видъ,

притворялись, будто воюемъ : то слегка наступали, то слегка отступали, а больше топтались на одномъ мѣстѣ, ибо втайнѣ императоръ Александръ I ужъ помышлялъ о будущей войнѣ со своимъ союзникомъ Наполеономъ I и о будущемъ союзѣ съ той самой Австріей, съ которой ему приходилось воевать? Но пусть же знаетъ германскій главнокомандующій, если ему это еще неизвѣстно: революціонная Россія — не царская Россія, способная фальшивить и готовая въ любой моментъ на двудушничество ».

Вотъ это я называю неосторожнымъ сопоставленіемъ.

То правда, что война, которую мы вели съ Австріей, выступая въ качествѣ союзниковъ Наполеона I, отнюдь не свидѣтельствуетъ о прямодушіи нашего тогдашняго монарха. Правда и то, что во все продолженіе этой войны мы только притворялись, будто воюемъ. Въ дѣлѣ при Подгужѣ, происходившемъ 2 іюля и считающемся самымъ важнымъ изъ всѣхъ сраженій, имѣвшихъ мѣсто во время Австро-Русской войны 1809 г., убито было 2 рядовыхъ казака и ранено 2 офицера. Это напоминаетъ нынѣшнее наше братанье съ нѣмцами. Но почему братались наши войска съ австрійскими въ теченіе названной войны?

Нашъ авторъ склоненъ объяснить это лживостью, которая свойственна была царской Россіи. Но это слишкомъ поверхностное объясненіе. Лживость всегда была свойственна царской Россіи, а, между тѣмъ, эта Россія далеко не всегда отличалась тѣмъ изумительнымъ миролюбіемъ, которое было проявлено ею въ войнѣ 1809 г. Авторъ говоритъ, кромѣ того, что Александръ I уже тогда помышлялъ о будущемъ своемъ столкновеніи съ Наполеономъ и о будущемъ союзѣ съ Австріей. Это такъ. Но и это все еще недостаточно разъясняетъ дѣло. Спрашивается : что же побудило Александра I замышлять разрывъ со своимъ тогдашнимъ союзникомъ, Наполеономъ?

Его побуждала къ этому, во-первыхъ, глухая оппозиція дворянства, экономическимъ интересамъ котораго невыгоденъ былъ союзъ съ Наполеономъ, сдѣлавшій почти невозможнымъ вывозъ русскаго сырья въ Англію. Однако, Александръ уже и въ ту эпоху, — называемую « эпохой преобразованій », очень мало расположенъ былъ считаться съ общественнымъ мнѣніемъ своей страны.

Въ 1809 г. онъ уже не опасался оппозиціи дворянства, какъ онъ опасался ея при восшествіи своемъ на царскій престолъ.

Союзъ съ Наполеономъ былъ ему не по душѣ, главнымъ образомъ, оттого, что противорѣчилъ его стремленію играть въ Европѣ роль «водворителя» мира на прочныхъ основаніяхъ.

Чтобы характеризовать фантастичность этого стремленія къ «прочному миру», достаточно замѣтить, что оно причинило едва ли не большинство тѣхъ войнъ, которыя вела Россія въ царствованіе Александра I. Однако, нужно признать одно: стремленіе это было, по своему, искреннимъ. Несправедливо было бы сказать, что оно только прикрывало собою завоевательные планы русскаго императора. Вотъ примѣръ. Бартенштейнское соглашеніе между Россіей и ея тогдашней союзницей, Пруссіей, обѣщало Англіи и Австріи новыя земли («аннексіи», какъ говоримъ мы теперь) въ томъ случаѣ, если онѣ присоединятся къ прусско-русскому союзу. Но что касается Россіи, то ея правительство *заранѣе отказывалось отъ какихъ-нибудь выгодъ* въ ея пользу. Довольствуясь ролью водворителя «прочнаго мира», Александръ I согласился даже на провозглашеніе цѣлости и независимости *Турціи*, съ которой Россія воевала какъ разъ въ то время. Читатель видитъ, что если Александръ I не додумался еще до формулы «миръ безъ аннексій и безъ контрибуцій», то былъ очень близокъ къ идеѣ, положенной, спустя больше ста лѣтъ, въ ея основу. Близокъ — собственно тамъ, и только тамъ, гдѣ заходила рѣчь объ интересахъ его собственной страны. Но все-таки близокъ.

Впослѣдствіи онъ пересталъ бояться «аннексій» (если не «контрибуцій»).

На Вѣнскомъ Конгрессѣ онъ съ упорствомъ, достойнымъ лучшей участи, добивался присоединенія къ Россіи герцогства Варшавскаго. Но и тогда онъ руководился своими собственными понятіями, идеалами и чувствами. О дѣйствительныхъ интересахъ русскаго народа онъ совсѣмъ не задумывался, намѣчая пути для своей иностранной политики. Это хорошо понимали западно-европейскіе дипломаты.

«Вы ведете войну ради Пруссіи», — говорилъ Стадіонъ Разумовскому въ 1807 г. И онъ былъ какъ нельзя болѣе правъ.

Съ этой стороны Александръ I не былъ исключеніемъ въ ряду русскихъ монарховъ. Уже его отца восхищала мысль о томъ, что русская армія явится *авангардомъ «великой арміи хорошаго дѣла»*. А его преемникъ, Николай I, взявъ на себя подавленіе венгерскаго «мятежа», великодушно отказался получать отъ австрійскаго

правительства даровой провіантъ для своего войска. Такимъ образомъ, многострадальный русскій крестьянинъ долженъ былъ расплачиваться за идеальные порывы своихъ благородныхъ монарховъ.

Это понятно. Цари съ молокомъ матери всасывали то убѣжденіе, что народъ существуетъ для удовлетворенія ихъ прихотей. Но все-таки авторъ статьи «Нашъ отвѣтъ» поступилъ неосторожно сопоставляя иностранную политику Александра I съ иностранной политикой нынѣшней нашей революціонной демократіи. Нѣкоторая, — и, къ сожалѣнію, довольно значительная! — часть этой демократіи такъ же мало справляется съ насущными интересами русскаго народа, какъ справлялся съ ними Александръ I. Подобно ему, она безъ зазрѣнія совѣсти приноситъ эти интересы въ жертву своему идеалу. Само собою разумѣется, что ея идеалъ не совпадаетъ съ идеаломъ Александра I. Въ извѣстномъ отношеніи эти два идеала взаимно противоположны. Но у нихъ есть та *общая черта, что анализъ русской дѣйствительности, съ ея неотложными нуждами* съ ея правомѣрными требованіями, не игралъ даже и самомалѣйшей роли въ процессѣ ихъ возникновенія. Одинъ родился, или, по крайней мѣрѣ, окрѣпъ, скажемъ, въ Потсдамѣ, у гроба Фридриха Великаго и подъ сильнымъ воздѣйствіемъ прекрасныхъ глазъ прусской королевы Луизы. Другой увидѣлъ свѣтъ въ Циммервальдѣ подъ магнетическимъ вліяніемъ столь же прекрасныхъ глазъ «товарищей» Гримма и Радека. Согласно каждому изъ этихъ двухъ идеаловъ, русское войско должно служить авангардомъ «великой арміи хорошаго дѣла». Но оба они одинаково утопичны. Оба они одинаково оторваны отъ жизни. Оба они основаны на полнѣйшемъ пренебреженіи къ вопросу о томъ, какъ отразится служеніе русской арміи «хорошему дѣлу» на дальнѣйшей экономической и политической судьбѣ трудящагося населенія нашего отечества.

Удивительная иронія судьбы! Поскольку распространяется на русское войско вліяніе утопическаго идеала нашихъ циммервальдцевъ, постольку войско начинаетъ притворяться, что воюетъ, а на самомъ дѣлѣ только топчется на одномъ мѣстѣ, приводя въ отчаяніе нашихъ союзниковъ.

Возможно, что это топтаніе на одномъ мѣстѣ приведетъ насъ къ новымъ и тяжелымъ военнымъ осложненіямъ. Тогда будетъ

уже полное сходство, если не самихъ *иделовъ*, то ихъ *практическихъ послѣдствій*.

Вотъ почему я считаю неосторожнымъ сопоставленіе, сдѣланное нашимъ авторомъ. Благодаря нему, циммервальдская утопія выступаетъ передъ нами въ слишкомъ невыгодномъ для нея освѣщеніи.

Да здравствуетъ автономная Украйна!

(«Единство», № 54 отъ 2-го іюня 1917 г.)

Центральная Украинская Рада подала Временному Правительству и Исполнительному Комитету Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ записку, въ которой она говоритъ о нуждахъ своего края и объ отношеніи къ нимъ «русскаго» общества. Отношеніе это, по словамъ записки, не отличается глубиною и грозитъ многими осложненіями дѣлу свободы въ Россіи. Даже чисто демократическіе «русскіе» слои боятся украинскаго движенія. «Русскій» народъ хочетъ господствовать на Украинѣ. Это его стремленіе привело къ тому, что «у предсѣдателя Кіевскаго Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ на совѣщаніи соціалистическихъ организацій всѣхъ національностей вырвалась угроза разогнать штыками украинскій конгрессъ».

Такъ говоритъ записка. Тутъ, вѣроятно, какое-нибудь недоразумѣніе: одинъ неясно выразился, другіе плохо поняли. Но если бы въ самомъ дѣлѣ нѣкоторые «русскіе» члены Кіевскаго Совѣта Р. и С. Депутатовъ были убѣждены, что можно отвѣтить штыковыми ударами на требованіе малорусскаго населенія Украины, то мы, съ демократической откровенностью, скажемъ имъ, что они жестоко заблуждаются. Только анархо-синдикалисты вродѣ Роберта Гримма, усвоившаго себѣ «старую манеру» Густава Эрвэ, могутъ отрицать правомѣрность національной самозащиты. Интернаціоналъ, всегда признававшій право самоопредѣленія народовъ, тѣмъ самымъ признавалъ, что всѣ они имѣютъ право защищать себя отъ непріятельскаго нападенія. Неужели малорусскій народъ представляетъ въ этомъ случаѣ исключеніе изъ общаго правила? Разумѣется, нѣтъ! Подобно всѣмъ другимъ народамъ, малороссы имѣютъ право на самооборону. А въ понятіе

права на самооборону входитъ, какъ одна изъ самыхъ главныхъ составныхъ его частей, понятіе права каждаго народа устранять со своего пути тѣ препятствія, которыя воздвигнуты на немъ неправомѣрными притязаніями другихъ народовъ. Теперь спрашивается, не воздвигалъ ли «русскій» народъ, въ лицѣ своего деспотическаго правительства, препятствій на пути къ культурному развитію малорусскаго народа? Всякому извѣстно, что воздвигалъ! Въ балладѣ гр. Евд. Ростопчиной «Насильственный бракъ» жена стараго барона, преданная суду вассаломъ за нелюбовь къ мужу, между другими доводами, приводимыми ею въ свое оправданіе, выставляетъ такую жалобу:

Онъ говоритъ мнѣ запрещаетъ
На языкѣ моемъ родномъ.

Современники Ростопчиной думали, — и, повидимому, съ полнымъ основаніемъ, — что подъ мятежной женой надо понимать Польшу, а подъ старымъ барономъ — русскаго царя. Такого мнѣнія былъ самъ Николай I. Но вѣдь упрекъ въ запрещеніи говорить на родномъ языкѣ могла выставить противъ нашего правительства не одна Польша. Украинѣ тоже запрещали говорить на языкѣ своемъ родномъ. Да одно ли это право нарушено было «русскимъ» царизмомъ? Малороссія могла безъ всякаго преувеличенія сказать о себѣ словами мятежной жены:

Я узница, а не жена.

И вотъ, когда по лицу Великой, Малой и Бѣлой Руси пронеслась грозная революціонная буря, до основанія разрушившая безобразное зданіе нашего стараго порядка, когда каждый униженный, каждый обиженный, съ радостной надеждой сказалъ въ сердцѣ своемъ: «Нынѣ отпущаеши раба твоего, владыка», мы, великорусскіе сторонники новаго, свободнаго строя, будемъ штыками охранять старые узы нашихъ малорусскихъ братьевъ и, какъ прежніе министры нашего народнаго затемнѣнія, станемъ запрещать имъ учиться на своемъ родномъ языкѣ, устраивать свои собственныя дѣла по своему свободному усмотрѣнію? Нѣтъ, это невозможно! Чуждые какого бы то ни было намѣренія угнетать ихъ, мы хотимъ жить съ ними въ любви и согласіи, какъ вольные съ вольными, какъ равные съ равными. Это одинаково лежитъ, какъ въ ихъ интересахъ, такъ и въ нашихъ. Это одинаково необходимо для всей Россіи.

Мы, соціалъ-демократы, въ огромномъ большинствѣ своемъ,

далеко не сторонники крайняго федерализма. Мы хорошо знаемъ его недостатки. Но въ то же время мы рѣшительные враги того допотопнаго централизма, въ основѣ котораго лежитъ стремленіе навязать языкъ и культуру одной части государства всѣмъ остальнымъ ея частямъ. И мы хорошо знаемъ, что единство цѣлаго отнюдь не исключается самоуправленіемъ частей. По нашему мнѣнію, оно, напротивъ, подкрѣпляется имъ.

Въ запискѣ Центральной Украинской Рады выставлены нѣкоторыя требованія, полную правомѣрность которыхъ теперь же должна признать русская соціалъ-демократія. Таковы требованія, заключающіяся въ пунктахъ :

Первомъ : « Временное Правительство должно въ томъ или другомъ актѣ выразить принципіально-благожелательное отношеніе къ украинской автономіи ».

Шестомъ : « распространеніе украинизаціи начальной школы на школы высшую и среднюю ».

Седьмомъ : « замѣщеніе отвѣтственныхъ должностей на Украинѣ лицами, пользующимися довѣріемъ населенія, знающими его языкъ и знакомыми съ его бытомъ ».

Девятомъ : « необходимо разрѣшить выѣздъ на родину тѣмъ зарубежнымъ украинцамъ, которые неправомѣрно выселены изъ мѣстъ своего постояннаго жительства, а также облегчить участь плѣнныхъ украинцевъ-галичанъ, размѣстивъ ихъ въ украинскихъ губерніяхъ ».

Есть другія требованія, удовлетворить которыя можетъ, по нашему мнѣнію, только Учредительное Собраніе. Таковы требованія, помѣщенныя въ пунктахъ : пятомъ (выдѣленіе украинцевъ въ отдѣльныя войсковыя части) и восьмомъ (предоставленіе изъ государственнаго казначейства въ распоряженіе Центральной Рады средствъ, нужныхъ для удовлетворенія національно-культурныхъ нуждъ Малороссіи). Требованіе третье (о назначеніи при Временномъ Правительствѣ особаго комиссара по дѣламъ Украины) могло бы, будучи осуществлено, повести за собою не малыя практическія неудобства : за комиссаромъ отъ Украины потянулось бы, пожалуй, до 30—40 комиссаровъ отъ другихъ мѣстностей Россіи. Наконецъ, требованіе второе (участіе на будущей мирное конференціи представителей отъ Малой Россіи, подготовительные шаги по сношенію съ зарубежной Украиной) можетъ вызвать лишь нѣкоторыя частныя возраженія.

Но все это мелочи въ сравненіи съ общимъ принципомъ, лежащимъ въ основѣ записки. Общій принципъ гласитъ :

Малороссія должна быть автономна!

И его не могутъ не поддержать « русскіе » соціалъ-демократы.

Марксъ тутъ не причемъ

(«Единство», № 55 отъ 3-го іюня 1917 г.)

Въ статьѣ « Германія и революція » (вечерній выпускъ « Биржевыхъ Вѣдомостей » отъ 1 іюня 1917 г.), г. М. Добровъ доказываетъ, что наивны люди, возлагающіе свои упованія на германскую революцію. Онъ правъ. Упованія этихъ людей не имѣютъ подъ собою серьезной основы. Но когда г. Добровъ пытается подкрѣпить свою мысль логическими доводами, онъ обнаруживаетъ полное незнакомство съ западно-европейскимъ и особенно съ германскимъ соціализмомъ, на исторію котораго онъ, однако, ссылается, принимая ученый видъ знатока. И такъ какъ заблужденіе, въ которое онъ здѣсь впадаетъ, очень распространено въ русской, — и даже заграничной, — читающей публикѣ, то я считаю необходимымъ разоблачить его здѣсь.

« Подъ вліяніемъ Карла Маркса, — повѣствуетъ г. Добровъ,— европейскіе соціалисты и, главнымъ образомъ, германскіе соціалъ-демократы, руководившіе Интернаціоналомъ, перестали быть революціонерами въ прежнемъ значеніи этого слова. Отнынѣ, подъ словомъ « революція » стали понимать не катастрофическій переворотъ, а длительную эволюцію, развитіе промышленности и ростъ пролетаріата, причемъ эта эволюція сама по себѣ должна неизбѣжно привести къ соціальному перевороту, т. е., торжеству соціализма ».

Тутъ каждое предложеніе заключаетъ въ себѣ, по меньшей мѣрѣ, одну ошибку.

Уже съ конца прошлаго вѣка въ германской соціалъ-демократической партіи стало давать себя чувствовать то направленіе соціалистической мысли, которое, дѣйствительно, чуждо было даже и самой блѣдной революціонной окраски. Сторонники этого

направленія называли и до сихъ поръ называютъ себя *ревизіонистами*.

Слово «ревизіонистъ» происходитъ отъ слова *ревизіонъ*, по-русски — *пересмотръ*. Что же хотѣли пересмотрѣть сторонники новаго направленія? *Ученіе Маркса*. Почему? Потому, — говорили они,—что ученіе это имѣетъ революціонный характеръ, между тѣмъ само понятіе *революція* не выдерживаетъ философской критики. *Революція*, продолжали ревизіонисты, значитъ *скачекъ*, а скачковъ не знаетъ *ни природа, ни исторія*. Марксъ представляетъ себѣ соціалистическій переворотъ въ видѣ *катастрофы*, на самомъ же дѣлѣ этотъ переходъ совершится посредствомъ медленной, почти незамѣтной *эволюціи*.

Я не стану доказывать, что тѣ понятія и представленія, на которыхъ основывалась эта критика ученія Маркса, сами не выдерживаютъ критики. Доказательству этого тогда же былъ посвященъ мною довольно длинный рядъ статей (составившій потомъ цѣлый сборникъ [1]). Съ меня довольно того, что германскіе соціалъ-демократы «перестали быть революціонерами» не «*подъ вліяніемъ Карла Маркса*», *а вопреки Марксу*. Другими словами: въ дѣйствительности, ходъ развитія соціалистическихъ идей въ Германіи прямо противоположенъ тому представленію о немъ, которое имѣется у весьма значительной части читающей публики и распространяется, между прочимъ, г. Добрымъ.

Германскіе соціалъ-демократы «перестали быть революціонерами» въ той самой мѣрѣ, въ какой они перестали быть марксистами. Вотъ, что непремѣнно должны знать и помнить всѣ тѣ, которые хотятъ правильно разсуждать о положеніи дѣлъ въ нынѣшней германской соціалъ-демократіи.

Кто съ несокрушимой энергіей возстаетъ противъ завоевательной политики пангерманистовъ? Карлъ Либкнехтъ. Кто же онъ? *Ревизіонистъ*? Какой тамъ ревизіонистъ! Онъ убѣжденный и послѣдовательный *марксистъ*.

Кто отказывается принимать участіе въ международной соціалистической конференціи, двери которой будутъ открыты для Шейдемановъ, Эбертовъ, Зюдекумовъ, Гейне и всѣхъ «фруктовъ» (по извѣстному итальянскому выраженію)? Францъ Мерингъ. Кто же онъ? Ревизіонистъ? Какой тамъ *ревизіонистъ*! Онъ убѣжденный и послѣдовательный *марксистъ*.

[1]) «Критика нашихъ критиковъ».

А кто старается во что бы то ни стало состряпать эту конференцію, на которой «фрукты» германскаго ревизіонизма будутъ скрытнымъ образомъ защищать, если не всѣ, то нѣкоторые планы германскаго канцлера? Стаунингъ, Трульстра и ихъ единомышленники. Кто же они? *Марксисты?* Какіе тамъ марксисты! Они убѣжденные и послѣдовательные *ревизіонисты*.

Зачѣмъ утверждать то, чего не знаешь?

Зачѣмъ взваливать на Маркса отвѣтственность за преступную международную политику тѣхъ нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ, которые, прежде чѣмъ усвоить себѣ эту политику во всей ея полнотѣ, въ теченіе цѣлыхъ пятнадцати лѣтъ всѣми своими силами, — правда, очень слабыми въ теоретическомъ отношеніи, — старались расшатать его революціонное ученіе и поколебать довѣріе къ нему германскаго пролетаріата?

Марксъ и его неизмѣнный товарищъ Энгельсъ, какъ истинные революціонеры и интернаціоналисты, держались того мнѣнія, что нѣмецкіе рабочіе должны считать неправомѣрнымъ насильственное присоединеніе къ Германіи Эльзаса-Лотарингіи и при случаѣ содѣйствовать возвращенію Франціи этихъ провинцій. Наоборотъ, Шейдеманъ, а съ нимъ и вся его партія, весьма энергично возстаютъ противъ всякой мысли о томъ, чтобы принудить германскаго орла выпустить изъ своихъ крѣпкихъ когтей добычу, захваченную имъ во время войны 1870—71 г. г. Какъ видитъ читатель, *международная политика Маркса и Энгельса представляетъ собою прямую противоположность политикѣ нынѣшнихъ германскихъ ревизіонистовъ*, т. е., того же Эберта, Шейдемана и прочей братіи. И когда намъ говорятъ, что Марксъ отвѣтственъ за постыдные подвиги собственныхъ Его Германскаго Величества соціалъ-демократовъ, мы отвѣчаемъ: *Марксъ тутъ не причемъ*. Если бы германскій пролетаріатъ остался вѣренъ духу Марксова ученія, то онъ пошелъ бы не за Шейдеманомъ, а за Карломъ Либкнехтомъ.

Точно такъ же, когда насъ обвиняютъ въ томъ, что мы ведемъ «травлю» противъ Шейдемана и тѣмъ самымъ измѣняемъ духу основаннаго Марксомъ Интернаціонала, мы возражаемъ: помилуйте, дорогіе товарищи! Нападать на Шейдемана, отнюдь не значитъ расходиться съ Марксомъ. *Марксъ исключаетъ Шейдемана; Шейдеманъ исключаетъ Маркса.* Не мы измѣняемъ духу основаннаго Марксомъ Интернаціонала. Ему измѣняютъ тѣ, которые,

подъ предлогомъ международнаго братства, протягиваютъ руку врагу международнаго братства Шейдеману.

Г. Добровъ воображаетъ, кромѣ того, что В. Черновъ прокладываетъ своей партіи «мостикъ къ марксизму». Оспаривать это излишне. По этому поводу можно только улыбнуться.

Высылка Р. Гримма или: вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день

(«Единство», № 56 отъ 4-го іюня 1917 г.)

Наше Временное Правительство «постановило предложить Роберту Гримму покинуть предѣлы Россіи». Другими словами, сей гражданинъ свободной Гельвеціи высланъ заграницу.

Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день! За что же? За «художество». Вы не вѣрите? Слушайте!

Изъ источника, въ достовѣрности котораго не сомнѣвается наше Временное Правительство, ему доставлена слѣдующая телеграмма:

«Отъ политическаго департамента господину Одье въ Петроградѣ, Бернъ, 5 іюня 1917 года.

«Федеральный совѣтникъ Гофманъ уполномочиваетъ васъ сдѣлать Гримму слѣдующее словесное сообщеніе.

«Германія не предприметъ никакого наступленія, доколѣ будетъ казаться возможнымъ соглашеніе съ Россіей. Послѣ многократныхъ разговоровъ съ видными лицами, я убѣжденъ, что Германія ищетъ съ Россіей почетнаго для обѣихъ сторонъ мира съ установленіемъ тѣсныхъ коммерческихъ и экономическихъ отношеній и финансовой поддержки для возстановленія Россіи. Никакого вмѣшательства въ русскія внутреннія дѣла, дружеское соглашеніе о Польшѣ, Литвѣ и Курляндіи, съ признаніемъ равенства народовъ. Возвращеніе оккупированныхъ территорій взамѣнъ возвращенія Россіей захваченныхъ австрійскихъ провинцій.

«Я убѣжденъ, что, при желаніи союзниковъ Россіи, Германія и ея союзники готовы были бы начать немедленно переговоры о мирѣ. О германскихъ цѣляхъ войны прочтите сообщеніе въ «Сѣверо-Германской газетѣ», гдѣ, въ согласіи съ Асквитомъ по вопросу объ аннексіяхъ, утверждается, что Германія не желаетъ никакого

территоріальнаго приращенія съ цѣлью расширенія или экономическаго или политическаго возвеличенія ».

Единственная здравая мысль, на которую могла бы навести подобная телеграмма, сводится къ тому, что г. Гриммъ, пріѣхавшій въ Россію будто бы съ цѣлью проповѣди идей Интернаціонала, былъ просто на просто германскимъ агентомъ. Эта здравая мысль, какъ видно, и пришла нашимъ до нельзя кроткимъ правителямъ. Ихъ сообщеніе продолжаетъ :

« По поводу этого документа Временное Правительство поручило членамъ Временнаго Правительства И. Г. Церетелли и М. И. Скобелеву затребовать объясненій у швейцарскаго гражданина Роберта Гримма. Въ результатѣ объясненій, Р. Гриммъ вручилъ И. Г. Церетелли и М. И. Скобелеву слѣдующій документъ :

« 1) Незадолго до моего отъѣзда министры Церетелли и Скобелевъ сообщили мнѣ, будто швейцарскимъ посланникомъ въ Петроградѣ получена изъ Берна телеграмма, въ которой содержится порученіе сообщить мнѣ нѣкоторые мирные планы Германіи.

« Я констатирую, что мнѣ не было сдѣлано такого сообщенія швейцарскимъ посланникомъ ни прямо, ни черезъ чье-либо посредничество.

« 2) Содержаніе телеграммы приходится разсматривать, какъ попытку съ германской стороны использовать мои петроградскія выступленія за возстановленіе международныхъ соціалистическихъ связей и всеобщій миръ въ интересахъ германскаго правительства, его дипломатическихъ плановъ и сепаратнаго мира, къ которому оно стремится. Такая попытка представляетъ собою грубый маневръ.

« 3) Еще въ Бернѣ, явившись въ германское посольство для визированія паспорта, необходимаго для поѣздки, я уклонялся отъ всякаго политическаго разговора, а во время путешествія въ Стокгольмъ избѣгалъ даже всякихъ сношеній съ представителями германской соціалистической партіи большинства.

« 4) Что касается участія швейцарскаго правительства въ этомъ дѣлѣ, то дѣйствительную подоплеку я смогу установить лишь на мѣстѣ.

« 5) Какъ соціалъ-демократъ, я не позволю пользоваться собою, какъ передатчикомъ имперіалистическихъ плановъ мира между

правительствами. Всякую попытку такого рода я буду безпощадно разоблачать. *Робертъ Гриммъ.*

Петроградъ.
31 мая (12 іюня) 1917 года.

И. Г. Церетелли и М. И. Скобелевъ признали это объясненіе неудовлетворительнымъ ».

« Неудовлетворительность » даннаго г. Гриммомъ объясненія и повела за собою удаленіе его за предѣлы Россіи. Это понятно само собой. Но вотъ, что, пожалуй, и не совсѣмъ ясно для поверхностнаго взгляда :

1. Г. Гриммъ увѣряетъ, что г. Одье, — швейцарскій посланникъ въ Петроградѣ, — не сдѣлалъ ему того сообщенія, которое онъ долженъ былъ сдѣлать, согласно телеграммѣ, полученной имъ изъ Берна. Но вѣдь рѣчь идетъ о « словесномъ сообщеніи », отрицать которое весьма удобно.

2. Г. Гриммъ разсматриваетъ содержаніе телеграммы, «какъ попытку съ германской стороны использовать его петроградскія выступленія въ интересахъ германскаго правительства ». Допустимъ на минуту, что онъ не былъ нѣмецкимъ агентомъ; предположимъ, что въ дѣйствительности все ограничивалось « попыткой съ германской стороны ». Но и при этомъ неизбѣжно возникаетъ вопросъ: почему же эта « сторона », — какъ извѣстно, отнюдь не отличающаяся склонностью къ утопіямъ и всегда ведущая себя согласно требованіямъ холоднаго расчета, — почему она сочла возможнымъ использовать петроградскія выступленія г. Гримма для торжества своихъ имперіалистическихъ плановъ? Отвѣтъ на этотъ роковой вопросъ заключается въ томъ, что выступленія эти были вредны для странъ Согласія и полезны для центральныхъ державъ. Отсюда слѣдуетъ, что г. Гриммъ *служилъ Германіи даже и въ томъ случаѣ, если онъ не состоялъ у нея на службѣ* (т. е., не былъ ея агентомъ). А это значитъ, что намъ приходится тутъ выбирать одну изъ двухъ гипотезъ :

1) г. Гриммъ служилъ Германіи *за деньги*;

2) г. Гриммъ служилъ Германіи *даромъ*, думая при этомъ, что онъ служитъ Интернаціоналу.

Что вы скажете, читатель, объ этихъ двухъ гипотезахъ?

По моему, первая изъ нихъ бросаетъ густую тѣнь на политическую честность г. Гримма, вторая свидѣтельствуетъ объ его

политическомъ скудоуміи. Я не знаю, какую изъ нихъ найдетъ онъ болѣе для себя лестной. Но въ интересахъ истины я припомню тутъ слѣдующее обстоятельство : г. Гриммъ былъ однимъ изъ родоначальниковъ пресловутой « Циммервальдской » секты. Въ ея основу онъ, со своей « стороны », положилъ то убѣжденіе, что измѣняетъ своему дѣлу тотъ соціалистъ, который позволяетъ себѣ защищать свою родину отъ непріятельскаго нападенія. Присваивая себѣ эту мысль, онъ совершалъ плагіатъ, — по-русски — литературную кражу, — потому что гораздо ранѣе его то же самое говорилъ Густавъ Эрве. Но какъ бы тамъ ни было, онъ распространялъ эту мысль, выдавая ее за новое открытіе въ области международнаго соціализма. Для болѣе успѣшной проповѣди ея онъ выступилъ въ роли одного изъ организаторовъ конференціи въ Циммервальдѣ. По окончаніи этой конференціи онъ, въ своемъ органѣ « Berner Tagwacht », напечаталъ о ней подробный отчетъ. Я не имѣю подъ рукой номера, содержащаго въ себѣ этотъ отчетъ, но очень хорошо помню, что при его чтеніи меня поразило отсутствіе въ немъ безпристрастнаго отношенія къ соціалистамъ боровшихся между собой странъ. О Жюлѣ Гэдѣ и другихъ французскихъ соціалистахъ авторъ отчета отзывается рѣзче, нежели о Шейдеманѣ и его единомышленникахъ. Такъ, на возможный вопросъ читателя о томъ, почему не были приглашены на конференцію германскіе большевики, онъ отвѣчалъ : потому, что они не раздѣляютъ нашей точки зрѣнія. А на тотъ же вопросъ въ примѣненіи къ французскому соціалистическому большинству, у него готовъ былъ болѣе суровый отвѣтъ : потому, что они плетутся за буржуазнымъ правительствомъ. Если бы это и было вѣрно, то выходило бы, что въ противоположность французскимъ соціалистамъ, Шейдеманъ и ему подобные вовсе не плелись за германскимъ канцлеромъ. А это была совсѣмъ очевидная ложь.

Повторяю : у меня нѣтъ подъ рукой номера, о которомъ я здѣсь говорю. Поэтому, я не дѣлаю дословныхъ цитатъ и могу поручиться только за правильность моего указанія на различіе оттѣнковъ въ отзывахъ автора отчета о французахъ, съ одной стороны, и о нѣмцахъ — съ другой. Я тогда же отмѣтилъ это различіе въ статьѣ о Циммервальдской Конференціи, написанной мною для парижскаго « Призыва ». Но съ этой статьей произошелъ нѣкій казусъ.

Посланная мною изъ Женевы, — гдѣ я тогда находился, —

въ Парижъ, она не дошла по назначенію. Такъ какъ я отправилъ ее заказнымъ порядкомъ, то я принесъ жалобу директору Женевской почты. Послѣ довольно продолжительныхъ справокъ, онъ оффиціально извѣстилъ меня, что статья схвачена на французской почтѣ военной цензурой, которая отказывается возвратить ее автору. Такъ и остался « Призывъ » безъ статьи о Циммервальдской Конференціи. И это въ то время, когда русскій парижскій органъ нашихъ противниковъ на всѣ голоса превозносилъ ея мудрое рѣшеніе.

Конечно, пути Божіи неисповѣдимы. Но теперь, послѣ исторіи съ г. Гриммомъ, я спрашиваю себя : не было ли тутъ чего-нибудь « съ германской стороны » ? Похоже на то, что было...

Когда г. Гриммъ пріѣхалъ въ Петроградъ, я предостерегалъ отъ него русскихъ рабочихъ. Меня выругали за это, но дѣло не поправили, такъ какъ Гримма все таки пришлось выслать за « художества ».

Но оставимъ г. Гримма. Въ заключеніе мнѣ хочется обратить вниманіе читателя на тѣ строки вышеприведенной телеграммы, гдѣ говорится, что « Германія не будетъ наступать, доколѣ будетъ казаться возможнымъ соглашеніе съ Россіей », т. е., пока у насъ не кончится оргія циммервальдизма. Sapeinti sat.

А бѣдный министръ труда опять взялъ на себя трудъ сѣсть въ лужу.

Еще совсѣмъ недавно онъ, желая защитить Керенскаго, провозгласилъ, что тотъ держится точки зрѣнія швейцарскаго соціалъ-демократа Р. Гримма. Изъ этого явствовало, что и самъ онъ стоитъ на ней. А теперь онъ « не удовлетворенъ » объясненіями гражданина, игравшаго такую видную роль въ Циммервальдѣ и облеченнаго въ Кинталѣ знаніемъ, весьма похожимъ на званіе *предсѣдателя новаго Интернаціонала*.

О, дѣти, какъ опасны ваши лѣта !

Еще о Робертѣ Гриммѣ

(«Единство», № 57 отъ 6-го іюня 1917 г.)

« Неужели о достойномъ человѣкѣ довольно сказать одинъ разъ? Неужели нельзя повторить? И можно и должно! Друзьямъ въ утѣшеніе, молодымъ въ поученіе ».

Изъ одного русскаго дневника сороковыхъ годовъ прошлаго вѣка.

О такомъ достойномъ человѣкѣ, какъ Робертъ Гриммъ, *именно должно повторить* : молодымъ въ поученіе. Его исторія, крайне характерная для него самого, въ то же самое время весьма характерна для того направленія « соціалистической » мысли, съ которымъ навсегда будетъ связано его имя.

Впрочемъ, не слѣдуетъ попадать въ заблужденіе относительно этого имени. Сторонники циммервальдъ-кинтальскихъ постановленій говорили и до сихъ поръ говорятъ о немъ въ такихъ выраженіяхъ, какъ будто бы имя это было знаменито въ лѣтописяхъ западно-европейскаго рабочаго движенія. На самомъ дѣлѣ это не такъ. Ни въ теоретическомъ, ни въ практическомъ отношеніи Р. Гриммъ никогда не стоялъ въ первыхъ рядахъ, — я не говорю : въ *первомъ* ряду, — борцовъ за идеалы международнаго соціализма. Это былъ мѣстный дѣятель, совершенно чуждый сколько-нибудь широкаго образованія и отнюдь не обладавшій выдающимися природными способностями. Какъ мало развитъ былъ этотъ человѣкъ, и какъ узокъ былъ кругъ доступныхъ ему понятій, видно изъ того, что, когда нѣмцы начали бомбардировать знаменитый соборъ въ Реймсѣ, и когда просвѣщенные люди всего міра, безъ различія партій и направленій, дружно возстали противъ германскаго вандализма, Р. Гриммъ отнесъ ихъ нравственное возстаніе на счетъ ... *буржуазнаго лицемѣрія*. Это хоть бы и нашимъ « правдистамъ » въ пору! Я тогда же сказалъ Гримму : « напрасно вы печатали въ своей газетѣ статью о разрушеніи Реймскаго собора. Вопреки вашему ожиданію, она доказываетъ не то, что буржуазія лицемѣрна, а единственно то, что вы не имѣете ни малѣйшаго понятія объ исторіи искусства. Въ этомъ ваша слабость, а не сила, и вы неосторожно поступили, выставивъ вашу слабую сторону на посмѣшище врагамъ соціали-

стическаго движенія». Гриммъ очень разсердился на меня за это, но изъ его сердитыхъ возраженій я увидѣлъ, что онъ, въ самомъ дѣлѣ, не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о значеніи Реймскаго собора въ исторіи западно-европейской культуры.

Его защитники, навѣрное, скажутъ по этому поводу, что редактору соціалистическаго журнала необязательно быть знакомымъ съ исторіей искусства. Допустимъ. Но вопросъ въ томъ, обязательно или нѣтъ такому редактору имѣть тактъ, предостерегающій его отъ лихихъ наѣздовъ въ области, оставшіяся недоступными для его пониманія. На этотъ вопросъ не можетъ быть другого отвѣта, кромѣ утвердительнаго: да, соціалистическій писатель обязанъ имѣть подобный тактъ. Но его то и не было у Гримма.

Если бы Гриммъ не былъ лишенъ его, то мы никогда не увидѣли бы нашего маленькаго редактора въ роли спасителя Интернаціонала. Онъ понялъ бы, что такая роль ему совсѣмъ не по плечу, такъ какъ даже въ области соціализма запасъ его свѣдѣній былъ крайне ограниченъ. Онъ зналъ, что интересы наемнаго труда противоположны интересамъ капитала; что освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ; что оно предполагаетъ дружныя усилія рабочихъ всѣхъ капиталистическихъ странъ и т. д. Все это весьма почтенныя истины, но и ихъ можно понимать глубоко, а можно понимать и поверхностно. Гриммъ дорабетался только до крайне поверхностнаго ихъ пониманія. Онъ примыкалъ къ лѣвому крылу въ Интернаціоналѣ и, конечно, считалъ себя марксистомъ. Однако, своими разсужденіями онъ нерѣдко заставлялъ меня вспоминать того Гоголевскаго повара, который, собираясь готовить обѣдъ, говаривалъ: было бы горячо, а вкусъ, вѣрно, какой-нибудь выйдетъ. Разсужденія Гримма всегда отличались горячностью и, безспорно, всегда имѣли какой-нибудь вкусъ, — но только не вкусъ марксизма. Въ своемъ пониманіи вопросовъ международнаго движенія этотъ радикальный «марксистъ» *былъ очень близокъ къ анархо-синдикализму*. Этимъ и объясняется тотъ фактъ, что, когда вспыхнула нынѣшняя война, и когда стало ясно, что слово принадлежитъ прежде всего соціалистамъ *нейтральныхъ* странъ, Р. Гриммъ вдохновился мудростью анархо-синдикализма и провозгласилъ, что защита своей страны есть дѣло, недостойное вѣрныхъ сторонниковъ Интернаціонала. Излишне повторять здѣсь, что его будто-

бы новая идея, была не болѣе, какъ старой, давно осмѣянной серьезными марксистами идеей Густава Эрве. Но глубоко поучительно то обстоятельство, что идея эта оказала Гримму большую услугу при основаніи имъ Циммервальдской секты, которую иные называютъ третьимъ Интернаціоналомъ.

Если мы примемъ для нея это названіе, то мы будемъ имѣть право сдѣлать слѣдующее сопоставленіе: *первый* Интернаціоналъ основанъ былъ авторомъ « Капитала », человѣкомъ глубочайшаго ума и обширнѣйшихъ знаній, сдѣлавшимъ въ наукѣ не мало серьезныхъ открытій.

Третій Интернаціоналъ въ огромной степени обязанъ своимъ возникновеніемъ заурядному редактору маленькаго листка, человѣку самаго поверхностнаго ума и самыхъ ничтожныхъ свѣдѣній, сдѣлавшему въ своей жизни только то открытіе, — скорѣе *практическаго*, нежели *теоретическаго* свойства, — что иногда полезно бываетъ украсть чужую мысль.

Уже одного этого достаточно, чтобы понять, какая огромная « дистанція » отдѣляетъ « третій Интернаціоналъ » — отъ перваго.

Пойдемъ дальше. Если бы соціалисты всѣхъ странъ въ самомъ дѣлѣ признали, что никто изъ нихъ ни въ коемъ случаѣ не долженъ защищать свое отечество, то, въ случаѣ войны, непремѣнно вышло бы вотъ что:

Тамъ, гдѣ соціалисты имѣютъ большое вліяніе на рабочій классъ, этотъ послѣдній отказался бы защищать свою страну (какъ это, отчасти, видимъ мы нынѣ въ нѣкоторомъ государствѣ, лежащемъ на востокѣ Европы), наоборотъ, тамъ, гдѣ вліяніе ихъ на него было бы слабо, онъ, въ своей массѣ, явился бы энергичнымъ защитникомъ своего отечества (какъ это мы видимъ нынѣ въ одномъ государствѣ, лежащемъ западнѣе вышеупомянутаго).

Поэтому, страны болѣе отсталыя (въ смыслѣ вліянія соціалистовъ на народъ), одержали бы побѣду надъ странами болѣе передовыми (въ томъ же смыслѣ).

Это значитъ, что *соціалистическая* проповѣдь оказала бы большую услугу *милитаризму*.

Но соціалисты — ожесточенные враги милитаризма. Чтобы оказывать ему услуги, оставаясь его врагами, соціалисты всѣхъ странъ должны были бы обладать *огромной дозой глупости*, мѣшающей имъ поступать цѣлесообразно.

Все это я доказывалъ еще на Цюрихскомъ Международномъ

Съѣздѣ 1893 г., гдѣ Домела Ньевенгайсъ сдѣлалъ попытку превратить «второй» Интернаціоналъ въ нѣчто вродѣ нынѣшней циммервальдской секты. Съѣздъ согласился со мною и попытка Ньевенгайса не удалась.

Но я думаю, что кромѣ Цюрихскаго Съѣзда со мною тогда же согласился *главный германскій штабъ*. Зная Германію, онъ не могъ не сообразить, что милитаризмъ очень много выиграетъ отъ усвоенія соціалистами (другихъ странъ) той мысли, что они *всегда* измѣняютъ себѣ, защищая свое отечество. Сообразивъ это, онъ не могъ не радоваться распространенію этой мысли. И когда Р. Гриммъ началъ распространять ее съ величайшимъ усердіемъ, когда сей «новаторъ» положилъ ее въ основу «третьяго Интернаціонала», тогда нѣмецкому штабу оставалось только потирать руки отъ удовольствія. Что именно предпринялъ онъ для облегченія дѣла Гримма, я не знаю. Но мнѣ,равно какъ и читателю, хорошо извѣстно, что на-дняхъ Гриммъ высланъ былъ изъ Петрограда за нѣкое «художество» ...

Отъ меня, какъ нельзя болѣе далеко намѣреніе утверждать, будто всѣ члены Циммервальдь-Кинтальской секты способны оказаться въ положеніи Р. Гримма. Вовсе нѣтъ! Чтобы очутиться въ этомъ непривлекательномъ положеніи нужно быть Р. Гриммомъ.

Но если товарищъ Церетелли на Всероссійскомъ Съѣздѣ Совѣтовъ Р. и С. Д. поставилъ Мартову вопросъ, несетъ ли Циммервальдъ отвѣтственность за подвигъ Гримма, то я отвѣчаю:

Онъ несетъ отвѣтственность не за спеціальный подвигъ Гримма, а за содѣйствіе распространенію тѣхъ взглядовъ, однимъ изъ главныхъ носителей которыхъ выступилъ сей швейцарскій гражданинъ.

Ибо, какъ это доказано выше, одно уже распространеніе названныхъ взглядовъ, есть большая услуга милитаризму.

Что вѣрно, то вѣрно

(«Единство», № 58 отъ 7-го іюня 1917 г.)

Я имѣю въ виду рѣчи, раздающіяся теперь на Всероссійскомъ Съѣздѣ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ. Къ сожалѣнію, далеко не всѣ эти рѣчи можно назвать умными. Ленинъ и его едино-

мышленники, повидимому, окончательно утратили всякую способность къ здравому разсужденію. Ту же, — увы, ничѣмъ невознаградимую ! — утрату понесъ и нашъ извѣстный основатель новой религіи, отецъ Анатолій Луначарскій [1]). Но если сказать по правдѣ, на этихъ людей давно уже слѣдовало махнуть рукою. Съ козломъ какъ ни биться, а молока отъ него не добиться, гласитъ народная пословица. Своими нападками на Временное Правительство наши якобы крайніе лѣвые вполнѣ подтверждаютъ, что пословица эта содержитъ въ себѣ совершенно неоспоримую истину.

Мы совсѣмъ не думаемъ, что Временное Правительство не дѣлало ошибокъ. Дѣлало — и даже большія : вспомните хотя бы нѣкоторыя выступленія министра труда. Но дѣйствительныя ошибки Правительства остались незамѣтными для нашихъ анархосиндикалистовъ, облыжно именующихъ себя соціалъ-демократами. Но тѣмъ энергичнѣе наступали эти политическіе младенцы на правительство тамъ, гдѣ оно поступало болѣе или менѣе разумно. Такъ, напримѣръ, они негодовали на него за высылку изъ предѣловъ Россіи германскаго агента Р. Гримма. Они готовы были требовать отъ съѣзда выраженія довѣрія этому джентльмэну. Отражая ихъ нападки, т. Церетелли былъ очень слабъ: онъ до сихъ поръ по рукамъ и по ногамъ связанъ циммервальдскими заблужденіями. И все таки ему удалось убѣдить Съѣздъ, что правительство не могло не выслать Гримма.

А. Ф. Керенскій говорилъ почти совсѣмъ хорошо, сторонники братанья были прижаты имъ къ стѣнѣ. Замѣчательно, что когда онъ, давши имъ надлежащую отповѣдь, спросилъ, кто изъ присутствующихъ на съѣздѣ стоитъ за братанье, даже голосистые ленинцы остались нѣмы, какъ рыбы.

Но все это были только предварительныя стычки. Главныя пренія завязались послѣ доклада т. Либера о революціонной демократіи и Временномъ Правительствѣ. По этому вопросу тов. Церетелли произнесъ рѣчь, въ которой есть прекрасныя мѣста.

« Великимъ несчастьемъ для нашей революціи явилось то, что въ моментъ огромнаго перелома, происшедшаго въ странѣ, произошла временная заминка, приведшая въ разстройство боевой механизмъ нашей арміи. Голосъ всѣхъ, кто видѣлъ нашу армію, тѣхъ, кто изъ окоповъ пріѣзжалъ къ намъ, этотъ голосъ говорилъ

[1]) См. его книгу «Соціализмъ и религія». *Г. П.*

намъ, что революціонная армія пришла въ состояніе, лишающее ее возможности проявить свою силу въ случаѣ столкновенія съ противникомъ. Товарищи, то бездѣйствіе, которое до настоящаго времени наблюдалось на нашемъ фронтѣ не укрѣпляло, а ослабляло и дезорганизовывало нашу русскую революцію и армію, стоящую на позиціяхъ русской революціи».

Что вѣрно, то вѣрно. Мы давно уже говорили это. И за то, что мы говорили это, — на насъ сыпались самыя жестокія обвиненія. И когда на насъ сыпались самыя жестокія обвиненія, т. Церетелли никогда не возвышалъ голоса въ нашу защиту. Онъ тоже находилъ, вѣроятно, что мы не правы. Еще совсѣмъ недавно онъ громко заявлялъ, что не вѣритъ тѣмъ, которые говорятъ объ упадкѣ боевой мощи въ нашей арміи. Теперь онъ видитъ себя вынужденнымъ повѣрить имъ. Лучше поздно, чѣмъ никогда!

Съ еще большимъ удовольствіемъ прочиталъ я рѣчь В. М. Чернова. Къ сожалѣнію, отчетъ о ней не попалъ въ имѣющійся у меня подъ руками №84 «Извѣстій Совѣта Р. и С. Д.» и я вынужденъ цитировать по газетѣ «Рѣчь».

Возражая на сдѣланный правительству упрекъ въ томъ, что оно не предъявило ультиматума Франціи и Англіи (sic!), онъ превосходно замѣтилъ, что предъявить подобный ультиматумъ не трудно, но нельзя ожидать отъ него хорошихъ послѣдствій: «а что, если они отвѣтятъ намъ, что съ великими державами не разговариваютъ ультиматумами?» Тутъ его прервалъ Луначарскій, закричавшій съ мѣста: «о, какъ страшно!» На эту мальчишескую выходку отца Анатолія, нашъ министръ земледѣлія весьма находчиво отвѣтилъ:

«Дѣло не въ томъ, страшно или не страшно, а въ томъ, какъ отнеслась бы къ подобному нашему шагу вся союзная демократія, — знаетъ ли объ этомъ г. Луначарскій? Если да, пусть онъ намъ заявитъ, а если нѣтъ, то я бы посовѣтовалъ ему предварительно ознакомиться съ этимъ вопросомъ, а затѣмъ уже говорить о томъ, страшно ли это, или нѣтъ».

Что вѣрно, то вѣрно, хотя Луначарскій и не подумаетъ, конечно, знакомиться съ этимъ вопросомъ, а будетъ легкомысленно кричать о немъ, какъ кричалъ прежде. Его мамка ушибла въ дѣтствѣ, и съ тѣхъ поръ ото всѣхъ и всяческихъ его разсужденій отдаетъ легкомысліемъ.

Превосходно характеризовалъ В. М. Черновъ тактику ленинцевъ.

Онъ сказалъ: «Явочно-захватно-сепаратно-розничный путь, который рекомендуютъ большевики, ведетъ къ злов'ѣщимъ оползнямъ. Говорятъ о классовой власти. Намъ предлагаютъ пойти по пути стараго строя. Прежде цензовая Россія не признавала насъ, теперь предлагаютъ намъ закрыть ротъ цензовой Россіи. Идя по такому пути, легко придти къ пропасти.

«Это — путь постояннаго суживанія того базиса, на которомъ зиждятся революціонныя силы. Это — путь дробленія силъ, преступный путь, такъ какъ идти по этому пути значитъ расчистить дорогу генералу на бѣлой лошади. На такіе пути способны лишь азартные игроки, готовые все поставить на карту. Русская революція не пойдетъ по такому пути».

Что вѣрно, то вѣрно! И какъ хорошо будетъ, если революція въ самомъ дѣлѣ не пойдетъ по тому пути, на который зовутъ ее ленинцы! Но чтобы этого не случилось, необходимо, *между прочимъ*, чтобы собственные послѣдователи В. М Чернова очистили свою тактику отъ тѣхъ элементовъ ленинизма, которые въ изобиліи взбрались въ нее. Азартныхъ игроковъ много не только въ партіи Ленина. И вообще страшенъ не *Ленинъ*. Страшно *полуленинство*, эта тупая, малосочнательная, лишенная логики, но тѣмъ не менѣе большая и пока еще, — увы! — чрезвычайно вліятельная у насъ сила.

Pons asinorum [1])

(«Единство», № 60 отъ 9-го іюня 1917 г.)

Этими словами обозначался въ старинныхъ школахъ такой способъ объясненія предмета, который былъ по мнѣнію тогдашнихъ педагоговъ доступенъ пониманію даже самыхъ тупыхъ учениковъ. Мнѣ кажется, что подобнымъ мостомъ для непонятливыхъ могло бы послужить отношеніе германскихъ большевиковъ къ вопросу о томъ, какъ понимаютъ они формулы «миръ безъ аннексій» и «миръ на основѣ самоопредѣленія народовъ». Изъ ихъ объясненій явствуетъ, что они согласны признать право на самоопредѣленіе

[1]) По русски это значитъ: мостъ для ословъ. *Г. П.*

за тѣми народами, которые находятся въ зависимости отъ странъ Согласія, и отказываютъ въ немъ населенію Эльзаса-Лотарингіи, прусской Польши и т. д. Что касается этихъ мѣстностей, то единомышленники Шейдемана готовы примѣнить къ нимъ только формулу : « миръ безъ аннексій », которя означаетъ, въ ихъ истолкованіи, что территоріи, разъ присоединенныя къ одному изъ германскихъ государствъ или къ Германской Имперіи въ ея цѣломъ, навсегда утрачиваютъ право на свободу.

Теперь и самымъ непонятливымъ должно быть очевидно, что въ *лицѣ германскихъ с.-д. большевиковъ мы имѣемъ дѣло съ чистокровными имперіалистами*. А вѣдь за ними до сихъ поръ идетъ значительная часть, — если не большинство, — нѣмецкаго пролетаріата; ясно, что эта его часть тоже заражена имперіализмомъ.

Меня обвиняли въ томъ, что я веду « травлю » противъ Шейдемана. Но что же такое эта будто-бы травля, если не борьба съ имперіализмомъ?

Люди, скорбные главою, не разъ уподобляли меня и моихъ единомышленниковъ Шейдеману и его теплой компаніи. Они говорили, что мы — тоже имперіалисты. Придуманное германскими большевиками истолкованіе формулъ : « миръ безъ аннексій » и « самоопредѣленіе народовъ » послужитъ, я надѣюсь, даже для самыхъ недогадливыхъ, мостомъ, ведущимъ къ пониманію истиннаго положенія дѣла. Мы, со своей стороны, не посягаемъ на свободу ни одного изъ тѣхъ народовъ, судьбу которыхъ исторія связала съ судьбой Россіи. Мы вполнѣ искренно признаемъ за этими народами право на самоопредѣленіе. Имперіалисты такъ не поступаютъ. Неужели и теперь не ясна разница между нами, съ одной стороны, и Шейдемановцами, съ другой? Ну же, господа, не упрямьтесь и, не теряя времени, совершайте переходъ по мостику для.... несообразительныхъ.

Въ бесѣдахъ съ представителями шведской газеты « Social-Demokraten » Альберъ Тома сказалъ между прочимъ :

« Насъ спрашиваютъ, желаемъ ли мы изъ-за Эльзасъ-Лотарингіи отказаться отъ всякой мысли о мирныхъ переговорахъ и возложить на весь міръ еще много лѣтъ войны. Подобные вопросы указываютъ, что *наша исходный пунктъ плохо понять* ».

Дѣйствительно, плохо понять! При правильной постановкѣ этого вопроса, онъ представляется въ слѣдующемъ видѣ :

Можетъ-ли найтись въ Интернаціоналѣ мѣсто для такихъ

политическихъ или профессіональныхъ организацій, которыя своими дѣйствіями отрицаютъ одну изъ самыхъ глубокихъ его основъ, т. е., все то же, попираемое Шейдеманами, право народовъ на самоопредѣленіе?

Хочется думать, что и здѣсь рекомендуемый мною мостъ способенъ послужить многимъ изъ нашихъ противниковъ. Хочется думать, что и здѣсь они доберутся, наконецъ, до истиннаго пониманія предмета и съ убѣжденіемъ скажутъ :

Нѣтъ, для имперіалистовъ не можетъ найтись даже и маленькаго мѣстечка въ международной пролетарской организаціи, основанной на самомъ рѣшительномъ отрицаніи имперіализма.

Рѣчь, произнесенная 9 іюня 1917 г. на съѣздѣ Совѣтовъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ [1])

Прежде всего позвольте поблагодарить васъ за горячее привѣтствіе. На меня не разъ сыпались во время войны такія обвиненія, что мнѣ становилось стыдно не за себя, а за моихъ обвинителей.

Повторяя слова Дантона, я скажу : что мнѣ мое имя, пусть меня запятнаютъ, только бы русская революція не погибла подъ ударами германскаго милитаризма!

Гражданинъ Троцкій меня обвинялъ за то, что мое имя подписано подъ воззваніемъ группы « Личнаго Примѣра ». Я — старый борецъ. Мой щитъ усѣянъ непріятельскими стрѣлами, скажу я словами Лассаля : одной стрѣлой больше, одной стрѣлой меньше. Стрѣла, пущенная въ меня гражданиномъ Троцкимъ, къ сожалѣнію, оказывается недостаточно заостренной.

По нашему мнѣнію, боевая мощь нашей арміи падаетъ. Мы должны личнымъ примѣромъ поднять духъ арміи. Это никому не запрещено, тѣмъ болѣе, если это связано съ самопожертвованіемъ.

Въ нашей арміи, говорятъ, нѣтъ деморализаціи, а есть недоумѣніе. Откуда же такое огромное число дезертировъ? Это явленіе нѣкоторые объясняютъ тѣмъ, что, якобы, дезертиры не знаютъ

1) Напечатанный въ «Единствѣ» (№ 61 отъ 10 іюня) текстъ этой рѣчи содержитъ въ себѣ явныя ошибки. Мы приводимъ, поэтому, рѣчь Г. В. Плеханова въ изложеніи «Русскаго Слова» (№ 130 отъ 10-го іюня), сдѣлавъ нѣкоторыя мелкія исправленія, подсказанныя сличеніемъ обоихъ текстовъ.

цѣлей войны и потому покинули ряды арміи. По моему, они просто не хотѣли принимать личнаго участія въ войнѣ. Нельзя же допустить, чтобы дезертиры отправлялись къ себѣ въ деревню для того, чтобы у своихъ бабъ справляться о цѣляхъ войны. Къ сожалѣнію, революція не разрушила этой психологіи, и каждый изъ насъ обязанъ личнымъ примѣромъ разъяснить это солдатамъ.

Тактика слѣва не разъясняетъ, а затемняетъ сознаніе, и отъ этого происходятъ разложеніе арміи и потеря ея боевой мощи.

Я — соціалистъ, я не могу быть имперіалистомъ. Всеобщій миръ — пока только отдаленная цѣль. Въ настоящее время передъ нами раззоренныя, залитыя кровью Бельгія, Сербія и Польша. Война наложила на всѣхъ тяжкое бремя. Но это не значитъ, чтобы мы сидѣли, сложа руки.

Надо сбросить съ плечъ иго непріятеля, и я увѣренъ, что только при этомъ условіи будетъ прочно поставлено дѣло мира. И будущее скажетъ, что мы, русскіе, оказали огромную услугу этому дѣлу.

(Рѣчь Плеханова сопровождается шумными и продолжительными апплодисментами).

Нашъ оппортюнизмъ

(Новая попытка принудить читателя къ пониманію нашихъ взглядовъ)

Статья первая

(«Единство», №№ 63, 65, 67 и 72 отъ 13, 15, 17 и 23 іюня 1917 г.)

Въ Петроградѣ существуетъ книгоиздательство « Свобода ». Оно печатаетъ рядъ брошюръ подъ общимъ названіемъ « Политическая библіотека для всѣхъ ». На второмъ мѣстѣ этого ряда стоитъ брошюра : « Ленинъ и Плехановъ, — очеркъ полемики ». Издательство предпослало брошюрѣ краткое предисловіе, въ которомъ сообщаетъ, что, желая дать всѣмъ интересующимся возможность ближе познакомиться съ разногласіями, существующими между мною и Ленинымъ, оно попросило М. А. Антонова изложить ихъ въ популярной формѣ.

Онъ исполнилъ эту просьбу, изложивъ совершенно объективно,

какъ думаетъ издательство, « идеологію обоихъ, не предрѣшая вопроса въ пользу кого-либо изъ нихъ ». Такимъ образомъ, стоитъ только пріобрѣсти названную выше брошюру (цѣна этого номера вездѣ 40 коп.), чтобы безъ труда уяснить себѣ, въ чемъ и какъ я расхожусь съ Ленинымъ. Такой выводъ слѣдуетъ изъ предисловія. Къ сожалѣнію, онъ неоснователенъ. М. А. Антоновъ, въ самомъ дѣлѣ, не предрѣшаетъ вопроса ни въ мою пользу, ни въ пользу Ленина. Если это называется объективностью, то онъ объективенъ. И все-таки его брошюра не удовлетворяетъ своей цѣли : она не даетъ надлежащаго понятія объ « идеологіи обоихъ ». Почему? По той простой причинѣ, что для пониманія разногласій, существующихъ между мной и Ленинымъ, необходимо основательное знакомство съ теоріей соціализма. А его-то и нѣтъ у нашего автора. « Разсуждая академически », говоритъ онъ, « соціализмъ, какъ соціальное теченіе, неизмѣненъ ». Это — исходное положеніе М. А. Антонова. Оно совершенно ошибочно. « Соціализмъ, какъ соціальное теченіе », имѣетъ свою длинную исторію. То, что имѣетъ исторію, не остается неизмѣннымъ. Не оставался неизмѣннымъ и соціализмъ. Онъ пережилъ уже нѣсколько фазисовъ развитія. И если бы М. А. Антоновъ зналъ, чѣмъ отличаются эти фазисы одинъ отъ другого, то онъ съ легкостью понялъ бы, почему невозможно мнѣ столковаться съ Ленинымъ.

Но это ему неизвѣстно, вслѣдствіе чего онъ плохо понялъ истинную природу, какъ взглядовъ Ленина, такъ и моихъ взглядовъ.

« Разсуждая академически », я не вижу въ этомъ большой бѣды : можетъ-быть М. А. Антоновъ не понимаетъ и еще очень многаго, — это его частное дѣло. Но онъ взялъ на себя роль просвѣтителя читающей публики. Поэтому его непониманіе перестаетъ быть его частнымъ дѣломъ. А такъ какъ, принимаясь за просвѣщеніе читающей публики, онъ у нея же заимствовалъ ея предразсудки относительно различныхъ оттѣнковъ русской соціалистической мысли, то разборъ его брошюры является въ то же время попыткой уничтожить эти предразсудки. Я считаю полезнымъ сдѣлать такую попытку.

При выясненіи разницы между мной и Ленинымъ, М. А Антоновъ держится сравнительнаго метода. Прежде всего онъ дѣлаетъ, такъ сказать, общее противопоставленіе меня Ленину. Тутъ онъ не чуждъ нѣкотораго притязанія на художественность. Сдѣланное

имъ общее противопоставленіе заставило меня вспомнить сравнительную характеристику Хоря и Калиныча въ извѣстномъ очеркѣ Тургенева :

«Хорь былъ человѣкъ положительный, практическій, административная голова, раціоналистъ; Калинычъ, напротивъ, принадлежалъ къ числу идеалистовъ, романтиковъ, людей восторженныхъ и мечтательныхъ. Хорь понималъ дѣйствительность, то-есть, обстроился, накопилъ деньжонку, ладилъ съ барином и прочими властями; Калинычъ ходилъ въ лаптяхъ и перебивался кое-какъ, и т. д.

Нѣчто подобное получается и у нашего автора. Онъ пишетъ :

« Ленинъ — фанатикъ, доктринеръ, не считающійся съ условіями даннаго мѣста въ дѣлѣ пропаганды принциповъ соціализма. Плехановъ, другая крайность,—практикъ-оппортюнистъ. Ленинъ, ставя выше всего интересы соціализма, забываетъ, что соціализмъ долженъ осуществиться на землѣ, а не на облакахъ. Плехановъ же, отъ души желая осуществленія во чтобы то ни стало соціализма въ жизни, готовъ по своей мягкосердечности и на кой-какія уступки буржуазіи. Ленинъ прямолинеенъ, грубъ, суровъ, энергиченъ, непоколебимъ и неумолимъ въ своихъ требованіяхъ, тогда какъ Плехановъ джентельменъ, уступчивъ, мягокъ, женственъ и ласковъ ».

Мнѣ, котораго такъ часто обвиняли въ рѣзкости полемическихъ пріемовъ, какъ нельзя болѣе пріятно слышать, что я отличаюсь уступчивостью, мягкостью, ласковостью и даже женственностью. Боюсь только, что въ своемъ разборѣ брошюры М. А. Антонова я не удержусь на высотѣ репутаціи, имъ для меня создаваемой. Но что дѣлать! Правда — прежде всего.

Желая доказать, что *мягкость доводитъ меня до оппортюнизма*, т. е., до уступокъ буржуазіи, М. А. Антоновъ приводитъ, напримѣръ, такія мѣста изъ моего обращенія къ делегатамъ Всероссійской Желѣзнодорожной Конференціи :

« Смута принесла бы гибель нашей, только что народившейся свободѣ ».

Или :

« Въ томъ-то и заключается великое счастье русскаго пролетаріата нашихъ дней, что его классовый интересъ совпадаетъ теперь въ борьбѣ за новый строй съ интересами всѣхъ тѣхъ слоевъ населенія, которые хотятъ разъ навсегда покончить съ пережитками стара-

го порядка. Разъ понявъ это, онъ долженъ выдвигать теперь впередъ не то, что разъединяетъ его съ этими слоями, а то, что объединяетъ его съ ними. Его политика должна быть не политикой кружка или кружковъ, пропитанныхъ духомъ секты, а политикой класса, глубоко и широко сознавшаго свое великое историческое призваніе».

Я спрашиваю: не ясно-ли, что въ приведенныхъ строкахъ выражается свойственное мнѣ пониманіе классовыхъ интересовъ нынѣшней Россіи? Оно можетъ быть правильнымъ; оно можетъ быть ошибочнымъ. Если оно правильно, то его долженъ признать таковымъ каждый здравомыслящій человѣкъ, совершенно независимо отъ мягкости или суровости своего темперамента. Если оно ошибочно, слѣдуетъ обнаружить его слабую сторону, опираясь при этомъ на логику и на политическій разсчетъ и отнюдь не довольствуясь ссылкою на темпераментъ. Но въ томъ-то и дѣло, что М. А. Антоновъ раздѣляетъ всѣ предразсудки, распространенные среди читающей публики относительно оппортюнизма и радикализма соціалистическихъ воззрѣній. Кто говоритъ: бываютъ случаи, когда интересы пролетаріата совпадаютъ съ интересами всей буржуазіи или нѣкоторыхъ ея слоевъ, тотъ оппортюнистъ. Кто утверждаетъ наоборотъ: интересы пролетаріата никогда не могутъ совпасть съ интересами буржуазіи, тотъ радикалъ. Читающая публика рѣдко соображаетъ, что дѣло тутъ не въ оппортюнизмѣ или радикализмѣ, а, просто-на-просто, въ политическомъ (или экономическомъ) разсчетѣ, въ политической (или экономической) ариѳметикѣ. Плохо соображаетъ это и М. А. Антоновъ.

Бакунинъ усердно обвинялъ Маркса въ оппортюнизмѣ. Это обвиненіе основывалось у него именно на томъ, что, согласно теоріи Маркса, въ извѣстные моменты общественнаго развитія, нѣкоторые и притомъ весьма важные интересы пролетаріата могутъ и, даже, неизбѣжно должны, совпадать съ нѣкоторыми и притомъ весьма важными интересами буржуазіи. Бакунинъ рѣшительно отрицалъ неизбѣжность подобнаго (замѣтьте: *временнаго*) совпаденія и потому воображалъ себя радикаломъ. Читающей публикѣ онъ и до сихъ поръ представляется дѣятелемъ гораздо болѣе революціоннаго темперамента, нежели Марксъ. Но на самомъ дѣлѣ расхожденіе его съ Марксомъ обусловливается вовсе не темпераментомъ, а пріемами его соціалистическаго мышленія.

Бакунинъ принадлежалъ къ утопической фазѣ соціалистической мысли, тогда какъ Марксъ былъ основателемъ научнаго соціализма.

Если бы М. А. Антоновъ не воображалъ, что «соціализмъ неизмѣненъ»; если бы онъ не позабылъ, что соціализмъ имѣлъ свою длинную исторію; если бы онъ потрудился выяснить себѣ, каковы были отличительныя черты своеобразнаго радикализма автора «Государственности и анархіи», то онъ немедленно увидѣлъ бы, что мнимо-революціонная тактика Ленина есть родная дочь мнимо-революціонной тактики Бакунина. И тогда ему не было бы ни малѣйшей надобности ссылаться на грубость Ленина, на его суровость, прямолинейность, непоколебимость и такъ далѣе и такъ далѣе. Вмѣсто характеристики *личности* онъ далъ бы намъ нѣчто несравненно болѣе цѣнное: характеристику *метода*. Но тогда онъ и не отнесъ бы Ленина къ числу жрецовъ «храма научнаго соціализма». Онъ понялъ бы, что храмъ, въ которомъ священнодѣйствуетъ Ленинъ, находится на островѣ Утопіи.

Интересно, что Ленинъ, зачисляемый М. А. Антоновымъ по вѣдомству научнаго соціализма, забываетъ, по словамъ того же автора, что соціализмъ долженъ осуществиться на землѣ, а не на облакахъ. Побойтесь Бога, гражданинъ Антоновъ! Какой же это научный соціализмъ?

Выше мы видѣли, что, прибѣгая къ сравненію, нашъ авторъ противопоставляетъ мои взгляды взглядамъ Ленина. Теперь мы узнали, что соціалистическій радикализмъ Ленина заключается въ его стремленіи строить на облакахъ, а не на землѣ.

Отсюда слѣдуетъ, что мой оппортунизмъ заключается въ стремленіи строить на землѣ, а не на облакахъ. Это открытіе, которымъ мы всецѣло обязаны сравнительному методу нашего автора, столь же пріятно для меня, какъ и то, что я «джентльмэнъ, уступчивъ, мягокъ, женственъ и ласковъ». Боюсь только, что этакъ совсѣмъ захвалитъ меня гражданинъ Антоновъ.

Впрочемъ, опасность не такъ велика, какъ это можно подумать съ перваго взгляда. Отравляя меня ядомъ похвалы, гражд. Антоновъ не скупится и на противоядіе порицанія. Онъ утверждаетъ, что ожесточенная борьба моя съ Ленинымъ доходитъ «до безумія заамбицированныхъ (sic!) обывателей» и что «мы (т. е., читатели Г. П.) въ правѣ разсматривать добросовѣстность ихъ взаимной полемики подъ острымъ угломъ подозрѣнія». Вонъ оно какъ!

При всей своей ласковости, М. А. Антоновъ не грѣшитъ, какъ видите, излишней мягкостью своихъ критическихъ приговоровъ.

Но это дѣло десятое, какъ выражался Базаровъ (изъ « Отцовъ и дѣтей », а не изъ « Новой Жизни »). Важно то, что читатель и самъ можетъ рѣшить теперь, насколько основательно мнѣніе М. А. Антонова о нашемъ оппортюнизмѣ. Слѣдующая статья покажетъ намъ словами самаго гражд. Антонова, какимъ образомъ выражается этотъ мнимый оппортюнизмъ въ нашемъ отношеніи къ вопросамъ объ Интернаціоналѣ и о нынѣшней войнѣ.

Статья вторая

Продолжаю свою бесѣду съ М. А. Антоновымъ, небольшая брошюра котораго содержитъ въ себѣ великое множество предразсудковъ, распространенныхъ въ обывательской средѣ относительно разныхъ направленій русской соціалъ-демократической мысли.

Онъ увѣряетъ, что « въ лагерѣ Плеханова значутся : Масловъ, Смирновъ, Рубановичъ, Череванинъ, Аксельродъ, Дейчъ и пр. ». Къ тому же лагерю примыкаютъ, по его словамъ : Шейдеманъ, Зюдекумъ, Гайндманъ (т. е., Гайндмэнъ. Г. П.), Вандервельде (т. е., Вандервельдъ. Г. П.), Гэдъ, Каутскій, Бисолати, Адлеръ (вѣроятно Викторъ. Г. П.), Сакызовъ и пр. ».

Къ лагерю Ленина гражд. Антоновъ относитъ изъ русскихъ соціалъ-демократовъ: Зиновьева, Бѣленина, З. Лилина, Земелина «и пр.» « а изъ иностранныхъ : Маклина, Либкнехта, Карла Чульбума (?), Розу Люксембургъ, Благоева и « и др. ».

Здѣсь передъ нами въ полномъ смыслѣ слова изумительная путаница. Теоретики лѣваго крыла соціалъ-демократической партіи разныхъ странъ, непримиримые враги оппортюнизма, убѣжденные марксисты, которымъ западно-европейскій пролетаріатъ обязанъ распространеніемъ въ его рядахъ идей научнаго соціализма, — Гайндмэнъ, Гэдъ, Каутскій, — безъ разбора брошены въ одну кучу съ дѣйствительными оппортюнистами, въ родѣ Зюдекума и Шейдемана, которые принадлежатъ къ числу такъ называемыхъ ревизіонистовъ, давно уже подвергающихъ своему « пересмотру » соціалистическіе взгляды Маркса и Энгельса. Совершенно такой же кашей угощаетъ г. Антоновъ, переходя къ заграничному лагерю *Ленина*. Тутъ у него Карлъ Либкнехтъ

поставленъ на одну доску съ такой никому неизвѣстной революціонной знаменитостью, какъ Чульбумъ. Можетъ быть, этотъ послѣдній и въ самомъ дѣлѣ принадлежитъ къ заграничному лагерю ленинцевъ, я этого не знаю. Но что Карлъ Либкнехтъ всегда примыкалъ къ тому же самому направленію соціалистической мысли, виднѣйшими представителями которой были Гэдъ, Гайндмэнъ и Каутскій, это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

« Расходясь принципіально по вопросу о тактикѣ вообще, — продолжаетъ нашъ авторъ, — эти два лагеря являются непримиримыми врагами касательно вопроса о ликвидаціи развивающихся событій въ связи съ войной ».

Это опять невѣрно.

Зюдекумъ всегда расходился съ Каутскимъ « по вопросу о тактикѣ вообще ». А, между тѣмъ, нашъ авторъ причислилъ ихъ обоихъ къ одному и тому же лагерю. Точно также, Карлъ Либкнехтъ всегда былъ по своимъ тактическимъ взглядамъ очень близокъ къ пишущему эти строки, но неумолимый г. Антоновъ зачислилъ насъ по двумъ непримиримымъ, враждебнымъ между собою тактическимъ вѣдомостямъ.

Что это? Невѣжество? Конечно, невѣжество. Но невѣжество невѣжеству рознь. Бываетъ невѣжество поучительное для тѣхъ, которые его наблюдаютъ. Вотъ именно такое невѣжество и обнаружилъ нашъ авторъ.

Этотъ просвѣтитель читающей публики преподноситъ ей предразсудки, изобильно распространенные въ ея же собственной средѣ. Въ качествѣ просвѣтителя онъ никуда не годится. Но онъ почти незамѣнимъ въ роли носителя ходячихъ предразсудковъ о тактикѣ, войнѣ и тому подобныхъ предметахъ.

« По вопросу о тактикѣ вообще » онъ ровно ничего не знаетъ. Но онъ слышалъ, что у насъ даже многіе соціалисты принимаютъ Гэда, Гайндмэна и меня за тактическихъ единомышленниковъ Зюдекума, Шейдемана, Виктора Адлера и Сакызова. И вотъ онъ беретъ перо и преподноситъ мало просвѣщенному читателю его же собственный предразсудокъ. Онъ не спрашиваетъ себя о происхожденіи этого предразсудка. Онъ даже не подозрѣваетъ, что это предразсудокъ. Онъ считаетъ предразсудокъ вполнѣ правильной мыслью. Но тѣмъ самымъ онъ возлагаетъ на насъ обязанность выяснить процессъ возникновенія предразсудка.

Когда вспыхнула нынѣшняя война, германская соціалъ-

демократическая партія, устами Гаазе, объявила, въ незабвенномъ засѣданіи 4 августа 1914 г., что война эта имѣетъ оборонительный характеръ и что, поэтому, всѣ нѣмецкіе соціалъ-демократы обязаны принимать въ ней дѣятельное участіе. Со своей стороны, такое же заявленіе сдѣлала, примѣнивъ его къ Франціи, французская соціалистическая партія. Въ составъ германской соціалъ-демократической партіи входили Шейдеманъ, Зюдекумъ и другіе оппортюнисты. Къ партіи французскихъ соціалистовъ принадлежали Гэдъ и всѣ его ближайшіе единомышленники. Шейдеманъ стоялъ *на правомъ флангѣ* своей партіи. Наоборотъ, гэдисты составляли *лѣвое крыло* французскаго соціализма. Это — существенно важное различіе. Однако, читающая публика совершенно упустила его изъ виду, когда до ея свѣдѣнія дошло, что Гэдъ объявилъ себя готовымъ защищать Францію подобно тому, какъ Шейдеманъ возвѣстилъ о своей готовности съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать Германію. *Внѣшнее сходство положеній принято было ею за ихъ внутреннее тождество.* До какой степени ошибочно было ея умозаключеніе отъ внѣшняго ко внутреннему, покажетъ слѣдующій примѣръ :

Съ точки зрѣнія Л. Толстого, революціонеры, возставшіе съ оружіемъ въ рукахъ *противъ* царскаго правительства, заслуживали такого же осужденія, какъ и само это правительство. Почему? Потому, что и революціонеры и представители власти прибѣгали къ силѣ. Л. Толстой не спрашивалъ себя, какую цѣль ставили передъ собой одни и какую цѣль преслѣдовали другіе. Онъ не отличалъ обороняющихся отъ нападающихъ, угнетаемыхъ отъ угнетателей. Всѣ тѣ, которые противились злу насиліемъ, принадлежали, по его мнѣнію, къ одному и тому же лагерю : къ лагерю *насильниковъ*. И чѣмъ энергичнѣе данный революціонеръ шелъ по пути возстанія, тѣмъ больше уподоблялся онъ въ глазахъ Толстого данному реакціонеру, свирѣпо распоряжавшемуся карательнымъ отрядомъ. И тотъ и другой — насильники. Важно не то, за что борется человѣкъ; важно то, прибѣгаетъ-ли онъ въ своей борьбѣ къ насильственнымъ средствамъ.

Совершенно такъ же стала судить широкая публика о французскихъ соціалистахъ, съ одной стороны, и германскихъ — съ другой, когда началось нынѣшнее международное столкновеніе. Она не спрашивала себя, чего хотятъ одни и къ чему стремятся другіе. Вопросъ *о цѣляхъ* у нея совсѣмъ не возникалъ. Она довольствовалась

ствовалась вопросомъ *о средствахъ*. И Гэдъ и Шейдеманъ « пріемлютъ войну ». Значитъ, оба они принадлежатъ къ одному и тому же лагерю. Къ какому? Широкая публика думала, что радикальные соціалисты войны ни въ какомъ случаѣ « не пріемлютъ ». Поэтому она рѣшила, что Гэдъ, подобно Шейдеману, находится въ лагерѣ оппортюнистовъ. А такъ какъ она слышала, что въ Циммервальдѣ собрались люди, войны « не пріемлющіе », то она рѣшила, что они то и являются истинными представителями радикальнаго соціализма. На самомъ дѣлѣ, въ циммервальдскихъ резолюціяхъ выразились идеи, носителями которыхъ на съѣздахъ второго Интернаціонала, выступали анархисты-синдикалисты, въ родѣ Домелы Ньевенгайса. Но широкая публика незнакома была съ исторіей Интернаціонала. Обманутая внѣшнимъ радикализмомъ циммервальдскихъ резолюцій, она увидѣла въ нихъ выраженіе духа непримиримаго марксизма.

Это вовсе не значитъ, что мнимо-радикальный характеръ названныхъ резолюцій пользовался ея сочувствіемъ. Нѣтъ, въ большинствѣ случаевъ она сочувствовала « оппортюнистамъ », такъ какъ сама она тоже склонна «пріять войну ». Но къ оппортюнистамъ, она по своему незнанію, причисляла, какъ тѣхъ, которые, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежали къ нимъ (напримѣръ, Шейдеманъ и Зюдекумъ), такъ и тѣхъ, которые всегда были и теперь остались ихъ непримиримыми врагами (напримѣръ, Гэдъ и Гайндмэнъ).

На самомъ дѣлѣ положеніе Гэда было существенно отлично отъ положенія Зюдекума и Шейдемана. Шейдеманъ поддерживалъ политику имперіализма и тѣмъ измѣнялъ Интернаціоналу. Гэдъ возставалъ противъ этой политики и тѣмъ самымъ слѣдовалъ заповѣди Международнаго Товарищества Рабочихъ. То обстоятельство, что глава французскихъ марксистовъ возставалъ противъ германскаго имперіализма, « пріемля войну », вполнѣ достаточно объясняется тѣмъ, что этотъ имперіализмъ шелъ съ оружіемъ въ рукахъ къ достиженію своей цѣли.

Говорятъ ,что въ нынѣшнихъ имперіалистическихъ войнахъ отвѣтственность падаетъ на всѣ капиталистическія страны вообще и ни на одну изъ нихъ въ частности. Но это опять одинъ изъ распространенныхъ въ широкой публикѣ предразсудковъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что имперіалистическія войны обусловливаются, *въ послѣднемъ счетѣ*, природой капитализма, достигшаго

высшей ступени своего развитія. Но одно дѣло «*послѣдній счетъ*», которымъ обусловливается общая *возможность* имперіалистическихъ войнъ, а другое дѣло тѣ *ближайшія причины*, благодаря которымъ *общая возможность переходитъ въ горькую* дѣйствительность даннаго времени. Этими ближайшими причинами всегда служатъ дѣйствія опредѣленнаго государства или опредѣленнаго союза государствъ. И когда извѣстныя дѣйствія даннаго государства или даннаго союза государствъ вызываютъ военныя столкновенія между народами, мы имѣемъ полное основаніе утверждать, что на него и падаетъ отвѣтственность за это столкновеніе.

Еще наканунѣ нынѣшней войны германская, — а также австрійская, — соціалъ-демократическая печать единодушно признавала, что отвѣтственность за нее падаетъ, главнымъ образомъ, на германскихъ и австрійскихъ имперіалистовъ. Послѣ 4 августа 1914 г. большинство ея органовъ стало говорить нѣчто противоположное. Оно принялось доказывать, что Германія только обороняется отъ вражескаго нападенія, т. е., что въ войнѣ виноваты, главнымъ образомъ, страны Согласія. Но эта перемѣна взгляда произошла одновременно съ *переходомъ германской соціалъ-демократіи на сторону германскаго имперіализма*. Еще нѣсколько позже этого, когда въ средѣ нѣмецкой с.-д. партіи возникла оппозиція политикѣ имперіализма, органы оппозиціоннаго меньшинства опять начали высказываться, — правда, робко и нерѣшительно, — въ прежнемъ смыслѣ. Самъ Бернштейнъ, этотъ родоначальникъ нѣмецкихъ ревизіонистовъ, сталъ поговаривать, что *французская соціалистическая партія находится совсѣмъ въ другомъ положеніи, чѣмъ германская*. Это было равносильно признанію того, что Франція *обороняется*, между тѣмъ какъ Германія *нападаетъ*. Со стороны Бернштейна, какъ отца ревизіонизма, это было непослѣдовательно. Но бываютъ времена такого затменія общественной мысли, когда сама непослѣдовательность становится заслугой. И въ глазахъ всѣхъ безпристрастныхъ людей за Бернштейномъ навсегда останется заслуга этой непослѣдовательности.

Какъ бы тамъ ни было, Интернаціоналъ еще со временъ Маркса различалъ *оборонительныя войны отъ завоевательныхъ*. И совершенно въ духѣ Интернаціонала такое различіе твердо было установлено французской соціалистической партіей на ея Лиможскомъ Съѣздѣ (1906),

Въ своей резолюціи о войнѣ этотъ съѣздъ напомнилъ «рабо-

чему классу всѣхъ странъ, что ни одно правительство не можетъ угрожать независимости другого народа, не совершая преступленія противъ этого народа, противъ его рабочаго класса и противъ пролетаріата всѣхъ странъ ».

Та же резолюція гласила далѣе, что « народъ и рабочій классъ страны, независимость которой находится въ опасности, настоятельно должны защищать эту независимость и въ правѣ разсчитывать на помощь рабочаго класса всѣхъ странъ ».

Когда принята была эта резолюція (повторяю, въ 1906 г.), ни одинъ соціалистическій органъ ни одной страны не сдѣлалъ противъ нея ни малѣйшаго возраженія. Только анархо-синдикалистъ Густавъ Эрве осудилъ ее, какъ оппортюнистическую. Но это никого не удивило, такъ какъ всѣ понимали тогда, что анархо-синдикалисты не раздѣляютъ взгляда соціалистовъ на войну, да и не могутъ раздѣлять его.

Когда Гэдъ « пріялъ войну » 1914 г., когда онъ сталъ звать французскій пролетаріатъ на всемѣрную защиту своей страны, онъ поступилъ вполнѣ согласно со смысломъ лиможской резолюціи.

И чѣмъ радикальнѣе былъ образъ мыслей этого человѣка, чѣмъ революціоннѣе былъ его темпераментъ, тѣмъ рѣшительнѣе долженъ былъ онъ ополчиться противъ *преступленія*, совершеннаго германскими имперіалистами и, къ сожалѣнію, поддержаннаго Шейдеманомъ съ братіей. Относить его на этомъ основаніи къ одному лагерю съ Шейдеманомъ можетъ только тотъ, кто считаетъ, что В. И. Засуличъ находилась въ одномъ лагерѣ съ Треповымъ, въ котораго она стрѣляла за звѣрское истязаніе, совершенное по его приказу надъ Боголюбовымъ.

Статья третья

Г. Антоновъ совсѣмъ не знаетъ исторіи соціализма. Не удивительно, что онъ безъ малѣйшаго колебанія валитъ непримиримаго марксиста Гэда въ одну кучу съ неисправимымъ ревизіонистомъ Шейдеманомъ. Будь исторія соціализма знакома ему хотя бы отчасти, хотя бы въ своемъ новѣйшемъ фазисѣ, онъ съ удивленіемъ спросилъ бы себя: какъ же это могло случиться, что не только Гэдъ'во Франціи, но Гайндмэнъ въ Англіи, Иглезіасъ въ Испаніи,

Н. Жорданія въ Грузіи и, наконецъ, Плехановъ въ Россіи, бывшіе, каждый въ своей странѣ, главными проповѣдниками правовѣрнаго марксизма, этой алгебры революціи, и всегда жестоко воевавшіе съ оппортюнизмомъ, вдругъ, точно сговорившись, перешли въ оппортюнистическій лагерь? Еще Платонъ сказалъ: «удивленіе есть мать философіи». Если бы г. Антоновъ *удивился* тому явленію, которое представлялось ему переходомъ главныхъ теоретиковъ еврогейскаго марксизма въ лагерь оппортюнистовъ, то онъ сталъ бы *обдумывать* его (*«философствовать»*) и тогда оно, можетъ быть, представилось бы ему въ совершенно другомъ свѣтѣ. Онъ сообразилъ бы, пожалуй, что, на самомъ дѣлѣ, вовсе и не было никакого перехода главныхъ проповѣдниковъ европейскаго марксизма въ оппортюнистическій лагерь, и что *внѣшнее сходство* положеній принято было имъ за ихъ *тождество по существу*. Я не говорю этого съ увѣренностью, а только предположительно: «можетъ быть», «пожалуй». Для увѣренности у меня, къ сожалѣнію, нѣтъ голнаго основанія. Даже люди гораздо болѣе даровитые и свѣдующіе, нежели г. Антоновъ, не сумѣли надлежащимъ образомъ «удивиться» мнимому переходу въ оппортюнизмъ Гэда, Гайндмэна, Иглезіаса и др. Главнымъ камнемъ преткновенія послужило здѣсь заключеніе «*гражданскаго мира*» въ воюющихъ странахъ европейскаго Запада.

«Гражданскимъ миромъ» называется соглашеніе между разными политическими партіями, имѣющее цѣлью совершенно прекратить или, по крайней мѣрѣ, значительно ослабить въ теченіе войны взаимную борьбу, происходящую между ними при нормальныхъ условіяхъ. Склонность къ соглашеніямъ съ другими партіями проявлялась обыкновенно оппортюнистами. Марксисты рѣшительно возставали противъ нея. Но когда вспыхнуло нынѣшнее международное столкновеніе, марксисты, — напримѣръ, Гэдъ, — тоже признали это соглашеніе необходимымъ. Какъ извѣстно, Гэдъ даже сдѣлался на время министромъ (безъ портфеля). Вотъ отсюда-то широкая публика и сдѣлала тотъ выводъ, что Гэдъ и его единомышленники въ другихъ обороняющихся странахъ усвоили себѣ оппортюнистическую тактику. Но это — ошибочный выводъ, способный удовлетворить только самые поверхностные умы. Война принесла съ собою такія исключительныя условія, къ которымъ уже не примѣнима формальная логика мирнаго времени.

«Гражданскій миръ» считается равносильнымъ прекращенію

классовой борьбы. Классовая борьба началась съ той самой поры, когда разложился первобытный коммунизмъ, основанный на кровномъ родствѣ, и въ обществѣ возникли классы. Она прекратится только вмѣстѣ съ существованіемъ классовъ. Чтобы ослабить ее, недостаточно соглашеніе между разными политическими партіями. Чтобы ослабить ее на продолжительное время, нужно одно изъ двухъ : или чтобы въ данной странѣ замедлился ходъ экономическаго развитія, или чтобы она попала въ исключительное положеніе страны, эксплоатирующей другія страны.

Успѣшное для Германіи окончаніе *завоевательной войны*, объявленной ею Франціи, непремѣнно поставило бы эту послѣднюю въ условія, замедляющія ходъ ея экономическаго развитія. Замедленный ходъ экономическаго развитія означаетъ замедленіе процесса образованія пролетаріата, какъ общественнаго класса, а также замедленіе развитія его самосознанія. Все это вмѣстѣ взятое ослабляетъ его позицію по отношенію къ буржуазіи.

Само собою разумѣется, что французскимъ марксистамъ никакъ не могла понравиться перспектива ослабленія позиціи французскаго пролетаріата. Чтобы избѣжать подобнаго ослабленія, имъ нужно было помѣшать Германіи побѣдить Францію. Съ этой цѣлью они и вошли въ соглашеніе съ буржуазными партіями. Оно подсказано было имъ желаніемъ по возможности устранить на время войны такія формы классовой борьбы, которыя повели бы къ ослабленію боевой мощи французской арміи и тѣмъ способствовали бы осуществленію плановъ германскихъ имперіалистовъ.

Изъ этого слѣдуетъ, что соглашеніе заключено было вовсе не въ видахъ ослабленія борьбы классовъ, а, наоборотъ, въ видахъ устраненія тѣхъ условій, которыя непремѣнно ослабили бы ее въ будущемъ. Гдѣ же тутъ оппортюнизмъ? Его нѣтъ и слѣда, а есть нѣчто, ему прямо противоположное : есть *свойственное всякому послѣдовательному марксисту стремленіе* удалять съ историческаго пути рабочаго класса то, что дѣлаетъ его менѣе сильнымъ въ борьбѣ съ буржуазіей.

Конечно, съ точки зрѣнія анархистовъ и анархо-синдикалистовъ непріемлемы даже и временныя соглашенія представителей пролетаріата съ представителями враждебныхъ ему классовъ общества, какія-бы выгоды ни сулили ему такія соглашенія въ будущемъ. Однако, марксисты всегда отрицали яко-бы радикальную тактику анархистовъ и анархо-синдикалистовъ, основанную на

чисто догматическомъ пониманіи принциповъ соціализма. Еще Марксъ и Энгельсъ чрезвычайно ѣдко осмѣивали въ своемъ манифестѣ «истинныхъ нѣмецкихъ соціалистовъ», отвергавшихъ всякую мысль о поддержкѣ нѣмецкимъ пролетаріатомъ буржуазіи, выступавшей тогда на путь борьбы съ абсолютизмомъ. По словамъ авторовъ манифеста, «истинные нѣмецкіе соціалисты» противопоставляли политическому движенію буржуазіи соціалистическія требованія, расточали традиціонныя проклятія либерализму, представительному правленію, буржуазной конкуренціи, буржуазной свободѣ слова, буржуазному праву, буржуазной свободѣ и равенству, и пропов'ѣдывали народной массѣ, что въ этомъ буржуазномъ движеніи она ничего не можетъ выиграть, но напротивъ рискуетъ все потерять (совершенно, какъ теперь наши большевики!). «Нѣмецкій соціализмъ, — прибавлялъ манифестъ, — весьма кстати забывалъ о томъ, что французская критика, неразумнымъ отголоскомъ которой онъ явился, имѣетъ въ виду современное буржуазное общество съ соотвѣтствующими ему экономическими отношеніями и политической организаціей, т.-е., именно тѣ общественныя условія, о завоеваніи которыхъ только еще шла рѣчь въ Германіи». Легкомысленные критики, обвиняющіе Гэда въ забвеніи принциповъ классовой борьбы, въ свою очередь, очень похожи на осмѣянныхъ Марксомъ и Энгельсомъ «истинныхъ нѣмецкихъ соціалистовъ». Они не понимаютъ, что, какъ я сказалъ выше, для французскихъ марксистовъ дѣло сводилось къ устраненію съ историческаго пути Франціи тѣхъ препятствій, которыя собирались воздвигнуть на немъ германскіе имперіалисты и которыя *очень сильно и весьма надолго задержали-бы ходъ развитія классовой борьбы во французскомъ обществѣ.* Легкомысленные порицатели Гэда *приняли за оппортюнизмъ то, что въ дѣйствительности было, наоборотъ, выраженіемъ наиболѣе продуманнаго и наиболѣе послѣдовательнаго соціалистическаго радикализма.*

Почему въ числѣ французскихъ порицателей тактики Гэда мы видимъ такихъ товарищей, какъ Жанъ Лонгэ?

Да именно потому, что, при всѣхъ своихъ неоспоримыхъ достоинствахъ, этотъ товарищъ никогда не былъ *марксистомъ* и всегда принадлежалъ къ лагерю *оппортюнистовъ.*

Почему въ числѣ англійскихъ порицателей тактики Гайндмэна мы видимъ такихъ товарищей, какъ Рамзей Макдональдъ, который никогда не выступалъ горячимъ сторонникомъ классовой борьбы

и былъ извѣстенъ въ Англіи не столько соціалистическими рѣчами, сколько воскресными проповѣдями въ церквахъ на болѣе или менѣе назидательныя христіанскія темы? Да именно потому, что онъ былъ всегда *оппортюнистомъ* и всегда имѣлъ *о марксизмѣ* лишь самое смутное представленіе.

Но въ такомъ случаѣ, скажетъ иной проницательный читатель, тактика Шейдемана и Зюдекума тоже не заключаетъ въ себѣ ни одного атома оппортюнизма?

Ошибаетесь, отвѣчу я. И ошибаетесь опять потому, что принимаете внѣшнее сходство положеній за ихъ дѣйствительное тождество.

Тактика Гэда направлена къ *устраненію съ историческаго пути Франціи препятствій, грозящихъ замедлить развитіе классовой борьбы въ этой странѣ.*

Тактика Шейдемана и К-о имѣетъ цѣлью *завоеваніе для Германіи такихъ условій экономическаго развитія, которыя непремѣнно поведутъ къ ослабленію въ ней борьбы классовъ.*

Это, какъ видите, «двѣ большія разницы». Скажу больше: тутъ передъ нами двѣ тактики, одна изъ которыхъ составляетъ прямую противоположность другой.

— Но изъ чего видно, продолжаетъ проницательный читатель, что тактика Шейдемана ведетъ къ ослабленію классовой борьбы въ Германіи?

Это видно изъ самой сущности дѣла. Шейдеманъ и К-о поддерживаютъ тактику нѣмецкихъ имперіалистовъ. Осуществленіе лелѣемыхъ имперіалистами плановъ поставило-бы германскій пролетаріатъ въ положеніе пособника буржуазіи и синдикатовъ въ дѣлѣ эксплоатаціи другихъ народовъ. Чтобы сохранить за собою это выгодное, но постыдное положеніе, рабочему классу Германіи приходилось бы всѣми мѣрами поддерживать союзъ съ господствующими классами, ознаменовавшійся пресловутой тактикой 4 августа 1914 г. Кто принимаетъ участіе въ эксплоатаціи другихъ, тому уже трудно возставать противъ эксплоататоровъ. Короче, тутъ мы имѣли бы передъ собой тотъ исключительный случай, когда экономическое процвѣтаніе данной страны ведетъ за собою ослабленіе въ ней борьбы классовъ. Ослабленіе борьбы классовъ въ Германіи завершилось-бы новымъ «пересмотромъ» соціалистическаго ученія для внѣдренія въ него духа оппортюнизма. А все это, вмѣстѣ взятое, значитъ, что классовая борьба стала-бы вестись

въ Германіи съ несравненно меньшей энергіей, чѣмъ велась она въ то доброе старое время, когда руководителями соціалъ-демократіи въ Германіи были не Шейдеманы, Эберты и Зюдекумы, а Либкнехты, Бебели и Зингеры.

Понятно-ли это, г. Антоновъ? Надѣюсь, что да : буки, азъ--- ба; вѣди, азъ — ва, вѣдь это проще простого!

Статья четвертая

Я не принадлежу къ числу тѣхъ, которые любятъ становиться въ трагическую позу и произносить громкія революціонныя фразы. Я помню предостерегающее замѣчаніе Энгельса о томъ, что въ области революціонной фразеологіи анархисты давно уже сдѣлали все человѣчески-возможное и что, поэтому, здѣсь немыслимо для насъ никакое соперничество съ ними. Если я оспариваю широко распространенное мнѣніе о нашемъ оппортюнизмѣ, то дѣлаю это вовсе не потому, что мнѣ хотѣлось бы выступить передъ читателемъ въ роли крайняго радикала. Я преслѣдую совершенно другую цѣль. Мнѣ хочется показать, что различіе между нами, — которыхъ считаютъ оппортюнистами,—и нашими противниками, которыхъ признаютъ радикалами, несравненно глубже, чѣмъ несходство темпераментовъ. Нашъ методъ мышленія существенно отличается отъ ихъ метода; наши революціонныя понятія совершенно несоизмѣримы съ ихъ понятіями. И если можно сравнивать насъ съ ними, то не въ *пространствѣ*, а развѣ только *во времени*. Другими словами : рѣчь должна итти не о томъ, кто изъ насъ « *лѣвѣе* » и кто « *правѣе* », а о томъ, кто принадлежитъ по своимъ воззрѣніямъ къ *болѣе ранней* и кто къ *болѣе поздней эпохѣ развитія соціализма*.

Г. М. Антоновъ самъ привелъ весьма убдительныя доказательства того, что соціализмъ Ленина строится не на землѣ, а на облакахъ, т. е., не имѣетъ ровно ничего общаго съ современнымъ соціализмомъ. Однако, это нисколько не мѣшаетъ ему называть Ленина « жрецомъ » научнаго соціализма и считать его моимъ современникомъ въ области соціальныхъ идей. Въ этомъ состоитъ его главная ошибка. Но эту ошибку дѣлаютъ, вмѣстѣ съ нимъ, многіе и многіе читатели.

« Плехановъ, исходя изъ положенія, что націонализмъ можно согласовать при свѣтѣ разума съ интернаціонализмомъ, — гово-

ритъ М. А. Антоновъ, — становится на положительной плоскости относительно войны, т. е., не противодѣйствуетъ ея продленію ».

Изъ этого видно, что г. Антоновъ не имѣетъ ни малѣйшаго представленія о нашемъ методѣ.

Наша теоретическая работа состоитъ отнюдь не въ согласованіи, « при свѣтѣ разума », различныхъ идей, напримѣръ, идеи *національной* съ *интернаціональной*. Методъ « согласованія » годенъ развѣ лишь для изготовленія болѣе или менѣе жидкой, болѣе или менѣе удобоваримой эклектической кашицы. Мы не занимаемся « согласованіемъ » идей, ради удовлетворенія тѣхъ теоретическихъ или практическихъ потребностей, которыя возникаютъ у насъ подъ вліяніемъ нашего темперамента. Нашъ методъ сводится *къ изученію дѣйствительности*. И мы согласуемъ одну съ другой только тѣ идеи, согласованіе которыхъ неизбѣжно опредѣлится объективной логикой историческаго процесса.

Національная идея сама представляетъ собою одинъ изъ многочисленныхъ и крайне разнообразныхъ духовныхъ плодовъ этого процесса. Было время, — и замѣтьте, весьма продолжительное время, — когда въ человѣческихъ головахъ совсѣмъ не было мѣста для національной идеи. Охотничьи и кочевыя племена, живущія въ условіяхъ *родового быта*, не знаютъ, что такое *нація*. Граждане античнаго государства-города тоже не доходили еще до національной идеи. Точнѣе сказать, слабые зародыши этой идеи существовали только въ головахъ немногихъ, наиболѣе передовыхъ представителей античнаго образа мыслей. То же самое видимъ мы, напримѣръ, въ итальянскихъ городскихъ республикахъ. Генуэзцы любили свою Геную и много заботились объ ея благосостояніи. Но имъ не было ни малѣйшаго дѣла до благосостоянія недалекой отъ Генуи Пизы. Напротивъ, они всѣми силами старались повредить пизанцамъ и вели съ ними ожесточенныя войны. Мысль о томъ, что пизанцы принадлежатъ, какъ и они, къ итальянской націи, просто-на-просто не приходила генуэзцамъ въ голову. Не приходила она, разумѣется, и пизанцамъ. Представленіе *о родной землѣ* ограничивалось представленіемъ *о родномъ городѣ-государствѣ*.

На это были совершенно опредѣленныя экономическія причины. Я не стану разсматривать ихъ здѣсь : это завело бы меня слишкомъ далеко въ сторону. Съ меня достаточно того общеизвѣстнаго факта, что мало по малу историческое развитіе Италіи поста-

вило на очередь вопросъ объ ея *національномъ единствѣ*. Само собою разумѣется, что вопросомъ этимъ далеко не одновременно заинтересовались всѣ итальянцы. Сначала онъ привлекъ къ себѣ вниманіе только самыхъ чуткихъ и благородныхъ представителей итальянской расы: вспомнимъ хотя бы Мадзини и его многочисленныхъ единомышленниковъ.

Мадзини былъ родомъ изъ Генуи, но на итальянскія дѣла онъ смотрѣлъ уже не съ генуэзской, а съ обще-итальянской точки зрѣнія. Теперь съ обще-итальянской точки зрѣнія на эти дѣла смотритъ огромное большинство итальянцевъ.

Такъ, ходъ историческаго развитія расширилъ кругозоръ итальянскаго населенія. Генуэзецъ не скажетъ теперь, что слѣдуетъ разрушить Пизу; пизанецъ не будетъ стремиться къ разрушенію Генуи. Самая мысль о такомъ разрушеніи показалась бы преступной и тому и другому. Но значитъ ли это, что теперь генуэзецъ не любитъ Генуи, а пизанецъ — Пизы? Нѣтъ! Вообще говоря, генуэзцы очень любятъ Геную, а пизанцы — Пизу. Что же измѣнилось тутъ сравнительно съ тѣмъ, что было въ Средніе Вѣка и въ эпоху Возрожденія? Измѣнился характеръ любви къ родному городу. Прежде генуэзецъ зналъ только свою Геную и въ жертву ея интересамъ готовъ былъ, съ самымъ спокойнымъ сердцемъ, принести интересы всѣхъ другихъ городовъ Италіи. Теперь генуэзецъ уважаетъ правомѣрные интересы другихъ городовъ Италіи и, если онъ, въ самомъ дѣлѣ, стоитъ на высотѣ нынѣшняго передового итальянскаго патріотизма, то онъ рѣшительно осудитъ свой родной городъ, если тотъ захочетъ нарушить эти правомѣрные интересы. Также поступитъ современный развитой пизанецъ, венеціанецъ, миланецъ и т. д.

Но историческій процессъ не остановился съ возникновеніемъ и упроченіемъ въ человѣческихъ головахъ *національной* идеи. Дальнѣйшій ходъ развитія экономическихъ отношеній привелъ къ возникновенію и распространенію идей *Интернаціонала*.

Если главной носительницей и распространительницей національной идеи явилась *буржуазія*, бывшая нѣкогда наиболѣе сознательнымъ общественнымъ классомъ, то главнымъ носителемъ и распространителемъ идей Интернаціонала выступилъ *пролетаріатъ*, ставшій *въ передовыхъ странахъ* самымъ сильнымъ двигателемъ *общественнаго прогресса*.

Если послѣдовательный служитель національной идеи спосо-

бенъ, ради блага своей націи, пренебрегать интересами другихъ націй, — подобно тому, какъ нѣкогда генуэзцы пренебрегали интересами пизанцевъ, а пизанцы интересами генуэзцевъ, — то послѣдовательный служитель идеи Интернаціонала чувствуетъ и поступаетъ совсѣмъ иначе. Онъ различаетъ правомѣрные интересы своего народа отъ неправомѣрныхъ его интересовъ, т. е., отъ такихъ, удовлетвореніе которыхъ было бы равносильно эксплоатаціи и угнетенію другихъ народовъ. Тутъ передъ нами совершается явленіе, подобное тому, которое мы изучили на примѣрѣ современной Италіи, гдѣ, какъ я сказалъ, сознательный гражданинъ каждой отдѣльной мѣстности старается отличать ея правомѣрные интересы отъ неправомѣрныхъ. Разница лишь въ томъ, что одно изъ этихъ двухъ явленій происходитъ въ предѣлахъ отдѣльной націи, а другое — въ міровыхъ предѣлахъ. Интернаціональная идея несравненно шире національной. Но совершенно такъ же, какъ *національная* идея не мѣшаетъ человѣку, ею проникнутому, любить свой родной *городъ*, *интернаціональная* идея не препятствуетъ человѣку, поднявшемуся до нея, любить свой *народъ*.

Если бы это было иначе; если бы величайшая, благороднѣйшая идея нашего историческаго періода запрещала человѣку, возвысившемуся до нея, любить свой народъ; если бы она совсѣмъ не оставляла мѣста для націонализма, то ее слѣдовало бы назвать *антинаціональной*, а вовсе не *интернаціональной*, т. е., предполагающей систему извѣстныхъ отношеній между націями.

Различеніе правомѣрныхъ интересовъ всякой данной націи отъ неправомѣрныхъ ея интересовъ, подсказанное интернаціоналистамъ самой логикой общественнаго развитія, опредѣляетъ и ихъ отношеніе къ войнѣ.

Интернаціоналистъ « пріемлетъ », хотя и скрѣпя сердце, ту войну, которая направлена на защиту правомѣрныхъ интересовъ его народа; онъ не пріемлетъ той, которая предпринята съ цѣлью нарушенія правомѣрныхъ интересовъ другихъ народовъ.

Вотъ только и всего. Такъ рѣшается нами вопросъ о войнѣ и Интернаціоналѣ. Рѣшая его въ этомъ смыслѣ, мы ничего не « согласуемъ » произвольно, ради своихъ субъективныхъ пристрастій. Наши взгляды и наша тактика представляютъ собою лишь сознательное выраженіе безсознательнаго историческаго процесса. Въ этомъ ихъ главное достоинство, въ этомъ ручательство за ихъ практическую плодотворность.

Революціонная демократія и война

(«Единство» № 64 отъ 14-го іюня 1917 г.)

Всероссійскій Съѣздъ Р. и С. Депутатовъ огромнымъ большинствомъ голосовъ принялъ резолюцію о войнѣ, предложенную с.-д. меньшевиками и соціалистами-революціонерами. Кто вдумывается въ резолюціи, принимаемыя съѣздами, тотъ, конечно, замѣтилъ, что далеко не всегда отличаются онѣ полною опредѣленностью своего идейнаго содержанія. А кто самъ участвовалъ въ работахъ съѣздовъ, тотъ знаетъ, какъ объясняется недостаточная опредѣленность ихъ резолюцій. Чаще всего резолюціи эти являются плодомъ соглашенія между преобладающими на съѣздѣ группами. Разумѣется, не обошлось безъ соглашеній и въ данномъ случаѣ. И это обстоятельство не осталось безъ вліянія на резолюцію о войнѣ, принятую на съѣздѣ нашей революціонной демократіей. Но въ интересахъ справедливости необходимо замѣтить, что политическія группы, вліянію которыхъ обязаны мы принятіемъ этой резолюціи, мало расходятся между собою во взглядѣ на характеръ нынѣшней войны и на средства, могущія вести къ возстановленію мира. Поэтому имъ легко было придти къ соглашенію безъ большихъ взаимныхъ уступокъ.

Но если имъ нетрудно было столковаться между собою, то изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что всѣ положенія, вошедшія въ ихъ резолюцію, безупречны съ точки зрѣнія объективной истины.

Возьмемъ хотя-бы то коренное положеніе, на которомъ она основывается и которымъ въ весьма значительной степени опредѣляется ея дальнѣйшее идейное содержаніе. Положеніе это гласитъ:

«Настоящая война возникла на почвѣ имперіалистическихъ стремленій господствующихъ классовъ всѣхъ странъ, направленныхъ къ захвату новыхъ рынковъ и подчиненію своему вліянію мелкихъ и отсталыхъ странъ».

Далѣе говорится о крайне вредныхъ послѣдствіяхъ этой войны. Она приводитъ къ полному экономическому истощенію всѣхъ странъ, ставитъ на край гибели русскую революцію и т. д. Мы скоро увидимъ, что это справедливо, хотя нуждается въ нѣкоторыхъ поясненіяхъ. Теперь же я скажу, что приведенное мною основное положеніе резолюціи совершенно неудовлетворительно въ томъ видѣ, какой ему въ ней приданъ.

Сначала мы слышимъ, что война вызвана имперіалистическими стремленіями господствующихъ классовъ *«всѣхъ странъ»*. А потомъ намъ, — въ этомъ же самомъ періодѣ, — сообщаютъ, что господствующіе классы *«всѣхъ странъ»* стремятся захватить новые рынки и подчинить своему экономическому и политическому вліянію *«мелкія и отсталыя страны»*. Выходитъ, что *мелкія и отсталыя страны* къ числу *всѣхъ странъ* не принадлежатъ.

Читатель недоумѣваетъ, впервые встрѣтившись съ тѣмъ утвержденіемъ, что кромѣ *«всѣхъ странъ»* существуютъ еще *«страны мелкія и отсталыя»*. Спрашивается: зачѣмъ понадобилось ставить его лицомъ къ лицу съ этимъ, по меньшей мѣрѣ, сомнительнымъ утвержденіемъ?

Авторы резолюціи возразятъ мнѣ: «это пустяки; мы просто плохо выразились». А я отвѣчу имъ новымъ вопросомъ: зачѣмъ же вы *плохо* выразились тамъ, гдѣ вы *обязаны* были выразиться *хорошо*?

Лассаль говорилъ когда-то, что писать для народа несравненно труднѣе, чѣмъ для того или иного ученаго собранія. Это вѣрно. Но вѣрно только въ примѣненіи къ тѣмъ писателямъ, которые, обращаясь къ народной массѣ, во-первыхъ, считаютъ непозволительнымъ выражаться небрежно, а, во-вторыхъ, прилагаютъ большую заботу къ приведенію въ строгій порядокъ своихъ собственныхъ мыслей. Что-же касается разбираемой резолюціи, то я, къ величайшему своему сожалѣнію, не вижу большого порядка въ мысляхъ, совокупность которыхъ составляетъ ея теоретическую основу.

Россія принадлежитъ къ числу *«всѣхъ странъ»*. Въ этомъ не можетъ усомниться даже и самый неисправимый скептикъ. Но принадлежитъ-ли она къ числу *«мелкихъ»* странъ? Нѣтъ, очевидно не принадлежитъ. А можно-ли назвать ее «отсталой» страной? Не только можно, но и должно, по крайней мѣрѣ, *съ экономическомъ отношеніи*. Всякій, даже не обучавшійся въ семинаріи, знаетъ, что производительныя силы нашей страны очень мало развиты въ сравненіи съ передовыми странами Запада. Что-же изъ этого слѣдуетъ? Вотъ что.

Если читатель серьезно вдумается въ основное положеніе резолюціи, то у него неизбѣжно возникнетъ вопросъ: не принадлежитъ-ли и русскій народъ къ числу тѣхъ народовъ, на которые стремятся наложить иго эксплоатаціи имперіалисты *«всѣхъ*

странъ»? Это очень серьезный вопросъ. Ибо, если имперіалисты *«всѣхъ странъ»* стремятся эксплоатировать русскій народъ, хотябы только въ *экономическомъ* отношеніи, то совершенно ясно, что ему надо защищаться. И если, даже, невозможно ему совершенно оградить себя отъ эксплоатаціи со стороны имперіалистовъ *«всѣхъ странъ»*, то все-таки ему очень важно выяснить себѣ, какіе именно имперіалисты опаснѣе для него въ настоящее время: тѣ ли, которые идутъ на него съ *дубьемъ* (германско-австрійскіе) или же тѣ, которые собираются дѣйствовать, пока что, лишь *рублемъ* (скажемъ: англійскіе или американскіе)? Однако, на этотъ важный вопросъ резолюція не даетъ никакого отвѣта. Ея основное положеніе выступаетъ передъ нами въ томъ теоретическомъ полумракѣ, въ которомъ *всѣ кошки* сѣры, а *«всѣ страны»* одинаково виноваты въ нынѣшней войнѣ.

Зачѣмъ понадобился этотъ полумракъ? Неужели авторы резолюціи до сихъ поръ держатся того убѣжденія, что въ имперіалистическихъ войнахъ самъ квартальный не разберетъ, кто кого задралъ? Какъ видно — держатся. Это большая бѣда для всѣхъ насъ. Но этой бѣдѣ легко могло бы помочь знакомство съ тѣмъ, что говорили *объ отвѣтственности за нынѣшнюю войну, напримѣръ, нѣмецкіе и австрійскіе соціалъ-демократы не далѣе, какъ за нѣсколько дней до ея начала.* Лицамъ, серьезно интересующимся этимъ вопросомъ, я рекомендую поучительную работу Эд. Бернштейна «Die Internationale der Arbeiterklasse und der europäische Krieg». Изъ нея они увидятъ, что еще *наканунѣ войны соціалъ-демократическія партіи центральныхъ имперій прямо и рѣшительно называли свои правительства главными виновниками надвигающейся на цивилизованный міръ катастрофы.* Русскій пролетаріатъ долженъ быть освѣдомленнымъ объ этомъ.

Не мѣшало бы освѣдомить его и о томъ, что когда катастрофа разразилась, тогда оппортюнистическое большинство германской соціалъ-демократической партіи рѣшило использовать ее для полученія пролетаріатомъ нѣкоторыхъ уступокъ отъ правительства и высшихъ классовъ.

Съ этой цѣлью *оно стало поддерживать политику своихъ имперіалистовъ.* И за нимъ пошло въ томъ же направленіи, по крайней мѣрѣ, большинство германскихъ профессіональныхъ союзовъ. Это — фактъ. Умалчивать о немъ, отворачиваться отъ него — значитъ предпочитать горькой истинѣ насъ возвышающій

обманъ. Но на самомъ дѣлѣ «обманъ» никогда не возвышалъ никого, и мы соціалисты, мы, руководители трудящейся массы, должны избѣгать его, какъ величайшаго зла.

Въ виду того неоспоримаго факта, что *германское соціалъ-демократическое большинство перешло на сторону имперіалистовъ*, мы не имѣемъ права утверждать, что отвѣтственность за нынѣшнюю войну падаетъ *только* на «господствующіе классы всѣхъ странъ». Нѣтъ, въ извѣстной мѣрѣ она падаетъ также и на указанные мною выше элементы рабочаго населенія Германіи. Зачѣмъ умалчивать объ этомъ передъ русскимъ пролетаріатомъ? Зачѣмъ скрывать отъ него истину, хотя бы и весьма горькую?

Далѣе. Совершенно справедливо, что война истощаетъ всѣ страны и народы. Но *чѣмъ бѣднѣе* данная страна, *тѣмъ болѣе она истощается* войною. Россія принадлежитъ къ числу очень бѣдныхъ странъ. Ей гораздо труднѣе будетъ вынести экономическія послѣдствія нынѣшней войны, чѣмъ Англіи, Франціи, Германіи и Соединеннымъ Штатамъ Сѣверной Америки. Поэтому сознательные представители ея рабочаго класса должны прежде и больше всего думать о томъ, какъ бы поскорѣе прекратить войну, совершенно ее изнуряющую въ экономическомъ смыслѣ, и къ тому же не ею начатую (въ доказательство я опять сошлюсь на указанную выше работу Эд. Бернштейна). А между тѣмъ, резолюція озабочена преимущественно вопросомъ о томъ, какъ бы перевести демократію всего міра на точку зрѣнія Циммервальдской секты. Если бы русскій пролетаріатъ проникся духомъ этой резолюціи въ своей международной политикѣ, то онъ рисковалъ бы надѣлать много ошибокъ и поставить непреодолимыя препятствія на пути дальнѣйшаго экономическаго развитія своей страны. А вѣдь экономическое развитіе — главная пружина всего общественнаго движенія: *не сознаніе опредѣляетъ собою бытіе, а бытіе опредѣляетъ собою сознаніе*. Стало-быть, ошибочная иностранная политика русскаго пролетаріата и крестьянства принесла бы непоправимый вредъ всему нашему культурному будущему, т. е., *между прочимъ и будущему нашей революціи*.

Не можетъ быть такой войны, цѣлью которой не былъ бы миръ. Весьма естественно, поэтому, что резолюція занимается вопросомъ объ условіяхъ мира. Тутъ мы имѣемъ дѣло со старыми формулами: «миръ безъ аннексій» и проч. Но страна, вынужденная вести войну, не можетъ ограничиться мечтою о желательныхъ

для нея условіяхъ мира. Ей слѣдуетъ ясно начертать тотъ путь, который ведетъ къ осуществленію ея мечты. А по этой части резолюція отличается молчаливостью. Правда, она указываетъ, напр., на необходимость обновленія личнаго состава министерства иностранныхъ дѣлъ. Но что касается *наступленія*, мы находимъ лишь слѣдующія краткія строки :

«Въ частности, Съѣздъ полагаетъ, что вопросъ о наступленіи долженъ быть рѣшаемъ исключительно съ точки зрѣнія чисто военныхъ и стратегическихъ соображеній ».

Это просто-на-просто неправильно, потому что вопросъ о наступленіи имѣетъ также и политическое значеніе. Вѣдь мы не одни ведемъ войну; вѣдь у насъ есть союзники, которыхъ не мало затрудняетъ бездѣйствіе нашей арміи. Это всѣмъ извѣстно.

Впрочемъ, если каждый законъ можно толковать *расширительно*, то каждую резолюцію можно толковать *исправительно*. Будемъ надѣяться, что такъ и станутъ толковать ее сознательные представители нашей революціонной демократіи.

P. S. Статья эта была уже написана, когда вечернія газеты принесли мнѣ извѣстіе о томъ, что за исправительное толкованіе резолюціи взялась сама жизнь, — правда, не русская, а нѣмецкая. *Нѣмцы начали наступленіе на нашъ фронтъ* [1])

Временное правительство и украинское движеніе

(«Единство», № 66 отъ 16-го іюня 1917 г.)

Украинское движеніе принимаетъ такой характеръ, который грозитъ страшными бѣдствіями всему русскому государству. Само собою разумѣется, что это до послѣдней степени прискорбно. И это, не обинуясь, высказываютъ почти всѣ органы нашей печати, безъ различія направленій. Однако, нужно быть справедливымъ. Отвѣтственность за то, что происходитъ теперь въ Малой Россіи падаетъ не только на Центральную Украинскую Раду. Эту отвѣт-

[1]) Упоминаемое здѣсь извѣстіе не подтвердилось: нѣмцы ограничились энергичной артиллерійской стрѣльбой съ 12 по 14 іюня на лѣвомъ флангѣ рижскаго фронта.

ственность должно раздѣлить съ нею и наше Временное Правительство. Оно недостаточно внимательно отнеслось къ требованіямъ украинцевъ и тѣмъ вызвало въ ихъ средѣ весьма опасное раздраженіе. Но еще печальнѣе то, что горькій опытъ до сихъ поръ не заставилъ нашихъ правителей внимательнѣе отнестись къ названнымъ требованіямъ.

Центральная Украинская Рада просила Временное Правительство выразить въ особомъ актѣ благожелательное отношеніе къ принципу украинской автономіи. Эта просьба до сихъ поръ остается не уваженной. А юридическое совѣщаніе при Временномъ Правительствѣ высказалось въ томъ смыслѣ, что Правительство это и не имѣетъ права уважить ее, такъ какъ вопросъ объ автономіи Украины всецѣло подлежитъ компетенціи Учредительнаго Собранія.

Признаюсь, этого совсѣмъ не понимаю!

Рѣчь идетъ о принципіальномъ признаніи за Украиной права на автономію. И вотъ мы слышимъ, что Временное Правительство отказывается признать въ принципѣ это право, боясь выйти за предѣлы своей компетенціи. Но, если бы это было такъ, если бы наше Временное Правительство превысило свои полномочія, высказавшись въ принципѣ за автономію малорусскаго народа, то спрашивается : въ какомъ же смыслѣ должны мы понимать ту декларацію, которая была опубликована имъ немедленно по его возникновеніи?

Въ ней категорически говорилось, между прочимъ, что наше новое правительство стремиться къ миру безъ аннексій и контрибуцій, *на основѣ самоопредѣленія народовъ*. Кто считаетъ себя вправѣ высказаться въ принципѣ за самоопредѣленіе всѣхъ народовъ вообще, тотъ тѣмъ самымъ признаетъ за собою право на принципіальное признаніе автономіи того или другого изъ народовъ, входящихъ въ составъ русскаго государства.

Итакъ, одно изъ двухъ :

Или нынѣшнее наше правительство превысило свои полномочія въ первой же декларацiи, вышедшей изъ подъ его пера; *или* оно обязано было удовлетворить нашихъ малорусскихъ братьевъ.

Правительство едва-ли согласится признать, что его полномочія превышены были его первой декларацiей.

Поэтому остается неяснымъ, отчего просьба украинцевъ отклонена была имъ съ той бюрократической суровостью, которая

вообще непріятна до послѣдней степени, а въ данномъ случаѣ, кромѣ того, была еще и опасна по своимъ вѣроятнымъ психологическимъ послѣдствіямъ.

Мнѣ скажутъ, пожалуй, что требованія Центральной Украинской Рады сводились не только къ принципіальному признанію малорусской автономіи. Рядомъ съ принципіальнымъ признаніемъ автономіи, Рада хотѣла добиться отъ правительства такихъ мѣропріятій, которыя, имѣя практическій характеръ, могли представиться неудобными съ точки зрѣнія русскаго государства.

Это мнѣ очень хорошо извѣстно. Но если бы Центральная Украинская Рада увидѣла въ отвѣтѣ Временнаго Правительства готовность исполнить ея основное пожеланіе, то она, безъ всякаго сомнѣнія, сдѣлалась бы болѣе сговорчивой въ своихъ практическихъ требованіяхъ. Тогда спорные вопросы были бы разрѣшены взаимными уступками обѣихъ сторонъ, довѣрчиво и доброжелательно относящихся одна къ другой. И тогда въ Украинѣ не произошло бы того, что происходитъ въ настоящее время [1]).

Но если на Временное Правительство падаетъ весьма значительная доля отвѣтственности за украинскія событія, то другую, и не менѣе значительную, долю этой отвѣтственности несетъ Центральная Украинская Рада.

Ей никакъ не слѣдовало тотчасъ же прибѣгать къ крайнимъ средствамъ. Передъ нею оставался открытымъ путь *законнаго давленія на правительство*. Наконецъ, она могла и должна была *аппелировать къ великорусскому народу*, который сумѣлъ бы заставить правительство сдѣлать украинцамъ необходимыя уступки. Такой способъ дѣйствій представляется мнѣ болѣе достойнымъ малорусской демократіи и *болѣе вѣрнымъ*, чѣмъ тотъ, который необдуманно избрала Центральная Украинская Рада.

Я называю этотъ послѣдній путь болѣе вѣрнымъ не потому, чтобы я считалъ безнадежнымъ возстаніе Малой Россіи противъ центральнаго русскаго правительства. Нѣтъ, скажу откровенно: при условіяхъ нынѣшняго времени такое возстаніе имѣетъ очень много шансовъ на успѣхъ. Однако, даже успѣшное возстаніе Украины едва-ли имѣло бы благопріятное вліяніе на ходъ ея дальнѣйшаго развитія.

---

[1]) Здѣсь имѣется въ виду выступленіе Украинской Рады со своимъ первымъ «Универсаломъ» и связанное съ этимъ событіемъ волненіе въ войскахъ, замѣшательство въ администраціи и т. д.

Пусть не забываютъ наши малорусскіе братья, что о такомъ возстаніи германскій (а, съ нимъ, конечно, и австрійскій) генеральный штабъ мечталъ уже съ самаго начала нынѣшней войны. И, разумѣется, у него было полное основаніе мечтать о немъ. Братоубійственная война между великороссами и малороссами сдѣлала бы русское государство совершенно безсильнымъ въ борьбѣ съ германскимъ милитаризмомъ. Оно потерпѣло бы жестокое пораженіе. Побѣдоносная Германія продиктовала бы ему самыя унизительныя и самыя гибельныя условія мира. Наша молодая свобода была бы задушена въ колыбели и уже врядъ-ли воскресла бы когда-нибудь. Великороссія была бы отброшена, можетъ быть, ко временамъ царя Алексѣя Михайловича. Это осудило бы ее на экономическій и политическій застой, который неизбѣжно сопровождался бы полнѣйшимъ умственнымъ и нравственнымъ упадкомъ.

Это было бы для нея равносильно смертному приговору. И что пріобрѣла бы, цѣною нашей смерти, Украина? По моему, ничего, ровно ничего, кромѣ весьма мало отрадной надежды попасть въ экономическую и, — посредственно, — политическую зависимость отъ той же Германіи Гинденбурга и Вильгельма II.

Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!

Намъ необходимо столковаться между собою. Намъ необходимо общими силами бороться за независимое существованіе. Намъ необходимо жить въ тѣсномъ и братскомъ союзѣ, какъ вольные съ вольными, какъ равные съ равными.

Постараемся же какъ можно скорѣе положить конецъ роковому недоразумѣнію. Одумаемся, пока еще не поздно!

Революціонная демократія должна поддержать свое Правительство

(«Единство», № 68 отъ 18-го іюня 1917 г.)

Если вѣрить газетамъ, то нашъ министръ труда М. И. Скобелевъ въ своемъ обращеніи къ Московскому С. Р. и С. Д. сказалъ, между прочимъ :

« Вся страна должна быть организована подъ руководствомъ разума, олицетворяемаго Временнымъ Правительствомъ ».

Признаюсь откровенно : я не раздѣляю столь высокаго мнѣнія о нашемъ нынѣшнемъ правительствѣ. Ни все это правительство, въ цѣломъ, ни М. И. Скобелевъ, въ частности, воплощеніемъ разума мнѣ не представляются. Я знаю, что наши правители сдѣлали не мало ошибокъ ивовнутренней, и,—можетъ быть, даже особенно,— во внѣшней политикѣ. Ихъ стремленіе заставить нашихъ союзниковъ перейти на точку зрѣнія Циммервальдской секты заслуживаетъ строгаго порицанія. Но если М. И. Скобелевъ впалъ въ очевидное преувеличеніе, назвавъ Временное Правительство воплощеніемъ разума, то слѣдуетъ помнить, что людямъ свойственно самообольщаться (хотя и не въ одинаковой степени), и что, сдѣлавъ необходимую поправку на самообольщеніе, мы найдемъ въ рѣчи, министра труда, какъ нельзя болѣе, здравыя мысли.

Такъ, напримѣръ, отвѣчая на одинъ изъ поставленныхъ ему вопросовъ, М. И. Скобелевъ, — опять-таки, если вѣрить газетнымъ извѣстіямъ, — заявилъ :

« Долгъ демократіи честно признать, что Россія еще не готова къ соціализму. Для торжества свободы необходимо сотрудничество (очевидно, сознательной трудящейся массы. Г. П.) съ буржуазными кругами ».

Это — святая истина, отвергать которую могутъ только неисправимые утописты. Вся политика нашей революціонной демократіи должны основываться на сознаніи этой истины. Конечно, утописты анархо-синдикалистическаго оттѣнка упрекали и будутъ упрекать такую политику въ оппортюнизмѣ. Но по истинѣ стыдно было бы приходить въ смущеніе, слыша такой ребячески-нелѣпый упрекъ. Политика сознательныхъ соціалъ-демократовъ опредѣляется тѣмъ соотношеніемъ общественныхъ силъ, которое они наблюдаютъ въ дѣйствительности, а не тѣмъ, которое было-бы для нихъ болѣе желательнымъ и болѣе пріятнымъ. Они не забываютъ полныхъ глубочайшаго смысла словъ К. Маркса :

« Ни одна общественная формація не исчезаетъ раньше, чѣмъ разовьются всѣ производительныя силы, которымъ она представляетъ достаточно простора, и новыя, высшія производительныя отношенія никогда не занимаютъ мѣста прежнихъ раньше, чѣмъ выработаются въ нѣдрахъ стараго общества матеріальныя условія ихъ существованія ».

У насъ далеко еще не развились всѣ тѣ производительныя силы, которымъ предоставляетъ достаточно простора капиталисти-

ческій способъ производства. Болѣе точно. Мы страдаемъ не столько отъ капитализма, сколько отъ недостатка его развитія. Нынѣшняя война, поставившая насъ на край гибели, главнымъ образомъ, благодаря страшной экономической отсталости нашей, доказала это самымъ убѣдительнымъ образомъ. Поэтому устраненіе капиталистическаго способа производства никакъ не можетъ стать у насъ очереднымъ историческимъ вопросомъ. Этому можно радоваться; этимъ можно огорчаться. Но кто не утопистъ, тотъ обязанъ руководствоваться этимъ въ своей практической дѣятельности.

Пониманіе того, что «для творчества свободы необходимо сотрудничество съ буржуазными кругами», есть въ настоящее время для насъ, соціалъ-демократовъ, начало политической премудрости. И поскольку политика Временнаго Правительства опредѣляется такимъ пониманіемъ, — а рѣчь М. И. Скобелева, да, конечно, и не только одна эта рѣчь, свидѣтельствуетъ о томъ, что она въ самомъ дѣлѣ опредѣляется имъ, — она въ самомъ дѣлѣ служитъ залогомъ спасенія Россіи «какъ отъ контръ-революціи, такъ и отъ диктатуры и хаоса анархіи» (слова М. И. Скобелева).

Совершенно справедливо и то мнѣніе нашего министра труда, что невозможно доказать обратное уличными выступленіями и выстрѣлами. Тутъ очевиденъ намекъ на тактику ленинцевъ. И тутъ съ М. И. Скобелевымъ согласится всякій, кому дороги интересы русской свободы.

«Противъ анархическихъ выступленій, — продолжалъ М. И. Скобелевъ, — правительство употребитъ энергичныя и твердыя мѣры воздѣйствія».

Этому опять можно только рукоплескать. Но при этомъ необходимо помнить, что употребленіе твердыхъ и энергичныхъ мѣръ воздѣйствія предполагаетъ силу, а революціонное правительство можетъ стать дѣйствительно сильнымъ только благодаря обдуманной и планомѣрной поддержкѣ гражданъ. Вотъ почему каждый изъ насъ обязанъ поддерживать Временное Правительство въ его борьбѣ съ анархіей и контръ-революціей, оставляя за собою вполнѣ естественное въ демократіи право критики тѣхъ или другихъ его частныхъ ошибокъ.

Кромѣ того надо помнить еще и вотъ что. Нынѣшнее Правительство наше опирается на полное сочувствіе весьма широкихъ слоевъ организованной демократіи Россіи. Чтобы убѣдиться въ

этомъ, достаточно выяснить себѣ настроеніе огромнаго большинства участниковъ происходящаго теперь въ Петроградѣ Всероссійскаго Съѣзда Сов. Р. и Солд. Депутатовъ.

Не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что большинство это готово всѣми зависящими отъ него средствами поддерживать это правительство. Въ виду этого, выступать противъ правительства съ крикомъ : « долой! », пытаться свергнуть его, значитъ зажигать пламя междоусобной войны въ рядахъ демократіи. Но междоусобіе въ рядахъ демократіи можетъ быть полезно только ея злѣйшимъ врагамъ : *внутреннимъ* (сторонникамъ нашего стараго порядка) и *внѣшнимъ* (германско-австрійскимъ имперіалистамъ). Кто не хочетъ содѣйствовать торжеству реакціи, — въ только что указанномъ мною двойномъ ея видѣ, — тотъ не можетъ не стремиться къ сохраненію « гражданскаго мира » въ средѣ нашей организованной демократіи, а, слѣдовательно, и не откажетъ въ поддержкѣ правительству, ею выдвинутому, выражающему ея стремленія и требованія.

Я не имѣю ни малѣйшаго желанія пускаться въ пророчество насчетъ того, *что день грядущій намъ готовитъ*. Однако, что бы ни готовилъ онъ намъ, можно съ полной увѣренностью сказать одно :

Временное Правительство ни въ какомъ случаѣ не утратитъ сочувствія огромнаго большинства организованныхъ демократическихъ слоевъ населенія.

Наоборотъ, всякія насильственныя выступленія противъ него только усилятъ тяготѣніе къ нему этихъ элементовъ. Такъ обстоитъ дѣло теперь. И очень хорошо, что оно обстоитъ такъ. Чтобы спасти свободу, чтобы упрочить дѣло революціи, чтобы справиться съ анархіей, съ одной стороны, и контръ-революціей — съ другой, революціонная демократія должна дружно поддержать свое правительство, чего-бы это ей ни стоило !

Логика ошибки

(«Единство», № 69 отъ 20-го іюня 1917 г.)

«Желающій получить пшеничный пирогъ
долженъ подождать чтобы смололи муку».
Пандаръ у Шекспира.
(Троилъ и Крессида).

Ошибки имѣютъ свою логику. И это самое непріятное свойство ошибокъ. Бываетъ такъ, что человѣкъ давно уже переросъ тотъ уровень развитія, на которомъ могла быть совершена имъ данная ошибка, что онъ уже и не вспоминаетъ о ней, а событія вдругъ предъявляютъ ему требованіе уплаты за нее, съ непогрѣшимой точностью присчитывая къ капиталу проценты и проценты на проценты. Логика ошибокъ есть неумолимая логика жизни.

Вчера эти мысли совсѣмъ неожиданно пришли мнѣ въ голову, когда я, стоя на Марсовомъ полѣ, смотрѣлъ на проходившіе мимо меня безконечные ряды участниковъ демонстраціи.

Всероссійскій Съѣздъ Совѣтовъ Р. и С. Депутатовъ выразилъ довѣріе нашему Временному Правительству. Демонстрація 18 іюня произошла согласно постановленію этого Съѣзда. Казалось бы, она должна была сильно подчеркнуть и громко подтвердить то, что было выражено самымъ авторитетнымъ органомъ революціонной демократіи.

Въ этомъ естественно заключалась одна изъ ея задачъ. И однако, — не побоимся взглянуть въ лицо истинѣ! — демонстрація 18 іюня этой задачи не рѣшила. Красныхъ полотнищъ съ надписью: «Долой десять министровъ-капиталистовъ!» было много. Правда, были и полотнища съ надписью: «Довѣріе къ Временному Правительству!» Что эти полотнища вызывали протесты со стороны *нѣкоторыхъ* весьма небольшихъ группъ, *это было бы* еще съ полбѣды. Но доходило до того, что кроткіе противники правительства, такъ горько жалующіеся на «погромщиковъ», съ ожесточеніемъ рвали такія полотнища, не всегда встрѣчая достаточный отпоръ. Чѣмъ объясняется это? И можно ли сдѣлать отсюда тотъ выводъ, что правительство, по крайней мѣрѣ, въ Петроградѣ, не пользуется довѣріемъ демократіи?

Я долженъ сказать, что такой выводъ былъ бы совершенно не правиленъ.

На самомъ дѣлѣ, демократія довѣряетъ правительству въ его цѣломъ. Но когда она слышитъ, что слѣдуетъ низвергнуть (« долой! ») тѣхъ его членовъ, которые не принадлежатъ къ соціалистическимъ партіямъ, она остается равнодушной. Ея наиболѣе сознательные и наиболѣе вліятельные представители молчатъ, опасаясь погрѣшить сочувствіемъ къ капитализму. Но удалить изъ нынѣшняго правительства « министровъ-капиталистовъ », значитъ низвергнуть *это* правительство и поставить на его мѣсто *новое*, цѣликомъ составленное изъ членовъ различныхъ *соціалистическихъ* организацій. Ленинъ и его единомышленники давно уже рекомендуютъ сдѣлать это. И они остаются вполнѣ вѣрными себѣ, добиваясь удаленія буржуазныхъ членовъ нынѣшняго правительства. Но вѣрны ли себѣ тѣ наши товарищи, которые, отвергая тактику Ленина, боятся объяснить народу, что произошло бы у насъ, если бы власть немедленно перешла въ руки соціалистовъ?

Такой переходъ былъ бы не чѣмъ инымъ, какъ диктатурой « пролетаріата и крестьянства ». Наша трудящаяся масса еще не готова для такой диктатуры. Какъ замѣтилъ Энгельсъ, для всякаго даннаго класса нѣтъ большаго несчастья, какъ получить власть въ такое время, когда онъ, по недостаточному развитію своему, еще неспособенъ воспользоваться ею надлежащимъ образомъ: *его* ожидаетъ въ этомъ случаѣ жестокое пораженіе. Что касается нашей трудящейся массы, то ея пораженіе было бы тѣмъ неизбѣжнѣе, въ случаѣ захвата ею власти, что, какъ это всѣмъ извѣстно, Россія переживаетъ теперь небывалую экономическую разруху. Кто согласенъ съ этимъ, — а съ этимъ согласно огромное большинство нашихъ организованныхъ демократовъ, — тотъ долженъ, наконецъ, сдѣлать правильный политическій выводъ изъ имъ самимъ признаваемыхъ посылокъ: онъ долженъ разъяснить трудящейся массѣ, что русская исторія еще не смолола той муки, изъ которой будетъ современемъ испеченъ пшеничный пирогъ соціализма, и что пока она такой муки не смолола, участіе буржуазіи въ государственномъ управленіи необходимо въ интересахъ самихъ трудящихся. Къ этому онъ долженъ прибавить, что участіе буржуазіи въ управленіи страною особенно необходимо въ нынѣшнее, совершенно исключительное, время. Пока наши демократы, отвергающіе тактику Ленина, не провозгласятъ этого смѣло и открыто; пока они не станутъ упорно твердить это при каждомъ

удобномъ случаѣ, до тѣхъ поръ они сами, — не желая и не сознавая этого, — останутся полуленицами, и до тѣхъ поръ имъ невозможно будетъ парализовать разрушительныя усилія тѣхъ, которые цѣликомъ проводятъ тактику Ленина.

Ошибки имѣютъ свою неумолимую логику. Коренная ошибка нашихъ революціонныхъ противниковъ Ленина заключается въ ихъ непослѣдовательности: они считаютъ капиталистическую фазу развитія еще непревзойденной въ Россіи и, сообразно съ этимъ, находятъ необходимымъ участіе буржуазіи въ управленіи страною, но при этомъ сами говорятъ о «буржуяхъ» такимъ языкомъ, что у массы воспитывается и поддерживается склонность выслушивать кличъ: «долой министровъ-капиталистовъ». Логика этой ошибки сильно дала себя почувствовать въ демонстраціи 18 іюня.

Демагоги запоютъ, завопіютъ и возгласятъ на разные голоса, что я совѣтую соціалистамъ пѣть хвалы буржуазіи. Это, разумѣется, вздоръ. Мы должны критиковать буржуазію, мы должны всѣми силами отстаивать отъ ея посягательствъ интересы рабочаго класса. Но мы должны дѣлать это разумно и цѣлесообразно; мы должны позаботиться о томъ, чтобы, идя въ одну комнату, не попасть въ другую; мы должны вести свою пропаганду и агитацію такъ, чтобы подъ ихъ вліяніемъ народъ не вообразилъ, будто ему не остается ничего другого, какъ теперь же попытаться сдѣлать *соціалистическую революцію*.

Еще разъ: ошибки имѣютъ свою логику, и эта логика неумолима, отъ нея не отдѣлаешься ни крестомъ, ни пестомъ.

Рѣчь, произнесенная на Казанской площади 19 іюня 1917 г.[1])

(«Единство», № 69 отъ 20-го іюня 1917 г.)

Граждане! Если я васъ спрошу, какой сегодня день, вы скажете, что понедѣльникъ. Но это ошибка: сегодня воскресенье, воскресенье для нашей страны и для демократій всего міра. Россія, сбросившая иго царизма, рѣшила сбросить иго непріятеля. Было бы

[1]) Какъ извѣстно, 18 іюня русская армія перешла въ наступленіе. Лишь только извѣстіе объ этомъ событіи распространилось по Петрограду, образо-

несмываемымъ позоромъ для революціонной русской арміи, если бы она не нашла въ себѣ силы и мужества отбросить врага. У многихъ было опасеніе, что русскій народъ, испившій напитокъ свободы, забудется сномъ, но наступленіе показало, что это не такъ. Эта война для насъ не имперіалистическая, мы не хотимъ завоеваній, мы не хотимъ чужого, но за свое мы должны постоять. Когда Германія объявила войну Россіи, германскій посолъ въ Парижѣ, спросилъ : будетъ ли Франція поддерживать Россію? Представитель германскаго правительства обѣщалъ, что, если Франція сохранитъ нейтралитетъ, она останется невредимой, но Франція отвергла подобное предложеніе, она заявила, что исполнитъ свой долгъ. Если бы Франція не пришла на помощь Россіи, мы были бы давно разгромлены. И было бы позоромъ, если бы мы теперь отказались отъ поддержки Франціи. Тотъ не революціонеръ, кто не хочетъ свободы народовъ. Неужели Россія, которая 300 лѣтъ тому назадъ могла сплотиться для отстаиванія своей независимости, теперь не можетъ этого сдѣлать? Нѣтъ, порабощенія Россіи не будетъ. *(Крики: «не будетъ этого!»)*. Мы, защищая себя, защищаемъ и весь міръ. Каждый изъ насъ обязанъ стать на защиту своей родины и добиться ея побѣды. *(Аплз)*. Благодарю васъ за сочувствіе, граждане, но не мнѣ нужно кричать « ура », а нужно провозгласить « ура » нашей арміи, которая проливаетъ кровь на границахъ для защиты всѣхъ насъ и которая докончитъ защиту своей страны и сдѣлаетъ Россію не только свободной, но и независимою. Ставши свободными, добившись прочнаго мира, мы протянемъ руку всѣхъ народамъ, какъ равный равному. Горе тому, кто посягнетъ на нашу свободу, на нашу независимость!

Необходимая поправка

(«Единство», № 71 отъ 22-го іюня 1917 г.)

Въ « Биржевыхъ Вѣдомостяхъ » (номеръ отъ 21 іюня) напечатано сообщеніе корреспондента этой газеты гражд. А. Троповскаго

валась большая манифестація на Невскомъ проспектѣ, которая направилась сначала къ редакціи «Единство», гдѣ ее привѣтствовали Л. Г. Дейчъ и Антоновъ, а затѣмъ вышла на Казанскую площадь, гдѣ выступилъ передъ нею Г. В. Плехановъ.

объ его разговорѣ въ Стокгольмѣ съ К. Каутскимъ на счетъ участія соціалистовъ въ коалиціонномъ министерствѣ. Мы узнаемъ изъ этого сообщенія, что Каутскій не счелъ удобнымъ высказаться по этому вопросу, не желая создавать впечатлѣнія вмѣшательства во внутреннія дѣла Россіи. Однако, онъ указалъ, что Парижскій Международный Конгрессъ 1900 года принялъ резолюцію по этому вопросу, редактированную Каутскимъ. Резолюція признавала допустимость въ исключительныхъ случаяхъ участія соціалистовъ въ министерствѣ. Русская секція тогда возставала противъ резолюціи. Мнѣнія французской секціи раздѣлились. Германскіе делегаты поддерживали резолюцію, которая, въ концѣ концовъ, была принята большинствомъ конгресса.

Тутъ есть большая неточность: очевидно, память совсѣмъ измѣнила Каутскому.

На Парижскомъ Международномъ Соціалистическомъ Съѣздѣ 1900 г. большинство русской секціи состояло изъ тѣхъ нашихъ товарищей, которые высказались *за участіе Мильерана въ тогдашнемъ французскомъ министерствѣ* (Б. Кричевскій и др. «экономисты»). Если эти товарищи наши и возражали противъ предложенной Каутскимъ резолюціи, то единственно потому, что не находили въ ней достаточно энергичныхъ доводовъ въ пользу такого участія. Мнѣ помнится, впрочемъ, что они противъ нея *совсѣмъ не возражали*.

Меньшинство русской секціи, дѣйствительно, находило резолюцію Каутскаго неудовлетворительной. Однако, оно отвергло ее *не по принципіальнымъ*, а *по тактическимъ соображеніямъ*. Находя, что участіе Мильерана въ министерствѣ очень вредно вліяетъ на ходъ французскаго рабочаго движенія, меньшинство русской секціи было весьма непріятно изумлено тѣмъ, что Каутскій дипломатично предложилъ такую резолюцію, на основаніи которой можно было высказаться, какъ за оставленіе Мильераномъ занятаго имъ министерскаго мѣста, такъ и противъ его оставленія. Я тогда же, въ одномъ изъ засѣданій политической комиссіи Съѣзда, назвалъ эту резолюцію *каучуковой*. Но при этомъ ни я, ни другіе товарищи, входившіе въ меньшинство русской секціи, не дѣлали принципіальныхъ возраженій противъ участія соціалистовъ въ буржуазномъ министерствѣ. Это доказывается предложенной мною и принятой Съѣздомъ поправкой къ резолюціи. Согласно поправкѣ, названное участіе можетъ оказаться необходимымъ въ

исключительныхъ случаяхъ, но при этомъ его необходимость должна быть признана соціалистической партіей той страны, въ которой вопросъ о немъ ставится на очередь ходомъ развитія общественной жизни. Всякій согласится, что *безусловный* противникъ резолюціи Каутскаго не могъ бы предложить *такой* поправки къ ней.

Значительно раньше Съѣзда я печатно высказался въ томъ же смыслѣ. Редакція парижскаго журнала «Le Mouvement socialiste» спросила соціалистовъ разныхъ странъ, считаютъ ли они допустимымъ вступленіе ихъ единомышленниковъ въ министерство, составленное изъ представителей буржуазныхъ партій. Я принадлежалъ къ числу спрошенныхъ. И я отвѣтилъ, что подобные вопросы не допускаютъ абсолютныхъ рѣшеній, такъ какъ абсолютныя рѣшенія имѣли бы слишкомъ отвлеченный, *метафизическій* характеръ. Все зависитъ отъ обстоятельствъ времени и мѣста, но, прибавилъ я, при обстоятельствахъ, существующихъ въ нѣнышней Франціи, принятіе Мильераномъ министерскаго портфеля будетъ, по моему мнѣнію, имѣть вредныя послѣдствія.

Зевзэсъ, бывшій тогда самымъ горячимъ сторонникомъ Жюля Гэда, признался мнѣ, встрѣтившись со мной на Съѣздѣ, что мой отвѣтъ ему не понравился. «Вы высказались противъ насъ», — замѣтилъ онъ. Я старался убѣдить его, что мой отвѣтъ направлялся не противъ гэдистовъ, съ которыми я въ данномъ случаѣ былъ совершенно согласенъ, а единственно противъ тактической догматики, совершенно недопустимой съ точки зрѣнія марксизма. Однако, я видѣлъ, что Зевзэсъ мнѣнія своего о моемъ отвѣтѣ не измѣнилъ.

Когда вспыхнула нынѣшняя война, положеніе дѣлъ во Франціи такъ существенно измѣнилось, что Гэду, поощрявшему вступленіе Мильерана въ министерство, самому пришлось сѣсть въ кресло министра. Это показало, что я былъ правъ, т. е., что въ вопросахъ такого рода все, дѣйствительно, зависитъ отъ условій времени и мѣста. Но гэдисты пришли въ смущеніе отъ поступка Гэда: метафизически рѣшая вопросы тактики, они думали, что участіе соціалиста въ коалиціонномъ министерствѣ недопустимо никогда и ни при какихъ условіяхъ. Эта огромная ошибка, противорѣчащая всему духу ученія Маркса, сближаетъ ихъ теперь съ анархо-синдикалистами.

Тактика Мильерана-Жореса дала сильный толчекъ развитью во Франціи анархо-синдикализма, внесшаго такую большую путаницу въ умы французскихъ рабочихъ.

О нашей тактикѣ

Къ сознательнымъ рабочимъ г. Москвы

(«Единство», № 73 отъ 24-го іюня 1917 г.)

Товарищи!

25 іюня должны произойти выборы въ Московскую Городскую Думу. Московская группа всероссійской соціалъ-демократической организаціи «Единство» выставляетъ своихъ кандидатовъ (списокъ №6). Но мы заранѣе знаемъ, что для нея выборы пройдутъ при весьма затруднительныхъ условіяхъ. Слишкомъ много предубѣжденій накопилось противъ нея въ нашей соціалистической средѣ. Московскій Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ не признаетъ нашего списка соціалистическимъ или, по крайней мѣрѣ, заслуживающимъ его поддержки. Въ московской газетѣ «Впередъ» было сказано, что наша организація есть ничтожная группа интеллигентовъ, отколовшихся отъ рабочаго движенія, и что на выборахъ ни одинъ голосъ не долженъ быть поданъ за нашъ списокъ.

Противъ этихъ жестокихъ и широко распространенныхъ предубѣжденій я взываю къ вашему здравому смыслу и къ вашему революціонному чутью.

Отколоться отъ рабочаго движенія наша организація могла *или на почвѣ программы, или на почвѣ тактики, или на почвѣ организаціи*. Что касается *программы*, то до сихъ поръ вся россійская соціалъ-демократія стоитъ на почвѣ той программы, которая была написана мною еще въ 1902 г. и которую всецѣло признаетъ организація «Единство». Что касается тактики, то названная организація строго придерживается старой, цѣлыми десятилѣтіями испытанной тактики группы «Освобожденіе Труда», этой родоначальницы всей россійской соціалъ-демократіи. Основныя положенія этой тактики не разъ одобрялись въ бесѣдахъ со мною другомъ

и сподвижникомъ Маркса, Фридрихомъ Энгельсомъ, однимъ изъ основателей современнаго научнаго соціализма. «Больше всего бойтесь духа сектантства!», «старательнѣе всего избѣгайте доктринерства!» — не разъ повторялъ мнѣ нашъ незабвенный учитель, и если тактическіе пріемы организаціи «Единство» имѣютъ какую-нибудь отличительную черту, то она состоитъ въ томъ, что организація эта въ своей дѣятельности всегда остается чуждой духу секты и всегда пренебрегаетъ доктринерствомъ. Она всегда заботливо ставитъ на первый планъ не то, что временно отдѣляетъ одну отъ другой различныя части пролетаріата, а то, что объединяетъ ихъ и должно объединить въ неудержимомъ движеніи къ ихъ общей исторической цѣли.

Такого же правила держится она въ настоящее время и тамъ, гдѣ рѣчь заходитъ объ отношеніи партіи пролетаріата къ другимъ, не пролетарскимъ партіямъ.

Главная задача рабочей партіи заключается *теперь*, — я говорю: *теперь*, — въ упроченіи свободы, завоеванной нашей революціей. Нужно, чтобы реакція новой контръ-атакой не сбросила революціонный народъ съ позицій, занятыхъ имъ въ февралѣ и мартѣ нынѣшняго года. Нужно во что бы то ни стало избѣжать повторенія того, что началось уже вскорѣ послѣ революціонной побѣды конца 1905 года. Чтобы *удержать* наши позиціи, мы должны укрѣпить ихъ. Чтобы *укрѣпить* ихъ, мы должны обезпечить себѣ поддержку всѣхъ тѣхъ общественныхъ классовъ и слоевъ, которые не заинтересованы въ возстановленіи стараго порядка. Чтобы обезпечить себѣ ихъ поддержку, намъ необходимо оттѣнять не то, что отдаляетъ насъ отъ нихъ, а то, что, по обстоятельствамъ нынѣшняго времени, сближаетъ насъ съ ними. Конечно, слѣдуя такой тактикѣ, пролетаріатъ долженъ будетъ дѣлать указаннымъ классамъ и слоямъ извѣстныя уступки. Но такія уступки будутъ только выгодны для него, пока онѣ будутъ обезпечивать ему достиженіе главной цѣли, имъ *теперь* себѣ поставленной, т. е., укрѣпленіе завоеванной имъ политической позиціи.

Къ этому сводится вся сущность нашей тактики. Ее, навѣрное, одобрили бы основатели научнаго соціализма.

Насъ обвиняютъ въ томъ, что въ вопросѣ о войнѣ мы нарушили завѣты Интернаціонала. Но нарушили эти завѣты не мы, а какъ разъ наши противники. Почему твердятъ они: «да здравствуетъ 3-ій Интернаціоналъ»? Потому, что имъ кажется ошибочнымъ

отношеніе къ войнѣ *второго Интернаціонала*, начало котораго было положено еще при жизни Энгельса.

А почему считаютъ они ошибочнымъ это отношеніе? Потому, что второй Интернаціоналъ совершенно отвергъ военную тактику анархо-синдикалиста Домела Ньевенгайса, ту тактику, которая, — пройдя черезъ голову Густава Эрве, — положена была въ основу 3-го Интернаціонала Робертомъ Гриммомъ, не только ничего не понимавшимъ въ соціализмѣ, но и оказавшимся, вдобавокъ, агентомъ германскаго имперіализма.

Въ своемъ отношеніи къ войнѣ мы стоимъ именно на той точкѣ зрѣнія, которой держались наиболѣе авторитетные марксисты второго Интернаціонала, въ шутку называвшіеся тогда «святымъ семействомъ». Въ доказательство сошлюсь на Гэда во Франціи, на Гайндмэна — въ Англіи, на Иглезіаса — въ Испаніи и, наконецъ, на германскую соціалъ-демократическую оппозицію, которая — какъ это оказывается изъ ея послѣднихъ заявленій, — очень приближается къ намъ въ своемъ взглядѣ на войну, хотя, къ сожалѣнію, все еще дѣлаетъ нѣкоторыя нежелательныя уступки духу тактическаго оппортюнизма.

А что сказать объ *организаціонномъ* вопросѣ? Жестоко искажаютъ истину тѣ, которые называютъ насъ раскольниками въ его области.

Не мы расололи партію. Намъ пришлось считаться съ крайне печальнымъ фактомъ раскола, совершившимся безъ нашего участія и къ великому нашему огорченію. Разсматривая психологическія причины этого факта, мы, собравшіеся подъ знаменемъ *Единства*, большевики и меньшевики, открыли ихъ въ томъ, что у насъ *фракціонный духъ* преобладаетъ надъ духомъ *партійности*. Мы осудили духъ фракціоннаго разъединенія и за то насъ, въ свою очередь, осуждаютъ тѣ, которые насквозь пропитаны этимъ духомъ. Насъ, *враговъ раскола*, объявили его *сторонниками*. Мы никого не приглашали откалываться отъ партійной организаціи. Мы только приглашали и приглашаемъ пожертвовать интересами фракцій, ради интересовъ партіи. На это пока еще у насъ находится немного охотниковъ. Вотъ почему, — и только поэтому, — на насъ съ одинаковымъ усердіемъ нападаютъ сторонники разодравшихъ партію фракцій. Насъ стараются удалить отовсюду, по той простой причинѣ, что стремленіе увѣковѣчить фракціонныя организаціи

несовмѣстимо со стремленіемъ создать организацію партіи единую и нераздѣльную.

Такое печальное положеніе дѣлъ могутъ прекратить только сознательные рабочіе, незараженные предразсудками нашихъ интеллигентныхъ и полуинтеллигентныхъ профессіоналовъ революціи. Весною 1906 г. наше партійное единство возстановлено было подъ вліяніемъ настойчивыхъ требованій со стороны организованныхъ рабочихъ. Я надѣюсь, что тоже самое повторится въ весьма недалекомъ будущемъ. А въ ожиданіи этого счастливаго времени, я приглашаю васъ, сознательные пролетаріи города Москвы, безпристрастно отнестись къ тѣмъ «работникамъ перваго часа», которые теперь уже, не опасаясь нападокъ и презирая клевету, рѣшительно выступили на путь единства.

Политика Финляндіи

(«Единство», № 74 отъ 25-го іюня 1917 г.)

Тому назадъ около года, я, въ русскомъ парижскомъ органѣ «Призывъ», высказалъ то убѣжденіе, что подъ флагомъ *интернаціоналізма* (циммервальдскаго оттѣнка) часто скрывается теперь *націоналистическая* непріязнь къ Россіи. Наши заграничные пораженцы подняли по этому поводу крикъ на тему о заподозрѣваніи мною «инородцевъ». Я оставилъ безъ отвѣта этотъ нелѣпый упрекъ, подобно тому, какъ оставлялъ я безъ отвѣта множество другихъ упрековъ такого же достоинства. Но событія шли своимъ ходомъ, и вотъ теперь финляндскіе соціалъ-демократы взяли на себя трудъ показать даже и самымъ близоруким людямъ, что не всякій тотъ, кто кричитъ: «Интернаціоналъ! Интернаціоналъ!», умѣетъ и хочетъ выполнять свои обязанности по отношенію къ другимъ народамъ.

Соціалъ-демократическая партія составляетъ большинство въ финляндскомъ сеймѣ. Если бы она захотѣла, она легко могла бы воспрепятствовать ему бросать палки подъ колеса русской революціи. Однако, она не только не мѣшаетъ ему упражняться въ этомъ занятіи, но, повидимому, сама принимаетъ мѣры къ тому, чтобы въ палкахъ не было недостатка. Она не только не хочетъ

помочь русской революціонной демократіи въ тяжеломъ и отвѣтственномъ дѣлѣ упроченія свободнаго строя, но еще и насмѣхается надъ нею. Говорю: «насмѣхается», потому что тѣ условія, на которыхъ Финляндія согласна дать намъ небольшую денежную ссуду, представляютъ собою не болѣе, какъ злую насмѣшку. Наше положеніе очень затруднительно. Это, къ сожалѣнію, правда. Но мы еще не дошли до той послѣдней крайности, которая заставляетъ подчиниться даже самымъ унизительнымъ условіямъ. Такъ или иначе, обойдемся и безъ помощи нашихъ великодушныхъ финскихъ братьевъ.

Требовать отъ Россіи обезпеченія займа земельными участками, почтой и телеграфомъ, значитъ смотрѣть на нее, какъ на одно изъ варварскихъ государствъ, переживающихъ процессъ разложенія и такъ часто дѣлающихся предметомъ эксплоатаціи въ рукахъ имперіалистовъ разныхъ странъ. Вотъ именно такъ и смотритъ на насъ Финляндія. Именно такъ и смотритъ на насъ финляндская соц.-демократическая партія, громко заявляющая въ то же самое время о своей непоколебимой вѣрности завѣтамъ Интернаціонала. Увы! Я былъ правъ: подъ флагомъ интернаціонализма провозится не мало націоналистической контрабанды.

Во вчерашнемъ своемъ номерѣ «День» указалъ на тѣ ничтожные результаты, которые дала въ Финляндіи подписка на Заемъ Свободы: до сихъ поръ тамъ продано было не болѣе, какъ на 1.500.000 руб. облигацій этого займа. А вотъ послѣдній военный заемъ царскаго правительства (2-й выпускъ 1916 г.) далъ въ Финляндіи подписку въ 10.000.000 рублей.

Это наводитъ на размышленія. Пока существовалъ у насъ царизмъ, сдѣлавшій Финляндіи такъ много вреда въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій, она считала возможнымъ оказывать Россіи финансовую помощь, подписываясь на ея заѣмы. А когда Россія разбила царское иго и тѣмъ самымъ освободила Финляндію, эта послѣдняя рѣшила, что мы помощи не заслуживаемъ и что она можетъ ссудить намъ извѣстную, сравнительно небольшую, сумму денегъ только на такихъ условіяхъ, которыя поставили бы насъ въ унизительную зависимость отъ нея.

Иначе сказать: только тогда, когда совершилась освободившая Финляндію русская революція, наша благодарная сосѣдка рѣшила, что теперь русское государство вступило въ процессъ своего разложенія, и что настала пора отнестись къ нему съ той

хищнической дѣловитостью, съ какой относятся къ варварскимъ странамъ имперіалисты разныхъ племенъ и нарѣчій. Такъ сильно сочувствуетъ Финляндія,—въ сеймѣ которой большинство принадлежитъ соціалъ-демократамъ,—русской революціи! Поистинѣ можно сказать, что принятое Финляндіей великодушное рѣшеніе удивило всю нашу демократію (за исключеніемъ однихъ «правдистовъ»). Вѣдь такъ часто и такъ настойчиво увѣряли насъ передовые представители финскаго народа въ своемъ расположеніи къ нашему революціонному дѣлу и въ своей готовности послужить ему всѣми зависящими отъ нихъ средствами! Кто прочелъ хотя бы только книгу Цилякуса объ освободительномъ движеніи въ Россіи, тому естественно было ожидать, что финляндская демократія не останется равнодушной къ нашимъ затрудненіямъ, естественно связаннымъ съ коренной перемѣной политическаго строя, совершившейся во время войны.

Мы ошиблись. Финляндская демократія совершенно равнодушно смотритъ на наше затруднительное положеніе. Она совсѣмъ не хочетъ помочь намъ. Она стоитъ на той точкѣ зрѣнія, которую нѣкоторые буржуазные писатели называютъ точкой зрѣнія *святого національнаго эгоизма*. Правда, тотъ алтарь святого національнаго эгоизма, на которомъ финляндская демократія собирается заколоть чуждый ей интересъ русской революціи, покрытъ краснорѣчивыми напоминаніями о международномъ братствѣ. Но чѣмъ пышнѣе, въ данномъ случаѣ, цвѣты краснорѣчія, тѣмъ непріятнѣе даетъ себя чувствовать холодный камень эгоистическаго національнаго расчета. Читатели «Единства» знаютъ, что я никогда не былъ поклонникомъ циммервальдъ-кинтальскаго «интернаціонализма». Но мнѣ кажется, что даже и этотъ интернаціонализмъ, полный непримиримыхъ внутреннихъ противорѣчій, не можетъ служить доводомъ въ пользу политики, усвоенной теперь финляндской соціалъ-демократіей.

Финляндская соціалъ-демократія не вѣритъ въ прочный успѣхъ нашей революціи. Не вѣря въ него, она считаетъ нужнымъ устроить свои собственныя дѣла такъ, чтобы изъ затрудненій, нами переживаемыхъ, извлечь какъ можно больше пользы для своей собственной страны. Каждый у себя, каждый за себя, а Богъ за всѣхъ. Таково послѣднее слово финляндскаго «интернаціонализма». Но, разъ рѣшивъ держаться этоистической національной политики, разъ отдѣливъ свою судьбу отъ судьбы всѣхъ

другихъ народностей, входившихъ въ составъ русской имперіи, Финляндія неизбѣжно должна поставить передъ собою вопросъ: «чья побѣда принесетъ ей больше выгоды, побѣда центральныхъ державъ или же побѣда странъ Согласія?» А такъ такъ ея отношеніе къ Россіи отнюдь не свидѣтельствуетъ объ ея желаніи способствовать побѣдѣ этихъ странъ, то мы должны съ тревогой, въ свою очередь, спросить себя: «а что будетъ, если Финляндія рѣшится помогать центральнымъ державамъ?» Тутъ мыслимъ только одинъ отвѣтъ: «Наше положеніе станетъ еще болѣе затруднительнымъ; на пути русской революціи выростетъ новое и очень большое препятствіе. Но торжество революціи есть для насъ высшій законъ. И, если политика Финляндіи будетъ грозить этому торжеству, мы вынуждены будемъ противодѣйствовать политикѣ Финляндіи всѣми тѣми средствами, какія только найдутся въ нашемъ распоряженіи. *Торжество Революціи — высшій законъ*».

Финляндцы не вѣрятъ въ торжество нашей революціи. Они считаютъ нынѣшнюю Россію разлагающимся, обезсиленнымъ государствомъ. Поэтому ихъ не можетъ страшить мысль о томъ, что предприметъ революціонная Россія для своей защиты. А если они ошибаются? И, во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что революціонеры пока еще отнюдь не извѣрились въ нашу революцію, и что они, чѣмъ дальше, тѣмъ энергичнѣе и планомѣрнѣе будутъ защищать ея дѣло, постепенно выбрасывая за бортъ политическіе предразсудки, заимствованные ими у анархо-синдикалистовъ «3-го Интернаціонала».

Финляндцы скажутъ намъ: «Помилуйте, мы непремѣнно хотимъ оставаться нейтральными!»

Но, во-первыхъ, есть нейтралитетъ и нейтралитетъ: финляндскій нейтралитетъ, *благопріятный Германіи*, самъ по себѣ уже былъ бы равносиленъ выступленію Финляндіи противъ странъ Согласія. Во-вторыхъ, можетъ ли Россія, главный революціонный очагъ которой — Петроградъ — лежитъ такъ близко отъ границы Финляндіи, удовольствоваться финляндскимъ нейтралитетомъ, хотя бы и совершенно безпристрастнымъ? Нѣтъ! Бельгія тоже была нейтральна. Она тоже не склонялась въ своемъ нейтралитетѣ ни въ ту, ни въ другую сторону. Но это не предохранило французовъ отъ германскаго вторженія. Изъ этого слѣдуетъ, что революціонная русская демократія никакъ не можетъ согласиться на немедленное очищеніе ея войсками финляндскихъ крѣпостей.

Каждый народъ имѣетъ несомнѣнное право на самоопредѣленіе. Но осуществленіе этого права предполагаетъ международную солидарность. Политика «святого національнаго эгоизма» исключаетъ мысль о самоопредѣленіи народовъ. Къ величайшему моему сожалѣнію, я вынужденъ сказать, что Финляндія стала самоопредѣляться, позабывъ о международной солидарности, вслѣдствіе чего ея эгоистическое самоопредѣленіе явилось угрозой революціонному самоопредѣленію народовъ Россіи.

P. S. Когда я писалъ эту статью, въ моей душѣ не умирала надежда на то, что въ послѣднюю минуту телеграфъ принесетъ извѣстіе о перемѣнѣ политики финляндской соціалъ-демократіи. Я первый отъ души порадовался бы такой перемѣнѣ. Она была бы счастьемъ и для Россіи и для Финляндіи! Но я вынужденъ отослать статью въ типографію, не дождавшись желаннаго извѣстія. Придетъ ли оно когда-либо? Будемъ надѣяться, что придетъ. Миръ, даже и худой, лучше доброй ссоры. Въ настоящемъ случаѣ это ясно само собой.

Что же собственно далъ Съѣздъ?

(«Единство», № 75 отъ 27-го іюня 1917 г.)

Какъ это всѣмъ извѣстно, Совѣты Р. и С. Депутатовъ имѣютъ огромное вліяніе на рабочее населеніе нашихъ городскихъ и промышленныхъ центровъ. Поэтому всякій, кто не беззаботенъ насчетъ дальнѣйшей судьбы Россіи, долженъ былъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдить за ходомъ занятій Всероссійскаго Съѣзда представителей названныхъ Совѣтовъ. Теперь эти занятія закончены и теперь естественно возникаетъ вопросъ: къ чему же привели они? Каковы руководящія указанія, данныя съѣздомъ рабочей и солдатской массѣ? Если бы я вынужденъ былъ въ немногихъ словахъ характеризовать эти указанія, я обратилъ бы вниманіе читателя на то обстоятельство, что они сильно не понравились большевикамъ ленинскаго толка. Такъ сильно не понравились, что ленинцы презрительно обозвали ихъ *мелкобуржуазными*. Это характерно уже само по себѣ. Однако, это еще не все. Недовольствуясь презрительнымъ отзывомъ о господствовавшемъ на съѣздѣ направленіи

умовъ, ленинцы рѣшились апеллировать къ народу. Съ этой цѣлью былъ выработанъ ими планъ вооруженной манифестаціи, нагнавшій не мало страху на мирныхъ обывателей Петрограда [1]). Этотъ пресловутый планъ потерпѣлъ такую же рѣшительную неудачу, какъ и словесныя выступленія «правдистовъ» въ засѣданіяхъ съѣзда и его отдѣльныхъ комиссій. Но неудача не помирила, — да, конечно, и не могла помирить, — ленинцевъ съ «мелкобуржуазными» стремленіями образовавшагося на съѣздѣ большинства. Напротивъ, она еще болѣе обострила ихъ враждебное отношеніе къ этимъ стремленіямъ.

Со своей стороны, «мелкобуржуазное» большинство съѣзда тоже не обнаружило большой нѣжности по отношенію къ ленинцамъ. Этимъ послѣднимъ не разъ приходилось выслушивать отъ него довольно горькія истины. Особенно замѣчательны были выступленія противъ ленинцевъ нѣкоторыхъ провинціальныхъ депутатовъ. Въ ихъ рѣчахъ слышалось не столько раздраженіе, сколько разочарованіе: они надѣялись встрѣтить въ лицѣ своихъ петроградскихъ товарищей самыхъ надежныхъ и самыхъ сознательныхъ руководителей рабочаго класса; но, къ величайшему своему огорченію, они убѣдились, что въ Петроградѣ много демагоговъ самаго низкаго разряда. Я не думаю, чтобы впечатлѣнія, вынесенныя провинціальными депутатами изъ ихъ встрѣчи съ петроградскими ленинцами, могли способствовать усиленію вліянія большевизма ленинскаго оттѣнка въ провинціи.

Въ чемъ же дѣло? Гдѣ лежитъ коренная причина расхожденія большинства съѣзда съ Ленинымъ и его послѣдователями?

Она заключается во взглядѣ на тѣ возможности, которыя обезпечиваетъ трудящемуся населенію Россіи переживаемый нами историческій моментъ.

Ленинцы убѣждены, что нашъ рабочій классъ уже теперь можетъ порвать, — какъ выразился однажды ихъ вдохновитель, — со всѣми требованіями капиталистовъ. Другими, болѣе точными, словами это означаетъ, что Россія уже готова вступить въ періодъ соціалистическаго переворота. Этимъ убѣжденіемъ и обусловливается вся тактика Ленина. Конечно, въ ней очень замѣтенъ свойственный Ленину и всѣмъ его сторонникамъ элементъ варварской грубости. Но если бы этотъ элементъ совсѣмъ пересталъ

[1]) Здѣсь имѣется въ виду демонстрація, подготовлявшаяся большевиками на 10-го іюня.

существовать, если бы (дѣлаю предположеніе, недопустимость котораго самъ хорошо понимаю) ленинцы вдругъ стали цивилизованными людьми, то и тогда имъ нельзя было бы столковаться съ большинствомъ съѣзда, не раздѣлявшимъ ихъ убѣжденія въ готовности Россіи къ соціалистическому перевороту.

Большинство это далеко не отличалось однообразностью состава. Въ него входили и меньшевики почти всѣхъ вѣроисповѣданій, и соціалисты-революціонеры разнаго образа мыслей, и бундисты. Между соціалистами-революціонерами много людей, весьма расположенныхъ къ тактическому «максимализму». Какъ эти люди, такъ и всѣ вообще соціалисты-революціонеры еще недавно считали ересью ту мысль, что Россія не можетъ миновать капиталистическій способъ производства. Однако, и ихъ устрашила увѣренность ленинцевъ въ томъ, что въ нашей странѣ уже пробилъ часъ соціалистической революціи. Они стали въ оппозицію къ ленинцамъ и, сблизившись съ тѣми меньшевиками, которые не окончательно утратили здравый смыслъ подъ вліяніемъ Циммервальда (такихъ оказалось большинство въ меньшевистскомъ лагерѣ), а также съ бундистами, «прокатили на вороныхъ» проекты предлагавшихся ленинцами резолюцій. Этимъ они оказали большую услугу русской революціи.

То обстоятельство, что съѣздъ принялъ такія резолюціи, которыя произвели на большевиковъ впечатлѣніе «мелкобуржуйныхъ», громко говоритъ въ пользу этихъ резолюцій. Однако, изъ этого совсѣмъ не слѣдуетъ, что ихъ надо признать безупречными. Я уже разобралъ, въ «Единствѣ», резолюцію о войнѣ. Я показалъ, что она недостаточна обдумана и, — стыдно сказать, а грѣхъ утаить! — даже не совсѣмъ грамотно написана. Резолюція по аграрному вопросу не отличается надлежащей опредѣленностью. Не чужды недостатковъ и остальныя резолюціи. Я не буду разбирать ихъ здѣсь, во-первыхъ, потому, что это завело бы меня слишкомъ далеко, а, во-вторыхъ, потому, что недостатки принятыхъ съѣздомъ резолюцій составляютъ лишь полбѣды. Бѣда же заключается въ томъ, что, отвергая *псевдо-революціонную тактику Ленина*, съѣздъ не сумѣлъ, со своей стороны, предложить рабочему классу такую, *дѣйствительно революціонную тактику*, которая соотвѣтствовала бы объективнымъ условіямъ времени и мѣста. Скажу больше. Отвергая псевдо-революціонную тактику Ленина, большинство съѣзда слишкомъ часто дѣлало этому «коммунисту» совершенно

ненужныя и даже прямо вредныя тактическія уступки. Осуждая вредныя выступленія ленинцевъ, многіе представители образовавшагося на съѣздѣ большинства считали себя обязанными въ то же самое время обрушиться и на контръ-революціонные замыслы буржуазіи. Въ этомъ было очень много искусственнаго и натянутаго. Выходило похоже на то, что ораторы и сами хорошенько не знаютъ, въ чемъ именно заключаются эти замыслы, а гремятъ противъ нихъ единственно для равновѣсія: чтобы слушатели не вообразили, будто они, ораторы, ведутъ войну только съ ленинцами. А между тѣмъ наиболѣе популярный ораторъ изъ среды большинства, т. Церетелли, очень хорошо замѣтилъ, что теперь контръреволюція проникаетъ къ намъ преимущественно черезъ ленинскія ворота. Съѣздъ покрылъ громкими рукоплесканіями это глубоко вѣрное замѣчаніе. Послѣ этого, казалось бы, уже можно было безъ малѣйшихъ колебаній направить главныя революціонныя усилія именно въ сторону этихъ воротъ. Но на дѣлѣ выходило не такъ. Далеко не всѣ тѣ, которые выступили противъ ленинцевъ, показали въ своихъ рѣчахъ ясное сознаніе того, что, въ настоящую минуту, запереть ленинскія ворота и значитъ загородить путь контръреволюціи.

Ораторы, отвергавшіе тактику Ленина, держались того взгляда, что еще не пробилъ часъ соціалистической революціи въ Россіи. Держаться этого взгляда, значитъ находить, что у насъ еще не закончился капиталистическій періодъ развитія. Кто находитъ, что у насъ еще не закончился этотъ періодъ, тотъ не имѣетъ логическаго права третировать буржуазію, какъ совершенно отжившій общественный классъ, способный только вредить дѣлу прогресса. Но ораторы, отвергавшіе тактику Ленина, слишкомъ часто выражались такимъ образомъ, какъ будто они хотѣли, чтобы отнынѣ Россія доживала капиталистическій періодъ своего развитія безъ всякаго участія въ немъ буржуазіи. Другими словами: слушая ихъ, можно было подумать, что они хотятъ капитализма безъ капиталистовъ. Эта вопіющая логическая несообразность отражалась цѣлымъ рядомъ противорѣчій въ ихъ собственныхъ тактическихъ построеніяхъ. Было бы чрезвычайно хорошо, если бы съѣздъ, въ одной изъ своихъ резолюцій, во всеуслышаніе заявилъ, что пора покончить съ этой дикой несообразностью. Но, къ сожалѣнію, съѣздъ не додумался до этого. А если бы и додумался, то еще вопросъ, хватило ли бы у него смѣлости громко выразить свою

мысль. Возможно, что его руководители поопасались бы за свою популярность.

Будемъ надѣяться, — надежда есть непререкаемое право человѣка и гражданина, — что будущій съѣздъ Совѣтовъ Р. и С. Д. сумѣетъ и посмѣетъ сдѣлать то, чего не сумѣлъ или не посмѣлъ сдѣлать съѣздъ, закончившій теперь свои занятія. А пока, въ ожиданіи будущаго съѣзда, отмѣтимъ, что и нынѣшній знаменуетъ собою весьма значительный шагъ въ ходѣ выработки понятій, свойственныхъ нашей революціонной демократіи. Еще мѣсяцъ тому назадъ можно было сомнѣваться въ томъ, что руководящіе представители этой демократіи рѣшатся одобрить наступленіе нашей арміи. Въ ихъ головахъ слишкомъ крѣпко сидѣли циммервальдскіе предразсудки. Но жизнь сильнѣе предразсудковъ, ибо не сознаніе опредѣляетъ собою бытіе, а бытіе опредѣляетъ собою сознаніе. Жизнь настойчиво потребовала отъ нашей арміи наступленія; наступленіе совершилось съ весьма значительнымъ успѣхомъ, и съѣздъ одобрилъ его, несмотря на крики большевиковъ и предводимыхъ Луначарскимъ «интернаціоналистовъ», а главное— вопреки своимъ собственнымъ, вывезеннымъ изъ Циммервальда, предубѣжденіямъ. Жизнь сильнѣе предубѣжденій, ибо не сознаніе опредѣляетъ собою бытіе, а бытіе опредѣляетъ собою сознаніе.

Въ отверженіи тактики большевиковъ и въ ослабленіи вліянія циммервальдской догмы заключается главный результатъ занятій только что закрывшагося съѣзда. Спасибо и за то!

Къ увѣчнымъ воинамъ [1])

(«Единство», № 75 отъ 27-го іюня 1917 г.)

Глубокоуважаемые граждане!

Такъ какъ я лишенъ пріятной возможности лично принять участіе въ вашемъ митингѣ, то я прошу васъ позволить мнѣ письменно выразить вамъ мое глубочайшее уваженіе къ вашему подвигу.

Вы уже пролили свою кровь, защищая дѣло русскаго народа,

[1]) Организаторы митинга увѣчныхъ воиновъ въ Народномъ Домѣ просили Г. В. Плеханова выступить съ рѣчью. Не будучи въ состояніи исполнить эту просьбу, онъ обратился къ увѣчнымъ воинамъ съ письменнымъ привѣтствіемъ, которое было воспроизведено въ «Единствѣ».

скажу больше, защищая дѣло всемірной демократіи. Вы могли спокойно оставаться у себя дома; никто не имѣлъ бы права упрекнуть васъ въ постыдномъ бездѣйствіи. И тѣмъ не менѣе вы снова беретесь за оружіе, рѣшившись отдать родинѣ всѣ свои силы безъ остатка. Честь вамъ и слава!

Когда видишь самоотверженіе, подобное вашему, когда наблюдаешь такія отрадныя явленія, какъ недавній отъѣздъ на фронтъ русскихъ женщинъ-добровольцъ подъ начальствомъ гражданки Бочкаревой, тогда перестаешь сомнѣваться въ побѣдѣ Россіи и союзныхъ съ ней странъ надъ германско-австрійскимъ имперіализмомъ. Что бы ни дѣлали превосходно организованные агенты этого имперіализма; какъ бы ни была велика та смута, которую они безъ устали сѣютъ на русской землѣ, — имъ не удастся подвинуть нашъ народъ на самоубійство. Онъ пойметъ, что если бы центральнымъ державамъ удалось побѣдить насъ и нашихъ союзниковъ, то во всемъ цивилизованномъ мірѣ началась бы эпоха реакціи и тогда несбыточной утопіей оказалась бы надежда на упроченіе только что завоеванной свободы. Онъ убѣдится въ полной правотѣ своего дѣла, за которое вотъ уже три года рѣками льется его кровь и тогда онъ сумѣетъ постоять за себя. Вспомните, какъ ярко изображалъ Некрасовъ ту силу, которая сообщается народу, когда въ его душѣ пробуждается сознаніе своей правоты:

«Рать поднимается
Неисчислимая,
Сила въ ней скажется
Несокрушимая».

Вашъ примѣръ, примѣръ всѣхъ тѣхъ, которые берутъ на себя благородный починъ добровольческаго ополченія на борьбу съ германско-австрійскими насильниками и реакціонерами, будетъ много способствовать созданію въ русскомъ народѣ того настроенія, благодаря которому его сила станетъ дѣйствительно несокрушимой.

Еще разъ, честь вамъ и слава!

Прошу васъ вѣрить моему глубокому къ вамъ уваженію.

Г. Плехановъ.

Германская независимая соціалъ-демократическая партія объ условіяхъ мира

(«Единство», № 76 отъ 28-го іюня 1917 г.)

Въ Стокгольмѣ германская независимая с.-д. партія подала записку, въ которой она говоритъ о своей мирной политикѣ [1]). Политика эта основывается, по ея словамъ, на общихъ интересахъ международнаго пролетаріата, требующихъ немедленнаго заключенія мира. Однимъ изъ необходимыхъ условій мира названная партія считаетъ договоръ относительно общаго разоруженія. «Только такимъ способомъ, — говоритъ она въ своей запискѣ, — можетъ быть уничтожено господство милитаризма».

Справедливо, что для прочности мира необходимо уничтожить господство милитаризма. Не менѣе справедливо и то, что господство милитаризма было бы уничтожено общимъ разоруженіемъ. Но спрашивается: имѣемъ ли мы право думать, что «*немедленное заключеніе мира*», привело бы къ общему разоруженію? Я думаю, что нѣтъ.

Главными представительницами милитаризма являются въ настоящее время центральныя державы. Онъ такъ силенъ въ этихъ державахъ, что при немедленномъ заключеніи мира ихъ правительства имѣли бы полную практическую возможность рѣшительно отклонить всякій разговоръ о всеобщемъ разоруженіи. Чтобы сдѣлать ихъ болѣе уступчивыми съ этой стороны, необходимо предварительно ослабить господство въ нихъ милитаризма. Однимъ изъ путей, ведущихъ къ этой цѣли, могла бы служить революція. Но можно-ли расчитывать на скорое торжество революціоннаго *движенія* въ центральныхъ державахъ? Какъ это всѣмъ извѣстно, германская независимая с.-д. партія совсѣмъ на него не расчитываетъ. И она права. Но если въ настоящее время революція невозможна въ Австріи и особенно въ Германіи, то нѣтъ другого пути къ ослабленію австро-германскаго милитаризма, — самаго опаснаго изъ всѣхъ милитаризмовъ, — и ко всеобщему разоруженію, кромѣ пути военнаго.

Только тогда, когда военное счастье обратится *противъ*

[1]) См. № 75 «Единства». «Независимые германскіе с.-д. и ихъ программа».

центральныхъ державъ, ихъ правительства сдѣлаются настолько уступчивыми, что можно будетъ говорить съ ними о всеобщемъ разоруженіи. А это значитъ, если я не ошибаюсь, что идея этого разоруженія много пострадала бы отъ « *немедленнаго заключенія мира* », котораго требуютъ въ своей запискѣ независимые германскіе соціалъ-демократы.

« Національное и соціальное освобожденіе народовъ не можетъ быть дѣломъ войны между правительствами, — читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ записки, — оно можетъ быть лишь дѣломъ демократіи ».

Это не совсѣмъ такъ. Оставляя въ сторонѣ для простоты анализа вопросъ *о соціальномъ* освобожденіи народовъ, я скажу, что ихъ *національное* освобожденіе не рѣдко бывало именно « дѣломъ войны между правительствами ». Для примѣра сошлюсь на Италію и на Болгарію. Мнѣ возразятъ, пожалуй, что примѣръ Италіи и Болгаріи не убѣдителенъ, потому что относится къ прошлому времени. Нынѣшнія войны, войны имперіалистическія, не могутъ служить средствомъ для освобожденія народностей. Этотъ доводъ мнѣ уже случалось встрѣчать въ статьяхъ Ленина и его единомышленниковъ. Но и этотъ доводъ не трудно опровергнуть. Однимъ изъ возможныхъ слѣдствій имперіалистической войны, начатой въ 1914 г. Германіей и Австро-Венгріей, приходится признать болѣе или менѣе полное освобожденіе, по крайней мѣрѣ, нѣкоторой части Польши : вернется ли такъ называемая поляками *Конгрессувка* къ Россіи, или она попадетъ въ сферу притяженія центральныхъ державъ, во всякомъ случаѣ она будетъ пользоваться сравнительно большей свободой, чѣмъ пользовалась до настоящаго времени. А вѣдь война еще не кончена. Кто поручится намъ за то, что ея продолженіе не приведетъ къ освобожденію того или другого изъ славянскихъ народовъ Австріи? Я полагаю, что авторы записки имѣли въ виду скорѣе то, что имъ *желательно*, нежели то, что *возможно* по обстоятельствамъ нынѣшняго времени. Для нихъ желательнѣе всего немедленное заключеніе мира, поэтому они увѣряютъ насъ, что война вообще не можетъ служить средствомъ національнаго освобожденія. Теоретическая ошибка сдѣлана ими подъ вліяніемъ ихъ взгляда на практическія потребности современныхъ народовъ. А этотъ взглядъ ярче всего выражается въ слѣдующихъ строкахъ разбираемой записки :

« Если мы не разсматриваемъ границъ государствъ, какъ

нѣчто священное, такъ какъ онѣ являются результатомъ завоеваній и часто противорѣчатъ интересамъ народовъ, то мы, во всякомъ случаѣ, абсолютно отвергаемъ войну и не признаемъ ея какъ способъ рѣшенія этихъ пограничныхъ вопросовъ. Эти вопросы должны рѣшаться съ согласія народностей, которыхъ они касаются».

Научный соціализмъ не знаетъ *абсолютныхъ* рѣшеній практическихъ вопросовъ. Склонность къ абсолютнымъ рѣшеніямъ составляетъ одну изъ отличительныхъ особенностей утопическаго соціализма. Марксъ и Энгельсъ никогда не выступали абсолютными противниками войны. Правда, Бернштейнъ, вѣроятно бывшій однимъ изъ авторовъ записки, отвергаетъ самую возможность научнаго соціализма. Но въ составленіи того же документа несомнѣнно участвовали также и марксисты. Зачѣмъ же согласились они на выраженіе въ немъ такихъ мыслей, которыя противорѣчатъ всему духу ученія Маркса-Энгельса?

Далѣе. Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что вопросы о границахъ государствъ должны рѣшаться съ согласія народностей, которыхъ они касаются. Но вотъ населеніе Познанскаго Герцогства навѣрно давно уже «согласно» на то, чтобы его освободили отъ прусскаго ига. А между тѣмъ, иго это все еще продолжаетъ лежать на его шеѣ. Какъ же тутъ быть? Какими доводами станемъ мы оспаривать познанскихъ поляковъ, если услышимъ отъ нихъ, что они «согласны» не только на то, чтобы ихъ освободили, но и на то, чтобы ихъ освобожденіе совершилось съ помощью военной силы? Развѣ скажемъ имъ: потерпите въ интересахъ другихъ народовъ? Но проповѣдь терпѣнія не всегда убѣдительна.

«Продолженіе войны ради эльзасъ-лотарингскаго вопроса значило бы сегодня, что весь свѣтъ, включая сюда и Эльзасъ-Лотарингію, долженъ быть разоренъ изъ за спора, который возникъ ради національныхъ потребностей этого населенія. Въ такомъ случаѣ, на поляхъ битвъ было бы уничтожено гораздо большее число людей, нежели существуетъ жителей въ Эльзасъ-Лотарингіи».

Такъ разсуждаютъ авторы записки. Чтобы вникнуть въ смыслъ ихъ разсужденія, вообразимъ, что на безобиднаго прохожаго напала шайка вооруженныхъ разбойниковъ. Сцену нападенія наблюдаетъ общество лицъ, достаточно сильное, чтобы справиться съ разбойниками. Но вмѣсто того, чтобы поспѣшить на помощь

прохожему, оно пишетъ «меморандумъ», торжественно возвѣщая въ немъ, что имъ признается право всякаго человѣка свободно самоопредѣляться путемъ хожденія по улицамъ и въ принципѣ отвергается всякое нападеніе на лицъ, самоопредѣляющихся такимъ способомъ. Но при этомъ оно прибавляетъ, что не считаетъ полезнымъ придти на помощь пострадавшему бѣдняку, такъ какъ это могло бы повести къ столкновенію, въ результатѣ котораго оказалось бы, пожалуй, много убитыхъ и въ рядахъ нападающихъ и въ рядахъ отражающихъ нападеніе, и такъ какъ лучше пожертвовать одной жизнью, нежели многими. Что скажете вы, читатель, о такомъ миролюбіи? Я думаю, что оно гораздо болѣе достойно благоразумнаго Санчо-Пансы, нежели революціоннаго пролетаріата.

Авторы записки продолжаютъ :

« Какъ и Энгельсъ въ 1892 году, мы не закрываемъ и теперь глаза на то, что населеніе Эльзасъ-Лотарингіи, аннексированное противъ его воли въ 1871 году, не найдетъ успокоенія, пока оно не получитъ возможности высказаться само, непосредственно и независимымъ голосованіемъ, о томъ, какому государству оно желаетъ принадлежать ».

Очень хорошо! Но это давно всѣмъ извѣстно. Весь вопросъ въ томъ, какъ же добиться для жителей Эльзасъ-Лотарингіи практической возможности вполнѣ свободно высказать свои пожеланія и не менѣе свободно присоединиться къ тому государству, « принадлежать » которому оно находитъ болѣе для себя удобнымъ? На этотъ вопросъ записка не даетъ удовлетворительнаго отвѣта.

« Если, — продолжаетъ она, — это голосованіе состоится при полной свободѣ и спокойствіи, напримѣръ, въ срокъ, который будетъ указанъ въ мирномъ трактатѣ, и если будетъ одновременно установлено, что результатъ этого референдума будетъ заранѣе признанъ, какъ окончательное рѣшеніе этого спорнаго вопроса, тогда будетъ положенъ конецъ несчастному антагонизму, который вотъ уже полвѣка разъединяетъ Германію и Францію, способствуя съ обѣихъ сторонъ развитію милитаризма, ложась тяжелымъ бременемъ на экономическій бюджетъ обоихъ государствъ и служа помѣхой прогрессу демократіи. Тогда Европа, и не менѣе того Германія, были бы освобождены отъ мрачнаго кошмара, а германскій народъ выигралъ бы съ экономической, политической и нравственной стороны больше, нежели онъ потеряетъ, даже если окон-

чательное рѣшеніе окажется несогласнымъ съ его ожиданіями ».

Дѣйствительно, будетъ превосходно, *если* сослагательное наклоненіе перейдетъ въ изъявительное, т. е., *если* осуществятся всѣ тѣ « *если* », о которыхъ такъ заманчиво говорится въ запискѣ. Но какъ же осуществить эти заманчивыя « *если* »? И этотъ вопросъ записка оставляетъ неразрѣшеннымъ. Впрочемъ, нѣтъ, она косвенно разрѣшаетъ его, но разрѣшаетъ въ томъ смыслѣ, что населеніе Эльзасъ-Лотарингіи должно терпѣливо ждать той счастливой поры, когда германская демократія сдѣлается рѣшительницей судебъ своей страны.

Когда это будетъ? Этого не знаютъ и сами авторы записки, по мнѣнію которыхъ сильно ошибся бы тотъ, кто вообразилъ бы, что внутреннее состояніе Германіи похоже теперь на внутреннее (революціонное) состояніе Россіи. А въ ожиданіи этой счастливой будущей поры независимые германскіе соціалисты не могутъ не признать, что ихъ народъ, въ весьма значительной своей части, совсѣмъ не расположенъ уважать право другихъ народовъ на самоопредѣленіе. Вѣдь они сами не одинъ разъ говорили, что партія Шейдемана, — кстати сказать, весьма многочисленная, — преслѣдуетъ имперіалистическія цѣли. И нѣтъ никакого основанія думать, что партія эта вернулась бы на путь истины, если бы соціалисты всего міра рѣшились « абсолютно отвергнуть войну ». Напротивъ, такое ихъ рѣшеніе только умножило бы ея имперіалистическіе аппетиты.

Высказываясь весьма неопредѣленно насчетъ того, какимъ образомъ слѣдуетъ на практикѣ обезпечить право народовъ на самоопредѣленіе, авторы записки категорически требуютъ «самой полной свободы передвиженія и международной торговли и неограниченной свободы эмиграціи и иммиграціи ».

Еще задолго до войны германская соціалъ-демократія стала на своихъ съѣздахъ принимать резолюціи въ пользу свободы торговли. Но, говоря противъ охранительнаго тарифа, ея передовые теоретики тутъ же объяснили, что нѣмецкая промышленность дошла до такой высоты, находясь на которой, она уже не нуждается въ таможенной охранѣ. Однажды Бебель прямо потребовалъ отъ Каутскаго, чтобы тотъ внесъ въ относившуюся къ этому предмету резолюцію поправку, по смыслу которой выходило, что покровительственный тарифъ еще нуженъ для нѣкоторыхъ отраслей германской промышленности. Отсюда слѣдуетъ, что и этотъ вопросъ

не допускаетъ абсолютныхъ рѣшеній : есть страны, промышленное населеніе которыхъ очень сильно пострадало бы отъ немедленнаго введенія полной свободы торговли. Къ ихъ числу принадлежитъ Россія. *Навязывать* ей такую свободу значило бы служить дѣлу германскихъ имперіалистовъ. Зюдекумъ, Шейдеманъ и Компанія навѣрное ничего не имѣли бы и противъ навязыванія : не даромъ же они служатъ имперіализму не только за страхъ, но и за совѣсть. Независимая германская соціалъ-демократія, безъ сомнѣнія, въ принципѣ выскажется противъ навязыванія. Но и здѣсь недостаточно одного принципіальнаго осужденія извѣстныхъ дѣйствій. Нужно подумать о томъ, чтобы сдѣлать ихъ практически невозможными.

Подводя итогъ всему написанному выше, я скажу, что германская независимая соціалъ-демократія не обнаружила въ своей запискѣ о мирѣ той неустрашимости и той послѣдовательности мыслей, которыя необходимы для успѣшной борьбы съ разлагающимъ вліяніемъ Шейдемановъ на нѣмецкій пролетаріатъ.

Умныя рѣчи пріятно и слушать

(«Единство», № 77 отъ 29-го іюня 1917 г.)

Уже не одинъ разъ приходилось мнѣ, къ величайшему моему сожалѣнію, высказываться противъ нѣкоторыхъ взглядовъ и дѣйствій нашего министра труда. Тѣмъ пріятнѣе для меня возможность съ совершенно искреннимъ и горячимъ одобреніемъ привѣтствовать его обращеніе къ рабочимъ всей Россіи.

Съ рабочимъ классомъ можно говорить на двухъ языкахъ: во-первыхъ, на языкѣ демагоговъ, а, во-вторыхъ, на языкѣ его истинныхъ друзей, сознающихъ свою великую обязанность передъ нимъ.

Демагоги льстятъ рабочему классу, стремясь лестью обезпечить себѣ его расположеніе. Вмѣсто того, чтобы разрушать его предразсудки, они все болѣе и болѣе укрѣпляютъ ихъ своими льстивыми рѣчами. Это хорошо знали еще древніе греки. Аристофанъ ѣдко осмѣивалъ аѳинскихъ демагоговъ. Въ его комедіи « Всадники », Клеонъ, котораго онъ изображаетъ безстыднымъ

демагогомъ, вступаетъ въ забавное соревнованіе съ нѣкимъ колбасникомъ, отличающимся еще большей склонностью къ демагогіи.

— О, народъ! — кричитъ Клеонъ, — я хорошо угощу тебя: ты будешь получать жалованье судьи и ничего не дѣлать.

Колбасникъ кричитъ еще громче Клеона:

— Я даю тебѣ эту баночку мази; приложи ее къ язвамъ на ногахъ.

Клеонъ. Я выщиплю тебѣ сѣдые волосы и обрѣю тебя.

Колбасникъ. На возьми этотъ заячій хвостъ и вытри имъ глаза.

Клеонъ. О, народъ! Когда станешь сморкаться, вытри свои пальцы о мои волосы.

Колбасникъ. Нѣтъ, объ мои!

Въ другой сценѣ колбасникъ говоритъ народу: «Пусти насъ бѣжать на перегонки, и кто раньше прибѣжитъ къ тебѣ, тотъ, значитъ, больше тебя любитъ».

Предложеніе принято, демагоги пускаются бѣжать взапуски, а народъ, видя ихъ усердіе, съ удовольствіемъ замѣчаетъ про себя:

— Вотъ мои обожатели, благодаря которымъ я сдѣлаюсь счастливѣйшимъ человѣкомъ...

Какъ много у насъ такихъ обожателей народа! Какъ охотно бѣгаютъ они передъ нимъ на перегонки! И какъ успѣшно подчасъ пускаютъ ему пыль въ глаза! Если бы Аристофанъ воскресъ и, поселившись въ Петроградѣ, взялся за свое прежнее занятіе комического писателя, ему не нужно было бы много трудиться надъ своими «Всадниками», чтобы передѣлать ихъ въ комедію, «*наше поведеніе знаменующую*», какъ говаривали у насъ въ XVIII в. Эта мысль часто приходила мнѣ въ голову, когда я читалъ статьи и слушалъ рѣчи нѣкоторыхъ «видныхъ» дѣятелей нашихъ.

Заслуга т. Скобелева, — по нынѣшнему времени большая заслуга, — состоитъ въ рѣшительномъ усвоеніи себѣ языка серьезныхъ идеологовъ рабочаго класса, чуждаго цвѣтовъ демагогическаго краснорѣчія. Въ своемъ обращеніи къ рабочимъ, онъ не льститъ имъ и не играетъ на ихъ предразсудкахъ, а, наоборотъ, старается предостеречь ихъ отъ тѣхъ предразсудковъ относительно экономической политики революціоннаго пролетаріата, которые могли бы зародиться, — да и зарождаются, — у нѣкоторыхъ изъ нихъ подъ вліяніемъ демагоговъ. Онъ напоминаетъ имъ о тяжеломъ

экономическомъ положеніи нашей страны и объ ихъ обязанности передъ нею.

«Стремительно падаетъ производительность заводовъ, — какъ нельзя болѣе справедливо говоритъ онъ, — меньше вырабатывается необходимыхъ продуктовъ, крестьяне остаются безъ издѣлій промышленности, грозятъ новыя продовольственныя осложненія и дальнѣйшее народное обнищаніе».

Мы и всегда были бѣдны. А такъ какъ теперь стала сильно понижаться производительность нашего труда, то намъ, на самомъ дѣлѣ, скоро придется надѣть нищенскую суму. Но развитіе пролетарскаго движенія предполагаетъ, какъ самое необходимое условіе свое, ростъ производительныхъ силъ. Поэтому нашъ рабочій классъ, въ своихъ собственныхъ интересахъ, долженъ позаботиться о томъ, чтобы сдѣлать свой трудъ какъ можно болѣе производительнымъ. Это и говоритъ товарищъ Скобелевъ.

«Напрягите же ваши силы, — пишетъ онъ въ своемъ обращеніи къ рабочимъ, — чтобы, какъ *можно скорѣе, исправить* тысячи больныхъ паровозовъ и вагоновъ и дать странѣ какъ можно больше угля, металла и другихъ необходимыхъ предметовъ».

Разъ произведенъ продуктъ, его стоимость дѣлится между тѣми, которые участвовали въ процессѣ производства. Рабочіе стараются и, конечно, должны стараться, чтобъ имъ досталась возможно большая доля продукта, созданнаго ихъ трудомъ. Въ этомъ заключается смыслъ ихъ классовой борьбы съ предпринимателями. Но эта классовая борьба имѣетъ разныя формы, смотря по тому, насколько сознателенъ самъ пролетаріатъ. Она принимаетъ тѣмъ болѣе обдуманный, организованный и планомѣрный характеръ, чѣмъ выше поднимается его сознательность. Сознательные рабочіе не предъявятъ своимъ предпринимателямъ такихъ *требованій, которыя неисполнимы по объективнымъ* условіямъ времени и мѣста. Т. Скобелевъ ставитъ все это на видъ русскому пролетаріату, не забывая отмѣтить, что этотъ послѣдній ведетъ себя теперь не совсѣмъ такъ, какъ онъ долженъ былъ бы вести себя въ интересахъ страны, а равно и въ своихъ собственныхъ интересахъ.

«Часто стихійныя выступленія берутъ верхъ надъ организованностью, — читаемъ мы въ обращеніи, — и, вопреки всѣмъ государственнымъ возможностямъ, не считаясь съ состояніемъ предпріятія, въ которомъ вы работаете, и во вредъ классовому движенію пролетаріата, вы иногда добиваетесь такого увеличенія заработной

платы, которое дезорганизуетъ промышленность и истощаетъ казну, ибо изъ казенныхъ средствъ сейчасъ оплачивается большая часть производимыхъ вами предметовъ».

Далѣе нашъ министръ труда весьма правильно указываетъ, что насилія рабочихъ надъ служащими и директорами являются дѣйствіями, совершенно недостойными революціонной демократіи и вызывающими злую радость въ лагерѣ враговъ революціи. Онъ настаиваетъ на томъ, что рабочіе должны помнить не только о своихъ правахъ, но и о своихъ обязанностяхъ, не только о своихъ желаніяхъ, но и о тѣхъ жертвахъ, которыя каждый сознательный рабочій долженъ приносить ради закрѣпленія революціи и достиженія нашей конечной цѣли.

Я думаю, что т. Скобелеву сильно достанется за такія разсужденія отъ нашихъ демагоговъ, затемняющихъ сознаніе рабочаго класса подъ предлогомъ его прояснения. Они скажутъ, что онъ продался буржуазіи. Но я надѣюсь, что демагогическія нападки не устрашатъ т. Скобелева. Чтобы работать на пользу пролетаріата необходимо прежде всего проникнуться презрѣніемъ къ демагогамъ. Проникнуться презрѣніемъ къ нимъ, — значитъ сдѣлать огромный шагъ въ направленіи къ политической мудрости. Съ другой стороны всѣ серьезные идеологи пролетаріата будутъ радостно привѣтствовать умное обращеніе т. Скобелева къ русскому рабочему классу.

На ряду съ этимъ обращеніемъ нельзя не отмѣтить циркуляръ т. Церетелли отъ 26 іюня о причинахъ разрухи въ почтово-телеграфномъ вѣдомствѣ. Т. Церетелли тоже предостерегаетъ служащихъ своего вѣдомства отъ необдуманныхъ выступленій, вредящихъ общему дѣлу. По его словамъ, участники такихъ выступленій произвольно ограничиваютъ власть министра, дѣйствующаго по уполномочію революціонной демократіи.

Умныя рѣчи пріятно и слышать.

Революціонная власть есть сила, которая не можетъ мириться съ произвольными и безпорядочными выступленіями, вредящими дѣлу революціи. Чѣмъ рѣшительнѣе осуждаетъ она такія выступленія и чѣмъ энергичнѣе борется она съ ними, тѣмъ лучше исполняетъ она свою собственную обязанность передъ страною.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВАГО ТОМА.

Г. В. ПЛЕХАНОВЪ (біографическій очеркъ). . . . . V—XLVIII

Апрѣль 1917 года.

Рѣчь, произнесенная 2 апрѣля на Совѣщаніи Делегатовъ Совѣтовъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ. 5
Рѣчь, произнесенная 3 апрѣля при закрытіи Совѣщанія Совѣтовъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ 10
Война народовъ и научный соціализмъ. 11
Реакціонные происки. 14
Новыя жертвы германскаго имперіализма. 15
Французская делегація и русскій синдикализмъ. 16
Товарищи, этому надо положить конецъ. 18
О тезисахъ Ленина и о томъ, почему бредъ бываетъ подчасъ интересенъ. 19

Открытыя письма:
Къ русскимъ учителямъ. 29
Желѣзнодорожники и революція. 30
Къ арміи. 32
Къ студентамъ. 32
Наша тактика. 33
Всемірный праздникъ наемнаго труда. 36
Замѣчательное явленіе. 40
Что же, собственно, должны мы прекратить? 41
О правительственномъ кризисѣ 20-21 апрѣля. 45
Воззваніе. 47
Въ добрый часъ. 47
Товарищи, не попадайтесь въ ловушку! 49
Война и миръ:
Статья первая 50
Статья вторая 54
Статья третья. 58
Статья четвертая. 62
Статья пятая. 66
Статья шестая. 70

Май 1917 года.

Къ вопросу о Стокгольмской, такъ называемой Международной Соціалистической Конференціи. 77
Отечество въ опасности. 78
Основной вопросъ. 83
Рѣчь на Съѣздѣ Делегатовъ фронта. 89
Письма темныхъ людей. 94
Немножко логики ! 95
Декларація новаго правительства. 98
Птицы и люди (маленькій опытъ сравнительной психологіи). . 102
Письмо собравшимся на митингъ въ Народномъ Домѣ. . . . 105
Марксизмъ или бакунизмъ. 107
Къ свѣдѣнію русскихъ рабочихъ. 111
Что же это ? Какъ же это ? 112
Въ защиту соціалъ-демократіи. 114
Миръ безъ контрибуцій. Миръ безъ аннексій:
Миръ безъ контрибуцій (вниманію нашего Временнаго Правительства). 116
Миръ безъ аннексій (вниманію нашихъ миролюбовъ). 118
Вынужденное заявленіе. 119
Изумительное подтвержденіе. 119
Бѣглыя замѣтки :
Адмиралъ Колчакъ остается на своемъ мѣстѣ. . . . 123
Мѣры противъ пьянства. 124
О святой простотѣ. 125
Междоусобіе на трубочномъ заводѣ. 126
Борьба наемнаго труда съ капиталомъ (вниманію сознательныхъ рабочихъ). . . . . .
Статья первая. 127
Статья вторая. 130
Отвѣтъ строгому критику. 134
Изумительная логика. 139
Старая погудка на старый ладъ. 143
Письмо Всероссійскому Крестьянскому Съѣзду. 147
Недостаточно продуманный отвѣтъ. 152
Обращеніе къ читателю-другу. 156
Разъяснили бѣдную. 157

Іюнь 1917 года.

Неосторожное сопоставленіе. 163
Да здравствуетъ автономная Украйна! 167
Марксъ тутъ не при чемъ 170
Высылка Р. Гримма или : вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день. 173

Еще о Робертѣ Гриммѣ. 178
Что вѣрно, то вѣрно. 181
Pons asinorum. 184
Рѣчь, произнесенная 9 іюня на съѣздѣ Совѣтовъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ. 186
Нашъ оппортюнизмъ (новая попытка принудить читателя къ пониманію нашихъ взглядовъ):
Статья первая. 187
Статья вторая. 192
Статья третья. 197
Статья четвертая. 202
Революціонная демократія и война. 206
Временное Правительство и украинское движеніе. 210
Революціонная демократія должна поддержать свое правительство 213
Логика ошибки. 217
Рѣчь, произнесенная на Казанской площади 19 іюня. . . . 219
Необходимая поправка. 220
О нашей тактикѣ (къ сознательнымъ рабочимъ г. Москвы). . 223
Политика Финляндіи. 226
Что же собственно далъ Съѣздъ? 230
Къ увѣчнымъ воинамъ. 234
Германская независимая соціалъ-демократическая партія объ условіяхъ мира. 236
Умныя рѣчи пріятно и слушать. 241

C 2316.

IMP. « UNION », PARIS